

ISSN 2308-0051

Том 217
2018

ТРУДЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

КНИГА И КНИЖНОЕ ДЕЛО
В XIX–XXI ВЕКЕ

СПбГИК

Том 217
2018

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

ТРУДЫ
Санкт-Петербургского
государственного института культуры

2018 • Том 217

**КНИГА И КНИЖНОЕ ДЕЛО
В XIX–XXI ВЕКЕ**

Материалы международной научной конференции
«XX Смирдинские чтения»

26–27 апреля 2018 г., Санкт-Петербург

*100*лет
СПбГИК

ТРУДЫ
Санкт-Петербургского государственного института культуры
2018 • Том 217

Книга и книжное дело в XIX–XXI веке
Материалы международной научной конференции
«XX Смирдинские чтения»
26–27 апреля 2018 г.

Научный журнал. Издается с 1956 г.

Публикуется по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия 217-го сборника научных трудов:
А. Ю. Русаков (отв. ред.), Т. В. Захарчук (зам. отв. ред.), Д. А. Эльяшевич,
С. А. Владимирова (отв. секретарь)

Редактор: Д. А. Эльяшевич
Дизайн макета: С. А. Владимирова
Верстка: А. С. Шитова
Выпускающий редактор: А. С. Шитова

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГИК. каб. 2556, тел. 318 97 16.
www.spbgik.ru • e-mail: book-izdat@spbgik.ru • Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Подписано в печать 01.12.2018. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,75. Тир. 100. Зак. 92388

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг».
(ООО Первый ИПХ)194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У

ISSN 2308-0051

Сайт: <http://spbgik.ru/works/>

РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37883

Киберленинка: <http://cyberleninka.ru/journal/n/trudy-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kulturny-i-iskusstv>

СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

От редактора (From the editor) 6

Раздел 1. Personalia • Section 1. Personalia

А. В. Куманова. Профессор Иосиф Евсеевич Баренбаум (1921–2006)
(Alexandra V. Kumanova. Professor Iosif Evseevich Barenbaum (1921–2006) 7

О. Н. Ильина, Н. Г. Патрушева. «Очарованный книгой» Арлен Викторович Блюм
(1933–2011) (Olga N. Ilina, Natalya G. Patrusheva «Enchanted by the book» Arlen
Viktorovich Blum (1933–2011)) 13

О. А. Александрова. Вклад А. А. Туровской в развитие библиографии искус-
ства (к 90-летию со дня рождения) (Oksana A. Aleksandrova. The contribution of
A. A. Turovskaia in the development of the bibliography of art
(to the 90th anniversary of the birth)) 20

П. Н. Базанов, Н. Г. Донченко. Профессор А. В. Мамонтов –
преподаватель-библиографовед (Petr N. Bazanov, Natalia G. Donchenko.
Professor A. V. Mamontov – teacher-bibliographer) 26

П. Н. Базанов. Историк книги и книжного дела И. А. Шомракова
(Petr N. Bazanov. The Historian of the Book and Book Business I. A. Shomrakova) . . . 32

Раздел 2. Теория книговедения • Section 2. Book science

Н. К. Леликова. Наука о книге в Западной Европе в XVII–XIX вв.:
основные направления развития (Natalia K. Lelikova. The science of the book
in Western Europe in the 17th-19th centuries: Main directions of development). . . . 39

Р. С. Гиляревский. Чего мы ждем от книги и книговедения в ближайшие годы?
(Ruggero S. Gilyarevskiy. What do we expect from the book and bibliology
in the coming years?) 48

Д. А. Эльяшевич. Книговедение: жизнь после смерти (Dmitry A. Elyashevich.
Bibliology: Life after Death) 55

М. В. Рац. Книговедение – 2018: Предложения к повестке дня (Mark V. Ratz.
Bibliology – 2018: Proposals for agenda) 82

В. А. Маркова. Развитие книговедения в контексте дискурса кризиса (Victoria
A. Markova. Development of bibliology in the context of the discourse of the crisis). . . . 92

И. К. Стаф. История книги и история литературы: проблемы взаимодействия
(Irina K. Staf. History of the book and history of literature: problems of interaction) 99

И. В. Лизунова. Книга как медиа: эволюция в цифровую эпоху
(Irina V. Lizunova. Book as media: new roles, appointments and opportunities) . . . 112

Раздел 3. История книги. История цензуры **Section 3. history of the book. History of censorship**

И. И. Климовицкая. «Обширный дух, пчеле подобный»: Эсташ Ленобль и круг чтения российского дворянина (Irina I. Klimovitskaya. «A Vast Spirit Similar to a Bee»: Eustache Le Noble and Sphere of Reading of Russian Nobility) 116

А. Ю. Уткоф. Изменение правового и экономического статуса книгопродавцев иностранного происхождения в России во второй половине XVIII – начале XIX в.
(Anna Ju. Utkof. Change in the legal and economic status of booksellers of foreign origin in Russia in the second half of the XVIII – early XIX centuries) 124

Д. Дракулич-Прийма. Словарь Вука Стефановича Караджича 1818 г.: к 200-летию со дня издания (Dragana Drakulić-Priima. Vuk Stefanović Karadžić's Dictionary of 1818: to the 200th anniversary) 129

Н. А. Гринченко. Петербургские книгопродавцы – арендаторы книжных лавок Императорской Публичной библиотеки (Natalia A. Grinchenko. Petersburg book sellers – book tenants The Imperial Public Library) 137

Н. Г. Патрушева. Медицинская цензура в циркулярах цензурного ведомства (Natalia G. Patrusheva. Medical Censorship in Circulars of Censorship Department) 146

К. В. Петров. Цензура общественно-политической литературы в системе русско-немецких книжных связей XIX – начала XX в.
(Kirill V. Petrov. Censorship of Sociopolitical Literature as Part of the Russian-German Book Contacts in the 19th/Early 20th Century) 152

Н. В. Бекжанова. Отечественное книгоиздание на немецком языке в 1870–1884 гг. (Nailia V. Bekzhanova. German print of Russia in 1870–1884). . . . 158

А. Н. Андреева. Реклама адресной и справочной книги «Весь Петербург» в газетах: первый год издания (Aleksandra N. Andreeva. Advertising of address and reference book «Ves' Petersburg» in newspapers: the first year) . . . 166

А. В. Прохоренко. Революция и сатира. По материалам журналов и газет Петрограда за 1917 г. в фондах Библиотеки Российской академии наук (БАН) (Anita V. Prokhorenko. Revolution and satire. Based on the materials of the journals and newspapers of Petrograd for 1917 in the collections of the Library of the Russian Academy of Sciences)	172
М. К. Свиченская. С. М. Алянский после «Алконоста». По материалам отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Maria K. Svichenskaya. S. M. Aliansky after «The Alkonost». On the materials of the Manuscripts Department of the National Library of Russia)	186
А. А. Димьяненко. Детство как прием: автобиография эмигранта в детской литературе русского зарубежья, 1920-1930-е гг. (Anna A. Dimianenko. Childhood as Device: autobiography of emigrant in children's literature of Russian abroad, 1920–1930's)	200
Н. П. Поппетров. От свободы к самоцензуре: болгарский опыт 1879–1989 гг. (Nikolay P. Poppetrov. From freedom to self-censorship: the Bulgarian example 1879–1989)	205
А. В. Куликова. Мотивы, причины и предпосылки выпуска современных российских краеведческих справочных изданий (1992–2016) (Angelina V. Kulikova. Motives, reasons and preconditions for the production of modern Russian local lore history reference books (1992–2016))	213

Раздел 4. Библиографоведение. Библиотековедение
Section 4. Library and information science

Н. Ф. Фирсова. «Нотное дело» Василия Бесселя как опыт рекомендательной нотографии в музыкальной культуре России начала XX века (Natalia F. Firsova. «The Music Business» by Vasily Bessel, is an essay on received music bibliography in Russian musical culture at the beginning of the 20th century)	224
Е. С. Русинова. Библиотеки и читатели Болгарии в первой половине XX в. (Evgeniia S. Rusinova. Libraries and readers in Bulgaria in the first half of the 20th century).	231
Л. И. Горская. О влиянии реорганизации РАН на методiku библиографирования ее изданий (Larisa I. Gorskaya. About the influence of the reorganization of RAS on the methodology of bibliographic reflection its editions)	240
Сведения об авторах • Information about authors	247

Д. А. Эльяшевич • D. Elyashevich

От редактора • From the editor

Теперь уже в далеком апреле 1978 г. на библиотечном факультете Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской были проведены первые Смирдинские чтения – конференция, посвященная истории и современному состоянию книги и книжного дела. Основной идеей чтений стало стремление объединить усилия книговедов, библиотековедов, библиографоведов, занимающихся исследованием прошлого и настоящего отечественной книжной культуры, в первую очередь, книжной культуры Санкт-Петербурга – одного из крупнейших книгоиздательских, книготорговых и библиотечных центров России и мира.

На библиотечно-информационном факультете Санкт-Петербургского государственного института культуры 26–27 апреля 2018 г. состоялись юбилейные XX Смирдинские чтения, организованные кафедрой документоведения и информационной аналитики. Собственно, эти чтения были даже дважды юбилейными, поскольку они прошли в год 100-летия Санкт-Петербургского государственного института культуры – старейшего в стране вуза, осуществляющего подготовку специалистов в области библиотечно-информационной деятельности, художественной культуры и искусства. Учитывая эти обстоятельства, организаторы чтений решили посвятить их «отцам-основателям» – И. Е. Баренбауму, А. В. Блюму и продолжающей плодотворно работать на книговедческой ниве и не стареющей душой И. А. Шомраковой.

У XX Смирдинских чтений было несколько особенностей. Во-первых, впервые после долгого перерыва состоялось заседание секции, посвященной проблемам теории науки о книге. В прозвучавших на ней докладах был констатирован серьезный кризис отечественного теоретического книговедения и намечены пути его преодоления, суть которых сводится к необходимости разрыва методологически порочной связи книговедения с документоведением и признанию принципиально важным рассмотрения книги и книжного дела в качестве коммуникативных феноменов. Во-вторых, многие доклады носили персональный характер и были посвящены научной деятельности и наследию выдающихся книговедов и библиографоведов прошлого и настоящего. Таким образом, XX Смирдинские чтения стали своего рода этапом в развитии российского книговедения: на них не только был подведен промежуточный итог его исторического пути в XX – начале XXI в., но и определены направления и перспективы дальнейшего продвижения книговедческого знания.

РАЗДЕЛ 1. PERSONALIA SECTION 1. PERSONALIA

УДК 002.2-057.4(092)

А. В. Куманова

Профессор Иосиф Евсеевич Баренбаум (1921–2006)

Биобиблиографический эскиз жизни и деятельности историка и теоретика книговедения И. Е. Баренбаума (13.06.1921, Канев, Украина – 30.12.2006, Санкт-Петербург, Россия) выполнен в жанре энциклопедической научной статьи. Показана архитектоника сжатой систематической биобиблиографии и историографии трудов И. Е. Баренбаума на базе его прижизненной биобиблиографии, уточненной в личной беседе с ученым 7.06.2006 г. в Санкт-Петербурге и выверенной de visu для целей энциклопедического представления персоналии.

Ключевые слова: И. Е. Баренбаум, прижизненная сжатая систематическая биобиблиография, историография, архитектоника, энциклопедическое третирование

Alexandra V. Kumanova

Professor Iosif Evseevich Barenbaum (1921–2006)

The biobibliographic study of the life and work of the historian and theoretician of book science I. E. Barenbaum (13.06.1921, Kanev, Ukraine – 30.12.2006, Saint Petersburg, Russia) is carried out as an encyclopedic scientific article. It is shown the architectonic of the historiography of works by I. E. Barenbaum on the ground of his lifetime concise systematic biobibliography

Key words: I. E. Barenbaum, lifetime concise systematic biobibliography, historiography, architectonics, encyclopedic treatment

И. Е. Баренбаум, историк и теоретик книги, родился 13 июня 1921 г. в г. Каневе в Украине. Свои детские годы он провел в г. Опочке Псковской области. В 1938 г. после окончания средней школы юноша поступил на филологический факультет Ленинградского государственного университета. В годы учебы в университете он занимался в семинарах профессоров-западников, таких как В. М. Жирмунский, Б. Г. Реизов, М. П. Алексеев, что в дальнейшем кардинальным образом повлияло на формирование его метода поиска связей и научных интересов в области литературы и печати.

Завершить учебу ему не удалось: началась война. И. Е. Баренбаум 1 сентября 1945 г. ушел добровольцем в ополчение Ленинградского госуниверситета и стал политбойцом 21-й дивизии Ленинградского фронта. Поначалу он служил пулеметчиком, затем стал командиром отдельного разведвзвода. Будущий ученый воевал

на Пулковских высотах, под Урицком. Получив тяжелое ранение в конце февраля 1942 г., он был вынужден провести два года в госпитале, впоследствии был демобилизован и вновь восстановился на филологическом факультете Ленинградского государственного университета.

За участие в Великой Отечественной войне И. Е. Баренбаум был награжден орденами Красной звезды и Отечественной войны I степени, а также несколькими боевыми медалями.

После завершения учебы в Университете в 1945 г. он поступил в аспирантуру Ленинградского библиотечного института (ныне Санкт-Петербургский государственный институт культуры). Здесь И. Е. Баренбаум занимался под руководством историка книги проф. М. Н. Куфаева, а впоследствии – члена-корреспондента АН СССР Б. Г. Реизова.

В 1953 г. И. Е. Баренбаум успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную истории печати во Франции в период революции 1848 г.¹

Современное состояние и история французского литературно-издательского дела всегда приковывали глубокое и всестороннее внимание исследователя. Ученый посвятил серию своих разысканий русско-французским книжным связям XVIII–XX вв., а именно периоду начала издания французской переводной книги в России, французским законам о печати в оценке Н. Г. Чернышевского и др.

И. Е. Баренбаум внес существенный вклад в разработку проблематики истории демократического книжного дела в России в 1850–1870-е гг. Именно его статья «К истории издания первых революционных прокламаций в Петербурге в 1861–1863 гг.» (1957 г.) является отправной точкой для дальнейших исследований и публикаций и основой его последующих историко-культурных исследований. Поднятый И. Е. Баренбаумом пласт взаимоотношений общественно-революционного движения и русской литературы (Н. Г. Чернышевский, Н. Л. Тиблен, Н. А. Серно-Соловьевич, О. И. Бакст, П. А. Гайдебуров, И. П. Огрызко, Н. П. Баллин и др.) воссоздает систему взаимодействия легального книгопечатания с нелегальной революционной деятельностью. Таким образом, 1860-е гг. предстают у него в новом свете, обогащенные не только большим количеством новых имен, но и значительно переосмысленным представлением о месте и роли «идеологически нагруженного» книжного дела в пропагандистской деятельности революционных демократов-разночинцев и в освободительном движении в целом.

Капитальному труду И. Е. Баренбаума «Легальное демократическое книжное дело в России, 1856–1874 гг.», который был защищен им в качестве докторской диссертации², предшествовали монографические исследования о Н. А. Серно-Соловьевиче (1961 г.) и И. П. Огрызко (1964 г.). Весь конгломерат литературно-издательских фактов, идей и связей (В. О. Ковалевского, П. В. Михайлова, А. Ф. Погосского, И. А. Рождественского, А. Ф. Черенина и многих других) впоследствии лег в основу разделов фундаментального труда И. Е. Баренбаума «400 лет русского книгопечатания» (М., 1964), а также коллективной монографии «Революционная ситуация в России в середине XIX века» (М., 1978).

Российская национальная библиотека (в то время – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) при активном участии И. Е. Баренбаума как члена редколлегии и автора выпустила многотомный труд по истории российской книги второй половины XIX – начала XX вв.

Наконец, в 1987 г. была издана монография И. Е. Баренбаума «Штурманы грядущей бури», в которой отражена жизнь и деятельность таких издателей, как Н. П. Баллин, Н. А. Серно-Соловьевич и А. А. Черкесов.

Одним из приоритетных направлений научных изысканий И. Е. Баренбаума было изучение и исследование истории печати и литературно-издательского дела Петербурга, Петрограда и Ленинграда. Об этом свидетельствует множество его публикаций на данную тему в периодике, а также разделы, написанные им в масштабном труде «400 лет русского книгопечатания» и в монографиях «Книжный Петербург» (М., 1980) и «Книжный Петербург – Ленинград» (Л., 1986). И, наконец, наиболее полным научно-популярным трудом И. Е. Баренбаума стала монография «Книжный Петербург. Три века истории» (СПб., 2003), которая была издана к 300-летию основания Санкт-Петербурга.

Наряду с этим И. Е. Баренбаум являлся инициатором проведения первых «Смирдинских чтений», посвященных истории литературно-издательского дела, чтения и журналистики в Петербурге. Под научной редакцией И. Е. Баренбаума по итогам этих чтений в дальнейшем регулярно выходили сборники научных трудов; их последующему осмыслению было посвящено множество публикаций, доступных широкой научной общественности.

И. Е. Баренбаум, являясь известным исследователем малоизученных проблем книжного дела (французского литературного и издательского дела, книжных связей между Россией и Францией в XVIII–XX вв., демократического книжного дела 1850–1870-х гг. в России, а также истории петербургского книгоиздания), переосмысливал историко-культурный феномен книги как обретающий бытие (оживляемый, активируемый) посредством чтения. В конце 1960-х гг. ученый сформулировал общую программу и методы исследования истории читателя – новое направление комплексных гуманитарных исследований (не только для ученого, но и для науки в целом), которое находится в глубоком созвучии с системой взаимоотношений «книга – читатель» в русской и мировой общественной мысли.

По инициативе И. Е. Баренбаума тогда же началось всеохватное исследование русского читателя, в котором участвовали ученые всей страны. Результатом данной работы явилось специальное издание «Трудов» по истории русского читателя под научной редакцией И. Е. Баренбаума. Также его перу принадлежат и собственные исследования «исторического» читателя: разночинно-демократической среды 1850–1860-х гг., советской интеллигенции 1930-х гг. и др.

Проблемам историографии посвящены отдельные работы И. Е. Баренбаума, в которых историография книги выступает в качестве основы ее теории. Соответствующими историографическими исследованиями подытожены основные вехи творчества ученого как историка книжного дела. Историографические работы И. Е. Баренбаума венчают изучение им «исторического» читателя (читателеведение). В связи с реализуемым им функциональным подходом исследования книги – сама художественная литература выступает у него в качестве источника.

Вполне объяснимо, что именно И. Е. Баренбаум является автором теоретико-методологической статьи «Источниковедение», обобщившей суть этого понятия применительно к истории книги. Данная статья была опубликована в фундаментальном энциклопедическом словаре «Книговедение» (М., 1982), в котором ученый

выступил не только как автор множества статей, но и в качестве члена редакционной коллегии и редактора-консультанта.

И. Е. Баренбаум был ведущим теоретиком книговедения. Разработанный им функциональный подход к исследованию книги способствовал становлению книговедения как комплексной науки. Благодаря этому подходу были выявлены предмет, объект и состав книговедения, на базе соответствия «книга – читатель» обоснованы методы книговедения; разработано всестороннее определение понятия «книга». Именно всеобъемлющая теоретико-методологическая платформа И. Е. Баренбаума определяет решение непосредственных кардинальных практических задач книговедения, имеющих прикладной характер – таких, как история читателя, эволюция типов книги, книга как объект восприятия и т. д., составляющих в своей совокупности читателеведение – специально-научную область всестороннего изучения читателя.

На почве синтеза взаимоотношений «книга – читатель» и «книговедение – читателеведение» И. Е. Баренбаумом были подняты основополагающие науковедческие, метанаучные и культурные проблемы глобального информационного моделирования: книга и исторический процесс, метатеория книжного дела, книга как комплексный диалектический феномен современности, книжные связи как фактор международного и межнационального культурного общения, концептуальность энциклопедических исследований различных ареалов и т. д.

Выработке «всеохватного» функционального подхода к рассмотрению многостороннего комплексного феномена книги предшествовало предпринятое И. Е. Баренбаумом масштабное изучение научного наследия как его современников (М. Н. Куфаева, П. Н. Беркова, А. И. Барсука, С. А. Рейсера, Б. Я. Бухштаба, Б. В. Банка, М. А. Брискмана, Н. И. Сахарова, И. А. Шомраковой, Т. Н. Копреевой, М. В. Нечкиной, А. Г. Каримуллиной, С. П. Луппова, А. А. Сидорова, Н. М. Сикорского, В. А. Петрицкого и др.), так и известных ученых прошлого (Н. М. Лисовского, А. М. Ловягина, Н. А. Рубакина и др.).

Осуществленное И. Е. Баренбаумом детальное исследование научного наследия своего учителя М. Н. Куфаева – выдающегося философа книги – стало методологическим и источниковедческим фундаментом широкомасштабного изучения связей между информационными феноменами в глобальном моделировании средстами информации настоящего и будущего времен.

И. Е. Баренбаумом были созданы портреты современных ему деятелей книги, отличающиеся глубиной и умением выявить в человеке его суть и основные черты; достаточно вспомнить очерки, посвященные А. В. Соколову, Н. В. Варбанец, Т. Н. Копреевой, Т. А. Быковой, Л. Л. Альбиной, Н. Н. Розову, О. Д. Голубевой, М. В. Машковой, И. В. Гудовщиковой, А. С. Мыльникову, В. Э. Бограду, Б. Л. Канделю, Э. Э. Найдичу и многим др.

Вся научно-исследовательская деятельность И. Е. Баренбаума как книговеда – историка и теоретика – была непосредственно связана с учебно-педагогическим процессом: он читал лекции, вел семинары и практические занятия со студентами и аспирантами Ленинградского (затем Санкт-Петербургского) государственного института культуры. И. Е. Баренбаум неоднократно выезжал в другие вузы страны для чтения лекций и оказания организационной, научной и методической помощи.

В течение 11 лет (с 1977 г. по 1988 г.) И. Е. Баренбаум заведовал кафедрой общей библиографии и книговедения Ленинградского государственного института культуры, много лет он возглавлял Студенческое научное общество. Под руководством И. Е. Баренбаума было защищено свыше 40 кандидатских диссертаций. Это со всей очевидностью свидетельствует о том, что им была создана выдающаяся научная школа, признанная как в России, так и во всем научном мире.

Характер учебно-педагогической деятельности И. Е. Баренбаума в целом и особенно его руководство кафедрой одного из ведущих вузов России во многом определили появление многочисленных исследований, оказавших огромное воздействие на формирование целого научного направления, включающего в себя такие проблемы, как методология в системе преподавания специальных библиотечно-библиографических дисциплин, теория библиографии (библиографической науки и библиографоведения как науки книговедческого цикла), взаимосвязи информационно-коммуникативных дисциплин (библиотековедения, библиографоведения, информатики), социальная информатика, библиографическая подготовка студентов, исследование проблем книговедения и истории книги и их преподавания, перестройка библиотечной науки, информационно-коммуникативные науки с точки зрения эволюции средств коммуникации и информации.

Венцом учебно-педагогической деятельности И. Е. Баренбаума стали подготовка и выпуск в свет большого массива учебной литературы по курсу «Книговедение и история книги». И. Е. Баренбаум – автор и редактор первых учебных программ данного курса, читаемого в различных вузах России. Его перу принадлежит первый вузовский учебник по истории книги, вышедший тремя изданиями, которому предшествовали соответствующие специальные издания, а также учебное пособие «Основы книговедения», до сегодняшнего дня остающееся широко востребованным у аспирантов и магистрантов. Сохраняют свою педагогическую значимость и подготовленные И. Е. Баренбаумом планы учебных занятий и лекции по ключевым темам курса «Книговедение и история книги». Ученый является автором первых учебников по истории зарубежной книги (книги Германии, Франции, Италии, Великобритании, Нидерландов и др.). В соавторстве с И. А. Шомраковой им был издан учебник «Всеобщая история книги» в 4-х выпусках (СПб., 1996–2004). Нельзя не вспомнить и учебное пособие «Полиграфическое и художественное оформление книги», а также отдельные учебные работы по основам издательского дела и полиграфического производства и истории книжной торговли.

Работы И. Е. Баренбаума, посвященные литературно-издательским связям и вводящие их в обиход учебно-педагогической деятельности, являются объектом пристального интереса со стороны зарубежных специалистов. Примечательно, что именно благодаря работам И. Е. Баренбаума во многих странах получила известность тема книгоиздательской деятельности в Санкт-Петербурге и в России в целом.

В 1991 г. И. Е. Баренбаум стал почетным членом Секции книги и графики Санкт-Петербургского Дома ученых Российской Академии наук. В 1992 г. ученый был избран действительным членом Академии естественных наук Российской Федерации, в том же году ему было присуждено почетное звание Заслуженного деятеля науки России. О широком признании его научных и профессиональных достижений

также свидетельствует избрание И. Е. Баренбаума членом русской секции Международного Общества по изучению XVIII в., почетным консультантом Международного биографического института (Кембридж, Великобритания), членом Общества друзей Института изучения и истории текстов (Париж, Франция), членом Большого Совета Международной конфедерации рыцарей (Австралия).

И. Е. Баренбаум в качестве приглашенного профессора читал лекции в Оксфордском университете (Великобритания) и Национальной школе Хартий в Париже (Франция).

Всего перу И. Е. Баренбаума принадлежит свыше четырехсот печатных работ.

И. Е. Баренбаум скончался 30 декабря 2006 г. в Санкт-Петербурге.

Примечания

¹ Баренбаум И. Е. Свобода печати в теории и практике Французской революции 1848 г.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1953. 18 с.

² Баренбаум И. Е. Легальное демократическое книжное дело в России. 1856–1874 гг.: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 05.25.04 / Моск. полигр. ин-т. М., 1967. 54 с.

О. Н. Ильина, Н. Г. Патрушева

«Очарованный книгой»

Арлен Викторович Блюм (1933–2011)

Статья посвящена профессору Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктору филологических наук Арлену Викторовичу Блюму – одному из крупнейших знатоков истории книги и цензуры. Кратко представлена биография ученого, охарактеризованы его основные научные труды. Специально показаны связи ученого с сектором книговедения ОРК РНБ: участие в коллективных исследованиях, сборниках научных трудов, рецензирование работ коллег, конструктивное обсуждение программ исследовательских проектов и участие в них.

Ключевые слова А. В. Блюм, история книги, история цензуры, библиография, источниковедение

Olga N. Ilina, Natalya G. Patrtusheva

“Enchanted by the book”

Arlen Viktorovich Blum (1933–2011)

The article is dedicated to professor of St. Petersburg State Institute of Culture, Doctor of Philology Arlen Viktorovich Blum – one of the greatest experts on the history of the book and censorship. The biography of the scientist is briefly presented, his main scientific works are described. The links of the scientist with the Bibliology sector of the SSC RNB were specifically shown: participation in collective research, collections of scientific papers, re-censorship of the work of colleagues, constructive discussion of research projects and participation in them.

Keywords A. V. Blum, history of the book, history of censorship, bibliography, source study

Имя Арлена Викторовича Блюма, доктора филологических наук, профессора кафедры общей библиографии и книговедения Санкт-Петербургского государственного института культуры хорошо известно книговедам, историкам цензуры и всему гуманитарному сообществу ученых не только в России, но и за рубежом¹. Он родился 30 марта 1933 г. на Украине в семье инженера и школьной учительницы. В 1938 г. отца, как и многих других специалистов, арестовали, обвинили по 58-й статье, сначала сослали на Колыму, а потом расстреляли. Арлена Викторовича воспитала сестра отца. Школу он закончил на Урале в 1951 г. и в том же году поступил в Ленинградский государственный библиотечный институт (ныне Санкт-Петербургский государственный институт культуры) на факультет библиографии, который и закончил в 1955 г. Был распределен в Челябинскую областную библиотеку, где работал библиографом. Здесь же, в Челябинске, появились его первые публикации, посвященные редким книгам, библиографическим разысканиям, провинциальной дореволюционной цензуре. В 1962 г. он поступил в аспирантуру Ленинградского библиотечного института. В 1966 г. в Московском полиграфическом институте защитил кандидатскую диссертацию на тему «Местная книга и цензура дореформенной России»². С 1966 по 2010 г. работал в Ленинградском государственном

ном институте культуры. В течение почти 50 лет преподавал там историю книги, общую библиографию, историю цензуры. Там же в 1992 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Художественная литература как историко-книговедческий источник», в 1994 г. ему было присвоено звание профессора.

А. В. Блюм опубликовал более 500 научных статей, 15 книг. Его научные работы хорошо известны специалистам широкого гуманитарного профиля. Они переводились на польский, немецкий, английский, армянский языки. Он много раз выступал на международных конференциях, читал авторские курсы и лекции в зарубежных университетах Германии, Италии, Великобритании. Под его руководством защищен ряд кандидатских диссертаций. Его ученики работают в библиотеках и вузах не только России, но и стран ближнего и дальнего зарубежья. Арлен Викторович был лауреатом премии журнала «Звезда» (1998) и премии «Северная пальмира» в номинации «Журналистика и критика» Петербургского книжного клуба (2001).

За каждым из приведенных выше скупых фактов стоят годы напряженной работы. Даже беглый взгляд на далеко неполный список публикаций Арлена Викторовича³ показывает, насколько многообразны были научные интересы ученого. Он был автором-составителем ряда библиографических указателей, многочисленных статей и книг по истории провинциального книжного дела в дореволюционной России, о редких книгах и библиофильстве, истории отдельных издательств и изданий, истории читателя и массового чтения, истории лубочных изданий. Принципиально важным направлением его научных исследований было изучение художественной литературы в качестве историко-книговедческого источника. Этой теме была посвящена его докторская диссертация. Ей предшествовали многочисленные статьи о книгах и книжниках в русской художественной литературе, учебное пособие⁴ и тщательно прокомментированные антологии литературно-художественных текстов, посвященных этой теме⁵. Эти антологии продолжили традиции знаменитой «Похвалы книге» И. А. Шляпкина (Пг., 1917), а одна из его статей посвящена истории жанра антологий о книге⁶.

Арлен Викторович писал: «Отечественная литература, отразившая все стороны и грани общественного бытия, таит в себе особый пласт, который условно можно было бы назвать „книговедческим“». Начиная с первых памятников письменной культуры, в художественных произведениях запечатлены самые различные аспекты общения человека с книгой, процессы распространения и бытования книги в разнообразных социальных и интеллектуальных средах⁷. Этот, ранее неизвестный «пласт» книговедческих сюжетов, благодаря работам Блюма, стал доступен исследователям, прочно утвердился в ряду источников изучения истории книги. Его многочисленные статьи и публикации выявленных текстов художественных произведений, отразивших различные стороны истории книги, наглядно продемонстрировали источникный потенциал российской словесности для книговедческих исследований. Ученым было выявлено свыше 1000 текстов различных периодов истории литературы, представляющих интерес для исследователей отечественной книжной культуры, среди которых не только отдельные произведения, но фрагменты романов, повестей, поэм, пьес. Наряду с произведениями известных писателей в научный оборот были введены тексты забытых авторов, в которых с большой полнотой было зафиксировано бытование книги. Анализ корпуса обнаруженных

текстов позволил ученому впервые в отечественной науке о книге обосновать значение художественной литературы в качестве историко-книговедческого источника⁸. В статьях и комментариях к публикуемым текстам им было рассмотрено отражение в произведениях словесного творчества разных сторон книжного дела: книгоиздания и книжной торговли, библиографии и истории личных книжных собраний, библиофильства, осознание обществом книги как особого культурного феномена, отношение к идее книгопечатания. Благодаря усилиям Арлена Викторовича отечественная история книги дополнилась яркими образами профессиональных книжных работников, созданных писателями, поэтами, драматургами: издателей, книготорговцев («холодных» букинистов, разносчиков книг, антикваров), библиофилов и библиографов, библиотекарей, а также читателей из самых разных слоев общества⁹. Именно художественная литература позволяет воссоздать ту особую атмосферу, в которой функционировало книжное дело в различные периоды его истории.

Нельзя не отметить, что некоторые факты книжной культуры прошлого, которые сегодня воспринимаются как данность и широко используются книговедами, были установлены А. В. Блюмом. Так, например, публикуя и комментируя повесть Д. И. Стахеева «Пустынножитель», он установил прототип главного героя этой повести – русского философа и критика Н. Н. Страхова¹⁰. Широко используется современными исследователями библиофильства и библиотечной истории роман С. Р. Минцлова «За мертвыми душами». Впервые изданная в 1925 г. в Берлине, эта книга была заново открыта в России Арленом Викторовичем¹¹.

История цензуры – тема, которой он продолжал заниматься на протяжении всей жизни, от ранних работ по истории дореволюционной провинциальной цензуры до масштабного и многопланового изучения истории цензуры в СССР. Внимание ученого привлекали различные аспекты феномена цензуры: педагогическая и театральная цезура, цензура детской литературы, история цензурных учреждений, цензурная история отдельных изданий и взаимоотношения авторов и цензоров (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, А. Н. Афанасьев, И. С. Шмелев, А. А. Блок, В. В. Набоков, М. М. Зощенко и др.). Именно исследования в этой области принесли А. В. Блюму наибольшую известность и признание. Он одним из первых стал изучать историю советской цензуры и подготовил прочную основу для последующих поколений исследователей этой темы.

Большое внимание Арлен Викторович уделял изучению источников. Он опубликовал два тома документов по истории советской цензуры, в которых освещались цели, задачи, методы работы цензурных органов в СССР и темы, на которые обращала особое внимание цензура¹².

Широкую известность получили два сборника художественных и публицистических произведений русских и советских писателей, посвященных цензуре, составленные и прокомментированные Блюмом. В книге «От неолита до Главлита»¹³ представлена, как определил автор, своеобразная антология истории российской цензуры – собрание «грустных анекдотов», – охватывающее период с XVIII по XX в.: статьи, записки, стихи, отрывки из художественных произведений, связанные с цензурой документы Главлита. В сборнике «Русские писатели о цензуре и цензорах»¹⁴ художественная литература представлена в качестве исторического источ-

ника: более 150 художественных произведений, тематически связанных с цензурой, от широко известных до малоизвестных, извлеченных из архивов. Они были выполнены в различных литературных жанрах: стихи, эпиграммы, басни, пародии, рассказы, очерки, воспоминания, открытые письма. Среди авторов – А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, А. И. Герцен, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Д. Д. Минаев, А. Т. Аверченко, В. Г. Короленко, З. Н. Гиппиус, В. И. Засулич, Е. И. Замятин, В. Д. Ходасевич, К. И. Чуковский, С. Я. Маршак, В. В. Набоков, А. И. Солженицын, И. А. Бродский, В. Н. Войнович и многие другие. Каждое произведение сопровождалось научным комментарием, в котором в том числе указан источник публикации. Ценно то, что книга содержит не только произведения, обличающие цензуру, но и тексты писателей-цензоров, в которых в основном они пытались оправдать свою службу.

В трех монографиях Блюма изложена история советской цензуры с 1917 по 1991 г.¹⁵ Документы петербургских и московских архивов позволили автору воссоздать механизм работы советской цензуры в книгоиздательском, книготорговом и библиотечном деле, в сфере литературы и искусства. Особое внимание уделено художественной литературе и протестам авторов против цензурного произвола.

Большое внимание Арлен Викторович уделял изучению запрещенных книг. Можно сказать, что он хронологически продолжил исследование Л. М. Добровольского¹⁶, посвятив несколько работ книгам, запрещенным в начале XX в.¹⁷, основное внимание уделив практике советской цензуры. Ценнейшим справочником для всех, изучающих цензуру, и шире – историю России советского периода, стал его знаменитый «Индекс»¹⁸. В него включены 1233 книги – отдельно изданные художественные произведения, литературные альманахи и сборники, литературоведческие издания за период с 1917 по 1991 г. Основные принципы работы повторяют принципы Л. М. Добровольского: изучаются легально напечатанные, то есть прошедшие цензуру книги, а затем – запрещенные и уничтоженные. Библиографическое описание каждого запрещенного издания дополнено сведениями об источниках запрета книги и возвращения ее из спецхрана, отсылками к сводным спискам книг, издававшихся Главлитом, отдельным цензурным циркулярам и архивным документам. В комментариях на основе архивных документов и изучения текста произведения раскрываются причины, мотивы запрещения и изъятия книги, ее дальнейшая судьба.

Одним из подтверждений признания заслуг А. В. Блюма в области изучения истории цензуры служат его статьи о ней в различных энциклопедических справочниках и словарях¹⁹.

Далеко не многие ученые могут доступно и занимательно излагать для широкого читателя-неспециалиста результаты своих исследований. К этим немногим относился А. В. Блюм. Его яркие статьи и эссе, посвященные различным книжным и цензурным сюжетам, публиковались в литературно-художественных и научно-популярных журналах («Наука и жизнь», «Звезда», «Нева», «Иностранная литература» и др.), библиофильских продолжающихся изданиях («Альманах библиофила», «Библиофил: Люди, рукописи, книги. Тайны и открытия», «Библиофилы России»). Почти детективная история о «Грамматике любви»²⁰ или «Книжные приключения барона Мюнхаузена» – не только познавательное, но и увлекательное чтение. Наиболее известной для тысяч читателей была и остается книга А. В. Блюма «Каратель лжи,

или Книжные приключения барона Мюнхгаузена» (М., 1978), выпущенная в серии «Судьбы книги». Яркие лекционные курсы по истории книги, которые он читал в институте, вспоминают и будут вспоминать многие поколения его студентов.

С Российской национальной библиотекой Арлена Викторовича связывали многолетние профессиональные и дружеские связи, здесь работали его ученики, коллеги – книговеды и библиографы. Много времени он проводил в научных читальных залах, работал с документами Отдела рукописей, Архива РНБ, спецхрана. Арлен Викторович одним из первых представил образ Публичной библиотеки в произведениях художественной литературы²¹. Особенно тесными и плодотворными были связи ученого с сектором книговедения ОРК РНБ: участие в коллективных исследованиях, сборниках научных трудов, рецензирование работ коллег, обсуждение программ исследовательских проектов, инициированных сектором, и участие в них. Он являлся одним из авторов монографии «Книга в России»²² и сборника «Книжное дело в России в XIX – начале XX века», входил в состав редколлегии сборника «Цензура в России: история и современность», во многом способствовал его становлению как продолжающегося научного издания. Он являлся постоянным доброжелательным и требовательным рецензентом различных изданий сектора и на этапе подготовки их к печати, и после их выхода в свет.

Напомним, что Арлен Викторович был членом сообщества книговедов-славистов, учрежденного британским ученым Джоном Симмонсом в 1985 г., и получившего в дуже английского юмора, название Ордена галстукосцев. Принятый «основателем-тираном» в члены Общества получал в подарок галстук (женщинам вручали брошь) с эмблемой четырех переплетенных букв «С», обозначавших девиз: «Conserve, Consider, Contribite, Cooperate», в переводе: «Сохранять, Соображать, Содействовать, Сотрудничать»²³. За 20 лет существования в общество было зачислено более 200 ученых-книговедов по всему миру. «Это шутка, – объяснял профессор Оксфордского университета И. П. Фут, – но у нас это очень почетно!».

С 2012 г. один из друзей и коллег Арлена Викторовича – доктор исторических наук, профессор А. В. Зеленев – инициировал ежегодное проведение научной конференции, посвященной его памяти, получившей название «Блюмовские чтения», на которой рассматриваются различные вопросы в области истории отечественной книги и цензуры в России²⁴.

«Очарованный книгой», Арлен Викторович олицетворял собой образ книжника, но не унылого, пропахшего книжной пылью, а светлого, остроумного, неизменно доброжелательного, готового делиться своей книжной и человеческой мудростью с окружающими.

Примечания

¹ О А. В. Блюме см.: *Шофракова И. А.* Арлен Викторович Блюм // Библиография. 2011. № 4. С. 158–159; *Шофракова И. А.* Арлен Викторович Блюм: к 70-летию со дня рождения // Книга: исслед. и материалы. М., 2003. Сб. 81. С. 254–258; [Ильина О. Н.] Памяти А. В. Блюма // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. СПб., 2013. Вып. 6. С. 516–522.

² Блюм А. В. Местная книга и цензура дореформенной России (1784–1860): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 05.25.04 / Моск. полигр. ин-т. М., 1966. 17 с. См. также: Блюм А. В. Издательская деятельность в русской провинции конца XVIII – начала XIX вв. (Основные

тематические направления и цензурно-правовое положение) // Книга: исслед. и материалы. 1962. М., 1966. Сб. 12. С. 136–159.

³ In memoriam: Арлен Викторович Блюм // Новое литературное обозрение. 2011. № 6 (112). С. 328–363. Библиографический список публикаций А. В. Блюма: с. 357–363.

⁴ Блюм А. В. Читатели и книжные работники в русской художественной литературе: учебное пособие по курсу «Книговедение и история книги»: (дореволюционный период). Л.: ЛГИК, 1989. 64 с.

⁵ Очарованные книгой: русские писатели о книге, чтении, библиофилах / сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Блюма. М.: Книга, 1982. 287 с.; Вечные спутники: советские писатели о книге, чтении, библиофильстве / сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Блюма. М.: Книга, 1983. 222 с.; Книжные страсти: сатирические произведения русских и советских писателей о книгах и книжниках / сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Блюма. М.: Книга, 1987. 287 с.

⁶ Блюм А. В. «Венки книге»: [об антологиях литературных апологий книги] // Библиофилы России: альманах. М., 2009. Т. 6. С. 347–366.

⁷ Блюм А. В. Книгоиздатели в русской художественной литературе XIX в. (40–90-е годы) // Книга: исслед. и материалы. М., 1989. Сб. 58. С. 209.

⁸ Блюм А. В. Художественная литература и книга // Книговедение: энциклопедический словарь. М., 1982. С. 580–581.

⁹ См., например: Блюм А. В. Библиографы и библиография в русской художественной литературе XIX в. // Советская библиография. 1986. № 3. С. 50–54; Блюм А. В. Великий книжник и другие: образы библиофилов и букинистов в русской прозе 20-х годов XX века // Библиофилы России: альманах. М., 2004. Т. 1. С. 383–406.

¹⁰ Блюм А. В. Пустынножитель: [Н. Н. Страхов как прототип образа ученого-библиографа в повести Д. И. Стахеева] // Библиофил: Люди, рукописи, книги. Тайны и открытия: альманах. М., 2002. Сб. 1. С. 155–162.

¹¹ См.: Блюм А. В., Мартынов И. Ф. С. Р. Минцлов и его библиофильская повесть // Альманах библиофила. М., 1975. Вып. 2. С. 201–216; Минцлов С. Р. За мертвыми душами / подгот. текста, послесл. и примеч. А. В. Блюма. М.: Книга, 1991. 399 с. (Полка библиофила).

¹² Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917–1991. СПб.: Петерб. евр. ун-т, 1996. 185 с.; Цензура в Советском Союзе, 1917–1991: документы / сост. А. В. Блюм; коммент. В. Г. Воловиков. М.: РОССПЭН, 2004. 575 с.

¹³ Блюм А. В. От неолита до Главлита: достопамятные и занимательные эпизоды из истории Рос. цензуры от Петра Великого до наших дней: собраны по архивным и литературным источникам. СПб.: Искусство России; изд-во имени Н. И. Новикова, 2009. 272 с.

¹⁴ Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней, 1790–1990: опыт комментированной антологии / сост., коммент. А. В. Блюм. СПб.: ООО «Полиграф», 2011. 608 с.

¹⁵ Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб.: Академический проект, 1994. 320 с.; Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953. СПб.: Академический проект, 2000. 314 с.; Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде: цензура в годы оттепели, застоя и перестройки, 1953–1991. СПб.: Академический проект, 2005. 294 с.

¹⁶ Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825–1904 гг.: архивно-библиографические разыскания. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962. 254 с.

¹⁷ См., например: Блюм А. В. По следам «Северной музы» // Урал. 1962. № 6. С. 168–170; Блюм А. В. Запрещенная книга сибирского журналиста // Сибирские огни. 1965. № 12. С. 156–158; Блюм А. В. История одного цензурного аутодафа // Наука и религия. 1968. № 4. С. 66–67.

¹⁸ Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991: индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: СПбГУКИ, 2003. 404 с.

¹⁹ См., например: Блюм А. В. Цензура // Книга: энциклопедия. М., 1999. С. 696–699; Блюм А. В. Цензура // Онегинская энциклопедия. М., 2004. Т. 2. С. 675–677; Блюм А. В. Цензура // Библиотечная энциклопедия. М., 2007. С. 114–1126.

²⁰ Блюм А. В. «Грамматика любви» // Наука и жизнь. 1970. № 9. С. 60–63.

²¹ Блюм А. В. Публичная библиотека и русская словесность // Библиотекарь. 1988. № 7. С. 40–41.

²² А. В. Блюм – один из авторов монографии «Книга в России, 1861–1881» (М., 1988) (материал о лубочных изданиях) и главы «Издание „Книг для народа“» в третьем томе (М., 1991).

²³ Горфункель А. Х. Оксфордская биобиблиография русских книговедов («Памятки» Дж. С. Г. Симмонса) // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. СПб., 1998. Вып. 7. С. 152–153.

²⁴ По материалам конференции подготовлено три сборника: История книги и цензуры: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Арлена Викторовича Блюма, 29–30 мая 2012 г., СПб, 2013. 272 с.; История книги и цензуры в России. Вторые Блюмовские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Арлена Викторовича Блюма, 21– 22 мая 2013 г. СПб, 2014. 240 с.; История книги и цензуры в России: Третьи Блюмовские чтения: материалы III международной научной конференции, посвященной памяти Арлена Викторовича Блюма, 27– 28 мая 2014 г. СПб, 2015. 368 с.

О. А. Александрова

**Вклад А. А. Туровской в развитие библиографии искусства
(к 90-летию со дня рождения)**

Статья памяти педагога, кандидата педагогических наук, доцента кафедры информационной аналитики библиотечно-информационного факультета СПбГИК Анны Александровны Туровской. Приведены сведения о жизненном пути, охарактеризованы основные публикации, отразившие ее научно-исследовательскую и педагогическую деятельность.

Ключевые слова: А. А. Туровская, биография, юбилей, СПбГИК, библиография искусства, публикации

Oksana A. Aleksandrova

**The contribution by A. A. Turovskaia in the development of the bibliography
of art (to the 90th anniversary of the birth)**

The article is devoted to memory of teacher, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of information analytics of library and information faculty of St. Petersburg State Institute of culture Anna Alexandrovna Turovskaia. Biography and characteristics of the main works, reflecting her research and teaching activities.

Key words: A. A. Turovskaia, biography, anniversary, St. Petersburg Institute of culture, bibliography of art, publications

Статья приурочена к юбилею педагога и ученого Анны Александровны Туровской. Но это не будет формальный анализ ее деятельности, поскольку речь пойдет о нашем Учителе.

Так совпало, что 2018 год является юбилейным и для Анны Александровны (она родилась 4 декабря 1927 г.), и для Санкт-Петербургского государственного института культуры, и для Смирдинских чтений. Она ушла в возрасте 88 лет, из них 60 (1952–2012 гг.) проработала в нашем вузе. Причем работала до 84 лет наравне с молодежью, не требуя себе скидок на возраст.

Анна Александровна – выпускница ЛГИК. Начала работать лаборантом еще во время учебы, в 1956 г. получила диплом с отличием. Свою педагогическую деятельность связала с кафедрой библиографии.

В 1960-е гг. появляются ее первые научные статьи, посвященные библиографии художественной литературы. Первые работы А. А. Туровской публиковались в «Трудах ЛГИК»¹. В то время «Труды...» выходили 2–4 раза в год и были посвящены вопросам библиотечного дела и библиографии. Затем две статьи «Библиография литератур народов СССР»² и «Словари писателей»³ были напечатаны в научном журнале «Вопросы литературы».

В результате преподавания курса «Библиография художественной литературы» и научной деятельности под руководством литературоведа и библиографа Соломона Абрамовича Рейсера, изложенные в статьях частные вопросы были обобщены и дополнены. Это дало возможность Анне Александровне в 1971 г. защитить кандидатскую диссертацию по теме «Основные тенденции развития рекомендательной библиографии художественной литературы и литературоведения в послевоенный период (1945–1971)»⁴.

В практике построения учебных планов на библиотечных факультетах сложилось так, что дисциплины «Библиография художественной литературы» и «Библиография литературы по искусству» всегда были разделены, хотя, по сути, художественная литература – один из видов искусства. Знание библиографии художественной литературы было базовым для всех выпускников факультета, а библиография искусства стояла в одном ряду с дисциплинами по библиографии научно-технической и общественно-политической литературы и формировала специализацию по данному направлению.

Под влиянием педагогической деятельности тематика публикаций А. А. Туровской постепенно переходит в русло дисциплины «Библиография литературы по искусству». В 1968 г. выходят ее работы, повешенные кино: статья объемом 10 страниц в журнале «Советская библиография»⁵ и учебное пособие⁶. На последнем следует остановиться подробнее.

В первом разделе пособия «Издания и библиография литературы по киноискусству» автор описывает структуру документального потока по кино, который должна отразить библиография, приводит примеры конкретных изданий, характеризует работу сектора истории и теории кино Института истории искусств. Во втором разделе, посвященном фильмографии, Анна Александровна предлагает ввести следующую классификацию фильмографических указателей: «1) указатели общего характера (типа фильмографии в „Ежегодниках кино“); 2) указатели по одному виду или жанру кинематографии (художественные, документальные, мультипликационные фильмы) и 3) персональные и тематические фильмографии»⁷. В третьем разделе дается характеристика состояния ретроспективной библиографии, поскольку текущая библиография по кино отсутствовала. А. А. Туровская отмечает

это как проблему, которая требует скорейшего решения (но, к сожалению, она не решена и до сих пор). Учебное пособие «Издания и библиография литературы по киноискусству» тиражом 500 экз. стало практически первой обобщающей работой по данной теме. Только спустя 25 лет Галиной Анатольевной Кузичкиной будет проведено подробное исследование библиографии киноискусства, она защитит по этой теме диссертацию⁸. А в 1996 г. Татьяна Николаевна Суминова напишет кандидатскую диссертацию о персональной документографии киноискусства⁹. Они обе наверняка учились в Куйбышевском и Московском институтах культуры по учебнику «Библиография искусства»¹⁰, одним из авторов которого стала Анна Александровна.

Совместно с Юрием Сергеевичем Зубовым и Екатериной Петровной Погорелой в 1973 г. был подготовлен к публикации первый и, как оказалось, единственный учебник по библиографии искусства. По нему обучались студенты во всех вузах культуры. А. А. Туровской написана центральная по значению 6-я глава о научно-вспомогательной искусствоведческой библиографии и 8-я глава про научные специальные библиотеки, а также параграфы про издания нот, нотографию и фильмографию. Анна Александровна с теплотой вспоминала свою работу с профессором Московского института культуры (МГИК) Ю. С. Зубовым, они были в хороших отношениях, понимали друг друга, в профессиональных вопросах придерживались единых взглядов. Кроме того, они занимали одинаковую должность – были деканами заочного отделения, а Юрий Сергеевич – еще и заведующим кафедрой отраслевой библиографии МГИК.

В учебник частично вошли материалы, опубликованные А. А. Туровской в учебном пособии «Издания музыкальной литературы и нотография в СССР»¹¹, которое вышло двумя годами ранее. В нем автором была изложена история нотопечатания и дана характеристика основных нотографических справочников от каталогов издательства Юргенсона (1897) до персональных нотографических справочников 1960-х гг. (например, Хачатурян А. И. Нотографический и библиографический справочник. М., 1967. 179 с.).

Другой учебник, в котором Анна Александровна является соавтором, – «Библиография художественной литературы и литературоведения»¹². Однако здесь ею написано 3 небольших параграфа по теме диссертации.

Итак, к середине 1970-х гг. работы А. А. Туровской были посвящены библиографии нот и музыки, кино, художественной литературы. В 1977 г. в «Трудах ЛГИК» появляется статья о театре, которая не потеряла актуальности и в наше время, – «Справочно-библиографическая обеспеченность театроведения»¹³. В ней Анна Александровна проанализировала состояние всех составляющих библиографии по театру и системы отраслевых справочных изданий, сформулировала задачи развития, впервые обратила внимание на наличие небужажных документов, изучаемых театроведами. Она пишет: «Однако, как мы показали выше, современное театроведение опирается далеко не только на литературные материалы. Все большее значение приобретают здесь разнообразные аудиовизуальные материалы, а к библиографированию этих материалов ни одно учреждение, строго говоря, еще и не приступало. Здесь возникает огромное поле деятельности, требуется новаторский подход»¹⁴. Говоря о задачах, она подчеркивает необходимость учета и выявления

ния профильной литературы: «Учет и выявление этих публикаций, составляющих основной массив литературы о театре, должны стать ближайшей задачей театроведческой библиографии, расширяя круг источников и создавая базу развития тематической персональной и других типов библиографии»¹⁵. А. А. Туровская в статье констатирует, что «в целом, до середины 60-х годов, театральная библиография была наиболее отсталым участком по сравнению с другими отраслями искусствознания»¹⁶. Даже появление в 6-м томе «Театральной энциклопедии» статьи «Библиография театральная», отражающей книги по всему комплексу вопросов театрального искусства «не могло существенно изменить положения в библиографическом обеспечении»¹⁷.

В учебнике по библиографии искусства Анной Александровной был написан краткий очерк истории искусствоведческой библиографии, в котором она постаралась выделить и выстроить основные события развития библиографий разных видов искусства. Этот же принцип был ею применен в статье «У истоков советской библиографии искусствоведения»¹⁸ при характеристике библиографии искусства 20-х гг. XX в. Этот подход можно назвать нетрадиционным, поскольку обычно исследователи фокусируются на истории библиографии одного вида искусства, не пытаясь делать обобщения.

В учебной и справочной литературе при рассмотрении вопросов библиографии всегда уделяется внимание другому виду вторичных документов – справочным изданиям. К этой теме в рамках искусства Анна Александровна обращалась не раз¹⁹. Кроме того, вопросы состояния системы справочных изданий по разным видам искусства присутствовали в большинстве предыдущих публикаций. Особенно тщательно А. А. Туровская готовила учебное пособие «Справочные издания по искусству» в серии «Информационные ресурсы гуманитарных наук» (2002)²⁰. В нем была дана характеристика всем видам документов, составляющим систему фактографической информации по основным видам искусства. Были выделены специфические для искусства виды справочных изданий: сборники либретто, справочники-определители предметов искусства, словари сюжетов и символов. Собранные в пособие сведения частично вошли в состав приложений «Справочника библиографа», вышедшего в этом же 2002 г. Этот справочник, выдержавший 4 переиздания, несколько лет использовался студентами вместо учебника по дисциплине «Отраслевые информационные ресурсы». Анна Александровна стала в нем автором раздела об искусстве²¹, который был составлен по классической схеме: характеристика отрасли, затем документального потока, библиографии и справочных изданий. Этот труд стал своеобразным итогом многолетней деятельности А. А. Туровской, внесшей значительный вклад в изучение истории и современного состояния библиографии искусства.

Однако вклад педагога в науку измеряется еще и его учениками. Научные и педагогические интересы А. А. Туровской послужили отправной точкой для исследовательской работы ее аспирантов в различных направлениях информационного обеспечения искусства. Анна Александровна была научным руководителем пяти диссертационных работ: З. А. Сафиуллиной²², Г. В. Головки²³, Фам Тхи Минь Хонг (Вьетнам)²⁴, О. А. Александровой²⁵, Л. И. Горской²⁶. Они были посвящены библиографическому обеспечению специалистов изобразительного,

театрального искусства, рекомендательной библиографии и библиографированию книжных иллюстраций.

То, что Анна Александровна на протяжении 60-ти лет своей педагогической деятельности в родном нам вузе создала уникальные учебные и научные труды, воспитала поколение выпускников и молодых ученых, обязывает современное и последующие поколения быть благодарными и хранить память о ней. Это был педагог и ученый, который, создавая настоящее, работал на будущее библиотечно-информационной сферы.

Примечания

¹ Туровская А. А. Персональная библиография художественной литературы в изданиях областных библиотек (1957–1960) // Труды ЛГБИ. 1961. Т. 9. С. 81–86; Туровская А. А. О некоторых вопросах методики составления библиографических словарей края // Труды ЛГИК. 1965. Т. 16. С. 61–72.

² Туровская А. А. Библиография литератур народов СССР // Вопросы литературы. 1965. № 2. С. 236–237.

³ Туровская А. А. Словари писателей // Вопросы литературы. 1966. № 7. С. 222–223.

⁴ Туровская А. А. Основные тенденции развития рекомендательной библиографии художественной литературы и литературоведения в послевоенный период (1945–1971 гг.): дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1971. 252 с.

⁵ Туровская А. А. Библиография киноискусства // Советская библиография. 1968. № 4. С. 31–41.

⁶ Туровская А. А. Издания и библиография литературы по киноискусству: учеб. пособие / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1971. 37 с.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Кузичкина Г. А. Библиография искусства: (специфика и тенденции развития): дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Моск. гос. ин-т культуры. М., 1993. 203 с.

⁹ Суминова Т. Н. Персональная документография киноискусства: теорет.-метод. основания и тенденции развития: дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Моск. гос. ин-т культуры. М., 1996. 232 с.

¹⁰ Зубов Ю. С. Библиография искусства : [учеб. для библиограф. факультетов культуры]. М., 1973. 303 с.

¹¹ Туровская А. А. Издания музыкальной литературы и нотография в СССР: учеб. пособие. Л., 1971. 32 с.

¹² Туровская А. А. Библиография художественной литературы и литературоведения: учебник. М.: Книга, 1985. С. 78–86; 179–189; 242–247.

¹³ Туровская А. А. Справочно-библиографическая обеспеченность театроведения // Труды Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1977. Т. 34: Библиография в помощь науке. С. 54–62.

¹⁴ Там же. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 61.

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 58.

¹⁸ Туровская А. А. У истоков советской библиографии искусствоведения // Труды Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1978. Т. 41: Развитие библиографической науки в советский период. С. 39–51.

¹⁹ Туровская А. А. Библиография искусства: (справочные издания): учеб. пособие. Л., 1973. 31 с.; Туровская А. А. Энциклопедические издания в области искусства //

Современное библиотечно-информационное образование: учеб. тетради. СПб., 2001. Вып. 6. С. 38–63.

²⁰ Туровская А. А. Справочные издания по искусству: учеб. пособие. СПб., 2002. 68 с. (Информационные ресурсы гуманитарных наук. Вып. 3).

²¹ Туровская А. А. Информационные ресурсы в сфере искусства // Справочник библиографа. СПб.: Профессия, 2002. С. 184–209.

²² Сафиуллина З. А. Проблемы формирования системы рекомендательных пособий в помощь общему самообразованию молодежи: дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1977. 154 с.

²³ Головки Г. В. Современное состояние и проблемы совершенствования библиографического обеспечения специалистов изобразительного искусства: дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1985. 212 с.

²⁴ Фам Тхи Минь Хон. Информационно-библиографические ресурсы художественной культуры Вьетнама: (История. Современное состояние. Тенденции развития): дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Санкт-Петерб. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. СПб., 1993. 187 с.

²⁵ Александрова О. А. Информационные ресурсы театрального искусства: история, современное состояние, тенденции развития (на примере драм. театра): дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Санкт-Петерб. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. СПб., 1999. 174 с.

²⁶ Горская Л. И. Библиографирование книжных иллюстраций к произведениям художественной литературы: дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / С.-Петерб. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. СПб., 2003. 221 с.

П. Н. Базанов, Н. Г. Донченко
«Профессор А. В. Мамонтов –
преподаватель-библиографовед»

Дается обзор жизни и творчества профессора А. В. Мамонтова. Показан его вклад в развитие истории и теории отечественной краеведческой библиографии. Особое внимание уделяется преподавательской деятельности А. В. Мамонтова на заочном факультете.

Ключевые слова: А. В. Мамонтов, краеведческая библиография, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заочный факультет, методика преподавания

Bazanov P. N., Donchenko N. G.
«Professor A. V. Mamontov – teacher-bibliographer»

A review of the life and work of professor A. V. Mamontov. His contribution to the development of the history and theory of the local history bibliography is shown. Particular attention is paid to the teaching activities of A. V. Mamontov at the correspondence faculty.

Keywords: A. V. Mamontov, local history bibliography, St. Petersburg State Institute of Culture, correspondence faculty, teaching methods

Известный ученый библиографовед и теоретик краеведения, профессор Александр Васильевич Мамонтов (1930–1999) был выдающимся педагогом, под его руководством защитилось 15 аспирантов. «Сотни студентов, которые слушали лекции Александра Васильевича, учились у него служению профессии, трудолюбию, ответственности, аккуратности, точности и тщательности в работе»¹. Его трудам посвящено два биобиблиографических указателя². Жизни и творчеству А. В. Мамонтова посвящены работы доктора филологических наук, профессора А. В. Блюма, доктора педагогических наук, профессора А. В. Кумановой, кандидата физико-математических наук А. И. Назарова, кандидата педагогических наук, доцента Е. И. Буринской, доктора исторических наук, профессора П. Н. Базанова и многих других.

Выпускник нашего вуза, окончивший его в 1954 г. с красным дипломом³, он с 1961 г. работал на родном библиотечном факультете. Прекрасный лектор, один из лучших в институте, с великолепно поставленным голосом, Александр Васильевич производил всегда отличное впечатление своими точными выверенными докладами, выступлениями и лекциями. В течение многих лет он преподавал курсы «Общее библиографоведение», «История библиографии», «Методика и организация библиографической работы» и «Краеведческая библиография». Последнюю он разработал как совершенно новую дисциплину. Этот предмет был любимой научной темой творчества А. В. Мамонтова. За написание вузовского учебника «Краеведческая библиография»⁴ он был удостоен премии Министерства культуры по

итога конкурса на лучшую научную работу. Оценка учебника оказалась настолько высокой и единодушной, что через несколько лет было подготовлено дополненное переиздание⁵.

Краеведческой библиографии была фактически посвящена и кандидатская диссертация Александра Васильевича «Организация и использование справочно-библиографического аппарата в массовых (областных, районных) библиотеках». Из 300 публикаций А. В. Мамонтова большинство прямо или косвенно посвящено краеведческой библиографии. Кандидат педагогических наук, доцент Е. Н. Буринская считает: «Все четыре аспекта краеведческой библиографии – теория, история, методика, организация – получили отражение в его работах. В количественном отношении они распределяются примерно следующим образом: одна треть – по теории, более половины – по методике, около 10% – соответственно по истории и организации краеведческой библиографии»⁶.

Е. Н. Буринская справедливо отмечала: «Главные достижения в преподавании курса „Краеведческая библиография“ на библиотечном факультете связаны с именем А. В. Мамонтова. Вся педагогическая, научная, творческая деятельность А. В. Мамонтова состоялась в стенах нашего института, который он окончил с отличием в 1954 г. Здесь он прошел все должностные ступеньки от ассистента до профессора, став одним из самых уважаемых преподавателей кафедры. Свыше 45 лет его творческого труда были отданы вопросам общего и краеведческого библиографоведения, подготовке не только студентов, но и аспирантов. Научным исследованиям будущего ученого предшествовала практическая работа в Ломоносовской районной библиотеке Ленинградской области. В 1963 г. Александр Васильевич успешно защитил кандидатскую диссертацию о краеведческом СБА в массовых библиотеках. С этого времени во многих краеведческих начинаниях он был первым. Ему принадлежит разработка для дневного отделения программы курса «Краеведческая библиография», а для заочного отделения – функциональной специализации «Библиограф-краевед», Специализация строилась с учетом этого курса. На лекциях определялись темы по актуальным проблемам краеведческого библиографоведения в отечественной и зарубежной печати, а также по темам, слабо отраженным в учебной литературе. Для закрепления теоретического материала проводились практические занятия и семинары, в частности, по методике краеведческого библиографирования. В межсессионный период студенты выполняли домашнюю контрольную работу «СБО и библиографическое информирование читателей в библиотеке по краеведческой тематике». Важно, что в этой работе использовался опыт конкретной библиотеки, в которой работал студент. Завершалось изучение курса подготовкой курсовых, в дальнейшем – дипломных работ»⁷.

«Занимаясь современными проблемами краеведческой библиографии, Александр Васильевич неоднократно обращался к ее истории. Безусловно, ученый шел вслед за Н. В. Здобновым, В. А. Николаевым, М. А. Брискманом и воспринял их идеи. Но в еще большей степени его взгляды формировались в процессе собственной исследовательской деятельности. Его перу принадлежит еще одно чрезвычайно ценное учебное пособие «Краеведческая библиография в России в дореволюционный период»⁸, которое также построено на материалах доктор-

ского исследования. Значение этого труда, к сожалению, недостаточно оценено научной общественностью. В пособии автор уточнил рождение основных видов русской краеведческой библиографии (в сравнении с периодизацией, предложенной в монографии Здобнова «История русской библиографии»), выявил значительное количество новых краеведческих указателей, открыл новые имена краеведов, изложил неизвестные ранее сведения о местных отделах библиотек⁹. Также Е. Н. Буринская выделяет в качестве наиболее важных такие работы А. В. Мамонтова по истории краеведческой библиографии статьи как «Краеведческая библиография в годы Великой Отечественной войны»¹⁰: «Исключительно ценной по обобщению фактического материала оказалась публикация 1961 г. в журнале „Советская библиография“, посвященная истории краеведческой библиографии в годы Великой Отечественной войны. До сих пор это – единственная работа по данной теме»¹¹.

Интерес к краеведческой библиографии возник еще во время работы по обязательному тогда распределению. А. В. Мамонтов попал в библиотеку города Ломоносова – малую родину известного российского библиотековеда, книговеда и библиографа Николая Александровича Рубакина (1862–1946). А. В. Мамонтов пишет в своих мемуарах: «Почти с самого начала работы серьезно увлекся местным краеведением, благо история города и района давали для этого благодатный и обильный материал. <...> Библиотечное краеведение в моих занятиях постепенно все более вышло на первый план»¹².

Не все было удачно в научной карьере А. В. Мамонтова. В начале 1970-х гг. А. В. Мамонтов написал докторскую диссертацию «Теория и методика краеведческой библиографии в СССР»¹³, но ее не удалось защитить. Сказались традиционные противоречия московской и ленинградской школ. Столичные коллеги ультимативно требовали полностью изменить концепцию исследования, на что в силу глубокой и хорошо всем известной принципиальности А. В. Мамонтов не мог пойти. Поэтому он очень радовался, когда его ученица А. В. Куманова стала доктором педагогических наук, и всячески призывал одного из авторов данной статьи писать докторскую диссертацию.

Особенно нужно отметить вклад профессора А. В. Мамонтова в развитие заочного отделения библиотечно-информационного факультета нашего вуза. Александра Васильевича Мамонтова и заочное отделение библиотечно-информационного факультета связывало многое. Активное сотрудничество началось после первого года, когда был введен вступительный экзамен по специальности для абитуриентов заочного отделения, имеющих среднее профессиональное образование.

В начале 1990-х гг. ректорат Санкт-Петербургского государственного института культуры и дирекция библиотечного техникума заключили договор о сотрудничестве, один из пунктов которого позволял выпускникам техникума поступать в институт на сокращенную программу обучения. Требовался специальный профильный вступительный экзамен. Было предложено проведение комплексного экзамена по библиотековедению и библиографии. Для разработки программы экзамена деканат заочного отделения пригласил профессора А. В. Мамонтова и преподавателя библиотечного техникума Галину Николаевну

Диомидову. Они очень были рады встрече, так как оказалось, что учились вместе в институте. Плодотворное сотрудничество этих замечательных педагогов продолжалось несколько лет. Составлялись и обсуждались учебные программы, содержание экзаменационных билетов, рецензировались учебники, учебные пособия и др. Так, например, профессор А. В. Мамонтов стал рецензентом двух учебников Г. Н. Диомидовой по библиографии для средних специальных учебных заведений¹⁴.

Профессор А. В. Мамонтов никогда не входил в состав Учебно-методического совета по заочному и вечернему обучению официально, но на заседаниях бывал довольно часто. Дело в том, что его приглашали в качестве эксперта. Александр Васильевич был авторитетным экспертом. Он пользовался заслуженным уважением у своих коллег в институте и библиотечных практиков. На заседаниях Совета обсуждались и утверждались методические материалы для студентов заочной и вечерней форм обучения. Как правило, это были методические разработки, указания, рекомендации, учебно-методические пособия.

Александр Васильевич Мамонтов принимал активное участие в обсуждении общих методических материалов для всего факультета, например, методических рекомендаций для помощи в подготовке к государственному экзамену и защите дипломных работ. Почти ежегодно профессор А. В. Мамонтов обновлял собственные методические разработки¹⁵.

В 1994 г. на заочном отделении библиотечно-информационного факультета под руководством профессора А. В. Мамонтова была открыта специализация «Краевед-документалист». В рамках специализации изучались следующие учебные курсы: «Основы краеведения», «Краеведческий документальный фонд», «Краеведческое библиографоведение», «Обслуживание потребителей краеведческими документами». Цель специализации, как видел ее сам Александр Васильевич, «вооружить студентов целостной системой знаний в области работы с краеведческими документами, их планомерного выявления, комплектования, учета и обработки, организации и хранения, а также краеведческого обслуживания индивидуальных и коллективных потребителей, координации и сотрудничества библиотек, архивов, краеведческих музеев, общественных организаций в этой сфере деятельности».

Краеведческую специализацию Александр Васильевич вел не только в стенах института, но и в филиалах. Так, в середине 1990-х гг. на базе областных училищ культуры были открыты филиалы в Новгороде и Пскове.

Профессор А. В. Мамонтов одним из первых на факультете стал выезжать в филиалы. Александр Васильевич читал общий курс библиографии и вел дисциплины специализации «Библиограф-краевед», с 1998 г. «Краевед-документалист». Для этих предметов А. В. Мамонтов в соавторстве с доктором педагогических наук, профессором В. С. Крейденом написал свой последний труд «Библиотечное краеведение: Терминологический словарь»¹⁶. Отрецензировать этот справочник было последней просьбой Александра Васильевича. К сожалению, рецензии П. Н. Базанова¹⁷ вышли уже после смерти ученого.

Подробно об А. В. Мамонтове, как об исследователе краеведческой библиографии писала Е. Н. Буринская¹⁸, как об историке библиографии – П. Н. База-

нов¹⁹, оба являются узкими специалистами именно в этих областях библиографоведения.

Любимым увлечением А. В. Мамонтова, большим чем хобби, были обратные шашки. Он являлся не только практиком этой увлекательной игры, но и регулярно писал для шашечной прессы.

К сожалению, внезапная болезнь отняла у нас нашего коллегу, дорогого друга, а у одного из авторов статьи и многих других любимого, уважаемого и авторитетного учителя – Александра Васильевича Мамонтова. Имя и труды А. В. Мамонтова известны в каждом краеведческом отделе любой библиотеки России.

Примечания

¹ Буринская Е. Н. Памяти Ученого // Александр Васильевич Мамонтов: Биобиблиографический указатель. СПб., 2000. С. 3.

² Александр Васильевич Мамонтов: Биобиблиографический указатель. Л., 1999. 42 с.; Александр Васильевич Мамонтов: Биобиблиографический указатель СПб., 2000. 72 с.

³ Архив СПбГИК. Д. № 228: Мамонтов А. В. (01.02.1961–07.01.1998). Л. 6.

⁴ Краеведческая библиография: [Учебник для библиотечных факультетов институтов культуры и педагогических вузов]. М.: Книга, 1978. 168 с.

⁵ Краеведческая библиография: [учебник] для институтов культуры и педагогических вузов. 2-е изд., доп., перераб. М.: Кн. палата, 1989. 215 с.

⁶ Буринская Е. Н. Памяти Ученого // Александр Васильевич Мамонтов: Биобиблиографический указатель. СПб., 2000. С. 5.

⁷ Буринская Е. Н. Краеведческая школа на библиотечном факультете (1962–2012 гг.) // Петербургская библиотечная школа 2018. № 4 (64). С. 28.

⁸ Краеведческая библиография в России в дореволюционный период: Учебное пособие для студентов библиотечных факультетов. Л., 1974. 24 с.

⁹ Буринская Е. Н. Памяти Ученого // Александр Васильевич Мамонтов: Биобиблиографический указатель. СПб., 2000. С. 7–8.

¹⁰ Советская библиография. 1961. № 5. С. 39–46.

¹¹ Буринская Е. Н. Памяти Ученого // Александр Васильевич Мамонтов: Биобиблиографический указатель. СПб., 2000. С. 8.

¹² Мамонтов А. В. Мои записки (из дневниковых записей: 1951–1965) // История. Воспоминания. Документы: К 85-летию Санкт-Петербургского университета культуры искусств. СПб., 2003. С. 97. Этот же факт отмечался и в характеристике Ломоносовской районной библиотеки за 1957 г. // Архив СПбГИК. Д. № 228: Мамонтов А. В. (01.02.1961–07.01.1998). Л. 13.

¹³ Мамонтов А. В. Мои записки // Историко-библиографические исследования. Вып. 9. СПб., 2002. С. 167.

¹⁴ Диомидова Г. Н. Библиография: Общ. курс: [учебник для библиотечных техникумов и библиотечных культур.-просвет. уч.-щ.]. М.: Книга, 1978. 240 с.; Диомидова Г. Н. Библиография: Общ. курс: [учеб. для библиотечных техникумов и библиотечных культур.-просвет. уч.-щ.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Кн. палата, 1991. 240, [2] с.

¹⁵ Дипломная работа : положение и метод. рекомендации / сост. А. В. Мамонтов, А. Г. Стрельникова, Н. Г. Чагина и др. СПб., 1994. 17 с.; Мамонтов А. В. Библиотечное краеведение: учеб. пособие: в 2 вып. СПб.: СПбГАК, 1996–1998. Вып. 1: Основы краеведения. 1996. 38 с.; Мамонтов А. В. Библиотечное краеведение: учеб. пособие: в 2 вып. СПб.: СПбГАК, 1996–1998. Вып. 2: Краеведческий библиотечный фонд. 1998. 38 с.; Краевед-документалист: учеб. прогр. и учеб.-метод. материалы. СПб.: СПбГАК, 1998. 26 с. и др.

¹⁶ СПбГАК. СПб., 1998. 87 с.

¹⁷ Базанов П. Н. Первый опыт, своевременный и актуальный // Книжное обозрение. 1998. 22 дек. С. 4; Базанов П. Н. Краеоведам в помощь // Мир библиографии. 1999. № 3. С. 80.

¹⁸ Буринская Е. Н. Энтузиаст краеведения (Штрихи к портрету А. В. Мамонтова) // Книга. Культура. Общество: сб. тр. по материалам 11-х Смирдинских чтений. СПб., 2000. С. 159–168.

¹⁹ Петербургский ученый-библиограф А. В. Мамонтов (к десятилетию со дня смерти) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2009): Сб. науч. тр.: Петербургские чтения – 2009. СПб., 2010. Ч. 1: Книжное дело. Культурология. С. 105–111; Взгляды профессора А. В. Мамонтова на историю библиографии // Деятели книги: М. Н. Куфаев (1888–1948): Сб. науч. тр. по материалам 15-х Смирдинских чтений. СПб., 2010. С. 196–205.

П. Н. Базанов

Историк книги и книжного дела И. А. Шомракова

Впервые дается обзор научной деятельности профессора И. А. Шомраковой в области истории книги и книжного дела. Особое внимание уделяется ее вкладу в изучение истории книжного дела первой половины XX в. в Советской России и за рубежом. Обосновывается роль И. А. Шомраковой как новатора и первопроходца в изучении истории книжного дела. Анализируются основные книговедческие работы И. А. Шомраковой.

Ключевые слова: И. А. Шомракова, история книги, история книжного дела, литературно-художественные издательства, Госиздат, зарубежное книгоиздание, Русского зарубежье

Petr N. Bazanov

The Historian of the Book and Book Business I. A. Shomrakova

For the first time an overview is given of the scientific activities of professor I. A. Shomrakova in the field of the history of the book and book business. Particular attention is paid to its contribution to the study of book history of the first half of the twentieth century in Soviet Russia and abroad. The role of I. A. Shomrakova is substantiated, as an innovator and pioneer in the study of the history of book business. The main bibliological works on this issue are analyzed.

Key words: I. A. Shomrakova, the history of the book, the history of book business, literary and art publishing houses, Gosizdat, foreign book publishing, the Russian Abroad

Доктор филологических наук, профессор Инга Александровна Шомракова – известный историк отечественной и зарубежной книги и книжного дела, теоретик книговедения. За более чем 50 лет своей педагогической и исследовательской деятельности она опубликовала свыше 200 научных работ. Профессор И. А. Шомракова – яркий представитель ленинградско-петербургской школы книговедения. Ее работам по истории книги и книжного дела свойственны внимание к фактам, широкое использование архивных и мемуарных источников, применение тематико-типологического метода.

В традициях ленинградско-петербургской школы история книги и книжного дела исследуется во взаимодействии с историей культуры и общества, а также с читательской аудиторией. Для данной школы характерен исследовательский позитивистский поиск новых фактов и конкретных деталей, способных объяснить или изменить всю историческую панораму конкретного периода истории книжного дела, деятельности того или иного издательства или издающей организации.

В многогранном научном наследии И. А. Шомраковой в области истории книги можно выделить четыре основных направления. Первое из них, с которого в 60-х гг. XX в. началась исследовательская деятельность И. А. Шомраковой, было связано с тогда еще малоизученной темой – историей издательств Петрограда – Ленинграда

1917–1930 гг., выпускавших произведения художественной литературы. Интерес И. А. Шомраковой к этому вопросу во многом объяснялся биографическими обстоятельствами. Будучи дочкой необоснованно репрессированного морского офицера, она не смогла поступить на филологический факультет ЛГУ им. А. А. Жданова и вынуждена была работать помощником библиотекаря в группе рекаталогизации Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1956 г. И. А. Шомракова окончила вечернее отделение факультета русского языка и литературы Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена и в 1962 г. поступила в аспирантуру Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской. Здесь ее научным руководителем был выдающийся ученый С. А. Рейсер. Как и многих других филологов, пришедших в книговедение, ее более всего интересовала история издания художественной литературы, роль и значение книгоиздания в литературном процессе. В 1966 г. И. А. Шомракова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Петроградские-ленинградские издательства художественной литературы в 1917–1930 гг.». Ее первая научная публикация, статья «К истории книжного дела в Петрограде»¹, вышла за год до защиты и сразу привлекла внимание исследователей обширной источниковой базой. По данной теме И. А. Шомракова написала впоследствии такие известные статьи, как «Ленинградское рабочее кооперативное издательство „Прибой“ (1922–1927 гг.)»², «Книгоиздательство „Всемирная литература“ (1918–1924)»³, «Издательство „Время“»⁴ и др.

Важной вехой в исследовании в данного направлении стало составление И. А. Шомраковой (в соавторстве с Е. Г. Салитой) краткого исторического очерка «Лениздат»⁵. В очерке рассматривалась деятельность этого крупнейшего и самого известного ленинградского издательства.

Второе направление в научно-исследовательской деятельности И. А. Шомраковой – реконструкция истории «Государственного издательства РСФСР» (Госиздата) – органично вытекало из предыдущего. Однако теперь в центре внимания исследователя находился не только выпуск художественной литературы, но и издание других типов книг. Все началось с юбилейной статьи «К 50-летию Госиздата»⁶. Научная работа в этом направлении увенчалась защитой в 1986 г. докторской диссертации «Государственное издательство РСФСР и проблемы становления и развития книжного дела (1919–1930 гг.), которая состоялась в Московском государственном полиграфическом институте. В течение многих лет И. А. Шомракова публиковала фундаментальные статьи о различных аспектах деятельности Госиздата. Назовем некоторые из них: «Художественная литература в Госиздате»⁷, «Госиздат и издание учебной литературы в 20-е годы»⁸, «Детская книга в Госиздате (К вопросу о формировании принципов издания)»⁹, «Торгсектор Госиздата РСФСР и проблемы организации книжной торговли (1921–1930)»¹⁰, «Д. А. Фурманов – редактор Госиздата»¹¹ и др.

В первом томе коллективной научной монографии «История книги в СССР»¹², подготовленном Научным советом по истории мировой культуры АН СССР, Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, Всесоюзной книжной палатой и Всесоюзным обществом любителей книги, И. А. Шомракова написала разделы «Большевистские партийные издательства Москвы и Петрограда» («Прибой»,

«Жизнь и Звание», «Волна», «Коммунист»), «Государственное издательство РСФСР», «Всемирная литература»¹³, тем самым еще раз подчеркнув свое лидерство в изучении истории книги этого периода.

Третье направление научной деятельности И. А. Шомраковой было во многом связано с тем, что с 1966 г. она стала преподавать в Ленинградском государственном институте культуры. За долгие годы работы ею были разработаны многочисленные курсы и спецкурсы по истории книги в России и за рубежом, а также по общему книговедению. В то время на библиотечных факультетах в качестве обязательного предмета читалась только история отечественной книги. Иностранное книжное дело преподавалось в качестве спецкурсов. В подготовленном для них учебном пособии, которое состояло из нескольких выпусков, И. А. Шомракова является автором раздела «Соединенные Штаты Америки»¹⁴ (остальные выпуски были написаны доктором филологических наук, профессором И. Е. Баренбаумом (1921–2006)). В 1974 г. это пособие было дополнено и под названием «Основные издательства США (общая характеристика)» вышло в свет в серии «Обзорная информация» Всесоюзной книжной палаты¹⁵. В начале 1990-х гг. И. Е. Баренбаум и И. А. Шомракова приступили к подготовке и изданию учебного пособия «Книга и книжное дело за рубежом» в трех частях. В 1990 г. был опубликован первый выпуск: «Книга и книжное дело в капиталистических странах»¹⁶. Для него И. А. Шомракова написала разделы «Великобритания», «США» и «Япония». Через год ЛГИК им. Н. К. Крупской издал еще одно учебное пособие И. А. Шомраковой «Книжное дело в развивающихся странах Африки»¹⁷.

Четвертое направление в научном творчестве И. А. Шомраковой, так сказать, ее последняя по времени научная «любовь» – изучение книжного дела Русского Зарубежья. С книжным делом русской эмиграции прямо и косвенно связаны примерно 50 научных публикации И. А. Шомраковой, т. е. четверть всех ее научных работ. Занимаясь зарубежными связями Госиздата, И. А. Шомракова не могла не заинтересоваться издательствами Русского Зарубежья, проблемами поставки в Советскую Россию эмигрантской книги по легальным, разрешенным каналам этого крупнейшего государственного издательства. Уже первые труды И. А. Шомраковой в области эмигрантской печати были по достоинству оценены на родине и за рубежом. Так, еще в 1990 г. известный историк-эмигрантовед, профессор Колумбийского университета М. И. Раев в своей ставшей классической монографии «Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939» в главе, посвященной «Галактике Гутенберга», сослался на статью И. А. Шомраковой «Зарубежные связи Госиздата»¹⁸ как на наиболее важную в исследовании этой темы¹⁹.

Первая публикация, посвященная книжному делу русской эмиграции (издательство «Петрополис»), была опубликована И. А. Шомраковой в 1982 г. в энциклопедическом словаре «Книговедение»²⁰. Впоследствии, рассказывая об этом совершенно новом для российского книговедения направлении исследований, И. А. Шомракова вспоминала: «Долгие годы (с 1962 г.) данное направление разрабатывалось <...> в „стол“»²¹. Первая монографическая статья И. А. Шомраковой, посвященная исследуемому вопросу – «Книжное дело Русского Зарубежья (Европа, 1917–1940)», – увидела свет на страницах ведущего отечественного книговедческого издания «Книга. Исследования и материалы» в 1990 г.²² Название этой статьи и

ее хронологические и географические рамки впоследствии стали магистральным направлением дальнейшего научного творчества И. А. Шомраковой. Не могу не заметить, что именно текст данной статьи стал широко распространяться без ведома автора в сети Интернет и уже почти четверть века является объектом прямого и косвенного плагиата.

Спустя два года И. А. Шомракова написала обзорные статьи о белградских и болгарских издательствах для второго тома («Периодика и литературные центры») издававшейся ИНИОН РАН «Литературной энциклопедии русского зарубежья. 1918–1940»²³. В 1997–2006 гг. эта энциклопедия была переиздана издательством РОСПЭН²⁴.

Почти одновременно впервые выходит издание, в котором предпринималась попытка дать общий обзор деятельности русских эмигрантских книгоиздательских и книготорговых организаций. Это было учебное пособие Санкт-Петербургской государственной академии культуры «Издательское и библиографическое дело Русского Зарубежья (1918–1998)» В нем И. А. Шомракова написала введение и второй раздел «Издательское дело Русского Зарубежья (1918–1940 гг.)»²⁵. Пособие оказалось настолько популярным, что вскоре пришлось сделать допечатку его тиража. В сильно переработанном виде данный текст были переиздан в четырех вариантах учебного пособия «Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX века»²⁶. Основным отличием этих изданий друг от друга было не только уточнение и увеличение фактического материала, но и добавление изложения истории русского книгоиздания в новых регионах – США и Китае. Пособия, о которых идет речь, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. были первым и единственным связным текстом, в котором излагалась история книжного дела русской эмиграции. До сих пор они заслуженно являются наиболее цитируемыми в книговедческой, эмигрантоведческой и исторической литературе, посвященной издательскому делу Русского Зарубежья.

Чрезвычайно плодотворным и разноплановым было участие И. А. Шомраковой в подготовке энциклопедического справочника «Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 г.», увидевшего свет в 2005 г.: там ее перу принадлежат 18 статей (подписаны криптонимом «И. Ш.»), в том числе статьи о крупнейших берлинских, парижских и иных издательства первой волны русской эмиграции²⁷.

В разное время И. А. Шомракову интересовали различные сюжеты, связанные с книжным делом русской эмиграции. Изучение послевоенного периода его истории она начала после посещения США и работы в знаменитом Бахметевском архиве Колумбийского университета. Ее результатом стали 2 статьи, посвященные издательству им. Чехова, функционировавшему в Нью-Йорке в 1951–1956 гг. и являвшемуся одним из самых крупных «русских» издательских организаций в Америке: «И. Бунин, Г. Иванов и Издательство им. Чехова»²⁸ и «Материалы по истории книжного дела Русского Зарубежья в Бахметевском архиве»²⁹. Еще одна работа И. А. Шомраковой, «Пушкин и Русское Зарубежье» была посвящена юбилейным изданиям произведений великого поэта и зарубежной русской литературе, приуроченной к 100-летию со дня его смерти. Появился в научном творчестве И. А. Шомраковой и любимый персонаж – издатель, историк литературы, профессор Евгений

Александрович Ляцкий (1868–1942). Его жизни и деятельности сперва была посвящена обзорная статья «Е. А. Ляцкий – издатель Русского Зарубежья (по архивным материалам)»³⁰, за которой последовала работа о его деятельности в Стокгольме «„Северные огни“ – издательство Русского Зарубежья и его создатель Е. А. Ляцкий (по архивным материалам)»³¹. Завершает цикл статьей И. А. Шомраковой о Е. А. Ляцком исследование его деятельности в Чехословакии «Цель – развитие русской науки и культуры за пределами России» (Издательство «Пламя» в Праге)³². Последней научной публикацией И. А. Шомраковой, посвященной книжному делу русской эмиграции, на данный момент является статья «Русские издательства в Берлине (1920–1924 гг.)», увидевшая свет в конце 2017 г.³³ В этой работе подводятся итоги изучения данной темы за прошедшие 20 лет.

О статусе И. А. Шомраковой как ведущего историка книги первой половины XX в. свидетельствуют ее многочисленные публикации в фундаментальных энциклопедиях. Еще в 1973 г. для «Большой советской энциклопедии» ей была написана статья об «Объединении государственных книжно-журнальных издательств – «ОГИЗ»»³⁴. В увидевшем свет в 1982 г. энциклопедическом словаре «Книговедение»³⁵ ее перу принадлежит 35 статей, в энциклопедии «Книга» (1999)³⁶ – 32.

Все основные направления научной деятельности И. А. Шомраковой в полной мере получили свое раскрытие в фундаментальном и не имеющем аналогов на русском языке учебнике «Всеобщая история книги», написанном ей в соавторстве с И. Е. Баренбаумом и выдержавшем уже 4 издания³⁷. Каждое его издание содержало в себе исправления и уточнения и, таким образом, отличалось от предыдущего. В этой работе И. А. Шомракова впервые для себя обратилась к истории книги и книжного дела до XX в. Данный учебник, с момента своего появления имеющий все необходимые грифы и рекомендации, широко используется в учебном процессе, причем не только институтов культуры, но и других вузов гуманитарного профиля.

Работы И. А. Шомраковой, написанные ей более чем за 50 лет научной деятельности, давно стали образцовыми. Сегодня ни одно исследование, посвященное истории отечественной книги первой половины XX в. и книгоизданию русской эмиграции, не обходится без ссылок на ее труды. При непосредственном участии И. А. Шомраковой на кафедре общей библиографии и книговедения СПбГИК сложилась ведущая в России школа изучения истории книжного дела. Аспиранты и ученики И. А. Шомраковой успешно развивают дело своего учителя. Особенно хочется подчеркнуть то, что и сама И. А. Шомракова отнюдь не отложила перо в сторону и продолжает активно трудиться на ниве книговедения.

Примечания

¹ Шомракова И. А. К истории книжного дела в Петрограде // Труды. Л., 1965. Т. 16. С. 73–90.

² Шомракова И. А. Ленинградское рабочее кооперативное издательство «Прибой» (1922–1927 гг.) // Труды. Л., 1967. Т. 17. С. 247–264.

³ Шомракова И. А. Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга: исслед. и материалы. 1967. Сб. 14. С. 175–193.

⁴ Шомракова И. А. Издательство «Время» // Книга: исслед. и материалы. 1968. Сб. 17. С. 199–214.

⁵ Шомракова И. А., Салита Е. Г. Лениздат: кратк. ист. очерк. Л.: Лениздат, 1967. 158 с.

- ⁶ Шомракова И. А. К 50-летию Госиздата К 50-летию Госиздата // Книга: исслед. и материалы. 1969. Сб. 19. С. 5–18.
- ⁷ Шомракова И. А. Художественная литература в Госиздате // Издательское дело. Книговедение. 1969. № 2 (4). С. 6–9.
- ⁸ Шомракова И. А. Госиздат и издание учебной литературы в 20-е годы // Издательское дело: реф. информ. 1971. № 1. С. 24–28.
- ⁹ Шомракова И. А. Детская книга в Госиздате: (к вопросу о формировании принципов издания // Книга: исслед. и материалы. 1986. Сб. 52. С. 138–153.
- ¹⁰ Шомракова И. А. Торгсектор Госиздата РСФСР и проблемы организации книжной торговли (1921–1930) // Книга: исслед. и материалы. 1987. Сб. 55. С. 61–93.
- ¹¹ Шомракова И. А. Д. А. Фурманов – редактор Госиздата // Книга: исслед. и материалы. 1979. Сб. 39. С. 43–60.
- ¹² История книги в СССР: в 3 т. / АН СССР, Науч. совет по комплексной проблеме История мировой культуры, Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Всесоюз. кн. палата, Всесоюз. о-во любителей кн.; гл. ред. М. П. Ким. М.: Книга, 1983–1986. Т. 1: 1917–1921 / под общ. ред. Е. Л. Немировского, В. И. Харламова. 1983. 240 с.
- ¹³ Там же. С. 119–139, 173–207, 208–228.
- ¹⁴ Шомракова И. А. Соединенные Штаты Америки. Л.: ЛГИК им. Н. К. Крупской, 1973. 90 с.
- ¹⁵ Шомракова И. А. Основные издательства США: (общая характеристика). М.: Книга, 1974. 47 с. (Всесоюзная книжная палата: обзорная информация / Гос. ком. Совета Министров СССР по делам изд-в, полиграфии и книжной торговли. Издательское дело).
- ¹⁶ Книга и книжное дело в капиталистических странах. Л.: ЛГИК, 1990. 119 с.
- ¹⁷ Шомракова И. А. Книжное дело в развивающихся странах Африки. Л.: ЛГИК, 1991. 80 с.
- ¹⁸ Шомракова И. А. Зарубежные связи Госиздата // Федоровские чтения. М., 1982. С. 113–120.
- ¹⁹ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 268.
- ²⁰ Петрополис // Книговедение: энцикл. словарь. М., 1982. С. 398.
- ²¹ Шомракова И. А. Кафедра документоведения и информационной аналитики // Труды СПбГУКИ. СПб., 2013. Т. 201. С. 304.
- ²² Шомракова И. А. Книжное дело Русского Зарубежья (Европа, 1917–1940) // Книга: исслед. и материалы. М., 1994. Сб. 67. С. 165–184; вариант работы: Книжное дело русского зарубежья и возрождение русской культуры // Возрождение культуры России: книжно-библиотечное дело. СПб., 1997. Вып. 5. С. 14–26.
- ²³ Шомракова И. А. Белградские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2: Периодика и литературные центры. М.: ИНИОН, 1996. Ч. 1. С. 35–37; Она же. Болгарские издательства // Там же. С. 83–86.
- ²⁴ Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918–1940: в 4 т. М.: РОСПЭН, 1997–2006. Т. 1.: Писатели русского зарубежья. 1997. 511 с.; Т. 2: Периодика и литературные центры. 2000. 640 с.; Т. 3: Книги. 2002. 712 с. Т. 4: Всемирная литература и русское зарубежье. 2006. 544 с.
- ²⁵ Издательское и библиографическое дело Русского Зарубежья / Г. В. Михеева, И. А. Шомракова, П. Н. Базанов, И. Л. Полотовская. СПб.: Изд-во СПбГФК, 1999. С. 5–15; 31–60.
- ²⁶ Базанов П. Н., Шомракова И. А. Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX века: учеб. пособие / СПб. полигр. ин-т (фил.) Моск. гос. ун-та печати. СПб., 2001. 113 с.; Базанов П. Н., Шомракова И. А. Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX века: учеб. пособие: 2-е изд, испр. / Сев.-Зап. ин-т печати, С.-Петербург. гос. ун-т

технологии и дизайна. СПб., 2003. 110 с.; Базанов П. Н., Шомракова И. А. Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX века: учеб. пособие. СПб.: СПбГУПТД, 2013. 96 с. СПб.: СПбГУПТД, 2016. 96 с.

²⁷ Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 г.: энцикл. справочник. СПб.: Формат, 2005. 336 с.

²⁸ Шомракова И. А. И. Бунин, Г. Иванов и Издательство им. Чехова // Зарубежная Россия 1917–1939. СПб.: Европейский дом, 2000. С. 324–328.

²⁹ Шомракова И. А. Материалы по истории книжного дела Русского Зарубежья в Бахметевском архиве // Россия в США. М.: Ин-т политического и военного анализа, 2001. С. 80–85.

³⁰ Шомракова И. А. Е. А. Ляцкий – издатель Русского Зарубежья: (по архивным материалам) // Книга: исслед. и материалы. М., 2002. Сб. 80. С. 346–364.

³¹ Шомракова И. А. «Северные огни» – издательство Русского Зарубежья и его создатель Е. А. Ляцкий: (по архивным материалам) // Книга. Культура. Общество. М., 2003. С. 179–186.

³² Шомракова И. А. «Цель – развитие русской науки и культуры за пределами России»: (издательство «Пламя» в Праге) // Наука, культура и политика русской эмиграции. СПб.: СПбГУКИ, 2004. С. 9–18.

³³ Базанов П. Н., Шомракова И. А. Русские издательства в Берлине (1920–1924 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4 (33). С. 6–11.

³⁴ ОГИЗ // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 18. С. 285.

³⁵ Книговедение: эцикл. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1999. 664 с.

³⁶ Книга: энциклопедия. М.: Бол. Рос. энциклопедия, 1999. 800 с.

³⁷ Баренбаум И. Е., Шомракова И. А. Всеобщая история книги: учебник. СПб.: СПбГАК, 1996–2004.; Шомракова И. А., Баренбаум И. Е. Всеобщая история книги: учеб. пособие. СПб.: Профессия, 2005. 367 с.; Шомракова И. А., Баренбаум И. Е. Всеобщая история книги: учебник. СПб.: Профессия, 2008. 367 с. Для учебника «Документоведение. Ч. 2: Книговедение и история книги» (СПб.: Профессия, 2014) И. А. Шомракова частично переработала принадлежащие ее перу главы и параграфы.

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ КНИГОВЕДЕНИЯ SECTION 2. BOOK SCIENCE

УДК 002.2(4-011)"16/18"

Н. К. Леликова

Наука о книге в Западной Европе в XVII–XIX вв.: основные направления развития

Рассматриваются методологические принципы изучения науки о книге (библиологии, книговедения), позволяющие объективно и исторически последовательно реконструировать все этапы ее развития. В трудах современных западноевропейских ученых (в частности, польского исследователя К. Мигоня) начало науки о книге прослеживается с концепции французского книговеда и библиографа, создателя «*Dictionnaire raisonné de Bibliologie...*» Г. Пенью. Автор данной статьи, прослеживая основные направления развития науки о книге в Западной Европе начиная с XVII в., приходит к выводу, что концепция Пенью была синтезом предшествующего знания, а ее создатель мог использовать готовые научные комплексы, уже сформировавшиеся к тому времени.

Ключевые слова: книговедение, наука о книге, библиология, библиография, библиотековедение, концепция Г. Пенью

Natalia K. Lelikova

The science of the book in Western Europe in the 17th-19th centuries: Main directions of development

The paper examines the methodological principles of studying the science of the book (bibliology). It allows to reconstruct all stages of the bibliology development objectively and historically. In the works of modern Western European scholars (in particular, the Polish researcher K. Migoń) the beginning of the science of the book can be traced from the concept of the French book expert and bibliographer, the creator of “*Dictionnaire raisonné de Bibliologie...*” G. Peignot. The author of the paper, tracing the main directions of the development of the book science in Western Europe since the XVII century, comes to the conclusion that the Peignot’s concept was a synthesis of previous knowledge, and its creator could use scientific complexes that had already been formed by that time.

Key words: bibliology, science of the book, bibliography, librarianship, G. Peignot’s concept

Необходимость изучения науки о книге, книговедения на мировом уровне очевидна. Об этом всегда писал и много пишет в последние годы в своих исследованиях известный польский ученый Кжиштоф Мигонь. Предлагая методологию изучения данной науки, в статье «Парадигмы науки о книге двести лет тому назад и сегодня»¹, он использует понятие «исследовательская парадигма», определяя ее «как принципиальный подход к объекту и предмету исследований, основные тео-

ретику-методологические правила...»² Иными словами, парадигма – это обобщающая теоретическая концепция, которая определяет основное направление изучаемой науки. Очевидно, что на протяжении веков парадигмы сменяют друг друга, что и дало возможность Мигоню говорить о разных парадигмах, меняющихся на протяжении 200 лет развития науки о книге.

В другой своей статье «Историография науки о книге: концептуальные парадигмы»³ он уже определил конкретные направления и проблемы, подлежащие изучению, т. е. своеобразный план исследования для представления рассматриваемой научной дисциплины как некоей целостности и одновременно как неотъемлемой части мировой гуманитаристики.

Одними из первых проблем Мигонь называет «условия и предпосылки зарождения и создания данной науки» и «становление научной терминологии, семантика терминов (в том числе изменения самого названия данной науки)»⁴.

Терминологически используются такие понятия как «наука о книге», «книговедение», «библиология». И хотя в работах разных, в том числе отечественных исследователей, предпринимались попытки их разграничения, однако чаще всего они использовались и используются как синонимы. При этом, если отечественные исследователи, как правило, употребляют термин «книговедение», то зарубежные отдают предпочтение терминам «наука о книге» и «библиология».

Методологически изучение науки о книге возможно в двух аспектах. Отталкиваясь от современной проблематики книговедения, можно проследить, как она формировалась в исторической ретроспективе. Однако возможен и другой, чисто исторический подход. Опираясь на конкретные исторические факты, автор такого исследования прослеживает, как развивались изучаемые науки, какие этапы они проходили, как формировалась их проблематика и какие научные комплексы в разные периоды в них присутствовали (в том числе и те, которые впоследствии становились самостоятельными науками). В свое время полемика по проблемам методологии исторических исследований науки о книге между известным библиографоведом Э. К. Беспаловой и автором данной статьи была опубликована в сборнике «Книга. Исследования и материалы» в 2007 г.⁵ И хотя правомерны оба подхода, второй из них может дать более интересные результаты, зачастую ведущие к парадоксальным выводам.

Что касается зарождения науки о книге, то во многих работах и самого Мигоня, и его учеников, и последователей начальным этапом изучения книговедения (библиологии) называют «Толковый словарь по библиологии» («Dictionnaire raisonné de Bibliologie». Paris, 1802–1804) Габриэля Пенью⁶. Книга о Пенью Божены Коредчук так и называется «Początki teorii bibliologii: Dictionnaire raisonné de Bibliologie (1802–1804) Gabriela Etienne’a Peignota»⁷, т. е. автор считает концепцию Пенью «началом теории библиологии».

«Толковый словарь по библиологии» Пенью, вышедший в трех томах (2 тома и дополнение), – это аналог современной книговедческой энциклопедии. Однако понятие «библиология» у Пенью более обширное, чем современное понятие «книговедение». Библиологию он называет «наукой о книгах» («science des livres»), в ее состав входят семь основных наук: языкознание, дипломатика, библиопоза, типографика, библиополистика, библиография и всеобщая литературная история⁸, а

в сам «Словарь» включено большое количество статей, раскрывающих понятия, имеющие, по мнению Пенью, непосредственное отношение к науке о книге, например: «Аббревиатуры» (в этой статье говорится об аббревиатурных сокращениях в названиях древнейших и наиболее известных рукописных книг), «Академия», «Алфавит», «Апокриф», «Архивы», «Архивист», «Астериск», «Библиогност», «Библиология», «Библиомания, библиоман», «Библиофил», «Библиополист» (в значении книготорговец), «Библиотекарь», «Библиотеки», «Кабинет натуральной истории», «Каллиграфия» («искусство красиво писать»), «Шрифт» («Caractère»), «Каталог книг» («Catalogue des Livres») с перечнем известных Пенью каталогов библиотек государственных, публичных, личных, «Цифры» («Chiffres») с таблицей перевода римских цифр в арабские, «Даты» («Dates»), «Дипломатия» («Diplomatie») и «Дипломатика» («Diplomatique»), «Издание» («Edition») – он подробно объясняет смысл этого понятия, «Книгопродавец» («Libraire»), «Палеография» («Paleographie»), «Палимпсест», «Бумага» («Papier»), «Псевдонимы», «Системы библиографические» («Systèmes bibliographique»). У Пенью есть даже такие статьи, как «Спиритология», «Стенография», «Философия, художественная литература, науки и искусства» («Philosophie, Belles-lettres, Sciences et Artes»), в которой, по его же собственной формулировке, он представляет исторический очерк происхождения и развития этих отраслей и многие другие. Многочисленны в «Словаре...» и персональные статьи, посвященные выдающимся библиотекарям, библиографам, книгоиздателям и книгопродавцам, а также представителям всех отраслей знания, которые входили в систему библиологии Пенью. Вспомогательный аппарат состоит из указателя городов, где в XV в. возникло книгопечатание, со сведениями о первых печатниках, работавших в этих городах, с указанием годов выхода их первых изданий; указателя авторов, библиографов, типографов и других лиц, которые упоминались в трех томах «Словаря...».

Все это наталкивает на мысль, что вряд ли правомерно называть «Словарь» Пенью «началом теории библиологии». Как и любая энциклопедия, он имеет обобщающий характер. Можно предположить, что автор смог включить в свою работу те комплексы научного знания, которые уже сформировались ранее и получили определенное признание в научном мире.

Первым в системе наук Пенью представлено языкознание (Glossologie). Статья «Языки» (Langues)⁹ – одна из самых обширных в «Словаре». Пенью пишет о происхождении языков, об особенностях языков разных народов. При этом от понятия «язык» он переходит к характеристике письменности, существовавшей у разных народов.

Не менее обширной в «Словаре» является и статья «Книга» (Livre)¹⁰. В первую очередь, Пенью дает определение книги: «произведение, созданное образованным человеком (personne intelligente) для обучения или развлечения читателя»¹¹. Задача «истории книги», по мнению Пенью, – дать представление о книге: ее проблематику в экстрактах или в виде анализа, чем обычно занимаются журналисты, или ее внешние аксессуары, что является задачей библиографа. Затем он перечисляет тех, кто, по его мнению, удостоился звания «историки книги» (historiens des livres). В основном это создатели каталогов, такие как Иоганн Альберт Фабриций, теолог XVIII в., создатель каталогов «Bibliotheca Latina», «Bibliotheca Graeca»,

«*Bibliotheca antiquaria*», хранитель Библиотеки в Вене Питер Ламбеций, создавший каталог этой библиотеки, А. Дювердые и А. Лакруа дю Мен – авторы каталогов «*Bibliothèque française*», изданных соответственно в 1584 и 1585 гг. Подтверждая свою мысль, Пеньо пишет в этой статье, что историк книги является одновременно и библиографом. Правда, в списке «историков книги» указан и Пьер Дефонтен, которого считают основателем новой журналистики и критики, он – один из редакторов «Журнала ученых» (*Journal des sçavans*). Но это правомерно, т. к. в то время научные журналы являлись источниками информации о новых научных книгах, и некоторые деятели позднее писали, что и сама библиография зародилась в научных журналах.

Видимо, поэтому не случайно библиография входила в состав науки о книге Пеньо в качестве одной из основных семи дисциплин. И тот же Мигонь в своей периодизации науки о книге называет этот период «библиографическим».

Появившаяся в XVI веке в 1545 г. «*Bibliotheca Universalis, sive Catalogus omnium scriptorum locupletissimus, in tribus linguis Latina, Graeca et Hebraica...*» («Всеобщая библиотека или полнейший каталог всех писателей на трех языках: латинском, греческом и еврейском...») Конрада Геснера¹², а также сопутствующие ей «Двадцать одна книга Пандект или Всеобщих разделений» («*Pandectarum, sive Partionum universalium ... libri XXI*», напечатанная в 1548 г., «Теологические разделения, последняя книга Всеобщих пандект Конрада Геснера» («*Partiones Theologicae, Pandectarum universalium Conradi Gesneri liber ultimus...*» 1549 г. и, наконец, «Прибавление к Библиотеке Конрада Геснера...» (*Appendix Bibliothecae Conradi Gesneri*) 1555 г.¹³ – весьма важный библиографический труд, имевший программный характер, поскольку в дальнейшем авторы работ по библиографии, как правило, ориентировались на произведение Конрада Геснера. В XVI в. и позднее библиография воспринималась как историческая наука, цель которой – охватить весь комплекс знаний, накопленных человечеством, систематизировать культурные достижения цивилизации, отразившиеся в книгах, созданных человечеством.

Позднее, когда французские книжники писали о «литературной истории» («*histoire littéraire*») они имели в виду не историю литературы в ее современном значении, а историю всей совокупности рукописных и печатных книг.

Важно и то, что в названии работы Геснера нет слова «библиография», она названа «библиотекой». В XVI–XVII вв. работы, которые сегодня мы отнесли бы к библиографическим, как правило, не содержали в заглавии слово «библиография». Они назывались «библиотека», «каталог», «лексикон», «индекс», «тезаурус», «реперториум». Попытки представить перечни таких трудов предпринимались в XVII в. Так, Филипп Лаббе в свой труд «*Bibliotheca Bibliothecarum...*»¹⁴, вышедший в 1664 г., включил около 1500 описаний каталогов библиотек, перечней, указателей. При этом, включив в свой указатель все известные ему работы, содержавшие в заглавии слово «библиотека», в том числе и не являвшиеся библиографическими трудами, например, биографии писателей, списки профессоров разных университетов, сборник биографий итальянских художников, Лаббе не включил труды, содержавшие в заглавии слово «библиография». Отчасти это понятно, так как в начале XVII в. труды, включавшие в заглавие слово «библиография», как правило, не имели вида

каталогов, перечней. Примером может служить «*Bibliographia politica*» («Политическая библиография») Габриэля Ноде, изданная в 1633 г.¹⁵. Как пишет автор, в своем труде он постарался представить сведения о тех произведениях, которые могут помочь в изучении политики. Рассуждая о многих книгах, которые соответствуют его тематике, создатель библиографии предлагает это не в виде привычного для нас списка, а в виде связного текста, и лишь в конце приведен список авторов, о трудах которых говорится в книге, – начиная с античных авторов и заканчивая современниками Ноде.

Одной из первых работ, где объединены понятия «библиография» и «каталог», является труд Луи Жакоба «Всеобщая Галльская библиография, т. е. Каталог всех книг, напечатанных в 1643, 1644 и 1645 гг. во всем королевстве Галлии» («*Bibliographia Gallica universalis, hoc est, Catalogus omnium librorum per universalum regnum Galliae annis 1643, 1644 et 1645... excusorum*»)¹⁶, опубликованной в четырех томах в 1646–1653 гг.

К XVII–XVIII вв. относится становление терминологии науки о книге. О термине «библиография» мы уже упоминали. Как считал А. И. Малеин, первое его употребление в значении «составление каталога книг» относится к 1618 году¹⁷. Вводятся в употребление и такие понятия, как «библиология», «библигнозия, библигност», «библиофилия, библиофил» (это понятие сменило другое – «филобиблон», употреблявшееся, например, в XIV в. Ричардом де Бери). При этом большинство указанных терминов предложено аббатом Жаном Жозефом Ривом (1730–1792). Рив был известен своей нетерпимостью к ошибкам в библиографических трудах и поэтому заслужил прозвище «истинного палача библиографов». Именно ему мы обязаны введением в оборот термина «библиология». В книге «Охота на библиографов и недостаточно осторожных антикваров» («*La chasse aux bibliographes et antiquaires mal-avisés*»), изданной в 1789 г.¹⁸, Рив писал, что «библиология ... означает искусство рассуждать о книгах и говорить о них с уверенностью или в отношении их содержания, или в отношении их истории»¹⁹. Таким образом, в словаре Пеньо получила отражение постепенно складывающаяся терминсистема науки о книге.

В XVII–XVIII вв. формируется научный комплекс дипломатики – палеографии. Наиболее известными деятелями в этой области были Жан Мабильон и Бернард де Монфоко. Мабильон в 1681 г. опубликовал труд «Дипломатика в 6 книгах» («*De re Diplomatica libri VI*»)²⁰. В труде Мабильона приводились характеристики основных разновидностей латинских средневековых грамот, были проанализированы особенности их структуры и стиля, большое внимание уделено хронологии, почеркам, печатям. Таким образом, дипломатика – это наука, определяющая подлинность древних актов и грамот. В системе Пеньо она занимает второе место и определяется как «наука и искусство знать различные надписи (письмена) и даты грамот»²¹. В 1708 г. появилась «Греческая палеография» («*Paleographia graeca*») Бернарда де Монфокона. Палеография выделилась из дипломатики, и в труде Монфокона проанализированы греческие рукописи. В 1739 г. Монфоко выпустил обширный двухтомный труд «*Bibliotheca bibliothecarum...*»²², который включал описание рукописей, хранящихся в самых разных библиотеках, в основном в библиотеках монастырей.

Комплекс знаний дипломатики – палеографии, так же, как и сведения о Мабильоне и Монфоконе, представлены у Пенью достаточно подробно.

В своей системе Пенью не выделил особую дисциплину, которая кумулировала бы библиотковедческое знание, однако в тексте словаря есть статьи «Библиотекарь» («Bibliothécaire») ²³ и «Библиотеки» («Bibliothèques») ²⁴, и здесь у него тоже были предшественники.

В книге Габриэля Ноде «Совет по устройству библиотеки...» («Advis pour dresser une bibliothèque...»), изданной в Париже в 1627 г., помимо советов по организации библиотек и некоторых правил библиотечной работы, содержатся экскурсы в историю библиотек, так как автор считал, что главное для библиотекаря – постичь духовное наследие человечества ²⁵. Ноде писал о наиболее известных и редких книгах, а рассуждая о различных каталогизационных системах, рассматривал и списки книг, которые по традиции его времени назывались «библиотеками».

Если же проанализировать состав тех трудов, которые вышли позднее книги Ноде: «Трактат о наилучших публичных и частных библиотеках, существовавших и существующих в мире» («Traité des plus belles bibliothèques publiques et particulières, qui ont été et qui sont à présente dans le monde») Луи Жакоба (1644) ²⁶, «Трактат исторический о наилучших библиотеках в Европе» («Traité historique des plus belles bibliothèques de l'Europe») Пьера Галуа (1680) ²⁷, «Рассуждение о библиотеках...» («Dissertation sur les bibliothèques...») Ж. Дюрея де Нуавилля (1758) ²⁸, то эти труды, и особенно два последних, важны тем, что в них уже представлена определенная система знаний. Так, в книге Галуа последовательно приводятся следующие сведения: книги и библиотеки у древних евреев; первые книги и библиотеки у египтян, финикийцев и арабов; первые книги и библиотеки у греков, римлян; библиотеки у христиан в первые века христианства, библиотеки у христиан в века варварства (т. е. в средние века); он пишет в целом о библиотеках, существовавших в средние века; о библиотеках Нового времени в Италии, Испании, Германии, Англии, Дании и других странах Европы; библиотеках во Франции; библиотеках в странах Востока, а затем – об изобретении книгопечатания, о первых печатных книгах и первых печатниках; о некоторых редких, недавно найденных книгах; излагает он и способы организации библиотеки (des moyens de composer une Bibliothèque).

В книге Дюрея де Нуавилля, изданной в XVIII в., содержится попытка определения понятия «библиотека» и, так же, как и его предшественники, он приводит сведения о библиотеках в древности, например, сведения о знаменитой Александрийской библиотеке, библиотеках в Древнем Риме, Византии, затем – в Западной Европе (наиболее обстоятельно – во Франции), затем сведения по истории книгопечатания. В его труде приведен и перечень трудов, содержавших в заглавии слово «библиотека», «каталог», «индекс», т. е. известные ему каталоги библиотек. Любопытно, что так же, как и Лабе, он приводит сведения об Индексе запрещенных книг (Index librorum prohibitorum) и о так называемых «ученых журналах», в том числе об указателях к ним (например, о предметном указателе к «Журналу ученых» – «Table général de matières contenues dans le Journal des Sçavans»), но не приводит сведения о трудах, имеющих заглавие «библиография».

Подробные сведения о библиотеках и древних, и современных приведены и в «Словаре» Пенью ²⁹. Правда, если в работах вышеуказанных авторов сведения по

истории библиотек, как правило, приводились в хронологической последовательности, то Пеньо сгруппировал их по словарному принципу – в алфавите древних народов, стран и городов.

Труды, непосредственно посвященные тем отраслям знания, которые входят в современное книговедение, например, по истории книгопечатания появляются еще в XVI в. К XVII в., по свидетельству историков книги, относится начало научного изучения истории книжного дела. Наиболее известным, как мы знаем, является труд Бернарда фон Малинкродта «О возникновении и развитии типографского искусства» («De Ortu ac Progressu Artis Typographicae Dissertatio historica»), изданный в Кельне в 1640 г.³⁰ Применительно к XVIII в. уже можно говорить о типологии подобных работ. В частности, в статье Анны Жбиковской-Мигонь «У истоков европейского книговедения: типология публикации по истории книги в XVIII столетии»³¹, а до этого в ее книге «Historia książki w XVIII wieku: początki bibliologii», имеющей историографический характер, автор пишет о том, что в XVIII в. печатная продукция по библиологии охватывала уже достаточно широкий круг проблем: история письма, история рукописной книги, печатного и книгоиздательского дела, история библиотек. Особое значение, подчеркивает автор, имели работы по истории книгопечатания. Это труды Михаэля Метера, Проспера Маршанда, Иоганна Келлера, Иоганна Шепфлина, Герарда Меермана.

Таким образом, можно констатировать, что именно в XVII–XVIII вв. в Западной Европе происходит становление науки о книге, формируются отдельные научные комплексы, которые впоследствии уже были представлены в концептуальных теоретических трудах, и не только у Пеньо, но у его предшественников, например, у Михаэля Дениса, концепция которого появилась в XVIII в.

Если отталкиваться от трех типов концепций книговедения, о которых писал И. Е. Баренбаум в «Основах книговедения», то, несомненно, что концепция Пеньо относилась ко второму их виду и представляла собой «комплекс наук о книге и книжном деле, связанных между собой»³², не случайно Е. Л. Немировский назвал ее «наукой наук». Для Западной Европы начала XIX в. было характерно стремление объединить, систематизировать все доступные сведения, в той или иной мере касающиеся книги – рукописной и печатной. Вероятно, поэтому в систему науки о книге на начальных этапах ее развития включались комплексы научного знания, которые в современном книговедении не представлены, поскольку с течением времени они выделились в качестве самостоятельных научных дисциплин.

Примечания

¹ Migoń K. Парадигмы науки о книге двести лет тому назад и сегодня // *Knugotyra. Vilnius*, 2010. Т. 54. С. 44–53.

² Там же. С. 45.

³ Мигонь К. Историография науки о книге: концептуальные парадигмы // *Библиография*. 2017. № 5. С. 5–18.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Ленский Б. В. Наука о книге: дискуссия продолжается // *Книга: исслед. и материалы*. М., 2007. Сб. 86, ч. 1. С. 48–49; Беспалова Э. К. Одна, две или три науки?: [рец. на кн.: Леликова Н. К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в

России в XIX – первой трети XX века. СПб., 2004] // Там же. С. 50–66; Леликова Н. К. Наука о книге в России, или К вопросу о методологии исторических исследований // Там же. С. 67–103.

⁶ Peignot G. Dictionnaire raisonné de Bibliologie... Paris, 1802. Т. 1–2; Supplément. Paris, 1804.

⁷ Koredczuk B. Początki teorii bibliologii: Dictionnaire raisonné de Bibliologie (1802–1804) Gabriela Etienne’a Peignota: analiza i recepcja. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. 182 s.

⁸ Пенью Э. Г. [Г. Э.] Синоптическая (сводная) таблица библиологии, или Методический обзор все основных разделов, составляющих эту науку / пер. с фр. М. Б. Рясенцевой // Книга: исслед. и материалы. М., 2007. Сб. 86, ч. 1. С. 89–103. Перевод с оригинала: Peignot G. Tableau Synoptique de Bibliologie, ou Apperçu méthodique de toutes les parties essentielles qui composent cette science // Peignot G. Dictionnaire raisonné de Bibliologie... Paris, 1802. Т. 1. Вклейка. [С. 1–5].

⁹ Peignot G. Dictionnaire raisonné de Bibliologie... Paris, 1802. Т. 1. P. 335–366.

¹⁰ Там же. P. 379–398.

¹¹ Там же. P. 379.

¹² Gesner C. Bibliotheca Universalis, sive Catalogus omnium scriptorum locupletissimus, in tribus linguis Latina, Graeca et Hebraica... Tiguri: apud Christophorum Froshoverum, 1545. [XVIII], 631 f.

¹³ Gesner C. Pandectarum, sive Partionum universalium ... libri XXI... Tiguri: excudebat Christophorus Froshoverus, 1548. [VI], 374 f.; Partiones Theologicae, Pandectarum universalium Conradi Gesneri liber ultimus ... Tiguri: exudit Christophorus Froshoverus, 1549. [XXI], 157 f.; Appendix Bibliothecae Conradi Gesneri... Tiguri: apud Christophorum Froshoverum, 1555. [VIII], 106 f.

¹⁴ Labbé Ph. Bibliotheca Bibliothecarum, preecessaria omnibus bibliothecariis, et quibuscumque librorum amatoribus // Bibliotheca Bibliothecarum curis secundis auctior. Accedit Bibliotheca nummaria in duas partes tributa... Ed. 2. Parisiis: apud Ludovici Billaine, 1664. P. 1–216, 315–335.

¹⁵ Naudaei G. Parisiensis Bibliographia politica... Venetiis: apud Fr. Baba, 1633. 115 p. Книга была переведена на французский язык и издана в Париже: Naudé G. La Bibliographie politique... Paris, 1642.

¹⁶ Jacob L. Bibliographia Gallica universalis, hoc est, Catalogus omnium librorum per universalium regnum Galliae annis 1643, 1644 et 1645... excusorum. Parisiis: R. Le Duc (S. Cramoisi), 1646–1653. 4 vol.

¹⁷ Малейн А. И. О термине «библиография» // Библиографические листы Русского библиологического общества. 1922. Лист 1. С. 3.

¹⁸ Rive J. J. La chasse aux bibliographes et antiquaires mal-avisés. A Londres: chez N. Arpobe, 1789. 2 vol.

¹⁹ Цит. по: Малейн А. И. К истории термина «библиология» // Книга и революция. 1923. № 3 (27). С. 46.

²⁰ Mabillon J. De re Diplomatica libri VI... Luteciae; Parisiorum: sumtibus Ludovici Billaine, 1681. XIX, 664 p.

²¹ Montfaucon B. de Palaeographia Graeca, sive de Ortu et Progressu literarum graecarum... Parisiis: apud Ludovici Guerin [etc.], 1708. [18], XXIX, 574 p.

²² Montfaucon B. de Bibliotheca Bibliothecarum manuscriptorum nova... Parisiis: apud Briasson, 1739. 2 vol.

²³ Peignot G. Dictionnaire raisonné de Bibliologie... Paris, 1802. Т. 1. P. 54–58.

²⁴ Там же. P. 58–108.

²⁵ Naudé G. Avis pour dresser une bibliothèque, présenté à Monseigneur le President du

Mesme... A Paris: cher François Targa, 1627. 167 p. Книга была переиздана в 1963 г. в Лейпциге издательством Veb Editon.

²⁶ Jacob L. Traitté des plus belles bibliothèques publiques et particulières, qui ont esté et qui sont à présente dans le monde... Paris: R. Le Duc, 1644. 717 p., l'appendice et la table.

²⁷ Le Gallois P. Traitté historique des plus belles bibliothèques de l'Europe... Paris: cher Estienne Michallet, 1680. 210, [28] p.

²⁸ Durey de Noinville J. B. Dissertation sur les bibliothèques avec une Table Alphabétique, tant des Ouvrages publiés sous le titre de Bibliothèques que des Catalogues imprimés de plusieurs Cabinets de France et des pays étrangères. A Paris: H. Chaubert et HERRISANT, 1758. 90 p.

²⁹ Peignot G. Dictionnaire raisonné de Bibliologie... Paris, 1802. Т. 1.

³⁰ Mallinkrot B. von De Ortu ac Progressu Artis Typographicae Dissertatio historica... Köln: apud Ioannem Kinchium, 1640. [5], 152 S.

³¹ Żbikowska-Migoń A. У истоков европейского книговедения: типология публикаций по истории книги в XVIII столетии / пер. с пол. Алина Шошев // Кнуготура. Vilnius, 2010. Т. 54. С. 62–73.

³² Баренбаум И. Е. Основы книговедения. Л.: ЛГИК им. Н. К. Крупской, 1988. С. 54.

Р. С. Гиляревский

Чего мы ждем от книги и книговедения в ближайшие годы?

Чтобы ответить на этот вопрос, в статье поясняется, что понимается под книгой, книговедением и ближайшими годами, и как развиваются события в этих сущностях. Зарубежный и советский опыт прогнозирования научно-информационной деятельности в прошлом столетии показывает, что в течение 10–20 лет сами прогнозируемые сущности могут менять свои границы или даже природу. Трудности предвидения изменений в книговедении в том, что оно тесно связано со всем комплексом дисциплин документальной информации, а также с социальной психологией и национальной экономикой.

Ключевые слова: книга, книговедение, прогноз

Ruggero S. Gilyarevskiy

What do we expect from the book and bibliology in the coming years?

To answer this question, the article explains what is meant by book, bibliology and the coming years, and how will developing events in these entities. Foreign and Soviet experience of forecasting scientific and informational activities in the past century shows that during the 10–20 years these entities can change their boundaries or even the nature. The difficulty of foreseeing changes in bibliology consists in that they are closely related to the full range of disciplines of documentary information, as well as social psychology and national economics.

Keywords: book, bibliology, forecasting

Известно, что книга как сущность и как понятие об этой сущности имеет сотни определений на языках мира. И не только потому, что любое понятие может иметь много разных правильных определений в зависимости от их цели. Книга может рассматриваться как созданный человечеством способ доведения авторского произведения до использования определенным кругом людей. В этом значении книга постоянна в рамках нынешних цивилизаций. Но она мыслится и как множество технологий для реализации этой цели в рамках современных институций книжного дела – книгопроизводства, книгораспространения и книгоиспользования (редакционно-издательской, книготорговой, библиотечно-информационной, библиографической, архивной, документационной и других видов деятельности). И в этой своей ипостаси книга меняется, поскольку мы живем в момент слома привычных устоев под воздействием быстрого роста технологических достижений.

Книговедение как комплекс разных наук, изучающих книжное дело (история, теория, философия книги, библиотеко-, библиографо-, архиво-, документоведение, информатика) имеет все основания для дальнейшего развития, потому что эти достижения затронули все стороны книжного дела и породили общие для них проблемы. Эти достижения связаны с цифровизацией всех документов, содержащих результаты интеллектуальной деятельности. Развитие и распространение компью-

теров сделало возможной глобальную сеть Интернет, Всемирную паутину именно потому, что компьютер, созданный для быстрого счета больших чисел, умеет интерпретировать последовательность цифр не только как число, но и как номер. А занумеровать можно все: и буквы любого алфавита, и пиксели экрана, и звуки, воспринимаемые человеческим ухом. Мы все больше читаем тексты, смотрим фильмы, слушаем музыку в сети в цифровом виде. А в сети перестали работать все устоявшиеся веками нормы книжного дела – правовые, экономические, эргономические, эстетические.

Вместо обсуждения этих проблем мы уповаем на так называемые ИКТ (информационно-коммуникационные технологии), подразумевая английское *technology*, т. е. саму технику. А за этим стоят крупные изменения в юриспруденции, экономике, психологии, этике, эстетике и обобщенно в книговедении. И именно от представителей книжного дела должна и будет исходить инициатива в решении проблем, связанных с этими изменениями. Приведем примеры.

В государственном стандарте (ГОСТ 7.60–2003) до сих пор для определения издания, т. е. опубликованности произведения не предусматривается процедура регистрации обязательного экземпляра, хотя без этого произведение не появится в национальной библиографии, без чего нельзя будет узнать о его существовании. А для сетевых изданий пока такой признанной процедуры вообще не существует. В научном мире ширится движение за *открытую науку, открытый доступ к научным публикациям*. Выдвигаются различные экономические схемы поддержки издательского бизнеса, в том числе за счет оплаты публикационных расходов самими авторами (цена этой оплаты исчисляется тысячами рублей за статью). Никто при этом не думает о поддержании высокого уровня научных исследований.

Невероятно быстрое снижение стоимости и размеров электронной памяти и рост быстродействия компьютерных процессоров неожиданно лишили книжное дело этой важной функции – служить мерилom правильного развития научной деятельности. Стимулирование публикационной активности, включающее не только написание и издание научных произведений, но и читательский отклик на них в виде библиографических ссылок (на английский лад называемых *цитированием*) приводит к тому, что эти произведения создаются не для сообщения о результатах научных исследований, а для отчета начальству об индексах цитирования и Хирша. То обстоятельство, что книга теперь не только текст, но и звук, и движущееся изображение, ведет к деградации способности читать текст, видеть за ним жизнь, отличать хороший текст от плохого. Ведь не умеют читать текст теперь не только школьники, но и их преподаватели.

О *ближайшем времени*, т. е. времени, на которое разумно строить предвидение. Оно резко сокращается вместе с бурным развитием техники и технологии и не превышает 5–10 лет. В области широко понимаемого книжного дела накоплен богатый опыт прогнозирования. В числе заслуживающих внимания авторов прогнозных работ можно назвать П. Отле (1934), Ванневера Буша (1945), авторов докладов Римского клуба (1972–1990), Элвина Тоффлера (1970–1980), Дэниела Белла (1973), Жоржа Андерла (1973). Характерно, что продолжительность времени, на которую рассчитаны их прогнозы, постепенно уменьшается.

В некоторых работах представителей Римского клуба – международной неправительственной организации научных, политических и деловых кругов, образованной в 1968 г. – впервые стали строиться модели всеобщего развития человечества. Их работы, обычно называемые докладами Римского клуба, в свое время получили широкую известность¹. Однако, правильно намечая глобальные проблемы, авторы докладов видели их решение не в глубоких преобразованиях общественных отношений, а в изменении сознания людей и в совершенствовании индивидов. Очень часто в докладах Римского клуба решение гуманитарных проблем, в том числе и информационных, предлагалось в рамках одного лишь научно-технического прогресса.

В некоторых крупных работах того времени значительное внимание уделялось прогнозу развития информационной технологии. Например, в «Третьей волне» американского футуролога Э. Тоффлера, которая, в отличие от сельскохозяйственной «первой волны» и индустриальной «второй волны», во многом является «информационной волной», вопросам новой информационной технологии отводится большая роль. Автор рассматривает науку и технику как важнейший фактор социального прогресса. Он считает, что успехи электронно-вычислительной техники позволят людям, занятым переработкой информации, работать дома, внесут существенные изменения в сферу производства и распространения информации. Эти положения получили развитие в его книге «Метаморфозы власти»².

Уже в книге Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество»³ наука и научная коммуникация занимают существенное место в социологическом прогнозе – они рассматриваются, как катализатор процессов, происходящих в буржуазном обществе. Д. Белл в работе «Становление постиндустриального общества» считает, что теоретические знания и «интеллектуальная технология» становятся основными источниками нововведений, факторами развития и принятия решений, а университеты и исследовательские центры, производящие знания как стратегические ресурсы, – стержневыми структурами нового общества⁴. Не случайно одна из глав этой книги называется «Рост науки и производства: новая классовая структура постиндустриального общества». В третьем докладе Я. Тинбергена Римскому клубу в качестве одной из важнейших задач на будущее обособливается необходимость реформ в распространении информации.

Прогностические мысли П. Отле были высказаны в первой четверти XX в. и ориентированы главным образом на технические, научно-методические и организационные возможности того времени. Хотя эти возможности были весьма ограниченными, создатель теории документации и УДК чутко отзывался на технический прогресс средств коммуникации и не только верно оценил будущее значение аудиовизуальных средств, но и предвидел многие современные достижения. В наши дни решение выдвинутых им задач осуществляется с помощью электронной техники, автоматизированных систем, международных и национальных программ развития информатики.

П. Отле, разумеется, не мог предугадать деталей развития своих предсказаний. Но основную линию этого развития и его важнейшие моменты он предвидел правильно, вплоть до систем теледоступа к удаленным банкам данных. О его прогностическом даре можно судить по одному отрывку из «Трактата по документации»:

«Человеку больше не нужна была бы документация, если бы он стал всезнающим существом, подобным самому Богу. Но даже не столь высокая степень знания создаст оборудование, действующее на расстоянии, в котором соединятся радио, рентгеновские лучи, кинематограф и микроскопическая фотография. Все предметы Вселенной и Человека будут регистрироваться издалека, как только они будут созданы. Тем самым будет создан движущийся образ мира – его память, его подлинная копия. Любой человек сможет прочесть издалека спроецированный на его личный экран отрывок, расширенный или ограниченный до требуемого размера. Тем самым, сидя в кресле, любой сможет созерцать весь мир или отдельные его части»⁵.

В. Буш в своей замечательной прогнозной статье «Возможный способ нашего мышления» предвидел грандиозные преобразования информационной технологии, ее возрастающее влияние на социальную среду и говорил о возможном появлении совершенно новых типов справочников, учитывающих не только логические, но и ассоциативные связи. Многие ученые справедливо считают, что он предсказал системы гипертекста и мультимедиа. «Благодаря этим новым технологиям, – писал он, – юрист получит в свое распоряжение мнения и решения, основанные не только на собственном опыте, но и на опыте авторитетных коллег. Патентный эксперт сможет ориентироваться в миллионах патентов, следуя логике интересов своих клиентов. Врач будет сопоставлять симптомы болезней своих больных с ранее встретившимися ему случаями, с аналогичными историями болезней и соответствующими данными анатомии и гистологии. Химик, занятый синтезом органических веществ, будет иметь перед собой в лаборатории всю химическую литературу и информацию по аналогичным соединениям, их физическим и химическим свойствам»⁶. Мы знаем, что сегодня эти прогнозы осуществились.

А вот его предсказание относительно формирования профессии информационных работников оказалось преждевременным, потому что пока еще не утвердилась «новая профессия связных в науке, которые видят свою главную задачу в установлении полезных связей в огромной массе общих записей». Не реализованы пока и его мысли о связи книговедения и науки: «Наследие ученого заключается не только в его вкладе в мировую фонд записей, но и в постройке тех „лесов“, благодаря которым его ученики могут участвовать в возведении здания. Наука должна исследовать те способы, посредством которых люди производят, хранят и используют свои записи»⁷.

Интересно остановиться на прогнозе профессора Сорбонны экономиста Ж. Андерла, опубликованного Организацией экономического сотрудничества и развития в 1973 г. под названием «Информация в 1985 году»⁸. В отличие от других европейских и американских экономистов (включая Д. Прайса), которые считали, что к тому времени рост информации стабилизировался, Ж. Андерла утверждал, что за 1970–1985 гг. объем информации (измеряемой числом страниц книг и журналов) вырастет почти на порядок. Пережив эти полтора десятилетия, он сам констатировал, что недооценил рост числа журналов, названий книг и технологических новшеств, этот рост обеспечивших, но переоценил возможность таких научных достижений, как машинный перевод и автоматическое индексирование и реферирование.

Любопытно, что, несмотря на большие средства, затраченные на решение машинного перевода путем имитации этого интеллектуального процесса, современная практика использует метод сопоставления аналогичных фраз в языках оригинала и перевода. Это стало возможным благодаря большим объемам памяти и быстродействию компьютеров, т. е. технологическим достижениям, а не успехам фундаментальных исследований, направленных на понимание процесса перевода человеком.

Подводя итог под обзором зарубежных прогнозов, созданных крупными учеными прошлого, мы писали в 1996 г.: «Итак, в современных системах научной и технической информации все шире используются новейшие средства информационной техники. Однако они оказывают пока незначительное влияние на наиболее важные этапы научно-информационного цикла, связанные с творчеством. Это объясняется слабой изученностью творческих процессов, их структуры, особенностей отдельных этапов.

Мы до сих пор не знаем всех мотивов и целей, которые движут учеными при написании ими статей, докладов и книг. Поэтому в данный момент мы не можем выработать оптимальных структур для разных типов научных документов. Мы не умеем так организовать информационное обслуживание ученых и специалистов, чтобы они получали действительно нужную им информацию, в необходимом объеме и именно тогда, когда она им требуется. Слабая изученность процессов научного и технического творчества не позволяет нам повысить их эффективность»⁹. Под этим выводом можно подписаться и сегодня, поскольку названные проблемы книговедения остались нерешенными.

К тому же заключению пришли и мы в ВИНТИ РАН, поскольку участвовали в 1980-е гг. в работах Научного совета по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования при Президиуме АН СССР и ГКНТ СССР¹⁰. При этом мы старались избежать привычных методов экстраполяции данных за прошлые годы и опроса специалистов. Прогноз той или иной социальной области отличается от прогноза природных явлений, например, прогноза погоды тем, что любому общественному явлению присуща категория цели. Такой подход содержит не простой анализ наблюдаемых тенденций развития общественных явлений, а вскрывает их противоречия. Тогда прогноз становится поиском путей разрешения этих противоречий, достижения крупной цели, предполагающей дальнейшее совершенствование социальной системы или явления. Если в сценарии прогноза эти противоречия удастся разрешить теми или иными средствами, он может считаться оптимистическим. Этот метод прогнозирования, основанный на выявлении противоречий, Ю. А. Шрейдер предложил называть методом инвариантной цели. «Тенденция развития, – по его мнению, – запрятана не в наиболее ярких наблюдаемых сегодня эффектах, не в сегодняшнем самосознании (рефлексии) участников процесса, но в тех противоречиях, которые сегодня нарастают в прогнозируемом процессе или неминуемо должны в нем проявиться»¹¹.

Следуя этому методу, можно смело предсказать, что в ближайшие годы мы столкнемся с рядом достижений в книжном деле и книге как инструменте доведения авторского произведения до широкого круга пользователей. Книга все боль-

ше будет становиться мультимедийной и интерактивной, при этом ее объем, как и размер заключенных в ней произведений будет уменьшаться. Учитывая инерционность наших психофизических способностей к восприятию нового, резких изменений в соотношении цифровых и печатных книг ожидать не следует, хотя эти изменения будут неуклонно происходить, в первую очередь, в книгах специального назначения – словарях, справочниках, энциклопедиях, руководствах, учебниках и в других подобных, особенно ведомственных и продолжающихся изданиях. Можно уверенно предположить, что в этом секторе соотношение достигнет 10:1. Нельзя исключить, что появятся новые виды книг, пригодных для чтения (или прослушивания) в мобильных устройствах вплоть до вживляемых в человека.

Что касается книговедения, как бы его ни называть (библиологией или медиалогией), с какими научными дисциплинами его ни объединять (библиографией или коммуникативистикой), оно никуда не уйдет от необходимости решить острые противоречия современного состояния книжного дела. В первую очередь, это противоречия экономические – между стремлением ученых и специалистов сделать свои произведения более открытыми, доступными для широких кругов читателей и источниками средств для книгоиздателей. Другая сторона этого конфликта между авторами произведений и их издателями связана с цифровизацией книжного дела и нерешенностью финансовых, правовых, редакционных, оформительских и иных проблем, особенно для сетевых книг в Интернете.

Большую заботу у книговедения вызывает социологическое и психологическое явление чтения как художественных, так и специальных текстов. Наметились опасная тенденция, по-видимому, спровоцированная школьным преподаванием словесности, к фиксации внимания читающих на запоминании, а не осмыслении текста, к неумению почувствовать сущности и явления, лежащие за этим текстом. Видимо, именно это обстоятельство, а не только конкуренция мультимедийных средств приводит к уменьшению времени, затрачиваемого на чтение. А эта угроза выходит за рамки наших профессиональных интересов и компетенций, она затрагивает цивилизационные возможности общества.

Примечания

¹ Медоуз Д. и др. Пределы роста (1972); Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the turning point (1974); Тинберген Я. Пересмотр международного порядка (1976); Gabor D. et al. Beyond the age of waste (1978); Laszlo G. et al. Goals for mankind (1977.); Montbrial de Thierry E. Energy, the countdown, Jean-Claude Iatius (1978); Botkin J., Elmandjra M., Malitza M. No limits to learning (1978); Guernier M. Tiers-monde: trois quart du monde (1980); Giarini O. Dialogue on wealth and welfare (1980); Hawrylyshyn B. Road maps to the future (1980); Saint-Geours J. L'impératif de coopération Nord-Sud (1981); Schaff A., Friedrichs G. Microelectronics and society: for better or for worse (1982); Mann-Borgese E. The future of the oceans (1986); Lenoir R. Le tiers-monde peut se nourrir (1984); Schneider B. The barefoot revolution (1985); Пестель Э. За пределами роста (1988); Giarini O., Stahel W. R. The limits to certainty (1989); Lemma A., Malaska P. Africa beyond famine (1989); Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция (1990). (Доклады перечислены в порядке их представления Римскому клубу, в скобках указан год первой публикации, по-русски приведены доклады, опубликованные на русском языке.)

² Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 261 с. (Toffler A. The third way. 1980); Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. 669 с. (Toffler A. Power shift: knowledge, wealth and violence at the edge of the 21st century. 1990).

³ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. 1200 с. (Антология экономической мысли).

⁴ Bell D. The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting. New York: Basic Book, 1973. XIII, 507 p.

⁵ Otlet P. Traité de documentation. Bruxelles: Ed. Mundaneum, 1934. P. 390–391.

⁶ Bush V. As we may think // Atlantic Monthly. 1945. Vol. 176, № 1. P. 103.

⁷ Там же. P. 106.

⁸ Anderla G. Information in 1985: A forecasting study of information needs and resources. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 1973. P. 15.

⁹ Инфосфера: информационные структуры, системы и процессы в науке и обществе / Ю. М. Арский, Р. С. Гиляревский, И. С. Туров, А. И. Черный. М.: ВИНТИ, 1996. С. 433.

¹⁰ Комплексный прогноз основных тенденций развития информационной службы за рубежом на 1991–2010 годы (по пятилетиям) // Важнейшие научно-технические и социально-экономические прогнозы. М.: ВИНТИ, 1987. 59 с.

¹¹ Шрейдер Ю. А. Методологические проблемы прогнозирования информационной деятельности // Научно-техническая информация. 1982. Сер. 2, № 5. С. 4.

Д. А. Эльяшевич

Книговедение: жизнь после смерти

В статье рассматриваются основные этапы истории российского книговедения в XX – начале XXI в. и анализируются причины его современного кризисного состояния. К числу таких причин относятся обособление книговедения от общегуманитарного знания и попытки подменить книговедение документоведением. Автор обосновывает необходимость медиалогического понимания книговедения и предлагает конкретные шаги, которые необходимо предпринять для вывода книговедения из кризиса.

Ключевые слова: книга, книговедение, кризис, медиалогия, документоведение, теория коммуникации

Dmitry A. Elyashevich

Bibliology: Life after Death

The article provides an overview of the main historical stages in Russian bibliology starting with the early 20th century until the beginning of the 21st century. The reasons behind the current crisis in the bibliology in Russia are examined including their separation from the general humanities studies and attempts to replace the bibliology with the documentology. The author insists on mediological understanding of the bibliology and proposes certain steps to end the crisis.

Keywords: book, bibliology, crisis, mediology, documentology, communication theory

В последнее – и причем уже довольно продолжительное – время разговоры о глубоком кризисе отечественного теоретического книговедения стали общим местом в разнообразных публикациях и дискуссиях на научных конференциях. Причины этого кризиса называются самые разные, зачастую – прямо противоположные друг другу. Приходится слышать, что кризис книговедения является прямым следствием кризиса книжного дела (на самом деле, кризиса мнимого, поскольку им почему-то называют процесс эволюционного изменения книжного дела в принципиально новых цифровых реалиях современности) или что неудовлетворительное состояние нашей науки проистекает исключительно из того, что оно не до конца взяло на вооружение «всеобщие», «универсальные» законы «документологии», и когда все, без изъятия, книговеды наконец принесут клятву верности документу (и его проповедникам), ситуация волшебным образом мгновенно исправится. На наш взгляд, все подобные объяснения очень далеки от правды. Попытка – на уровне субъективных рассуждений, не претендующих, естественно, на истину в последней инстанции – разобраться с тем, что происходило и происходит в книговедении, каковы истинные причины его несомненного кризиса, а также наметить пути преодоления этого кризиса, является задачей настоящей статьи.

Отечественное теоретическое книговедение в процессе своего развития прошло несколько этапов, отличавшихся различной научной результативностью и

разной степенью влияния на последующие поколения исследователей. Если рассматривать книговедение XX в., то, по нашему мнению, «живыми», сохраняющими свое научное значение, можно признать работы Н. А. Рубакина («Психология читателя и книги»), А. М. Ловягина («Что такое библиология», «Основы книговедения»), М. Н. Куфаева («Проблемы философии книги», «Книга в процессе общения») и появившиеся 50 лет спустя труды представителей так называемой функциональной школы – А. И. Барсука, И. Е. Баренбаума, А. М. Иоффе и др. К этому списку, без сомнения, следует добавить незаслуженно забытые сегодня исследования В. С. Люблинского, в первую очередь – «К вопросу об общественной роли письма и книги», «Подвиг Гутенберга» и «Ранняя книга как ступень в развитии информации». Вполне актуальными остаются труды Е. Л. Немировского, например, его статья «К вопросу об определении книги как знаковой системы» и А. С. Мыльникова («Книга и культура», «Международные культурные связи и некоторые вопросы книговедческой эвристики», «Книговедение и культура» и др.).

При всем различии перечисленных выше работ, у них есть ярко выраженное объединяющее начало: все они так или иначе признавали коммуникативную природу книги и книжного дела как основу их существования, как онтологическую характеристику. Н. А. Рубакин, например, писал о книжном деле как о процессе «производства, круговращения и потребления ценностей печатного, рукописного, а также устного слова»¹. Важнейшим собственно книговедским достижением Н. А. Рубакина следует считать включение автора, процесса создания текста и чтения в сферу интересов книговедения, в результате чего объектом этой науки становится система «автор – книга – читатель»². А. М. Ловягин, определяя книговедение, указывал, что оно является наукой «о книге как общении людей между собой» – это утверждение открывает его работу «Основы книговедения»³. Задача книговедения, по А. М. Ловягину, – изучать «генезис и развитие книжного общения, способы этого общения, то есть, прежде всего, виды книг в обширном смысле этого слова, и, наконец, силы, влияющие на тот или иной характер книжного общения»⁴. Отметим, что А. М. Ловягин не только совершенно не обособлял книговедение, но и включал его в качестве составной части в более широкую и универсальную научную дисциплину: «В смысле философском это не будет отдельная наука. Это отрасль „большой“ науки об общении людей, социологии, или „культурологии“, как ее желал назвать В. Оставальд». Соответственно, продолжал развивать свою мысль А. М. Ловягин, «позволительно будет пролагать пути к общей науке о человеческой культуре и по тропинке изучения книжной производительности человечества»⁵.

Особенно значим вклад в развитие теоретического книговедения М. Н. Куфаева. Определяя книгу как «вместилище всякой мысли и слова, облеченных в видимый знак»⁶ и затем подробно обосновывая этот тезис с опорой на понимание коммуникативной природы книги и книжного дела, М. Н. Куфаев, сам того не ведая, несомненно, заложил основы семиотических представлений о книге, получивших распространение (по преимуществу, не в книговедении и не в русскоязычных работах) лишь много лет спустя. М. Н. Куфаеву принадлежит провидческая мысль о том, что книга на пути к читателю приобретает «множественное авторство». «Кто автор романа? Тот, кто его сочинил. А подлинный автор книги? Не только писатель, но и издатель, и наборщик, и метранпаж, и печатник... Создание книги принадлежит

не личности, а личностям, коллективному творцу»⁷. Перевод этого высказывания на язык современных нам коммуникативистики и медиологии, совершенно незнакомых с теоретическим наследием М. Н. Куфаева, будет звучать следующим образом: канал передачи моделирует сообщение. В работе «Книга в процессе общения» М. Н. Куфаев неоднократно говорит о материальности текста и о его сущностной зависимости от этой материальности. Еще одним достижением М. Н. Куфаева, намного опередившим свое время, было утверждение об общении автора и читателя, об их сотворчестве, способном привести к созданию новых смыслов. Многие из этих предположений впоследствии получили «второе рождение» в трудах представителей франко- и англоязычной школы «истории чтения», не знающих ни «Проблем философии книги», ни «Книгу в процессе общения». Наконец, М. Н. Куфаеву принадлежит утверждение о том, что «книга должна стать субъектом, посредствующим между автором и читателем и вращающимся в социальной среде»⁸. Это утверждение, вероятно, является наиболее ценным и основополагающим в научном наследии ученого, поскольку оно является ничем иным, как определением книги в качестве медиума, который, как известно, представляет собой средство, посредствующий носитель, передающий сигнал или сообщение от источника к приемнику. Остается лишь удивляться, почему все писавшие о М. Н. Куфаеве в последние десятилетия не обратили должного внимания на эти его абсолютно новаторские суждения. Очевидно, что изучение научного наследия М. Н. Куфаева с точки зрения современных медийных представлений о книге и книжном деле остается важной и очень актуальной задачей.

Сейчас становится понятно, что пробуждение отечественного книговедения от летаргического сна в саркофаге «буржуазной науки» фактически началось не на рубеже 60-х, как это было принято считать, а несколько раньше – в 1952 г., когда В. С. Люблинским была написана статья «К вопросу об общественной роли письма и книги». К сожалению, свет она увидела лишь в 1972 г., уже после смерти ученого, и не получила серьезной оценки в книговедческом сообществе. Между тем, эту статью следует признать классической. Демонстрируя поразительный дар предвидения, В. С. Люблинский утверждает в ней, что изучение книги должно начинаться с изучения письма, и первым в отечественной науке вводит разграничение письма и письменности. В центре внимания В. С. Люблинского находится коммуникативная, медийная природа письма, причем с самых ранних, «вещных» его форм, когда «предмет и его положение приобретают коммуникативную функцию, и притом – резко отличную от языка»⁹. Здесь же В. С. Люблинский впервые указывает и на непосредственную связь способов письма и материалов для письма, их прямую взаимозависимость: «Иероглифика в Египте создала папирус, в Междуречье – глиняные таблетки, в Китае – письмо на шелку и бумаге. Именно такого рода универсальный, неограниченный в отношении объема текста материал <...> был материально-технической предпосылкой формирования длинных связанных текстов, текстов любого содержания, скажем определеннее: был предпосылкой появления книги»¹⁰. Это утверждение чрезвычайно близко к сегодняшним представлениям о зависимости сообщения от своего носителя и о том, что изменение формы или природы медиума изменяет коммуникацию, которая, в свою очередь, изменяет общество. В. С. Люблинский, говоря о развитии материалов для письма и самого

письма как такового, подчеркивал их эволюционное стремление к портативности, означающее, выражаясь современным языком, ни что иное, как превращении книги в своего рода портативную Родину и портативного Бога. Совершенно поразительно, как В. С. Люблинский до появления работ Л. Февра и А.-Ж. Мартена, М. Маклюэна, Р. Шартье, Р. Дебрэ, от которых отталкивается сегодня в своем развитии зарубежное книговедение и история книги, смог, формально оставаясь в рамках ортодоксального марксистско-ленинского исторического материализма, сформулировать такие фундаментальные тезисы, как, например, влияние материальной формы письменного текста на культуру и идеологию или роль книгопечатания и чтения в подготовке революционных потрясений общества. Для иллюстрации этого достаточно привести всего две цитаты. «Не случайно <...> сшитая из тетрадей книга, так называемый кодекс, возобладает над свитком: он обеспечивает точное списывание, тогда как свиток – гораздо менее надежный хранитель текстуальной точности»¹¹. И страницей выше: «...никогда прежде печатный станок не оснащал так идеально революцию в умах, как в XVIII в.»¹². Остается лишь сожалеть о том, что работы В. С. Люблинского не были в свое время переведены на французский и английский языки; да и в России они, как уже было отмечено, сегодня мало кому известны и интересны. Их возвращение в современный книговедческий дискурс – тоже весьма актуальная задача.

Хронологически последними в нашем списке «живых», то есть и поныне сохраняющих свое научное значение отечественных книговедческо-теоретических работ, были названы сочинения двух крупнейших представителей так называемой функциональной школы – А. И. Барсука и И. Е. Баренбаума. Во многом это объясняется тем, что они основывались на достижениях ученых первой половины XX в., прежде всего, М. Н. Куфаева (который, как известно, был непосредственным учителем И. Е. Баренбаума). Ценность научного наследия функциональной школы – в сохранении приверженности идее о коммуникативной природе книги и книжного дела и первостепенном внимании к изучению читателя и чтения. Следует также подчеркнуть несомненную «культуроцентричность» работ А. И. Барсука и И. Е. Баренбаума и их широкий культурно-исторический контекст. В качестве парадоксального надо, вероятно, рассматривать тот факт, что функциональная школа формально считала себя продолжательницей идей и традиций, заложенных П. Н. Берковым и И. В. Новосадским, – по сути дела, могильщиков классического отечественного книговедения 20-х гг. и яростных критиков М. Н. Куфаева.

Суть функциональной школы, или функционального подхода в книговедении заключается в том, что книга и книжное дело изучаются не сами по себе, не как самостоятельные и самоценные сущности, а в соотношении с читателем. Иными словами, анализируются не отдельные факты и явления, а книга в процессе движения, так сказать, жизненный цикл книги, ее общественные – объективные и субъективные – функции. И. Е. Баренбаум в известной статье «Функциональный подход и его применение в книговедении» совершенно правомерно писал о необходимости «изучения книги как *процесса* (курсив мой – Д. Э.) в ее движении от автора к читателю»¹³. Суммируя свои теоретические представления, И. Е. Баренбаум указывал: «Изучение функций книги, ее типов, читательских интересов составляет сердцевину функционального подхода в книговедении, также как и требование системно-

сти, рассмотрения книги как определенной системы всех ее внешних и внутренних элементов, в связи с ее содержанием и читательским адресом»¹⁴.

Важнейшим достижением функциональной школы стало возвращение истории читателя и чтения в орбиту книговедения. Нельзя, правда, сказать, что такое возвращение было теоретически последовательным; оно во многом замыкалось на частных проблемах и не выходило на уровень серьезных обобщений. Об этом свидетельствует, среди прочего, определение, данное И. Е. Баренбаумом в 1973 г.: «Историю читателя можно <...> определить как область знания, изучающую читательские интересы и круг чтения отдельных лиц и целых социальных групп и слоев, чтение ими книг и других произведений печати, имеющих хождение в тот или иной исторический период. История читателя изучает также формирование читательских интересов, отношение читателя к книге, влияние, которое книга оказывает на читателя в процессе чтения, выступая в качестве важнейшего фактора воспитания личности и формирования ее мировоззрения»¹⁵. Из этого определения очевидно следует, что чтение рассматривается как частная проблема, исключительно на уровне отдельной личности без выхода на широкие культурологические и социологические обобщения. Упоминание «целых социальных групп и слоев» в данном случае ничего сущностно не меняет, поскольку ни в работах самого И. Е. Баренбаума, ни в трудах его коллег и последователей нет указаний на то, как именно и с какой целью может и должно изучаться чтение этих групп. Более того, И. Е. Баренбаум специально подчеркивает, что «изучение обратной связи «читатель – книга» позволяет <...> понять определенные закономерности, вызывающие к жизни и обеспечивающие популярность того или иного типа и вида издания, той или иной конкретной книги, книг того или иного автора, а также проблемы тиражирования, ценообразования, оформления, географию распространения и многое другое, что входит в круг книговедческого знания»¹⁶. Вместе с тем, нельзя не признать, что выход в свет нескольких сборников серии «История русского читателя», инициированной И. Е. Баренбаумом при деятельной поддержке А. В. Блума и И. А. Шомраковой, стал одним из наиболее значимых событий послевоенной отечественной науки о книге.

Функциональная школа, на наш взгляд, завершила собою позитивный этап развития отечественного книговедения. Все то, что происходило в нем и с ним далее, можно назвать, перефразируя Э. Фромма, «бегством от культуры».

Возможны два принципиально различных подхода к книговедению. В соответствии с одним из них, книговедение должно рассматриваться максимально широко, как составная часть той или иной более общей гуманитарной дисциплины – будь то культурология, коммуникативистика, медиалогия и т. д. В прошлом предпринимались даже попытки объявить само книговедение «обобщающей общественной наукой», в создании которой, как писал А. А. Сидоров, «одинаково участвуют и история культуры, и история техники, и теория информации, и эстетика»¹⁷. Согласиться с таким утверждением признанного мэтра отечественного книговедения, конечно, сложно, но его пафос вполне понятен и позитивен. Многократно цитировавшийся выше В. С. Люблинский, которого целиком и полностью можно причислить к сторонникам этого первого подхода, отмечал, что «только поднимаясь до постановки общеисторических проблем, становятся наукой такие практические дисциплины,

как книговедение (или его разделы вроде инкунабуловедения), как некоторые виды библиографии, библиотеконмии и т. п.»¹⁸. Именно такая широкая трактовка книговедения, вписывающая его в общегуманитарный дискурс, является, по нашему мнению, единственно правильной, конструктивной и, главное, перспективной с научной точки зрения. И именно она была свойственна всем перечисленным выше исследователям.

Второй подход противоположен первому и на практике ведет к максимальному обособлению книговедения, превращению его в замкнутую и якобы самодостаточную дисциплину, оторванную от передового общегуманитарного знания, эту такую «вещь в себе». Обосновывается этот подход может по-разному, подчас – диаметрально противоположно: тут и поиски некоей невременной, «идеальной» сущности книги, и обслуживание практических нужд книгоиздательской практики, и задачи использования книговедческого материала в повседневной библиотечно-библиографической деятельности, и даже противодействие цифровому натиску новой эпохи. Однако даже самый поверхностный анализ показывает, что такое «книговедение ради книговедения» оказывается совершенно ненужным – ни современному книжному делу, ни библиотекам, давно переставшими быть похожими на библиотеку Ашшурбанапала, ни центрам научной информации. По сути дела, такое книговедение превращается в изгой современной науки.

Бегство книговедения от культуры, начавшееся в СССР на рубеже 70–80-х гг. XX в., к сожалению, как раз и было поворотом в сторону такого второго подхода. Двумя важнейшими вехами на этом «пути с горы», на наш взгляд, стали сначала системно-типологическая концепция книговедения, а потом и прямая подмена книговедения «документологией».

Развитие системно-типологической концепции началось с публикации в 1970 г. статьи А. А. Беловицкой «Типологические признаки серийного издания художественной литературы»¹⁹. Уже этой ранней работе, посвященной частной проблеме издательской практики, было свойственно повышенное внимание к типологическому методу – для книговедения, по нашему глубокому убеждению, не основному и имеющему исключительно прикладной характер. В дальнейшем преувеличение значения и ценности этого метода привело к попытке построения на его основе всей теории книговедения. Теория эта исходила из того, что «теоретико-типологический метод как наиболее общий метод сущностных генетических исследований в книговедении есть в то же время и наиболее обобщенное знание об объекте и предмете книговедения»²⁰. Такое всеобъемлющее, «космическое» понимание типологического метода и типологии в целом закономерно приводило к его возведению в ранг универсального учения о «сущности, составе и структуре объекта и предмета науки, системе ее методов, а поэтому и о составе, структуре книговедения в целом, отдельных его дисциплин»²¹. На наш взгляд, совершенно очевидно, что любой метод, каким бы он универсальным – в действительности или в воображении пишущего о нем – ни был, не может являться основанием для теории. Ее построение на основе метода в корне противоречит принципам науки. К тому же, абсолютизация типологии и типологического метода в конечном итоге изымает книгу из культуры, а книговедение – из системы культурологического знания в самом широком его

понимании, и превращает книговедческое знание в схоластическую науку ради науки.

Гипертрофированное внимание представителей системно-типологической школы к проблеме метода и настойчивое стремление навести в этой сфере «идеальный порядок», разложив все по полочкам и строго классифицировав, вызывает очень много вопросов и недоумений. Проблема метода, особенно – в гуманитарных науках, далеко не так проста, как кажется. Методология, соотношение общенаучных и частнонаучных методов, а также сам факт существования последних, на протяжении XX столетия были предметом жарких дискуссий представителей разных дисциплин. Дискуссии эти еще далеко не завершены. Как следствие, построение законченной системы книговедческих методов на сегодняшний день невозможно, а попытки сделать это являются еще одним фактором, очевидно «выталкивающим» книговедение из сферы гуманитаристики.

Вершинным достижением системно-типологической школы обычно считают выработанное ею определение книги, подразделяющееся на несколько уровней (уровень всеобщего, уровень особенного, уровень единичного) и в своей совокупности занимающее страницу убористого текста. Книга в этом определении последовательно понимается как способ существования семантической информации, способ существования семиотической информации, способ организации произведения индивидуального сознания в произведении общественного сознания (организации литературного и иного произведения в произведение литературы и т. п.)²². Соответственно с этим определением буквально на каждой странице любого труда А. А. Беловицкой можно встретить инвективы в адрес тех, кто смешивает понятия «книга» и «книжное издание». Иными словами, книга как таковая, как книговедческая и культурологическая категория превращается в некий нематериальный объект, по сути дела, в фантом, в существование которого нам остается только верить, а книговедение, изучающее книгу, приобретает выраженные теологические очертания (которые, как ни странно, соседствуют у А. А. Беловицкой с непоколебимой материалистической уверенностью в существование объективных истин, объективной информации и проч.). И в этом – основное заблуждение системно-типологической школы. На самом деле, вне канала нет сообщения. Вне материальной формы нет и не может быть книги. Не существует книги «вообще» – она всегда предметна, вне зависимости от конкретных физических свойств этой предметности (неорганические соединения – камень; органические – папирус, пергамен, бумага, ранние чернила; движущийся поток заряженных частиц – электричество и т. д.).

В своем законченном и наиболее стройном виде системно-типологическая концепция представлена в двух изданиях учебника А. А. Беловицкой по общему книговедению, увидевших свет с 20-летним интервалом – в 1987 и 2007 г. Следует отметить, что они являются единственными на русском языке учебными изданиями в данной предметной области. И в этом, несомненно, их ценность. В силу своей уникальности они много лет использовались и продолжают использоваться сегодня при обучении магистрантов и аспирантов институтов культуры – вне зависимости от того, как относятся те или иные преподаватели к содержанию этих учебников²³.

Для характеристики системно-типологической школы большой интерес представляет сравнительный анализ этих двух изданий учебников А. А. Беловицкой,

ведь за время, отделяющее их друг от друга, мир пережил четвертую информационную революцию и стал принципиально, до неузнаваемости иным. Можно было бы предположить, что это обстоятельство заставит автора учебника если и не кардинально, то, по крайней мере, очень существенно пересмотреть и откорректировать его содержание. К сожалению, этого ни в малейшей степени не произошло. Все основные теоретические положения, единожды выработанные в еще доцифровую, догипертекстовую эпоху, остались «отлитыми в бронзе». Во втором издании были сделаны лишь некоторые косметические изменения и дополнения. Так, например, была добавлена новая глава, посвященная зарубежному книговедению, завершающаяся обзором современного состояния иноязычной науки о книге. Однако этот обзор вызывает, как минимум, недоумение: «современность» в нем заканчивается на публикациях 70-х, в лучшем случае, 80-х гг. (работы М. Червинского, Г. Грундмана, Р. Эстиваля). К тому же, все эти публикации давно потеряли свою научную актуальность и не присутствуют в живом книговедческом дискурсе (а некоторые из них, например, труды Г. Грундмана, не присутствовали в нем никогда). В обзоре поразительным образом отсутствуют фамилии тех ученых, которые являются столпами современного западного книговедения – Л. Февра, А.-Ж. Мартена, Р. Дарнтон, Р. Шартье, М. Фуко, Д. Маккензи и многих других. Присутствует в нем только М. Маклюэн, но несколько неодобрительных фраз, сказанных о нем, свидетельствуют о полном непонимании А. А. Беловицкой концепции этого выдающегося ученого, отнюдь не предрекавшего закат книги как таковой – вместе с культурным закатом Европы и прочих частей света²⁴.

Новшеством второго издания учебника стало появление параграфа «Понятие „чтение“ как подсистема категории „книга“». В нем содержится довольно много интересных и важных наблюдений о чтении как процессе, однако все они буквально самоуничтожаются полным отсутствием читателя как такового. Это принципиальная позиция А. А. Беловицкой: «...сейчас вопрос не о том, какими бывают читатели, а что это за процесс и понятие – „чтение“ – по отношению к категории „книга“»²⁵. Между тем, без читателя нет чтения, эти понятия совершенно неразрывны. История и теория читателя и чтения, различные практики чтения (но, конечно, не пресловутое «руководство чтением») последние 50–60 лет являются стремительно развивающимся междисциплинарным направлением гуманитаристики. К сожалению, А. А. Беловицкая осталась вне этого развития.

Чтение и читатель (равно как и автор, да и текст тоже) – эти основополагающие концепты современного книговедения оказались для системно-типологической школы *terra incognita*. В первом издании учебника А. А. Беловицкой они вообще отсутствовали. Это наше категорическое утверждение отнюдь не опровергается наличием фундаментального учебного пособия «Социология и психология чтения», принадлежащего перу А. А. Гречихина – одного из ярких представителей рассматриваемой школы²⁶. Данное пособие при всех его достоинствах находится вне современного *reader and reading study*, поскольку в нем чтение и читатель (всегда конкретный, а не абстрактный, так как абстрактного читателя не существует) практически не рассматриваются в качестве культурно-исторических категорий. Оно тяготеет скорее к статистике чтения и практическим методам его социологического изучения. Что же касается психологии чтения, то она, по крайней мере, в том

виде, в каком она рассматривается А. А. Гречихиным, – вообще не может быть объектом книговедческого знания.

В обоих изданиях учебника А. А. Беловицкой повторяются два тезиса, с которыми совершенно невозможно согласиться. Первый из них – утверждение о том, что одной из задач общего книговедения является «разработка научных основ управления практикой книжного дела и процессами функционирования книги в обществе»²⁷. Иными словами, у гуманитарной науки, каковой является книговедение, появляется некая прикладная, практическая задача управления сферой производства. Очевидно, что это не так; гуманитарное знание самоценно и не имеет прямого практического применения «в быту», оно лишь очень опосредованно, непрямым путем может влиять на производственную деятельность. К тому же, надо заметить, практики, адекватной концепции А. А. Беловицкой, не было на момент возникновения этой концепции и, тем более, нет сейчас. Сложно представить себе что-либо более далекое друг от друга, чем теоретические построения системно-типологической школы и современная повседневность книжного дела. Второй тезис, генетически связанный с предыдущим, заключается в признании практики в качестве того эталона, которым поверяются и проверяются достижения науки. «Критерием истинности научного знания, т. е. критерием целостности и адекватности воспроизведения исследуемого явления в мышлении, философы называют практику»²⁸. Данное высказывание из издания 2007 г. слово присутствует и в учебнике 1987 г., только в нем вместо абстрактных «философов» более открыто названа марксистско-ленинская философия, в недрах которой, то есть в диалектическом материализме, это крайне сомнительное и отвергнутое философией XX в. утверждение, собственно, и было рождено²⁹. Но даже если принять его на веру, то вновь возникает вопрос, очевидно не имеющий убедительного ответа: где ж сыскать ту практику, которая будет в состоянии доказать истинность общекниговедческой концепции А. А. Беловицкой и ее коллег?

Системно-типологическая школа не была единой и монолитной в своих взглядах и представлениях. Труды ее наиболее ярких адептов, при сохранении основных, фундаментальных идей и положений, восходящих к А. А. Беловицкой, отличаются некоторым разнообразием и индивидуальностью. Так, например, уже упомянутый А. А. Гречихин в своей фундаментальной монографии «Библиотипология как научное направление» во многом модифицирует и развивает представления о книжной типологии, не подвергая, впрочем, ревизии ее фундаментальное значение для книговедения в целом. Особо отметим, что А. А. Гречихину принадлежит учебник «Общая библиография», являющийся, на наш взгляд, лучшим в этой отрасли знаний³⁰. Яркой индивидуальностью и своеобразием отличались взгляды С. П. Омилянчука – еще одного крупного представителя системно-типологической школы, в работах которого в большей мере, чем в трудах его коллег, подчеркивалась информационно-коммуникативная природа книги и книжного дела. К сожалению, докторская диссертация С. П. Омилянчука «Книга и книжное дело в коммуникационном процессе „Общение“» так и осталась неопубликованной³¹.

Можно, конечно, сколь угодно долго критиковать системно-типологическую школу и дискутировать буквально по каждому выдвигаемому ею тезису. Однако надо признать и то, что в данном случае, несомненно, *есть поле для диалога*

и дискуссии. Работы А. А. Беловицкой, А. А. Гречихина, С. П. Омилянчука поддерживали статус книговедения как научной дисциплины, свидетельствовали о том, что она остается живой и как-то, пусть и довольно специфически, развивается. В этих работах присутствует культура научной мысли, они демонстрируют широкую образованность и эрудицию своих авторов, их вдумчивое чтение доставляет интеллектуальное удовольствие. В чем-то они напоминают труды средневековых схоластов – Аквината, Скота, Оккама. И те и другие остаются, в конечном итоге, памятниками научной мысли.

Ситуация кардинальным образом изменилась, когда над миром взошла звезда так называемого документоведческого или «документологического» книговедения, вернее, когда наука о книге была просто подменена «документологией». Окончательно произошло это, когда ушли или замолчали все представители «классического» книговедения. Такая подмена стала вторым и завершающим этапом на «пути с горы». В результате книговедение перестало существовать.

В последние годы только ленивый не писал и не дискутировал о соотношении документа и книги. По нашему убеждению, эти дискуссии не имеют большого смысла, поскольку, с одной стороны, участвующие в них стоят на принципиально разных, непересекающихся позициях, а с другой – документоведение в своих крайних «документологических» проявлениях относится не столько к научной сфере, сколько к области мифологического, по К. Леви-Строссу, сознания, к индивидуальному и коллективному бессознательному, вследствие чего говорить о нем в рамках книговедческого дискурса совершенно бесперспективно. Однако та разрушительная роль, которую сыграла «документология» в судьбе отечественного книговедения, все-таки не позволяет обойти ее молчанием.

Хотя бесконечно повторяемое, как мантра, утверждение «книга – это документ» невольно заставляет вспомнить Чтеца Закона из «Острова доктора Моро» Г. Уэллса, следует все же признать, что определение книги в качестве разновидности документа вполне допустимо и, несомненно, имеет право на существование. Но такое определение, во-первых, ни в малейшей степени не приближает нас к пониманию сущности книги как *культурно-исторического* явления, как важнейшего на протяжении нескольких тысячелетий медиума (это в свое время совершенно справедливо отмечала еще А. А. Беловицкая³²), и, во-вторых, оно носит исключительно *прикладной*, практический характер. Книга становится документом в определенных условиях, при определенных обстоятельствах, в определенных процессах интеллектуального производства, полностью сохраняя при этом, однако, все свои многочисленные свойства книги, отличные от свойств документа. 15 лет тому назад О. М. Зусьман и В. А. Минкина указывали, что «Мировым профессиональным сообществом (библиотекарями, библиографами, архивистами, документалистами, специалистами по интеллектуальной собственности) документ понимается как материальный носитель с зафиксированной информацией, предназначенной для ее сохранения и передачи во времени и пространстве, *пригодный для использования в документационных процессах* (курсив мой – Д. Э.)»³³. В этом определении, на наш взгляд, содержится как почти исчерпывающий список тех профессий или сфер деятельности, для которых важно определение и понимание книги в качестве документа, так и указание на возможный «документальный горизонт» книги («доку-

ментационные процессы»), за пределами которого она вновь становится книгой со всеми свойственными ей культурно-историческими и коммуникативными коннотациями, количество которых, естественно, неизмеримо больше, чем количество таковых коннотаций документа. Подобное понимание книги-документа, кстати говоря, полностью соответствует взглядам П. Отле, который всегда писал о книге и документе, и на которого так любят ссылаться современные «документологи»; документология П. Отле как раз и была посвящена документационным процессам, мыслившимся им в глобальном масштабе, и книга в них, в конечном итоге, выступала в качестве родового понятия по отношению к документу³⁴. Вероятно, именно превратное, поверхностное толкование идей П. Отле и стало одной из причин сегодняшних «широко распространенных в узких кругах» «документологических» взглядов на книговедение.

Представляется также, что замещение книговедения «документологией» произошло из-за непонимания теми, кто такому замещению деятельно споспешествовал, истинной сущности и задач науки о книге, а также их очень узким, частнодисциплинарным подходом. Действительно, с точки зрения классического библиотековедения (или, что еще правильнее, одного только фондоведения), книговедение может и должно рассматриваться в документоведческом ключе, поскольку оно помогает осмыслить совокупность документов, составляющих библиотечный фонд, и, возможно, процессы их библиографирования. О таком понимании книговедения однозначно свидетельствует, например, иллюстрация, помещенная в книге Ю. Н. Столярова «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение как единая научная специальность». На ней показано, что сферой пересечения этих трех наук является ни что иное, как «аналитико-синтетическая обработка документов», изучаемая в рамках вузовского курса с таким же названием³⁵. Однако если мы будем рассматривать книговедение как гуманитарную дисциплину, посвященную исследованию *истории и теории репрезентаций текста в культуре*, каковой она, по нашему глубокому убеждению, и является, то представить себе что-либо более далекое друг от друга, чем книговедение и аналитическо-синтетическая обработка документов, при всем желании невозможно. Такое практическое предназначение книговедения даже в самом страшном сне не могло присниться ни М. Н. Куфаеву, ни В. С. Люблинскому, ни И. Е. Баренбауму, не говоря уже о современных европейских и североамериканских книговедах и историках книги.

Документоведческое книговедение, «документокниговедение», вероятно, имеет право на существование – вне зависимости от ответа на закономерный вопрос, насколько оно полезно и значимо с научной точки зрения. Вероятно, оно может как-то использоваться в неких прикладных фондоведческих целях. Но имеет право на существование и другое книговедение, с первым не имеющее ничего или почти ничего общего. Документоведение, пока оно остается документоведением, в большей или меньшей степени прикладной, практической дисциплиной, такое параллельное существование признавало и признает. Об этом наглядно свидетельствуют работы О. М. Зусьмана, В. А. Минкиной, Г. Ф. Гордукаловой, Т. В. Захарчук, Е. А. Плешкевича, в меньшей степени, Г. Н. Швецово-Водки. Но когда документоведение превращается в «документологию», мыслимую ее создателем Ю. Н. Столяровым в качестве некоей глобальной метатеории всего гуманитарного (да и не толь-

ко гуманитарного³⁶) знания, его универсума, такие терпимость и добрососедство, естественно, сразу же исчезают. Именно в этот момент происходит подмена книговедения «документологией», на практике означающая уничтожение книговедения. Причем происходит это не только в сфере науки, но и на институциональном уровне, с широким использованием административного ресурса. За примерами далеко ходить не надо: кафедра, руководимая автором этих строк, за свою долгую историю имела много названий, но всегда в них так или иначе фигурировало книговедение; с 2011 г. она стала называться кафедрой документоведения и информационной аналитики и пока все еще продолжает носить это наименование. Откровенное – и даже подкупающее такой своей откровенностью – объяснение данному удивительному факту находим у Ю. Н. Столярова: «По инициативе *фондоведов* (куриств мой – Д. Э.) базовый общепрофессиональный курс «Книговедение и история книги» в 1991 г. был преобразован в „Документоведение“, чтобы библиотечарь-библиограф высшей квалификации был готов работать с любыми видами документов. <...> Где имелась возможность, кафедры книговедения преобразовали в кафедры документоведения»³⁷. В связи с этим остаются открытыми, как минимум, два вопроса: какое отношение кафедры книговедения имеют к «любим видам документов», и на каком основании фондоведы считают допустимым чувствовать себя хозяевами в книговедческом доме, не ими построенном?

Только что приведенное признание Ю. Н. Столярова вообще очень примечательно. Оно со всей определенностью еще раз наглядно свидетельствует о нескольких взаимосвязанных вещах. Во-первых, это совершенно прикладная, узкая трактовка книговедения как некоего комплекса практических знаний, нужных библиотечарю-библиографу в его повседневной деятельности; тем самым демонстрируется полное непонимание культурологического характера книговедения и того очевидного факта, что оно отнюдь не сводится к обслуживанию нужд библиотечно-библиографической практики. Во-вторых, это законченное в своей откровенности и полноте свидетельство создания некоего параллельного, документоведческого книговедения, у котором только что шла речь, и осмысленность существования которого вызывает у нас чрезвычайно серьезные сомнения.

Поскольку «документологи» считают для себя возможным рассуждать о книговедении, причем подчас в менторском тоне и с соответствующими эпитетами³⁸, то, рискуем предположить, и книговеды могут иметь свое мнение о «документологии». И с этой книговедческой точки зрения «документология» (не документоведение!), несомненно, представляется абсолютной псевдонаукой. Прежде всего, она методологически беспомощна. В книге Ю. Н. Столярова «Документология», которую можно рассматривать в качестве основного программного документа этой «школы», о методах *не сказано ни одного слова*. Г. Н. Швецова-Водка хотя бы пишет что-то о методах, хотя те методы, которые она приписывает документоведению, на наш взгляд, имеют к нему довольно отдаленное отношение³⁹. Но налицо все же некая интенция методологического обоснования усердно конструируемой дисциплины. Ю. Н. Столяров не опускается до этого. «Среди наших теоретиков, – указывает он в одном из своих сочинений, – существует и другое устойчивое заблуждение, что признаком возведения в статус науки для этих (библиотечноеведение, библиографоведение, книговедение – Д. Э.) дисциплин является

ся наличие собственных методов. <...> Между тем, если открыть серьезные книги по науковедению, философии, логике и посмотреть, что там написано про статус науки, – то убедимся: про методы применительно к статусу не написано ничего, и значит, этот признак для характеристики науки значения не имеет»⁴⁰. Любопытно было бы все же взглянуть на эти неназванные «серьезные книги». При всей сложности и неоднозначности проблемы метода, о которых уже шла речь выше, широко понимаемый метод все-таки определяет науку, особенно тогда, когда она претендует на приставку «мета». И каждый первокурсник-гуманитарий это знает. Все без исключения вершинные достижения гуманитаристики XX в., по праву ставшие метатеориями, были в первую очередь предложением нового, революционного метода – достаточно вспомнить З. Фрейда, Р. Якобсона, Г. Шолема, К. Леви-Стросса, Ю. М. Лотмана, Жака Дерриду, М. Фуко и многих других, а в книговедении – И. Е. Баренбаума и А. А. Беловицкую. Методологическая беспомощность, в свою очередь, определяет и общую научную беспомощность «документологии».

Еще одной катастрофической проблемой «документологии» является ее абсолютная вторичность. Все то разумное, что в ней есть (и что полностью укладывается в классическое документоведение), было сказано раньше другими авторами с опорой на гораздо более широкий культурологический материал и с несравнимо большим интеллектуальным изяществом. В связи с этим на ум приходят не только классическое «Введение в изучение истории» Ш.-В. Ланглюа и Ш. Сеньобоса, но и, например, монография «Перемотка вперед» Д. Леви, за последние 20 лет выдержавшая уже несколько изданий⁴¹. То, что это блестящее исследование документа и его свойств, широко цитируемое в «большой» науке, не переведено на русский язык, еще отнюдь не означает, что его не существует в природе. Да и в русскоязычном научном дискурсе есть примеры очень серьезного, культурологического изучения документа; достаточно вспомнить изданный Высшей школой экономики междисциплинарный сборник «Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство», в котором впервые вводится понятие «документности» как одной из качественных характеристик культуры⁴², и работы Е. А. Плешкевича.

Очевидно, что в «документологии» происходит сущностная подмена «документом» таких понятий, как информация, медиа, медиум, канал передачи сообщения заменяется самим сообщением, а законами этой псевдонауки объявляются положения, давно сформулированные иными дисциплинами (информатикой, коммуникативистикой, социологией, медиалогией и т. д.). Надо отдавать себе отчет в том, что понятие документа – по Ю. Н. Столярову, венца творения – довольно позднее, оно формируется лишь в высокоразвитых в социально-правовом и культурном отношении обществах, и под него подпадают только строго определенные виды записанных, зафиксированных тем или иным способом сообщений, обладающих не менее строго определенным набором атрибутов и предназначенных для строго определенных сфер применения. Вследствие этого «документология» постоянно входит в полное противоречие с принципом историзма, фундаментальную научную значимость которого пока еще, кажется, не рискнули отменить даже самые горячие фондоведческие головы.

Можно написать всеобщую историю книги – собственно, такие попытки предпринимались и предпринимаются: вспомним работы М. И. Щелкунова, Л. И. Вла-

димирова, Е. Л. Немировского, С. Даля, оксфордскую «Всеобщую историю книги», учебники И. Е. Баренбаума и И. А. Шомраковой и др. Можно написать историю книги в отдельно взятой стране, регионе, городе – подобные работы исчисляются тысячами. Эта возможность определяется медийной природой книги – природой, остающейся неизменной с момента появления первого наскального рисунка. Такая медийная природа была и остается стержнем, становым хребтом, объединяющим началом для книги, какие бы материальные формы она не принимала и какие бы функции не выполняла. И принципиально невозможно написать всеобщую историю документа или историю документа в России, на Дальнем Востоке, в Санкт-Петербурге (по крайней мере, мы ничего не знаем о таких попытках) – так как у документа не было и нет этого стенового хребта. В разные эпохи, в разных социумах, в разных сферах применения, в разных материальных воплощениях он становился принципиально, сущностно разным видом коммуникации, отличным и от того, что было до, и от того, что было после.

«Документологии» свойственны несколько почти маниакальных проявлений, способных вызвать серьезную тревогу. Во-первых, это стремление объявить документом все сущее под солнцем, от палки-копалки до компьютера⁴³ (в этой логике доставляющая любовное письмо Почта России со всеми ее отделениями, сотрудниками, почтовыми вагонами, а в последнее время и дронами – тоже документ), и закономерно вытекающая отсюда претензия на разработку даже не метатеории, а некоей новой цивилизационной концепции – концепции, так сказать, «документивной цивилизации». Вторым же таким проявлением является безудержное конструирование немыслимого числа «новаторских» терминов, большей частью совершенно псевдонаучных и безграмотных, необходимость и полезность которых подкрепляется ссылками на сочинения классиков марксизма-ленинизма.

Ю. Н. Столяров обычно не стесняется в выражениях, клеймя своих оппонентов. Так, например, выдающийся библиографовед Э. К. Беспалова, позволившая себе усомниться в осмысленности и адекватности его терминологической эквилибристики, сразу же была уличена в «научной близорукости» и даже «методологическом невежестве»⁴⁴. Риску оказаться в этой – очень почетной, надо сказать – компании, позволим себе обратить критический взор на, вероятно, вершинное «достижение» «документологии» – учение о «документских фуркациях как движущей силе цивилизационного процесса». Прежде всего, следует отдать должное смелости автора этого учения: оно кардинально переворачивает все существующие ныне в мировой философии, культурологии и в прочих, пока еще почему-то замешкавшихся в единении с «документологией», дисциплинах представления, в соответствии с которыми движущие силы цивилизационного процесса были принципиально иными. Оставим это на совести данных близоруких наук. Еще одной революционной идеей Ю. Н. Столярова является предложение заменить общепринятый термин «информационная революция» термином «фуркация». Обосновывается это предложение тем, что «Фактически подавляющее большинство изобретенных видов документа продолжает успешно сосуществовать друг с другом. <...> В истории человечества наблюдается полифуркация документа как записанной информации. Каждая фуркация оказала решающее воздействие на ход развития цивилизации (но именно

цивилизации, а не вида документа)»⁴⁵. Данное утверждение свидетельствует о раннем, можно сказать, трагическом незнании и непонимании Ю. Н. Столяровым сути вопроса: кардинальное, взрывное изменение медиумов на самом деле означало революцию не только для общества, но и для самих этих медиумов; даже сохраняя прежние формы, они становились революционно иными, отличными от своего прежнего состояния. Наскальный рисунок и знак дорожного движения, рукописная книга до и после изобретения книгопечатания – это существенно разные коммуникации (или документы, в терминологии Ю. Н. Столярова), и между ними дистанция космического масштаба.

До Ю. Н. Столярова в мировой науке существовал консенсус относительно того, что человечество пережило 4 (четыре) информационных революции, а именно: возникновение письменной речи, создание алфавитного письма, появление книгопечатания, изобретение машиночитаемой, или цифровой, записи текста. Ю. Н. Столяров бесстрашно видоизменяет и дополняет этот список. Первую «фуркацию» он описывает следующим образом: «Превращение „человека прямоходящего“ (Homo Erectus) в „человека разумного“ (Homo Sapiens) произошло благодаря изобретению способов создания знаков-предметов, наделенных смыслом, и способов их передачи себе подобным, т. е. членам первобытного социума. Первые знаки, закрепленные на внешнем носителе, служат главным вещественным доказательством (т. е. документом) существования человека разумного, без них человечество было бы лишено возможности судить о наличии разума у первобытного человека»⁴⁶. И это, несомненно, «революция» не только в истории информации и коммуникации, но и антропологии, поскольку школьные учебники говорят нам, что возникновение homo sapiens было связано исключительно с возникновением членораздельной устной речи (второй сигнальной системы) и примитивных орудий труда. Появление вещной, или предметной, письменности, которую, вероятно, в данном случае имеет в виду Ю. Н. Столяров, отстояло от этого момента на несколько десятков тысяч лет и было связано с формированием абстрактного мышления. К тому же, рискуем предположить, первобытный человек, дошедший в своем развитии до вырезания на палке-копалке черточек и кружочков, или устанавливавший камень в месте удачной охоты, вряд ли отнесился к этим несомненно письменным знакам как к имеющим коммуникативную природу документам, свидетельствующим о его, первобытного человека, разумности.

Вторая «фуркация» тоже чрезвычайно любопытна: «Развитие первобытных знаковых систем привело к изобретению письменности, знаменовавшей собой появление, наряду со знаковой, письменной (алфавитной) фуркацией»⁴⁷. Это утверждение является поводом для еще одного переписывания учебников, в которых – вероятно, ошибочно – указывалось ранее, что, во-первых, прошел не один десяток тысяч лет между появлением первых образцов примитивного письма (пиктография, вещное письмо) и возникновением финикийского алфавита, и, во-вторых, именно алфавитное письмо является классическим образцом знаковой системы, в которой буква-знак выражает единство означаемого и означающего. Отметим, что история письма все еще остается одной из тем вузовского курса «Книговедение» даже после его – радостного сердцу фондоведов – переименования в «Документоведение».

Третья информационная революция – «фуркация» связывается Ю. Н. Столяровым с изобретением книгопечатания, что совершенно справедливо. Однако все его глобальное влияние на развитие цивилизации, описываемое Ю. Н. Столяровым, к документной сфере и документу не имеет никакого, даже самого отдаленного отношения. Объявляя книгопечатание *документской* «печатной фуркацией», Ю. Н. Столяров пишет исключительно о механически тиражируемой *книге* и вызванных ею цивилизационных изменениях. Не обошлось тут и без «открытий»: к ним можно отнести утверждение о том, что ответом церкви на возникновение книгопечатания стала инквизиция⁴⁸ – хотя из тех же учебников известно, что таковая была введена папой Иннокентием III в 1215 г., то есть более чем за 200 лет до изобретения Гутенберга.

Не учтенная ранее близорукой мировой наукой четвертая, «технодокументская фуркация», по Ю. Н. Столярову, была связана с появлением самых разнокалиберных технических средств и новшеств – от песочных часов, следы которых теряются во мгле веков, до телевидения. В логике здесь происходит серьезный сбой, поскольку утверждается, что истоки этой «фуркации» «хронологически находятся в границах первых фуркаций документа»⁴⁹ – хотя всего несколькими страницами выше констатировалась последовательность «фуркаций», каждая из которых «оказала решающее воздействие на ход развития цивилизации»⁵⁰. Если нижняя хронологическая граница этой фуркации – песочные часы, а верхняя – начало XX в. (изобретение телевидения), то получается, что в рамках этой «фуркации» неожиданно случились еще две – алфавитное письмо и книгопечатание. Кроме того, прогресс техники, непосредственно затронувший и медийную среду (фотография, телеграф, радио и т. д.) не был революционным изменением, имевшим цивилизационные последствия. Потеря «произведением искусства» в результате тиражирования своей ауры, о котором писал В. Беньямин, была лишь продолжением десакрализации широко понимаемого текста, то есть продолжением процесса, начатого Гутенбергом. И этот текст на данном этапе еще не становился интерактивным и не приводил к созданию новых сообществ.

Наконец, последняя, пятая «фуркация», ранее ошибочно считавшаяся всеми *четвертой* информационной революцией – появление компьютера. Одним из ее атрибутов, согласно Ю. Н. Столярову, является «ускоряющаяся погоня за информацией в ущерб духовности», которая «приводит к созданию глобального сетевого общества, быстрой смене информационных технологий»⁵¹. Сюда же прибавляется и то, что «На смену реальности истинной приходит гиперреальность, или виртуальная реальность. Она становится доминирующей в формировании квазигуманистического стиля и подмены действительных ценностей мнимыми»⁵². Остается лишь сожалеть, что Ю. Н. Столяров не разъяснил, почему «ускоряющаяся погоня за информацией», свойственная человеку с момента его появления (иначе человека бы просто не было и все разговоры о документе оказались бы совершенно излишними), приводит к упадку духовности, а не наоборот, почему в создании глобального сетевого общества, являющегося естественной и единственно существующей средой обитания современного *homo sapiens* (по крайней мере, того *homo sapiens*, который оперирует понятием «документ») он видит явное зло, и, наконец, почему гиперсфера непременно ведет к подмене действительных ценностей мнимыми, а

не является средой, предоставляющей никогда ранее невиданные и непредставимые возможности не только для поиска этих ценностей, но и для созидания ценностей принципиально новых. Чем черт не шутит, может быть, их обретение повлечет за собой еще одну «фуркацию»? Ведь путь к «документивному» совершенству бесконечен...

Немало «открытий чудных» несет нам знакомство и с другими сочинениями Ю. Н. Столярова. Например, в «Сущности информации» появляется древнегерманский бог «Удин», чье имя сразу же наталкивает на разнообразные психоаналитические размышления. «Удин» этот, оказывается, не только пригвоздил себя копьём к Мировому Дереву, но заодно еще и повесился на нем⁵³ (в тексте Ю. Н. Столярова нет прямых указаний на то, в какой последовательности Один-«Удин» совершил данные решительные действия – сначала повесился, а потом, для надежности, пригвоздил, или наоборот; это досадно, так как подобное знание потенциально могло бы приблизить нас к уяснению сущности информации). Здесь же мы сталкиваемся с французским философом «А. Бергенсоном»⁵⁴. На этом фоне уже не могут ничего добавить или изменить настойчивые поиски Ю. Н. Столяровым документа в Библии (поиски документа в Книге), предполагающие, вероятно, фундаментальные познания в семитском языкознании (древнееврейский и арамейский – языки семитской группы), экзегезе и герменевтике текста⁵⁵, и цитирование «Удара русских богов» «В. Истархова»⁵⁶, который, как известно, объявляет христианство и марксизм-ленинизм коварным изобретением понятно кого.

Конечно, сочинения Ю. Н. Столярова – за исключением тех, что непосредственно посвящены практическим вопросам библиотечного дела, – могут вызвать лишь улыбку и совершенно не заслуживают серьезного обсуждения. Мало ли в истории было всяких околонуточных казусов! Существовало, например, «учение» Т. Д. Лысенко: кто о нем сейчас помнит? Но приходится вновь повторить: все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Это ведь та реальность, с которой столкнулось отечественное книговедение. Его «путь с горы», красиво начатый системно-типологической школой А. А. Беловицкой, завершился «документологическим» небытием, невежественно подменяющим информацию, медиа и медиумы, в том числе книгу, фондоведческим в своей основе «документальным ресурсом», а революции медиумов – «документскими фуркациями». «Документология» окончательно изъяла книговедение из культуры, вытеснило его на далекую обочину гуманитарного знания. Переименование достигло своей цели. Родившееся в его результате уродливое «документокниговедение» представляет собою печальное зрелище: будучи глубоко провинциальным и научно бесплодным, оно оказалось никому не нужным. Оно не нужно книжному делу, поскольку не может – и даже не пытается – объяснить происходящие в нем процессы и осознать новую цифровую реальность книги. Точно также не нужно оно и бурно развивающейся в направлении противоположном «документологии» современной гуманитарной науке – у нее совсем иной интеллектуальный горизонт, и на нем нет ни «удинов», ни «бергенсонов», ни «документских фуркаций». Используя прозрачную аллюзию и игру слов, можно сказать, что «документология» – это та иллюзия, у которой нет будущего. Немногим лучше, кстати говоря, и ситуация с российским библиографоведением: оно все еще продолжает жить догмами почти пятидеся-

тилетней давности, которые и на момент своего появления были весьма сомнительными, а ныне, после публикации работ Д. Ф. Маккензи⁵⁷, и вовсе потеряли какую-либо научную значимость и актуальность. На наш взгляд, лишь М. Г. Вохрышева и В. П. Леонов не дают отечественному библиографоведению окончательно переместиться в царство теней.

Если вернуться непосредственно к «классическому» книговедению, то в качестве единственного светлого пятна на этом безрадостном фоне сегодня можно рассматривать разрабатываемую В. И. Васильевым и его последователями концепцию «книжной культуры», которая состоит из трех взаимосвязанных элементов – культуры распространения книги в обществе, культуры книги и культуры чтения⁵⁸. Правда, пока это направление носит все же более историко-книжный, нежели теоретико-книговедческий характер и в этой исторической области, несомненно, достигло вполне осязаемых результатов. Для того чтобы в полной мере реализовался и его очевидный теоретический потенциал, ему, вероятно, надо взять на вооружение лучшие достижения современной зарубежной науки о книге.

Будучи планомерно вытесненным «документологией» со своей традиционной, «законной» территории, теоретическое книговедение, к счастью, не исчезло окончательно. Оно просто переместилось в иные пределы – географические и институциональные. Так, в Украине эстафету подлинного книговедения приняла В. А. Маркова – автор целого ряда блестящих работ, в первую очередь, монографии «Книга в социокультурном пространстве: прошлое, настоящее, будущее»⁵⁹. В ней В. А. Маркова демонстрирует широкое коммуникативное и медиалогическое понимание книги как субъекта и объекта культуры, опирающееся на глубокое знание лучших отечественных и западноевропейских работ в этой области. Пожалуй, еще в большей мере такое понимание книги и ее «жизненного цикла» проявилось в статье В. А. Марковой «Медиология Режи Дебрэ в дискурсе наук социально-коммуникативного цикла»⁶⁰.

Большой интерес представляют труды нашего бывшего соотечественника М. В. Раца, «пришедшего» в книговедение из мира библиофилов. Будучи не только собирателем книжных редкостей, но и выходцем из известного московского методологического кружка Г. П. Щедровицкого, М. В. Раци неизменно проявляет системный подход к проблеме определения места книговедения в системе наук и роли книжной коммуникации в развитии культуры и знания⁶¹.

В последние 15 лет теоретическое книговедение, следуя общемировым тенденциям, стало активно развиваться на просторах отечественной философии, культурологии, коммуникативистики, антропологии, медиалогии. В этих науках накоплен уже очень серьезный, разноплановый и требующий пристального изучения опыт осмысления книги и книжного дела как цивилизационного феномена и важнейшего медиума. Такой опыт аккумулирован в целом ряде диссертационных исследований⁶², монографий⁶³, сборников статей, изданных по результатам международных конференций⁶⁴, и даже справочников⁶⁵. Несомненный интерес для теории книговедения представляют работы по социологии культуры и литературы (в первую очередь, Б. В. Дубина и А. И. Рейтблата⁶⁶), теории и истории письма и чтения⁶⁷ и, конечно, уже почти необозримая литература по истории и теории информации и коммуникации.

Наконец, самостоятельного рассмотрения заслуживает монография директора издательства «Директ-Медиа» К. Н. Костюка «Книга в новой медийной среде», пока еще не получившая, к сожалению, должного внимания в профессиональном сообществе⁶⁸. На наш взгляд, это совершенно новаторское для отечественного научного дискурса исследование должно стать настольным для любого, кто намеревается серьезно заниматься книговедением. В своей монографии К. Н. Костюк, человек с хорошим европейским образованием и широкой лингвистической компетентностью, первым среди российских авторов детально, с опорой на работы М. Маклюэна, Н. Лумана, Ю. М. Лотмана, М. Кастельса, Р. Дебрэ, Ю. Хабермаса, Ж. Делеза и других ученых исследует медийную природу книги в ее исторической динамике. Такое рассмотрение позволяет К. Н. Костюку выйти на важные обобщения, касающиеся как истоков новой цифровой цивилизации, так и прошлого, настоящего и, главное, будущего книги, в первую очередь, электронной⁶⁹. Исследование К. Н. Костюка ни в малейшей степени не является реквиемом «бумажной» книге и панегириком книге цифровой; оно абсолютно объективно и беспристрастно рассматривает их взаимоотношения, черпая информацию из реальной практики книжного дела – российской и зарубежной. Показав онтологический медийный характер книги в его ретроспекции, К. Н. Костюк далее анализирует концепт книги в окружающем нас информационном обществе, стремительно ставшем гиперсферой. Надо отметить, что исследование К. Н. Костюка имеет значение не только для книговедения, но и для близких ему наук – библиографоведения и, в особенности, библиотековедения, поскольку в нем много внимания уделяется настоящему и будущему библиотек.

Разговор о монографии К. Н. Костюка выводит нас, с одной стороны, на еще одну очевидную проблему современного отечественного книговедения, а с другой – позволяет наконец приступить к изложению позитивной программы развития теоретического раздела науки о книге и нашего видения перспектив ее «жизни после смерти».

Что касается проблемы, то она, на самом деле, лежит на поверхности. Подлинной ахиллесовой пятой не только уродливого «документокниговедения», но и вообще всего отечественного книговедения в «послебаренбаумовскую» эпоху (да и не одного лишь книговедения!) стало то, что оно превратилось в своего рода науку Робинзона Крузо, одиноко восседающего на необитаемом острове. «Сегодня одной из проблем российского книговедения, – писали В. И. Васильев и А. Ю. Самарин в 2004 г., – безусловно, является оторванность от мировой исследовательской практики, замыкание в своих национальных рамках, что не может не сказываться на уровне научных работ»⁷⁰. За время, прошедшее после публикации этого совершенно справедливого замечания, ситуация не только не улучшилась, но и существенно ухудшилась. Подавляющая часть пристайтейных и прикнижных списков литературы в отечественных работах (а именно такие списки зачастую говорят об исследовании гораздо больше, чем оно само) представляет собой очень печальное зрелище. Наиболее цитируемыми иностранными авторами, по крайней мере, у «документокниговедов» оказываются давно и бесповоротно покойный Платон и «вечно живые» К. Маркс и Ф. Энгельс. Работ на английском, французском, немецком языках в них нет в принципе. Между тем, хорошо известно, что наука, тем более, гуманитарная, по определению не может быть «национальной», она всегда была,

а сегодня и подавно является абсолютно интернациональной и мультиязычной. Не понимать этого – значит обречь себя на дилетантство и провинциализм. А уж подкреплять такое непонимание ссылками на превратно толкуемый патриотизм – и вовсе мракобесие.

Возможно, как раз для книговедения овладение достижениями зарубежной науки о книге является наиболее актуальной задачей, поскольку таковая наука за последние полвека добилась совершенно поразительных результатов. Это, в частности, очень наглядно демонстрирует К. Н. Костюк, опирающийся в своей монографии, в основном, на непереведенные у нас труды иностранных исследователей. Школа «Анналов» возродила в западной гуманитаристике интерес к книге и чтению. Сейчас эта область стремительно развивается, она стала, как говорится, модной и очень востребованной в научном сообществе. Помимо давно уже ставших классическими исследований самого Л. Февра, А.-Ж. Мартена, Р. Шартье, Г. Кавалло, Э. Эйзенштейн, Д. Ф. Маккензи, Р. Дарнтон, Дж. Мэна, она представлена десятками других ярких имен. Изучаются читательские практики, формировавшие те или иные сообщества, роль и значение книги как фактора изменений в культуре (в дословном переводе название наиболее фундаментальной работы Э. Эйзенштейн – «Печатный станок как агент изменения»⁷¹). Разработка исторического материала позволила многим ученым выйти на серьезные теоретические обобщения, раскрывающие особенности функционирования медиа и медиумов, в первую очередь, книги, в различные эпохи и в различных социумах. В престижных университетах Великобритании, Франции, США успешно действуют центры изучения книги и чтения и преподаются соответствующие учебные курсы. Совершенно невозможно не считаться со всеми этими фактами. К слову сказать, некоторые работы Р. Шартье, Р. Дарнтон, Р. Дебрэ переведены на русский язык; они активно используются всеми российскими гуманитариями – за исключением книговедов...

Итак, что можно и нужно предпринять, чтобы, используя выражение из прощального письма С. Цвейга, увидеть утреннюю зарю после долгой ночи? Если говорить о каких-либо практических, организационных шагах, направленных на возрождение отечественного теоретического книговедения, то начинать надо, вероятно, с библиографической инвентаризации уже накопленного научного опыта. На сегодняшний день не существует более или менее полного указателя русскоязычных публикаций по общему книговедению. После А. В. Мезьер библиографированием книговедческой литературы успешно занимался Л. И. Фурсенко, но он, насколько нам известно, никогда не ставил перед собой задачу подготовки такого сводного указателя. Между тем, его составление не может быть связано с непреодолимыми трудностями; если за нижнюю хронологическую границу взять ранние работы Н. М. Лисовского, а в качестве верхней рассматривать современность, то количество подобных публикаций, по нашей оценке, будет находиться в пределах 1,5–2 тысяч. Это вполне обозримая работа. В качестве еще одного первоочередного шага следует рассматривать подготовку и выпуск в свет сборников избранных теоретических работ книговедов послевоенного времени – в первую очередь, И. Е. Баренбаума и А. И. Барсука. Работы эти разбросаны по различным периодическим и продолжавшимся изданиям, часть из которых сегодня уже труднодоступна. Их переиздание позволит заново ввести в научный оборот наследие

этих ученых – благо, оно того заслуживает. Кстати говоря, история послевоенного отечественного книговедения до сегодняшнего дня вообще остается неизученной. Совершенно очевидно, что фундаментальный труд Н. К. Леликовой⁷² нуждается в продолжении – и это хорошая тема как минимум для кандидатской диссертации. Еще одним предметом монографических диссертационных исследований могут стать теоретические и исторические работы В. С. Люблинского и И. Е. Баренбаума.

Что же касается сущностных вопросов, связанных с продвижением в понимании объекта книговедения, его содержания и места в системе наук, то, естественно, управленческо-административными методами и переименованиями их решить невозможно. Разработка этого круга проблем должна начинаться с освоения колоссального интеллектуального багажа, накопленного предшественниками – от М. Н. Куфаева до А. А. Беловицкой, А. А. Гречихина, и С. П. Омилянчука включительно. Одновременно надо наконец перестать играть в Робинзона Крузо и срочно заняться изучением и осмыслением достижений зарубежной науки. Тем плавсредством, которое позволит проститься с насиженным и уютно обустроенным необитаемым островом, на котором в результате «документологического кораблекрушения» оказалось ныне российское книговедение, может стать только лингвистическая компетентность; сегодня она является важнейшим индикатором профессиональной пригодности любого гуманитария.

Продвижение в сущностных вопросах непременно должно учитывать два принципиально важных обстоятельства. Во-первых, книговедение всегда было (свидетельство тому – работы классиков, названных в начале этой статьи), а сегодня и подавно является междисциплинарной областью знания и предполагает очень широкий научный кругозор (его наглядно демонстрируют работы перечисленных выше иностранных авторов). Времена, когда высказывание «специалист подобен флюсу» было справедливым, давно прошли. Современный гуманитарий, даже если он всю свою жизнь занимается исключительно одними дифтонгами в фарерском языке, обязан обладать самыми разнообразными общенаучными и специальными компетенциями; в противном случае он окажется в вакууме, равносильном небытию. Применительно к книговедению это означает, что им даже на самом поверхностном уровне совершенно невозможно заниматься без серьезных познаний в области философии, культурологии, социологии, истории и теории информации и коммуникации в самом широком их понимании, истории и теории речевой деятельности и письма, не говоря уже о гражданской истории.

Во-вторых, занимаясь теоретическим книговедением, необходимо учитывать те глобальные изменения, которые происходят сегодня в гуманитарной науке. М. Эпштейн, один из крупнейших современных культурологов, отмечает, что «Задача возможностного мышления вовсе не в том, чтобы свести концы с концами и предложить законченную теорию предмета. Напротив, „концы“ должны расходиться как можно дальше, очерчивая тающие границы теоретического поля, не сводимые в один план или концепцию. Такой *расходящийся дискурс* (выделено М. Эпштейном – Д. Э.) занимает все более видное место в современной гуманистике. Если сходящийся дискурс пытается объединить разные идеи в одну логическую конструкцию, связать все со всем, то расходящийся дискурс, напротив, развязывает узлы понятий, оставляя свободно болтающиеся концы, – разбегается в не-

известность, как сама обозримая вселенная»⁷³. Времена, когда все подлежало – и даже поддавалось – строгой классификации, безвозвратно прошли. Явления и понятия, которыми оперирует современное книговедение, не могут быть однозначно и окончательно определены в силу их изменчивости, соответствующей стремительно меняющемуся миру вокруг нас. Эти определения не получится высечь на каменных скрижалях, а самим денотатам уже не присвоишь инвентарные номера и не поместишь их для лучшей сохранности в банку с формалином. Взять, например, проблему универсального определения понятия «книга», над решением которой безуспешно билось не одно поколение книговедов (пишущий эти строки должен покаяться в том, что и он по молодости лет – но, к счастью, очень недолго – принимал участие в этой битве): на самом деле, такого «универсального» определения, на наш взгляд, не может существовать в принципе. Книга в самом общем виде, вероятно, должна быть определена как один из видов медиумов, а дальше уже можно сколь угодно долго рассуждать об особенностях этого медиума, чрезвычайно изменчивых и текучих. Изучение такой их изменчивости и текучести, собственно, и является подлинной задачей книговедения.

Возможно различное понимание книговедения – культурологическое, информационное, коммуникативистское и т. д. Как уже, вероятно, можно было заметить, нашим представлениям в наибольшей степени отвечает медиалогическая трактовка книговедения; именно она кажется нам наиболее перспективной и полифоничной, включающей в себя все выше перечисленные. Медиалогия как наука занимается изучением процесса передачи сообщений, каналов, по которым осуществляется коммуникация. Книга, несомненно, является одним из таких каналов, то есть медиумом. Она представляет собою медиум (форму, канал) письменного сообщения, в качестве информационного содержания которого выступает текст. Отсюда следуют два простых вывода: во-первых, книжное дело может рассматриваться в качестве организатора коммуникации текстов, медиатора, и, во-вторых, изменение формы или природы, форм-фактора книги как медиума неизбежно изменяет и саму коммуникацию как таковую. Справедливо и обратное: в конечном итоге, содержание тоже влияет на форму, оно способно модифицировать ее. Канал моделирует сообщение, сообщение моделирует канал. Такой взгляд на книгу позволяет рассмотреть в рамках одного широкого подхода не только все ее исторические формы, от наскального рисунка до находящихся под напряжением кристаллов на экране ридера, но и медиаторов – камнетеса, писца, типографа, издателя, веб-мастера, – и приблизиться к пониманию причин их смены и эволюции. Причем принципиальным в данном случае является именно слово «подход»: оно предполагает не наличие какой-либо единой догматической теории или концепции, а существование единства взглядов и представлений на самом базовом, общем уровне – единства, обеспечивающего не монолог, а диалог.

Канал передачи сообщения, медиум, всегда материален, меняется лишь его физическая природа. Она, в свою очередь, зависит от коммуникативных потребностей социума и уровня его технологического развития. С другой стороны, присущее медиуму свойство моделирования сообщения само оказывает значимое воздействие на эти коммуникативные потребности и заставляет их развиваться. Ставшее уже расхожим известное высказывание Д. Ф. Маккензи хорошо иллюстрирует это

положение: «...конечно, новые читатели создают новые тексты, новые значения которых являются результатом их новых форм»⁷⁴. Коммуникация, медиумом которой выступает книга, представляет собой последовательный процесс «автор – письмо – текст – медиатор – чтение – читатель», в его основе лежат операции кодирования, медиации и раскодирования сообщения. Вероятно, именно этот процесс, взятый в единстве, и должен рассматриваться в качестве объекта книговедения.

Медиадиалогическое понимание книговедения, то есть рассмотрение последнего в качестве составной части более общей науки – медиадиалогии, на наш взгляд, позволяет «снять» многие проблемы и превратить книговедческое знание в более или менее стройную непротиворечивую систему. Так, в частности, оно вполне успешно справляется с осознанием сущности электронной книги – задачей, для «классического» книговедения совершенно непосильной даже в случае неожиданного привлечения им себе в помощь теории нечетких множеств. Медиадиалогический взгляд на книгу и книжное дело дает возможность органично вписать их в общую систему медиа, в которой существуют единые для всех законы, и которая должна изучаться как единый сложный организм.

Общество, по Н. Луману, – это коммуникация. Культура, цивилизация в целом – тоже коммуникация. Коммуникация осуществляется посредством бесконечного числа различных медиумов, сопровождающих человека с момента его рождения и до последнего вздоха. В конечном итоге, медиадиалогическое понимание окружающего нас мира оказывается единственной конструктивной альтернативой солипсизму. Утверждение Горгия нельзя опровергнуть при помощи формальной логики. Мы и вправду не можем знать, существует ли что-либо – но мы все-таки эмпирически познаем это «что-либо» посредством медиумов и их же вполне успешно используем для трансляции нашего эмпирического знания другому. Одним из таких медиумов является книга.

Разработка медиадиалогического, как и любого другого, книговедения не может быть задачей для одного человека, каким бы конгениальным – в действительности или только в собственном воображении – он ни был. Это задача исключительно коллективная, подразумевающая наличие широкого спектра мнений и взглядов – правда, при неперемennom условии сохранения общего поля для диалога и неприятии модели «вождизма» – модели, бывшей когда-то весьма продуктивной, но сегодня совершенно несовместимой с идеей «расходящегося дискурса»; модель эта, вероятно, окончательно умерла в 1939 г. вместе с З. Фрейдом.

В заключение надо сказать хотя бы несколько слов о фундаменте общего книговедения – книговедении историческом, то есть об истории книги. К счастью, его не затронула страсть отдельных фондоведов к переименованиям, и оно продолжает успешно развиваться. Более того, российская историко-книжная школа, была и, несомненно, остается одной из лучших в мире. Не секрет, что на сегодняшний день история книги в России, по крайней мере, книги печатной, очень хорошо изучена – и в целом, и в отдельных ее аспектах. Это касается как крупных явлений и событий, так и малых, незначительных, представляющих, однако, тот или иной исторический интерес. Автор этих строк сам не одно десятилетие провел в архивах, занимаясь не только исследованием перипетий государственной цензурной политики в дореволюционной России, но и реконструируя историю типографий и изда-

тельств, многие из которых в буквальном смысле слова надо было рассматривать под микроскопом. Представляется, что теперь созрели все условия и предпосылки для выхода истории книги на новый уровень. Это должен быть переход от «истории вещей» к «истории идей». А. Ф. Маркс был издателем «Нивы», «Нива» была самым популярным журналом для семейного чтения. Это – история вещей, констатация фактов. Она, конечно, обладает определенной научной значимостью. Но гораздо важнее – и интереснее – не просто устанавливать факты, но и толковать их. Без «Нивы» не было бы революции 1905 г., поскольку журнал способствовал формированию принципиально нового слоя социально и культурно активного населения Российской империи – это уже история идей. Первым на нее указал не ученый-книговед, а В. Гюго, с гениальной проникательностью вложивший в уста архидьякона Клода Фролло знаменитое высказывание: «книга убьет здание» (надо, правда, отметить, что это утверждение справедливо для графоцентричного западноевропейского общества; оно «не работает» в логоцентричных социумах). Развитие российского книжного дела дает очень самобытный и разноплановый материал для изучения такой «истории идей», но материал этот пока остается совершенно не освоенным. Если не принимать во внимание уже упоминавшиеся выше работы Б. В. Дубина и А. И. Рейтблата, написанные все-таки в несколько ином предметном поле, то мы можем привести в пример лишь добротное англоязычное исследование Г. Маркера, рассматривающее влияние книгопечатания на становление интеллектуальной жизни в России в XVIII в.⁷⁵

Потенциально «история идей» имеет и большое педагогическое значение. Ее внедрение в вузовский курс «История книги», который сегодня на 90% посвящен «вещам», позволит развить у бакалавров системное мышление, умение видеть причинно-следственные связи. В свою очередь, уже на других уровнях образования, эти навыки существенно облегчат магистрантам и аспирантам понимание коммуникативной природы книги и книжного дела как составной части единого мира медиа.

Продолжая череду литературных ассоциаций, отметим, что предпринятый здесь анализ состояния отечественной науки о книге и причин ее нынешнего нестроения невольно заставляет нас вспомнить два стихотворения А. С. Пушкина, сущностно очень близких друг другу – «К Чаадаеву» и «Во глубине сибирских руд». Оба они заканчиваются на оптимистической ноте и утверждают веру в будущее. Такой же оптимизм испытываем и мы в отношении дальнейшей судьбы российского книговедения.

Примечания

¹ Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. М.: Книга, 1977. С. 23.

² Там же. С. 31.

³ Ловягин А. М. Основы книговедения. Л.: Начатки знаний, 1926. С. 3.

⁴ Ловягин А. М. Что такое библиология // Библиографические известия. 1923. № 1/4. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. М.: Наука, 2004. С. 61.

⁷ Там же. С. 111.

- ⁸ Там же. С. 99.
- ⁹ Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М.: Книга, 1972. С. 26.
- ¹⁰ Там же. С. 40.
- ¹¹ Там же. С. 54.
- ¹² Там же. С. 52.
- ¹³ Баренбаум И. Е. Функциональный подход и его применение в книговедении // Книга и социальный прогресс. М.: Наука, 1986. С. 122.
- ¹⁴ Там же. С. 128.
- ¹⁵ Баренбаум И. Е. История читателя как социологическая и книговедческая проблема // История русского читателя: сб. науч. тр. Л., 1973. Вып. 1. С. 6.
- ¹⁶ Там же. С. 15.
- ¹⁷ Сидоров А. А. В. С. Люблинский как книговед // Дюблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. С. 3.
- ¹⁸ Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. С. 44.
- ¹⁹ Беловицкая А. А. Типологические признаки серийного издания художественной литературы // Книга: исслед. и материалы. М., 1970. Сб. 32. С. 26–41.
- ²⁰ Беловицкая А. А., Омилянчук С. П. К содержанию понятия «советская книга»: Книга в процессе движения // Советская историография книги. М., 1979. С. 133.
- ²¹ Там же. С. 132.
- ²² См.: Беловицкая А. А. Книговедение: Общее книговедение. М.: Изд-во МГУП, 2007. С. 228–229.
- ²³ К сожалению, учебное пособие И. Е. Баренбаума «Основы книговедения», излагающее принципы функционального подхода и изданное небольшим тиражом в ЛГИК им. Н. К. Крупской, не получило широкого распространения за пределами Санкт-Петербурга. Аналогичная судьба постигла и учебное пособие А. М. Иоффе «Введение в книговедение». См.: Баренбаум И. Е. Основы книговедения. Л.: ЛГИК им. Н. К. Крупской, 1988. 92 с.; Иоффе А. М. Введение в книговедение. М.: МГИК, 1984. 74 с.
- ²⁴ См.: Беловицкая А. А. Книговедение: Общее книговедение. С. 62.
- ²⁵ Там же. С. 247.
- ²⁶ Гречихин А. А. Социология и психология чтения: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУП, 2007. 383 с.
- ²⁷ Беловицкая А. А. Общее книговедение. М.: Книга, 1987. С. 9; ср.: Беловицкая А. А. Книговедение: Общее книговедение. С. 15.
- ²⁸ Беловицкая А. А. Книговедение: Общее книговедение. С. 21.
- ²⁹ Беловицкая А. А. Общее книговедение. С. 14.
- ³⁰ Гречихин А. А. Общая библиография: учебник для вузов. М.: Изд-во МГУП, 2000. 588 с.
- ³¹ Омилянчук С. П. Книга и книжное дело в коммуникационном процессе «Общение»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 05.25.04 / Московский гос. ун-т печати. М., 1992. 36 с.
- ³² Беловицкая А. А. Книговедение: Общее книговедение. С. 167.
- ³³ Зусьман О. М., Минкина В. А. Документоведение: учеб. пособие. СПб.: СПбГУКИ, 2003. С. 5.
- ³⁴ См. «Трактат о Документации» П. Отле: Отле П. Библиотека, библиография, документация: избр. тр. пионера информатики. М.: Фаир-Пресс; Пашков Дом, 2004. С. 187–309.
- ³⁵ Столяров Ю. Н. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение как единая научная специальность: полный курс лекций для аспирантов и соискателей по типовой программе кандидатского минимума. Орел: ОГИИК; ООО ПФ «Оперативная полиграфия», 2007. С. 67.
- ³⁶ Приведем в качестве примера чрезвычайно показательное утверждение Ю. Н. Столярова: «Соответственно науки, отрасли деятельности, которые имеют своим предметом те или иные виды записи, являются своего рода разновидностями документоведения,

хотя основоположники и приверженцы десятков и сотен этих дисциплин о том, возможно, и не подозревают. Например, наука о фотографии – это, в сущности, наука о способе производства данного вида документа. Для баллистокардиографии важно разработать собственные методы записи сердечной деятельности, ленографии – сокращения мышц, урографии – деятельности почек, бронхографии, пневмографии, эхографии и т. д. – других органов и функций тела человека, и это только в области медицины. Аналогично дело обстоит и в других отраслях знания. Множество наук, оказывается, представляет собой ответвления документологии, но только в части, касающейся специфики видов используемых в их сфере документов. Документология отвлекается от конкретного содержания предмета деятельности той или иной отрасли, но занимается тем общим, что роднит документы, циркулирующие во всех областях деятельности; а именно способами записи интересующей их информации на материальном носителе, т. е. тем, чем не занимается специально ни одна из этих отраслей». См.: Столяров Ю. Н. Документология: учеб. пособие. Орел: Горизонт, 2013. С. 113.

³⁷ Столяров Ю. Н. О документологической подготовке бакалавров документно-коммуникационного профиля // Вестник ЧГАКИ. 2008. № 3 (15). С. 15.

³⁸ См., например, ответ Ю. Н. Столярова на интеллигентную и безупречную по аргументации критику «документологии» В. В. Добровольским (Столяров Ю. Н. Разъяснения даны. Вопросы остались // Научно-технические библиотеки. 2005. № 4. С. 99–102.

³⁹ См.: Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособие. М.: Рыбари; Киев: Знання, 2009. С. 236–245.

⁴⁰ Столяров Ю. Н. Библиотекоеведение, библиографоведение и книговедение как единая научная специальность. С. 20–21.

⁴¹ Levy David M. Scrolling Forward: Making Sense of Documents in the Digital Age. 2d. ed. New York: Arcade Publishing, 2016. 223 p.

⁴² Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? М.: Новое литературное обозрение, 2013. 408 с.

⁴³ «Мы рассматривали с вами сущность компьютера и пришли к заключению, что, строго говоря, его правомерно рассматривать в статусе электронного документа»; Столяров Ю. Н. Документология. С. 292.

⁴⁴ Там же. С. 32.

⁴⁵ Там же. С. 287.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 288.

⁴⁸ Там же. С. 290.

⁴⁹ Там же. С. 291.

⁵⁰ Там же. С. 287.

⁵¹ Там же. С. 293.

⁵² Там же. С. 294.

⁵³ Столяров Ю. Н. Сущность информации. М., 2000. С. 26. В «Старшей Эдде» речь идет о том, что Один ради познания смысла рун пригвоздил себя копьём к священному ясеню Иггдрасилу и провел на нем 9 дней.

⁵⁴ Там же. С. 39, 96.

⁵⁵ Столяров Ю. Н. Тема документа в Библии // Книга: исслед. и материалы. М., 1998. Сб. 75. С. 27–45.

⁵⁶ Столяров Ю. Н. Сущность информации. С. 24, 101.

⁵⁷ McKenzie D. F. Bibliography and the Sociology of Texts. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 130 p.; McKenzie D. F. Making Meaning: «Printers on the Mind» and Other Essays. Amherst; Boston: University of Massachusetts Press, 2002. 286 p.

⁵⁸ Васильев В. И. Книга и книжная культура на переломных этапах истории России: Теория. История. Современность. М.: Наука, 2005. С. 98.

⁵⁹ Маркова В. А. Книга в соціально-комунікативному просторі: минуле, сучасне, майбутнє. Харків : ХДАК, 2010. 252 с.

⁶⁰ Маркова В. А. Медіологія Режі Дебре у дискурсі наук соціально-комунікаційного циклу // Вісник Книжкової палати. 2016. № 1. С. 3–5.

⁶¹ Рац М. В. К вопросу о составе и структуре науки о книге // Политическая концептология. 2012. № 4. С. 149–158; он же. Книга в системе общения. М.: Наследие; ММК, 2006. 496 с.; он же. Судьба книговедения: функционирование или развитие? // Книга: исслед. и материалы. М., 2013. Сб. 99. Ч. 1/2. С. 36–42.

⁶² Григорьева О. А. Книга как информационно-коммуникативная система в истории отечественной культуры: структурно-функциональный подход: автореф. дис. ... канд. культурологии: 51.03.01 / Бийск. гос. ун-т. Бийск, 2008. 24 с.; Бруева Т. А. Книга как феномен культуры: философский аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 51.03.01 / Моск. гос. ун-т. М., 2006. 26 с.; Кошко К. Н. Книга как социокультурный феномен в условиях информатизации общества: (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 51. 03. 01 / Ростовск.-на-Дону гос. ун-т, Ростов-на-Дону, 2006. 24 с., и др.

⁶³ Мельникова Е. А. Воображаемая книга: Очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 182 с.; Щербинина Ю. В. Время библиоскопов: Современность в зеркале книжной культуры. М.: Форум; Неолит, 2016. 416 с., и др.

⁶⁴ Общество и книга от Гутенберга до Интернета. М.: Традиция, 2001. 280 с.; Теория и мифология книги: Французская книга во Франции и России. М.: РГГУ, 2007. 200 с.

⁶⁵ Щербинина Ю. В. Книга – текст – коммуникация: словарь-справочник новейших терминов и понятий. М.: Форум; Инфра-М, 2015. 304 с.

⁶⁶ Дубин Б. В. Очерки по социологии культуры: избранное. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 912 с.; Он же. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.; Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.; Он же. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.

⁶⁷ Федорова Л. Л. История и теория письма: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2015. 560 с.; Сухачев Н. Л. Экскурсы в историю письма. Знак и значение. М.: Изд-во ЛКИ, 2018. 160 с.; Мелентьева Ю. П. Общая теория чтения. М.: Наука, 2015. 230 с.

⁶⁸ Костюк К. Н. Книга в новой медийной среде. М.: Директ-Медиа, 2015. 432 с.

⁶⁹ Там же. С. 10.

⁷⁰ Васильев В. И., Самарин А. Ю. Книжная культура в теоретическом, историческом и практическом аспектах // Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. С. 14.

⁷¹ Eisenstein E. The Printing Press as an Agent of Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. Vol. 1. 450 p.; Vol. 2. 341 p.

⁷² Леликова Н. К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века. СПб.: РНБ, 2004. 415 с.

⁷³ Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 18–19.

⁷⁴ McKenzie D. F. Bibliography and the Sociology of Texts. P. 29.

⁷⁵ Marker G. Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700 – 1800. Princeton: Princeton University Press, 1985. 302 p.

М. В. Рац

**Книговедение – 2018
Предложения к повестке дня**

На фоне неудовлетворительного (с нашей точки зрения) состояния науки о книге в России формулируются ключевые вопросы, требующие ответа, если мы хотим что-то менять. Это вопросы о месте и назначении книговедения в социогуманитарной науке, потребителе книговедческих знаний, предмете изучения и, наконец, о самоопределении и самоорганизации профессионального сообщества. Обсуждаются возможные варианты и предлагаются авторские версии ответов на эти вопросы.

Ключевые слова: артефакты, книга, книжное дело, книговедение, профессиональное сообщество, наука о культуре, наука о коммуникации

Mark V. Ratz

**Bibliology – 2018
Proposals for agenda**

Considering poor (from our point of view) state of the book science in Russia, the proposed agenda formulates the key questions that have to be answered, if we want to make changes. These are the questions about the place and purpose of the book science in other social and humanitarian sciences; the consumer of the bibliological knowledge; the subject of its studies; and, finally, self-determination and self-organization of the professional community. Various options of questions are discussed and some versions of the author's answers to these questions are offered.

Keywords: artifacts, book, book business, book science, bibliology, professional community, cultural studies, science of communication

Автор принадлежит к числу коллег, неудовлетворенных положением дел, сложившимся в отечественном книговедении. Но, тем не менее, будучи от природы консерватором, автор сторонник традиционного для нас толкования книговедения как комплексной науки о книге и книжном деле. Другой вопрос, что стоит за этой формулой: здесь важно различать сущее и должное, существующее положение дел, с одной стороны, и желаемое нами, «идеальное» положение дел – с другой. (Это, кстати, одно из нормативных требований деятельностного подхода в версии Московского методологического кружка, с позиций которого мы и выступаем¹.)

Во многом, конечно, такие представления у каждого свои, но они всегда образуют при этом своеобразные «пары»: картины сущего и должного явно или неявно формируются только вместе, и одна из них в значительной степени определяет другую. Чаще это происходит неявно, но в принципе не зависит ни от нашего сознания (рефлектируем ли мы это обстоятельство), ни от сферы приложения: будь то книговедение, освоение космоса или любая другая сфера деятельности. Собствен-

но, данная статья и призвана продемонстрировать одну из множества таких «пар» применительно к книговедению. (Ваша пара, читатель, будет, наверно, отличаться от нашей.) Позиция автора такой «пары», по идее, находит свое дальнейшее выражение в предлагаемых путях перехода от фактической картины к желаемой. И при этом неизбежно возникает вопрос, как организовать совместную работу сторонников разных позиций.

Рассказать обо всем в рамках одной статьи невозможно. Однако, чтобы действовать осмысленно, здесь важно понимать, что фактическая картина может изучаться в привычных рамках аналитики или науки, а желательная, напротив, требует проектных (в широком смысле) и программных проработок. Причем наука может изучать только то, что существует (и задано в форме объекта), в то время как проектируют то, чего нет. Т. е., задумывая более или менее серьезные перемены в жизни, уже на первом этапе нужно использовать принципиально разные подходы и осуществлять деятельность разных типов.

Стоит сделать упор на том, какой нам видится идеальная картина книговедения (с некоторыми возможными вариациями), и это, вроде бы первый и главный предмет необходимой, на наш взгляд, дискуссии. (Необходимой – воспользуемся термином Р. Акоффа, – разумеется, только «неудовлетворенцам»: коллеги, которых устраивает сложившееся ныне положение дел, могут не беспокоиться.) В продолжение ее по смыслу всего предприятия нужно будет сосредоточиться на возможном плане действий, которые покажутся нам разумными в сложившейся ситуации. Но на первом шагу главное то, что следующие соображения, по содержанию представляющие наш идеал и – в перспективе – план действий, по функции выступают как предложения к *повестке дня* возможной и, повторю, необходимой дискуссии. Иными словами, речь идет пока не о «принятии решений» и каких-либо «социальных действиях», а исключительно об обсуждении заведомо спорных представлений.

Наперед понятно, что отношение коллег к нашим предложениям будет очень разным. Но хотелось бы видеть ясные альтернативы: чем больше предложений такого рода мы будем иметь, тем больше шансов выработать адекватные решения. Наша интенция, следовательно, диаметрально противоположна широко распространенной, когда коллеги стремятся получить «единственно правильный» ответ на любые возникающие вопросы. Для начала мы хотим шире раздвинуть рамки возможных ответов и тем самым задать пространство для осмысленного обсуждения вопросов.

С нашей точки зрения, не только и не столько книговедение как наука, но и книговедческое *сообщество* находится сейчас на развилке. Сохранять ли сложившийся пассивный образ жизни, когда все инициативы и свежие идеи затухают и теряются во внутренних нередко схоластических спорах, или взять, наконец, свою судьбу и свое дело в собственные руки? Сложно сказать, готовы ли мы взять на себя ответственность за будущее состояние своего дела, но постановка и проработка представлений о будущем кажется вполне назревшей, что и характерно для судьбы постсоветской культуры и науки².

Попробуем структурировать возникающее здесь смысловое поле. Нынешнее кризисное состояние социально-гуманитарной мысли вообще имеет глубокие кор-

ни и для своего преодоления требует переосмысления наших подходов и картин мира³. Это дело философии и методологии. Но в этом контексте мы сталкиваемся в книговедении с более локальными и специфическими проблемами. Конечно, мировоззренческие и профессиональные вопросы тесно переплетены, и надо постараться, фокусируя внимание на вторых, не упускать из виду первых. Имея это в виду и обостряя свои ранее высказанные соображения⁴, мы бы рискнули сказать, что живем в мирке, ограниченном узко понимаемыми профессиональными интересами. Реальная «книжная жизнь» общества идет в других местах, в большом мире, и, кажется, даже не интересует профессиональных книговедов.

Книжная тематика активно прорабатывается литературоведами, философами, историками по всему миру. Но их работы, включая написанные по-русски и не говоря уж о переведенных (отнюдь не книговедами) с европейских языков, не достаиваются даже отклика в книговедческой периодике, не говоря уже о знакомстве с оригинальной зарубежной литературе. Точно так же мимо книговедов уже давно проходят работы по методологии науки, идет формирование таких тесно связанных с нашими интересами обобщающих направлений мысли как культурология и наука о коммуникации.

С другой стороны, практически не прослеживается влияния книговедческой мысли на практику книжного дела в России. Характерный пример в этом отношении – широкое обсуждение среди специалистов переориентации книговедения с книжного дела на книжную культуру, при том, что в постсоветские годы важнейшая составляющая книжной культуры – культура книгоиздания то и дело опускается ниже всякой критики. (Подробнее об этом на конкретных примерах – в работах А. Э. Мильчина⁵.) Грубые нарушения культурных норм встречаются даже среди книговедческих (и близких к ним по типу) изданий.

Другой пример. По такому важнейшему междисциплинарному направлению, как теория и практика чтения не поставлен даже вопрос о специфике книговедческого подхода к теме, которой по-своему занимаются филологи, психологи, социологи, историки и т. д. Разумеется, проще всего объявить все работы, посвященные чтению и читателям, книговедческими. Но все же что имеют сказать об этом книговеды со своей профессиональной позиции – в отличие от того, что говорят психологи или социологи? Вероятно, тут возможны разные точки зрения. Мы связали бы специфику книговедческой (как, кстати, и библиофильской) позиции с особенностями материального носителя текста. Такой взгляд особенно актуален теперь в связи с резким и масштабным дополнением бумажных носителей электронными. Именно он реализован в известных работах Р. Шартье, но их рецепция в России, кажется, никак не связана с трудами книговедов.⁶

Думается, что уозсть, схоластичность книговедческой мысли и отрыв от практики книжного дела – две стороны одной медали: любая наука вообще и в принципе призвана вырабатывать новые знания для решения проблем, возникающих в практике. Но у нас не обозначены даже контуры той сферы (или сфер) деятельности, за обеспечение которых научными знаниями мы берем на себя ответственность.

Отправляясь от обозначенной этими штрихами ситуации в книговедении, мы видим здесь несколько тесно связанных между собою вопросов, подлежащих пер-

воочередному обсуждению, которое можно лишь наметить здесь и теперь. Каждый из них предполагает специальное обсуждение.

1. Если считать книговедение по традиции автономной научной дисциплиной, нужно уточнить, каково место и назначение этой дисциплины в ряду других. В чем ее типологические особенности?

2. На кого работает наша наука? Кто наш заказчик и хотя бы потенциальный потребитель нашей научной продукции?

3. Что, собственно, мы призваны изучать, что считать объектом и предметом нашей науки? Продолжаем ли мы считать книговедение комплексной наукой о книге и книжном деле, или хотим сменить эту парадигму?

4. Кто такие «мы»: как выделить книговедческое сообщество (если и когда это можно и нужно, что «вообще» далеко не очевидно) в массе историков, литературоведов, культурологов и т. д., занятых среди многого прочего теми же вопросами, что и мы?

Первая тема – места и назначения книговедения, естественно, ближе всего к упомянутым мировоззренческим и методологическим вопросам. Уже хотя бы потому, что ближайший из них – вопрос о так называемой «классификации наук» до сих пор не получил сколько-нибудь удовлетворительного решения. В отличие от бытующих представлений (которые довольно разнообразны), мы видим место книговедения на стыке, – а точнее, на пресечении – социально-гуманитарных и технических наук. Но, если упоминание первого ряда здесь вполне традиционно, то появление второго требует хотя бы краткого пояснения.

Имея в виду, кажется, уже общепринятое различие первой и второй (рукотворной) природы, мы противопоставили бы известному ряду естественных наук, занятых «первой природой», технические – в широком смысле – науки об артефактах второй природы. Книга, бесспорно, относится к числу таких фундаментальных артефактов, вокруг каждого из которых формируются свои сферы деятельности. Осмысление и изучение каждого артефакта вместе с объемлющей его сферой деятельности обуславливает формирование специальных областей знания (наук, учебных дисциплин). Таковы привычные для нас «технические науки» в узком смысле (машиноведение, материаловедение и т. п.), но вместе с ними и многие науки, традиционно квалифицируемые в качестве социальных и/или гуманитарных. К последним наряду с искусствоведением, литературоведением, правоведением и т. д. очевидно можно отнести книговедение.

Таким образом, площадка, на которой пересекаются социогуманитарные и технические науки, оказывается довольно плотно заселенной. Несколько упрощая картину, можно сказать, что для всех наук на этой площадке характерна своеобразная трехчастная структура, сильно отличающая их от наук естественных. А именно, каждая из них строится вокруг «своего» артефакта, будь то машины, материалы, право или книги, и включают наряду с ним две группы деятельностей. Одна группа центрирована на производстве/творении соответствующих артефактов, другая – на их последующем использовании в самых разных приложениях⁷. В этом отношении, кстати, все подобные науки – «комплексные»⁸.

В нашей указанной статье 2009 г. статья структура науки о книге была представлена по описанной схеме (создание – артефакт – использование) таким образом (см. рис. 1)

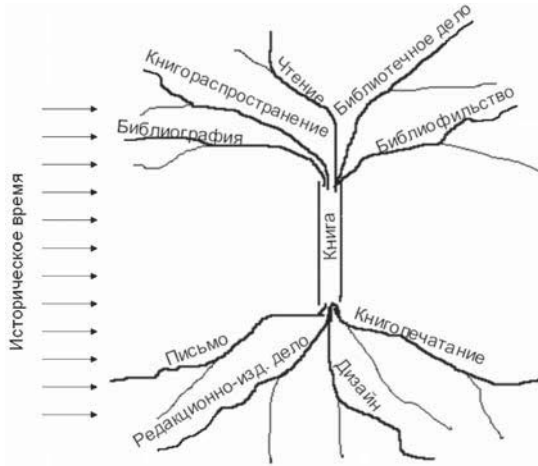

Рис. 1. Структура науки о книге

В связи с этим нужно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, такая трехчастная схема применима ко всем наукам, населяющим указанную площадку (включая как технические в привычном понимании, так и социально-гуманитарные) и позволяет по-новому взглянуть на их фактическое содержание⁹. Во-вторых, – и здесь это важнее – решающее значение имеет категоризация принципиально разных объектов. Одно дело – «живая» человеческая деятельность вместе с определяющим ее мышлением (мыследеятельность – как говорят коллеги-методологи), совсем другое – «ставший», «готовый» артефакт. Который, с одной стороны, создан в деятельности – в нашем случае «коллективного автора» книги (М. Куфаев), а с другой – предназначен для деятельности пользователей. Применительно к книговедению речь идет соответственно о книжном деле и книге как таковой. Этот факт надо обсуждать особо, потому что методы и средства исследования (1) *деятельности* художника, книгоиздателя, машиностроителя – различия здесь неважны – и (2) ее *организованностей*, артефактов – соответственно произведения искусства, книги или машины, – совершенно различны.

Переходя ко второму вопросу (из четырех намеченных), подчеркнем еще раз, что в принципе любая наука призвана обеспечивать новыми знаниями «свою» практику: такова ее основная функция в системе разделения труда. Но в наших дискуссиях этот немудреный вопрос (на кого работает наша наука?) с необходимой жесткостью, кажется, никогда не ставился и не имеет признанного решения.

Кажется разумным исходить из того, что, по идее, больше других должны быть заинтересованы в получении книговедческих знаний лица, занятые в книжном деле, или, можно сказать, в сфере книги. (В этом смысле символично, что на титуле данного сборника значатся Смирдинские чтения, названные в честь книготорговца, а отнюдь не теоретика книжного дела: Смирдина, а не, скажем, Анастасевича.) Можно предположить, что отсутствие актуальных заказов с их стороны связано с

тем, что книговеды давно не производят знаний, которые представляли бы практический интерес. Практики привыкли обходиться своими силами.

Вместе с тем можно рассчитывать на практический выход объемлющих книговедение, более масштабных направлений науки, в которые мы призваны вносить свой вклад. (Скорее всего, это коммуникология и/или культурология – о них еще пойдет речь.) Но если отстаивать статус книговедения как автономной дисциплины, мы считаем ориентацию на объемлющие направления мысли дополнением к непосредственному обеспечению практики книжного дела. В противном случае книговедение рискует раствориться в пространстве объемлющих дисциплин, как оно по факту, кажется, и происходит на Западе. (Вряд ли Маклюэн, Дарнтон, или Шартье согласились бы с наименованием своих исторических штудий книговедением.) Что, заметим, ничуть не мешает развитию мысли, а, возможно, и способствует ему. Нам кажется, что здесь имело бы смысл обсудить вопрос о прикладных и фундаментальных ориентациях книговедческих исследований и разработок. Но, разумеется, не в натуралистической традиции, когда все науки делятся на прикладные и фундаментальные, а в современном функциональном понимании¹⁰.

При обращении к третьему вопросу (о предмете книговедения), вполне ожидаемо видеть его прямую связь со вторым (о потребителе нашей продукции). Мы призваны производить знания, по составу и содержанию востребуемые их пользователями, нашими «социальными заказчиками». В связи с этим можно и нужно понимать книжное дело, а тем паче сферу книги двояко. (1) В узком (можно сказать, рабочем) смысле, сводя их к ряду профессий, имеющих книгу непосредственно предметом своих занятий, каким имеют ее издатель или библиотекарь. Либо, наоборот, (2) в широком, в пределе переходящем в метафору, – говоря о книге как средстве общения или даже о нашей цивилизации как цивилизации книги («Галактике Гутенберга»). В качестве примера первой трактовки можно вспомнить приведенную на рисунке схему. Напротив, на широкую трактовку рассчитывает, насколько можно судить, В. И. Васильев, когда говорит о своей «книжной культуре»¹¹.

С оглядкой на такие полярные трактовки сферы книги можно предельно упростить приведенную схему структуры и состава книговедения. В первом случае сведя ее к предметной последовательности, например, *письмо – книга – чтение*, а во втором предельно расширив, и тогда она приобретет вид: *творение – культура/вторая природа – использование*. Важна не эта трехчастная схема, а способ ее употребления, возможные модификации и детализация ситуативны. Правда, на наш взгляд, в обозначенных двух предельных случаях нужда в книговедении, как особой научной/учебной дисциплине пропадает. Толкуя о последовательности *письмо – книга – чтение*, мы оказываемся в действительности науки о коммуникации, во втором случае (*творение – культура/вторая природа – использование*) – в действительности культурологии. Поэтому неслучайно мы предлагаем именно коммуникологию (коммуникативистику) и культурологию рассматривать в качестве первоочередных кандидатов на роль объемлющих книговедение областей знания.

При этом нужно отметить недостаточную проработанность методологических оснований их обеих: в этом отношении они мало отличаются от книговедения (естественно, поскольку они моложе последнего)¹². В особенности сказанное относится к их практической ориентации и пространствам практического использования: эти

пространства необозримы и пока еще почти не размечены. Что касается культурологии, то этой стороне вопроса в значительной мере посвящена работа Г. П. Щедровицкого¹³, но нельзя не упомянуть такую важнейшую область использования ее результатов, как культурная политика. По части науки о коммуникации наряду с указанным выше сборником сошлемся для примера на книгу О. И. Матяш с соавторами¹⁴. Здесь, на наш взгляд, намечается обширное поле для совместной работы коммуникологов с книговедами вплоть до прямого пересечения интересов. Например, в части особенностей письменной коммуникации (в сравнении с устной) или изучения книги как особого средства фиксации и переноса опыта.

В последнем случае, да и вообще, говоря о предмете книговедения, нельзя пройти мимо ситуации, сложившейся вокруг центрального для нас понятия «книга». Как ни парадоксально, именно понятия о центральных артефактах во всех гуманитарных «ведениях» и примкнувшим к ним «логиям» вызывают бесконечные дискуссии. Что характерно не только для книговедения, но также для культурологии, науки о коммуникации или правоведа. Эта тема требует специального обсуждения, а здесь стоит ограничиться ссылкой на различение субстанциональных и функциональных понятий, изредка используемое отечественными гуманитариями, которое, на наш взгляд, открывает перспективы продвижения в этом направлении.

Субстанциональными мы называем понятия, построенные на атрибутивных свойствах стоящих за ними объектов, в том числе артефактов. Таковы свойства характерные, например, для свитка, кодекса, или файла, а также фигурирующие в библиографическом описании (бумажной) книги. Функциональные понятия, напротив, строятся на функциональных свойствах, в нашем случае определяемых назначением и способом практического употребления артефакта, в частности, книги¹⁵. Книга предназначена, прежде всего, для чтения, т. е. для передачи содержащихся в ней знаний/информации, а способ фиксации этой информации в материале, с этой точки зрения, неважен. Из сказанного следуют два взаимно дополнительных подхода к построению понятия книги, намеченные еще М. Куфаевым¹⁶. Субстанциональное (или морфологическое) понятие (типа «книга – это кодекс...») апеллирует к свойствам книги, меняющимся в истории. Функциональное – к ее неизменному назначению – быть читаемой.

Подозреваем, что предлагаемый способ решения проблемы пригоден для разных наук, центрирующихся вокруг своих артефактов, но вопрос с понятием книги, таким образом, представляется в принципе решенным¹⁷. Кстати и понятие документа является функциональным, что сильно упрощает вопрос о соотношении понятий книги и документа.

Приближаясь к четвертому из поставленных в начале вопросов, хотим заметить, что сейчас, в эпоху очередной промышленной революции¹⁸ и широкого распространения электронных носителей информации вряд ли нам нужно стремиться к жестким и определенным ответам на такого рода вопросы. (В особенности, типа любимых многими книговедами формальных определений терминов, обычно подменяющих построение необходимых понятий.) Скорее, нам сейчас нужна гибкая система различений и динамичных понятий, настроенных на быстрые перемены в мире. «История понятий» (Begriffsgeschichte) творится теперь у нас на глазах, и мы волей-неволей оказываемся ее участниками или, как минимум, стейкхолдерами.

Поэтому речь идет не о «правильных» ответах на обсуждаемые вопросы, а о возможном диапазоне таких ответов.

Наряду со всем этим в рамках функционирования и воспроизводства книговедения в его исторически сложившейся в России форме надо признать законным желание доопределить изложенные непривычно абстрактные представления хотя бы для временного употребления в текущей работе. (Как все-таки, включать библиофильство в предмет книговедения или учредить для его анализа особую науку, как предлагают некоторые коллеги?) Но, как свидетельствует опыт, это желание нереализуемо «вообще» в установке на поиск за указанными представлениями некоей научной истины. В поисках истины оно порождает только бесконечные споры, на глазах вырождающиеся в пустую схоластику. Мы предлагаем рассматривать и обсуждать возможные представления в перспективе их практического использования.

В этом смысле в четвертом из поставленных выше вопросов итожатся обозначенные соображения. Только в контексте *самоопределения и самоорганизации профессионального сообщества* здесь и теперь, такого рода вопросы могут получить конструктивное разрешение. Сравните сами. Одно дело – обсуждать вопрос о том, что вообще «правильно» с научной точки зрения, т. е. соответствует тому, как наш мир устроен «на самом деле»: считать ли библиотекведение одной из составляющих книговедения (или наоборот), либо отвечать на вопрос, обращенный в конкретной ситуации к конкретному библиотековеду: «Вы примете участие в обсуждении и принятии профессиональной хартии книговедов?» То есть, первый вопрос не в том, как устроен наш мир, а в том, что и как мы собираемся в нем делать. И в зависимости от ответа мы увидим мир, организованный так или иначе.

Собразно сказанному ранее, не хотелось бы предрешать и вопрос о границах возможного сообщества. Тем более, что отнесение себя к сообществу книговедов ничуть не мешает членству в библиотечном или библиографическом сообществах, как, впрочем, и в любом другом. Такая двойная, тройная и вообще множественная самоидентификация как раз характерна для гражданского общества. Поэтому неслучайно формирование подлинных профессиональных сообществ до сих пор остается проблемой в постсоветской России. Более того, это своего рода пробный камень: если мы не можем самоорганизоваться даже в масштабах собственного профессионального сообщества, что же говорить о гражданском обществе!

Речь идет, разумеется, не о формальном учреждении очередного «союза» (с членскими билетами, председателями и секретарями). Для начала можно говорить хотя бы о создании сетевой коммуникационной площадки, где можно было бы оперативно и публично обсуждать важные для сообщества вопросы. Интересно, много ли будет желающих вести такие дискуссии? Как при этом перевести схоластические споры о терминах (которые к тому же называют понятиями) в содержательную коммуникацию, а затем и в план действий? Но эта тема, если она найдет отклик у читателей, предполагает, конечно, специальную проработку. Для примера можно сослаться на стародавний разговор по тому же поводу с культурологами, который, насколько нам известно, так и не имел продолжения¹⁹. Что особо показательно для нашей культурно-исторической ситуации. Но у культурологов есть хотя бы сетевое сообщество.

Пользуясь случаем, автор благодарит Д. А. Эльяшевича за стимулирующую дискуссию, обогатившую содержание настоящей статьи.

Примечания

¹ О Московском методологическом кружке написано много. См., например: Познающее мышление и социальное действие: (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли). М.: Ф.А.С.-медиа, 2004. 543 с.; Философия России второй половины XX века: Георгий Петрович Щедровицкий. М.: РОССПЭН, 2010. 600 с. См. также: сайт Некоммерческого научного фонда «Институт развития имени Г. П. Щедровицкого»: URL: <http://www.fondgp.ru/> (дата обращения 20.11.2018).

² Достаточно вспомнить РАН, которая за 5 лет государственного «реформирования» так и не сумела самоорганизоваться и предложить собственную программу реформ. За что и поплатилась внешним управлением и реформированием. См. об этом: Рац М. В., Котельников С. И. Случай с Академией: как надо и как не надо проводить реформы // Независимая газета. URL: http://nvo.ng.ru/nauka/2013-09-11/11_academy.html?id_user=Y (дата обращения 06.11.2018); Рац М. В., Котельников С. И. Случай с Академией – что нужно реформировать? // Независимая газета. URL: http://nvo.ng.ru/nauka/2014-03-12/12_academy.html?id_user=Y (дата обращения 06.11.2018). При всей несопоставимости масштабов, с методологической точки зрения, ситуации с наукой вообще и книговедением, в частности, однотипны.

³ О кризисе см., например: Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М.: ВШЭ, 2011. 368 с. О картинах мира см.: Щедровицкий П. Г. От онтологии Космоса к онтологии деятельности // Русский мир и Латвия. 2011. № 25. С. 37–43.

⁴ Рац М. В. Судьба книговедения: функционирование или развитие? // Книга: исслед. и материалы: М., 2013. Вып. 99. Ч. I–II. С. 36–42.

⁵ Мильчин А. Э. Как надо и как не надо делать книги. Культура издания в примерах. М.: НЛО, 2012. 352 с.

⁶ Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое изд-во, 2006. 270 с.; Шартье Р. Читатель в постоянно меняющемся мире // Иностран. лит. 2009. № 7. С. 22–34; Теория и мифология книги: французская книга во Франции и России. М.: РГГУ, 2007. 192 с.

⁷ Рац М. В. К вопросу о составе и структуре науки о книге // Книга: исслед. и материалы. М., 2009. Вып. 91. Ч. I–II. С. 32–42.

⁸ Мы не видим толка в спорах об определении книговедения как комплексной науки или комплекса наук о книге. Вопрос о том, как устроена наука «на самом деле» лишен смысла: наука устраивается так, как мы ее устраиваем. А представлять книговедение, библиотекведение, библиографоведение и т. п. как самостоятельные дисциплины или как составляющие книговедения в широком понимании – можно и нужно в зависимости от ситуации и решаемых нами задач.

⁹ Что касается названия, то, имея в виду древнегреческое понятие техне (τέχνη, téchne) как искусство в широком смысле, все эти науки можно было бы называть техническими, но это сильно противоречит традиции, поэтому вопрос о наименовании можно оставить открытым. На худой конец, в запасе есть еще вариант Г. Саймона: науки об искусственном. См.: Саймон Г. Науки об искусственном. М.: Мир, 1972. 148 с.

¹⁰ Понятия фундаментального и прикладного и их приложение в науке // Н. Л. Коршунова, С. И. Котельников, В. П. Литвинов, О. И. Матяш, М. В. Рац // Наука. Инновации. Образование. М.: Языки славянской культуры, 2013. № 14. 280 с.

¹¹ Васильев В. И. История книжной культуры как научное направление отечественной истории и книговедения // Книга: исслед. и материалы. М., 2004. Вып. 82. С. 5–24; см. также: Васильев В. И. Книга и книжная культура на переломных этапах истории России. Теория. История. Современность. М.: Наука, 2005. 272 с.

¹² Что касается культурологии, то в предисловии к фундаментальной К. Разлогов прямо писал, что вопросы: что понимать под культурологией? существует ли она как самостоятельная дисциплина, есть ли у нее своя методология? остаются открытыми; см.:

Теоретическая культурология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. С. 8. За прошедшие годы мало что изменилось. Кстати, с нашей точки зрения, культурологию можно и нужно структурировать среди прочего по той же трехчастной схеме, что и книговедение. См: Рац М. В. Культура как предмет междисциплинарных исследований: тематизация // Культура как предмет междисциплинарных исследований: мат. II Междунар. науч. конф., Томск, 11–13 мая 2010 г. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 2010. 542 с. Для состояния дел в коммуникативной науке достаточно представителен сборник трудов международной конференции и стенограмма прошедшего там «Круглого стола»: Коммуникация как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов: сб. ст. участников международной научно-практической конференции, 9–11 июля 2015 г. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. 260 с. Стенограмма: «Эпистемологические и методологические вопросы современного социально-научного знания и коммуникативных исследований как его составной части» // Коммуникации. Медиа. Дизайн. М., 2016. Т. 1 № 3. С. 94–119.

¹³ Щедровицкий Г. П. Культуротехника и культурология с системодетельностной точки зрения: проблемы и перспективы // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции: сб. ст. М., 2004. Вып. 10. 156 с.

¹⁴ Межличностная коммуникация. Теория и жизнь / О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова, С. А. Биби, Ж. В. Зарницкая. СПб.: Речь, 2011. 560 с.

¹⁵ Подробнее об атрибутивных и функциональных свойствах объектов см.: Путеводитель по методологии организации, руководства и управления. М.: Дело, 2003. С. 102. Характерный пример использования различения двух типов понятий: Межуев В. М. Идея культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 314.

¹⁶ Куфаев М. Н. Книга как понятие и предмет науки // Куфаев М. Н. Избранное: труды по книговедению и библиографоведению. М.: Книга, 1981. С. 39–49.

¹⁷ Подробнее обо всем этом, включая соотнесение понятий знания и информации см.: Рац М. В. Книга в системе общения: вокруг «Заметок библиофила». Изд. 2-е, испр. М.: Наследие ММК, 2006. С. 430–450.

¹⁸ См., например: Шваб К. Четвертая промышленная революция М.: Эксмо, 2016. 208 с.

¹⁹ Проект культурологической хартии. Сетевое сообщество «Российская культурология». URL: <http://culturalnet.ru/f/viewtopic.php?id=988&action=all> (дата обращения 12.10.2018).

В. А. Маркова

Развитие книговедения в контексте дискурса кризиса

В статье делается попытка увидеть в дискурсе о кризисе книговедения положительное, то, что позволяет ему позиционировать себя в качестве отдельной области знаний. Анализируется текущее состояние книговедения в Украине в образовательном процессе, научно-исследовательской деятельности. Намечаются векторы его дальнейшего развития.

Ключевые слова: книговедение, книга, книжная коммуникация, перспективы книговедения

Victoria A. Markova

Development of bibliography in the context of the discourse of the crisis

It has been made an attempt to see the positive in the discourse on the bibliography crisis, which still allows it to position itself as a separate field of knowledge. The current state of bibliography in Ukraine in the educational process, research activities is analyzed. The vectors of its further development are outlined.

Keywords: bibliography, book, book communication, bibliography prospects

Для книговедческого дискурса постсоветского пространства общим моментом стала констатация кризисного состояния книговедения. Как правило, авторы предпринимают попытку найти причины такого состояния и предлагают различного рода пути выхода из него, апеллируя при этом к «золотому» (начало XX в.), или хотя бы к «серебряному» (60–70-е гг. XX в.) векам книговедения, когда его статус в научном сообществе был достаточно высок. В связи с этим возникает соблазн разобратся в сущности кризиса как явления и понять, действительно ли он таит в себе опасность или, наоборот, способен вдохнуть новую жизнь в книговедение в условиях новой реальности, в которой «правят бал» новые средства коммуникации.

Согласно Фасмеру, слово «кризис» греческого происхождения («κρίσις»), означающее «решение, исход», «crisis» (лат.) пришло в русский через немецкий («krisis»). На сегодняшний день оно обладает целым рядом значений, среди которых практически во всех этимологических словарях называется «резкий, крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние». Поэтому в наших дальнейших рассуждениях будем опираться на это значение. Исходя из того, что кризис – это «переходное состояние», логично задаться вопросом: «Между чем и чем?». Если ответ на второе «чем?» лежит в области прогноза и предполагает исключительно наши предположения, то ответ на первое – в области истории, которая вполне доступна для анализа.

Итак, несмотря на то, что термин «книговедение» впервые был употреблен не в России, его современным наполнением мы обязаны работам выдающегося российского книговеда Н. М. Лисовского, работавшего в конце XIX – начале XX в. Именно его работы положили начало обоснованию книговедения в качестве отдельной самостоятельной науки, изучающей книгопроизводство, книгораспространение и

книгописание как в историческом, так и теоретическом аспектах. И именно в этот период произошла институализация книговедения: оно стало предметом преподавания в университетах, были организованы профессиональные сообщества, начали издаваться профессиональные периодические издания. Взлет книговедческой мысли продолжался и в послереволюционный период и закончился, как нам известно, в 30-е гг. после бесплодных попыток встроить книговедение в марксистско-ленинскую теорию.

Однако, если мы посмотрим на взгляды тех, кого на сегодняшний день маркируют в качестве книговедов (не все себя таковыми считали), то увидим, что этот плодотворный период отнюдь не привел к выработке парадигмального единства, наоборот, он продемонстрировал многообразие точек зрения на объект, предмет, структуру книговедения, его место среди других наук. Причем, при позиционировании книговедения как отдельной науки, его представители не отказывали себе в попытке встроить его в другие науки. Так, Н. А. Рубакин делал акцент на психологии, М. Н. Куфаев и А. М. Ловягин были склонны к социологизации книговедения. Кроме того, в их работах необходимым фоном присутствовали философские и языковедческие концепции. Безусловно, эти люди с широким общегуманитарным образованием не могли замыкаться сами и замыкать книговедение сугубо на вопросах типологии, чем затем грешили их последователи. И если проводить исторические параллели, то «бурление мысли» 20-е гг. прошлого века в большей мере напоминают те дискуссии, которые время от времени происходят сейчас, нежели период схоластических построений 60–70-х гг., оцениваемых в книговедческой среде как весьма плодотворный.

Для правильного понимания этих процессов необходимо хотя бы кратко рассмотреть эволюцию гуманитарных наук, в лоне которых, безусловно, находится и книговедение. Известный немецко-американский философ Ханс Ульрих Гумбрехт связывает появление гуманитаристики со сделанным в конце XIX в. предложением Вильгельма Дильтея создать новый кластер знания под названием «наук о духе», поскольку до этого те дисциплины, которые мы сейчас относим к гуманитарным, не отделяли себя от традиционных наук. Гумбрехт пишет о том, что гуманитаристика уже на этапе своего выделения из традиционных наук сталкивается с двойной травмой, которая заключается в том, что она вынуждена постоянно доказывать, что она так же создает нечто «реальное» и еще задаваться вопросом: «О чем на самом деле мы говорим?» Немецкий философ считает, что только благодаря неустанным разговорам о собственном кризисе и смогли сохраниться гуманитарные науки. Взлетом же гуманитарной мысли он считает вторую половину XX в. с ее массовым ростом различного рода теорий, таких как структурализм, неомарксизм, неофрейдизм, деконструкция, вокруг которых шли дискуссии, в основном критического характера, но это было доказательством того, что гуманитарная мысль жива. В настоящий момент Гумбрехт констатирует спад новых теорий и приходит к неутешительному выводу о том, что «говорить о кризисе для гуманитаристики стало способом выживания и, следовательно, существует риск, что из-за этого можно проглядеть опасность нынешней ситуации. Я думаю, что если гуманитаристика не отнесется к этому кризису серьезно, если она не научится представлять, что мир может существовать без гуманитарных наук, то они дей-

ствительно могут исчезнуть»¹. Не будет лишним экстраполировать эту ситуацию и на развитие книговедения.

Возвращаясь к периоду «второго рождения» книговедения, следует отметить, что оно началось с тех же вопросов, на которых сосредотачивали свое внимание книговеды 20-х гг. Их обсуждение носило дискуссионный характер, однако, в отличие от предшественников, встраивающих книговедение в широкий общегуманитарный дискурс, ученые и практики 60-х делали упор на решении общетеоретических задач. Именно тогда возник, как показывало дальнейшее развитие событий, «камень преткновения» между книговедами, библиотековедами и библиографами в вопросе «комплексности» книговедения. Пересказывая драматический путь книговедения от шестидесятых к двухтысячным, М. П. Ельников пытается найти ответ на вопрос, почему «звездный час», «книговедческий прорыв» начала 70-х сменился тем, что затем «общекниговедческая мысль иссякла, неожиданно выдохлась»². Причину этого он видит в переключении внимания от теории к решению практических вопросов, в частности вопроса типологии книги. С этим, безусловно, трудно не согласиться, поскольку именно тогда, сделав этот важный практический вопрос основным, ученые сделали первый шаг в превращении книговедения в часть документоведения. Но к этому еще следует добавить, что в плодотворный период 60-х – начала 70-х произошло углубление в теоретизацию и был заложен фундамент для превращения книговедения во многом в схоластическую дисциплину, претендующую на комплексность. Следует отметить, что это был период бурного развития истории книги, но она была как бы сама по себе, вне теории. Образцом же плодотворного содружества теории и истории является направление истории чтения, сложившееся в рамках французской школы Анналов.

С учетом того, что это было время бурного развития гуманитарных наук, продуктивным было бы освоение книговедами их инструментария (к чему и пришли впоследствии), вместо этого же они пытались создать собственный книговедческий метод. Справедливости ради следует отметить, что на развитие книговедческой мысли оказала влияние коммуникативистика, однако экстраполяция ее разработок была осуществлена с попыткой скрестить ее с диалектическим материализмом (А. А. Беловицкая).

Кроме того, именно в этот период сложилась точка зрения, в соответствии с которой объект книговедения имеет комплексный характер и включает и книгу, и книжное дело, последнее же рассматривалось как совокупность отраслей. Итогом всех этих процессов стало то, что в книговедении была предана забвению его гуманитарная составляющая, и оно превратилось в дисциплину сугубо практического характера, обслуживающего нужды книгоиздательской и книготорговой деятельности. Де-юре это было закреплено и в названии научной специальности – «Книговедение, библиотековедение, библиографоведение»³. В Украине эти процессы были связаны с созданием собственной аттестационной системы после провозглашения независимости. В соответствии с приказом Высшей аттестационной комиссии Украины от 13 марта 1997 г. была сформирована комплексная дисциплина «Книговедение, библиотековедение, библиографоведение» (вместо отдельных «Книговедение» и «Библиотековедение и библиографоведение»). С 2008 г. эта на-

учная специальность входит в научную отрасль «Социальные коммуникации». Тем не менее, несмотря на такое четкое указание места книговедения в определенной отрасли науки, защита диссертаций, связанных с книговедческой тематикой, осуществляется не только в области социальных коммуникаций, но и в области исторических, филологических, педагогических наук, что лишний раз подтверждает его междисциплинарный характер. Библиометрический анализ защищенных диссертаций, объектом исследования в которых была книга, за период 1992–2015 г., проведенный О. Пастушенко, показал, что среди них 73 кандидатских и 11 докторских. Если же говорить о вкладе в теоретическое книговедение, то к таким работам автор относит 6 докторских диссертаций и 14 кандидатских⁴. Тематическое наполнение указанных работ представлено различными аспектами книжного памятниковедения, местом книги и книговедения в системе научного знания и социальных коммуникаций в частности, формированием структуры современного книговедения, его объекта и предмета, институализацией новых книговедческих дисциплин, возникающих на стыке с другими науками, вопросами книгоиздания и книгораспространения, развитием электронной книги, книговедческой историографией, спецификой отдельных видов изданий. Таким образом, проблемное поле современного украинского книговедения показывает, что оно развивается в системе наук социально-коммуникативного цикла, традиционно тяготеет к историческим исследованиям, уделяя при этом внимание и практическим вопросам, особенно в связи с освоением новой коммуникативной реальности. Примечательным является тот факт, что в отрасли знаний «Социальные коммуникации» есть и научная специальность «Теория и история издательского дела и редактирования». То есть из книговедения выделена еще одна часть, и получается, что «нераспределенной» областью практического применения осталась только книжная торговля. В таком перераспределении под книговедением остается подразумевать только общее (теоретическое) книговедение.

Близкая, а в чем-то еще и более запутанная ситуация разворачивается и в учебной деятельности. В ходе приведения украинской номенклатуры специальности к европейским стандартам на месте «Книговедения, библиотекведения и библиографии» возникло «Информационное, библиотечное и архивное дело», появилось «Издательство и полиграфия» в отрасли знаний «Производство и технологии», а «Издательское дело и редактирование» осталось лишь на правах специализации специальности «Журналистика». Анализ учебных планов показал, что книговедение как дисциплина преподавания присутствует отнюдь не во всех вышеуказанных специальностях.

О неопределенности статуса книговедения говорит и отсутствие научных центров, занимающихся его проблематикой и консолидирующих усилия тех, кто еще именуется себя книговедами. Несмотря на то, что в той же Национальной библиотеке Украины им. В. Вернадского функционирует отдел книговедения, позиционирующий себя как координирующий центр этой области научных исследований, реально он занимается историческими изысканиями. Кроме того, тенденцией последних лет стало исчезновение кафедр книговедения в специальных учебных заведениях, что также не способствует активизации книговедческой мысли. Отсутствует и специальное профессиональное издание, такое как российское «Книга: исследование

и материалы», не проводятся книговедческие конференции. Как правило, книговедческая тематика присутствует в специальных изданиях в виде рубрики, а на научных конференциях в виде секции.

В связи с такой ситуацией известный украинский книговед Г. Н. Швецова-Водка в качестве обобщающего названия для комплекса наук о книжной коммуникации (или книжном деле), обеспечивающей создание и функционирование книги в обществе, предлагает библиологию. Ее аргументами в пользу такого термина является то, что он интернациональный и уже использовался для обозначения комплексной науки о книге. Кроме того, по ее мнению, это позволит избежать нежелательных выражений – «книговедение в широком смысле» и «книговедение в узком смысле». Неоднозначным Г. Н. Швецова-Водка признает и объем «книговедения в узком смысле», поскольку его используют и в отношении общего книговедения, и в отношении комплекса, который включает только эдициологию и библиополистику. Поэтому общее книговедение как теорию книговедения должна заменить библиософия как «метанаука библиологического комплекса», а термин «книговедение» может остаться только комплексом дисциплин, состоящим из эдициологии и библиополистики, а также истории книги⁵. Безусловно, такой позицией Г. Н. Швецова-Водка пытается «снять» давние противоречия между книговедами, библиотековедами и библиографоведами, поскольку последние уже несколько десятилетий не соглашались с объединением их в книговедческий комплекс. Вместе с тем следует отметить, что выбор для этой цели понятия «библиология» вряд ли сможет удовлетворить всех, поскольку еще с XVI в. оно использовалось в разных странах для обозначения комплексной науки о книге, и только в XX в. сначала на территории Российской империи, а затем Советского Союза было заменено на «книговедение». А потому возвращение его не меняет суть дела. К тому же известно, что язык, даже в рамках научной коммуникации, является живым явлением, а поэтому любые, даже самые логичные изменения должны «прижиться». Есть ли такие перспективы у терминологических инноваций Г. Н. Швецовой-Водки, продемонстрирует жизнь. На сегодняшний же день она демонстрирует нам только одно: ни попытки переименований, ни создание новых метатеорий (Ю. Н. Столяров, А. В. Соколов), ни построение сложных схем не вернут нам былого величия книговедения, как бы нам этого не хотелось. И на то есть вполне объективные причины. Задача же сегодняшнего дня – «встроить» книговедение в условия новой коммуникативной реальности; и не «голыми» схемами, показывающими его место в структуре научных знаний, а реальными исследованиями, интересными и актуальными вопросами, показывающими жизнеспособность книговедческой мысли.

Поэтому следует сосредоточить внимание на том, в каком направлении нужно двигаться, чтобы книговедение все же пережило кризис. Для этого, прежде всего, необходимо понять природу этого состояния. Ее достаточно емко сформулировал А. В. Соколов в таком, так сказать, 3D-формате – дегуманизация, дигитализация, дисфункция чтения⁶. Этими вопросами и должно заняться книговедение как обобщающая наука о книге и ее функционировании в обществе. На наш взгляд, обновление книговедческой мысли возможно на основе следующих положений.

1. В условиях новой коммуникативной реальности, в которой традиционная печатная книга, во-первых, сосуществует с электронной, а, во-вторых, сама функционирует уже в новой электронной среде, необходим пересмотр объекта книговедения, определенного как «книга и книжное дело». Следует отметить, что к этой двойственности всегда были определенные претензии, но дело не только в этом. Функционирование книги в новой информационно-коммуникативной реальности предполагает совершенно новые «правила игры», не вмещающиеся в понятие «книжное дело», которое соответствует индустриальному периоду в развитии социальных коммуникаций. Поэтому продуктивным, на наш взгляд, будет замена «книги и книжного дела» в качестве объекта книговедения на семантически более емкое – «книжная коммуникация», что в большей мере отражает реальную ситуацию. Безусловно, это положение еще требует дополнительного теоретического обоснования, но оно будет способствовать устранению той ситуации, о которой писал М. Маклюэн: «Мы на самом деле живем, так сказать, мифически и интегрально, однако продолжаем мыслить в соответствии со старыми, фрагментированными пространственными и временными образцами доэлектрической эпохи»⁷.

2. В связи с тем, что объект книговедения включал книгу как таковую и институализированные отрасли, связанные с ее созданием, распространением и потреблением, и автор, и читатель были исключены из исследовательского поля книговедения. По всей видимости, это было связано с прагматическим взглядом на книговедение, которое рассматривалось только в привязке к производственному циклу. В тоже время для книговедения 20-х гг. XX в. характерным был целостный взгляд на процесс функционирования книги в обществе, не исключая автора и читателя. Кроме того, в условиях новой коммуникативной реальности только автор, книга и читатель являются обязательными участниками коммуникативного процесса. Поэтому считаем, что их «возвращение» не только существенно обогатит книговедческую мысль, но и, опять-таки, будет лучше соответствовать новой коммуникативной реальности.

3. Необходимым является также рассмотрение книжной коммуникации и тех процессов, которые в ней происходят, в условиях новой коммуникативной реальности в целостности и взаимосвязи, не разрывая ее на отдельные отрасли.

4. С учетом того, что большинство теоретических вопросов современного книговедения связано с пограничной ситуацией в условиях новой информационной революции, важным является рассмотрение их во взаимосвязи с исторической ретроспективой с учетом того, что общество уже не раз в прошлом переживало подобные пертурбации. Существенно обогатит книговедческую мысль и параллельное использование как синхронии, так и диахронии при анализе этих процессов.

5. В условиях постнеклассического этапа в развитии науки, для которого характерными являются междисциплинарные исследования, необходимо активное привлечение компаративных методов анализа, а также продуктивное привлечение методологического аппарата других наук.

6. Необходимо возвращение к социокоммуникативному подходу как к основному в книговедческих исследованиях, отражающих сущностную природу книги.

Но самое главное – это объединение всех, кто тем или иным образом причастен к книжной сфере, независимо от того, как именно они себя позиционируют в научном сообществе.

Продуктивность же дискурса кризиса на сегодняшний день состоит в том, что представители научного сообщества так или иначе в ходе обсуждения останавливаются на тех проблемах, с которыми сталкивается наша сфера, и предлагают пути преодоления. И это дает основание надеяться, что книговедческие исследования будут продолжены.

Примечания

¹ Евгений Галёна — Ханс Ульрих Гумбрехт. «Башня из слоновой кости»: О будущем гуманитарного образования // Новое литературное обозрение. 2016. № 2 (138). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/138_nlo_2_2016/article/11852/ (дата обращения: 01.06.2018).

² Ельников М. П. Книговедение как наука: от шестидесятых до двухтысячных // Книга: исслед. и материаль. М., 2002. Сб. 80. С. 161–185.

³ Подробно этот вопрос рассмотрен в публикации: Швецова-Водка Г. Місце бібліології в системі наукового знання // Бібліотечний вісник. 2013. № 4. С. 3–9.

⁴ Пастушенко О. Теорія книги в сучасних дисертаційних дослідженнях з книгознавства в Україні // Бібліотечний вісник. 2015. № 2. С. 23–26.

⁵ Швецова-Водка Г. Місце бібліології в системі наукового знання // Бібліотечний вісник. 2013. № 4.

⁶ Соколов А. В. Книжность. Интернет. Интеллигентность // Библиотекосведение. 2010. № 3. С. 21–27; № 4. С. 20–26.

⁷ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007. С. 6.

И. К. Стаф

История книги и история литературы: проблемы взаимодействия

История чтения, изучая материальные параметры, задающие рецепцию текстов в различные исторические периоды и в различных читательских сообществах, ставит под вопрос категориальный аппарат и предмет истории литературы, заставляя по-новому осмыслить понятие литературы как социокультурного института с учетом многообразных книжных и рукописных репрезентаций произведений в конкретном историческом контексте.

Ключевые слова: история чтения, история литературы, Р. Шартье, Р. Дарнтон, книгопечатание, рецепция, прагматика текста, авторство

Irina K. Staf

History of the book and history of literature: problems of interaction

The history of reading, studying the material parameters that prescribe the reception of texts in different historical epochs and in various reader communities, calls into question the categories and the subject of the history of literature, forcing to rethink the notion of literature as a socio-cultural institution, taking into account the diverse book and manuscript representations of works into concrete historical context.

Keywords: history of reading, history of literature, R. Chartier, R. Darnton, book-printing, reception, pragmatic of text, authorship

Теодор уже ничего не слышал. (...) Десять раз измерял он проклятый том, десять раз перепроверял удручающую его цифру, затем что-то прошептал, побледнел и лишился чувств.

Шарль Нодье. Библиоман¹.

Нодье в своей знаменитой новелле – надгробном слове знатоку старых книг, не пережившему отсутствия в его библиотеке издания Вергилия 1676 г. с широкими полями, – описывает библиофила не только как чудака-ценителя, бескорыстно преданного книжным сокровищам, но, что важнее, как человека, для которого ценность книги заключена не в содержании, но в особенностях полиграфического исполнения. Тогда же, в 30-х гг. XIX в., другой французский писатель, Поль Лакруа (более известный под псевдонимом Жакоб-библиофил) сформулировал альтернативу этой «библиоманической горячке», не видящей в издании Вергилия ничего, кроме пресловутой «третьи линии»². Истинный библиофил, по его мнению, изучает и ценит в первую очередь произведения старинных авторов; книги для него – не материальная ценность, но памятники прошлого. Библиофильство предстает у Лакруа синонимом возвышенного *читательского* труда, продолжением которого служит труд литератора и историка.

Эта литературная контроверза, относящаяся к периоду, когда во Франции сложилось представление о книговедении и библиографии как особой отрасли науч-

ного знания, удивительным образом предвосхитила направление, в котором развивалась история книги во второй половине XX в.

В последние десятилетия в этой науке произошли существенные изменения, благодаря которым она заняла одно из центральных мест среди социальных дисциплин. Материальные характеристики книги (формат, шрифт, иллюстрации и т. д.), которые в традиционном книговедении, наследующем методологии XIX в., рассматривались, как правило, автономно, вне связи с ее содержанием, предстали важнейшим источником данных о способах презентации и рецепции текстов, иначе говоря, не только об особенностях книжной печати в данной стране и в данную эпоху, но и о фундаментальных социокультурных параметрах, определяющих исторические читательские практики.

Перелом в понимании исторических функций книги (во многом обусловленный реакцией на *linguistic turn* середины XX в.) произошел 1980-х гг. Одним из первых его проявлений стала статья Роберта Дарнтона «Что такое история книги?»³. Анализируя достижения в этой области, следовавшие за знаменитым «Возникновением книги» Люсьена Февра и Анри-Жана Мартена⁴, и сравнивая, с присущим ему юмором, разнообразие новых подходов с «тропическими джунглями», в которых исследователю недолго и затеряться, Дарнтон в общих чертах намечает модель возникновения и распространения книг в обществе. «Как правило, печатные книги проходят примерно один и тот же жизненный цикл. Его можно описать как цепочку связей, которая тянется от автора к издателю (если эту роль не берет на себя книготорговец), печатнику, поставщику, книготорговцу и читателю. Читатель замыкает цепь, поскольку воздействует на автора как до, так и после создания произведения. Авторы тоже читатели. Через чтение и отношения с другими читателями и писателями они формируют понятия жанра и стиля, а также общее представление о литературной деятельности, которое влияет на их тексты <...> Писатель может ответить в том, что он пишет, на критику своего предыдущего творчества или предусмотреть реакции, которые вызовет его текст. Он обращается к предполагаемым читателям и прислушивается к реальным рецензентам. Таков полный замкнутый цикл этой цепи. Она передает сообщения, преобразуя их по пути: от мысли к печатным литерам и обратно к мысли. К ведению истории книги относится каждый этап этого процесса и весь процесс в целом, во всех его пространственных и временных вариациях и связях с другими системами – экономической, социальной, политической, культурной...»⁵.

Важно подчеркнуть, что каждое звено такой цепи требует изучения в историческом контексте. Так, авторство – одно из основных понятий как истории книги, так и истории литературы, не только исторически изменчиво, но и для многих периодов не определено. К примеру, М. Фуко в своей лекции «Что такое автор?»⁶, формулируя понятие «авторской функции» (*fonction-auteur*) и три ее составляющие – идею литературной собственности, преследование по закону за ее присвоение, а также аутентификацию письма через конкретного субъекта, понимаемого как источник произведения, – относит появление литературного авторства к XVIII в., когда на художественные тексты переходит та модель идентификации, та «личная подпись», какая прежде требовалась для текстов научных. А. Вьяла в книге «Рождение писателя»⁷ возводит это понятие к эпохе классицизма с ее литературными кружками

и салонами, где утверждались и оспаривались культурные авторитеты. Напротив, Р. Шартье в статье «Автор в системе книгопечатания»⁸ видит признаки авторской функции уже в манускриптах Петрарки и других первых гуманистов⁹ и связывает ее развитие с «постепенным переносом на тексты на народном языке того особого принципа обозначения и отбора, который долгое время служил характеристикой только произведений, принадлежащих кому-либо из древних auctoritas и превратившихся в источник бесконечных цитат, глосс и комментариев»¹⁰. А в одном из недавних обобщающих трудов по данной проблеме¹¹ личное и социальное осознание авторства прямо связывается с изобретением Гутенберга и его влиянием на культуру раннего Ренессанса.

Примерно так же обстоит дело с более частными вопросами, поставленными Дарнтоном: когда писательство превращается в профессию, иначе говоря, когда институт патронажа, делающий автора зависимым от знати, сменяется возможностью жить за счет своего пера? Каким образом делалась в разные эпохи литературная карьера? Каковы были отношения авторов с издателями, печатниками, книготорговцами, рецензентами¹²?

Проблематизация роли текста в историческом анализе привела не только к пересмотру роли книги (и, шире, письменного/печатного слова) в истории культуры¹³, но и к формированию в 1980-х гг. нового направления историко-культурных исследований – истории чтения. Зародившись во Франции (одной из отправных точек этого процесса стал выход четырехтомной «Истории французского книгоиздания» под редакцией А.-Ж. Мартена и Р. Шартье¹⁴, развивающей и уточняющей многие положения Л. Февра и А.-Ж. Мартена) и распространившись далеко за ее пределы, новая дисциплина ставила своей целью изучение параметров, задающих восприятие текстов в различные эпохи и в различных читательских сообществах.

Предпосылки подобного типа исследования отчасти были заложены еще в трудах так называемой констанцской школы – в рецептивной эстетике Х.-Р. Яусса и в теории чтения В. Изера с их стремлением воссоздать «горизонт ожидания», внутри которого создается и воспринимается произведение, и выделить в тексте признаки, позволяющие описать имплицитного или эксплицитного читателя, которому он адресован¹⁵. Однако трактовка чтения, понимаемого в рецептивной эстетике как «ответ» воспринимающего читателя на заложенные в произведении авторские идеи, подверглась решительной критике – в первую очередь потому, что в основе такого понятия рецепции лежала абсолютизация современного типа чтения. «Чтение, которое <...> мыслится как чисто умозрительное постижение, как безразличный к конкретным обстоятельствам и модальностям акт, в действительности – результат обобщения частных, с исторической точки зрения, читательских практик, а именно практик образованных и зачастую профессиональных читателей нашего времени»¹⁶. Иначе говоря, подобный метод не позволяет убедительно доказать, что реальные читатели воспринимают книги в строгом соответствии с теми репрезентациями читателя, чтения и текста, которые реконструирует исследователь на материале произведений. Абстрагируясь от исторического контекста производства, распространения и «потребления» книг, рецептивная эстетика постулирует некоего идеального читателя, имеющего дело с каноническими текстами¹⁷.

Теоретические принципы истории чтения были предельно четко сформулированы в предисловии к вышедшему в 1995 г. обобщающему коллективному труду под редакцией Р. Шартье и Г. Кавалло¹⁸: читатели в любой исторический период имеют дело не с абстрактными текстами, но с материальными объектами различных видов (книгами, журналами, газетами, лубками, рекламными афишами и пр.), свойства которых во многом задают и обуславливают их восприятие. «В противовес чисто семантическому определению текста – господствовавшему не только в структуралистской критике во всех ее вариантах, но и в теориях литературы, уделявших большее внимание воссозданию рецепции произведения, – следует всегда учитывать, что любые формы производят смысл и что при изменении носителей, делающих текст доступным для чтения, меняется и значение, и статус этого текста. Следовательно, любая история читательских практик всегда является историей письменных объектов и речевых практик читателей»¹⁹.

Такой подход – перекликающийся с идеями П. Бурдьё, который призывал «пересмотреть место чтения и читаемого текста в истории производства и передачи культуры»²⁰, М. де Серто с его знаменитым понятием чтения как «браконьерства»²¹ или Л. Марена с его определением книги как «множественного места многообразных прочтений»²², – сделал очевидным тот факт, что воссоздание тех или иных читательских практик требует анализа не только документальных свидетельств (которые, как правило, отсутствуют), но и формальных характеристик самих текстов – точнее, печатных или рукописных книг. По словам Р. Шартье, задавшись вопросом об «отношениях читателя (или читательницы) с тем, что он/она читает, мы сталкиваемся с идеей, что читатель есть отдельный человек, принадлежащий в то же время к интерпретирующему или читательскому сообществу. То есть индивидуальность читателя находит себе место внутри норм, правил, способов использования и интересов, связанных с книгой. Отсюда для нас сразу следует вывод: чтение апроприирует некое произведение, некий текст посредством определенной материальной формы»²³.

Мысль о том, что любой текст всегда материален, его форма оказывает прямое и непосредственное воздействие на его смысл, а значит, «новые читатели создают новые тексты, новые значения которых напрямую зависят от их новых форм», была сформулирована в 1985 г. новозеландским книговедом Д. Ф. Маккензи²⁴, работы которого дали толчок к превращению библиографии из дескриптивной и «прикладной» области знания в «социологию текстов». В частности, его исследования демонстрируют, что модальности публикации текстов в Европе до XVIII в. ставят под вопрос релевантность категорий, в которых критика по традиции описывает литературу (авторство, произведение, копирайт и пр.): в большинстве случаев они оказываются анахронизмом. Параллельно в рамках «микроистории» (К. Гинзбург, Э. Ле Руа Ладюри) сложилось представление о том, что «способ, каким индивид или социальная группа апроприируют некий идейный мотив или культурную форму, имеет более важное значение, чем статистика дистрибуции данного мотива или формы»²⁵. Понятие апроприации в истории чтения получает несколько иное содержание, нежели в герменевтике, и позволяет разграничить две дисциплины: если герменевтика формулирует универсальные законы восприятия текстов, то история чтения смещает акцент на множественные способы рецепции и истолкования

текстов в пределах единого социального пространства, а также на их исторически подвижный характер и те смысловые трансформации, какие претерпевает текст в разные эпохи и в разных социальных (и читательских) группах и сообществах.

Тем самым предстают в новом свете отношения между тремя фундаментальными понятиями истории книги, истории литературы и истории чтения: «текст», «книга» и «произведение». Понятие текста, в методологических спорах второй половины XX в. «апроприированное» в первую очередь структурализмом и постструктурализмом, обретает материальное содержание; именно последнее задает систему социальных и культурных координат, в которых происходит рецепция конкретного текста читателями. Как следствие, семантика текста оказывается исторически изменчивой и отнюдь не совпадающей с традиционным «истинным смыслом», который следует очистить от деформаций и чуждых ему напластований. Акцент на исторических вариациях отличает историю чтения и от деконструктивистского подхода, уделяющего значительное внимание материальности письма и формам записи языка²⁶. По словам П. Шартье, «в стремлении снять или сместить наиболее явные оппозиции (между устным и письменным словом, между уникальностью языкового акта и способностью к воспроизводству, присущей письму), [деконструктивизмом] созданы обобщающие концептуальные категории (такие, как «архиписьмо» или «итеративность»), которые затрудняют восприятие эмпирических различий и их эффектов, затушевывают их»²⁷.

Классическая оппозиция книги и произведения – или произведения и его текстов – также становится нерелевантной и во многом условной. Если англо-американская «новая библиография» (*New Bibliography*; во французской традиции ее принято называть «материальной библиографией», *bibliographie matérielle*) первой половины XX в., сложившаяся главным образом вокруг издания шекспировского наследия²⁸, изучала разные издания и экземпляры одного и того же произведения, чтобы восстановить идеальный, свободный от публикационных искажений текст (*ideal copy text*), максимально отвечающий авторскому замыслу²⁹; если история литературы традиционно оперирует именно такими «идеальными конструктами», воссозданными критикой текста, основу которой заложили еще ранние итальянские гуманисты, начиная с Петрарки³⁰, то для истории чтения эти понятия неразделимы. Смысл произведения обретает опору в том объекте, который делает его доступным для читателя, будь то печатная книга, средневековый манускрипт или гляцевый журнал. В каждый исторический момент этот смысл складывается заново под воздействием трех равноправных факторов: авторской интенции, читательских практик конкретной среды или группы, и, наконец, материальных параметров носителя текста. Как писал в конце XVII в. испанский печатник (и автор первого учебника по типографскому искусству на народном языке) А. Паредес, «книгу я уподоблю сотворению человека, каковой имеет разумную душу, с коей его создал Господь <...> и во всемогуществе своем слепил Он его изящное, прекрасное, гармоничное тело <...> Совершенная книга состоит в добром учении, представленном подобающим образом благодаря печатнику и корректору, и это я называю душой книги; а добрую печать на станке, чистую и тщательную, могу я сравнить с грациозным и стройным телом [человека]»³¹. Иными словами, для Паредеса не существует разделения на «содержание» произведения, всегда

тождественное самому себе и не зависящее от материальной формы текста, и случайные вариации (accidentals), возникающие в результате деятельности печатника.

Более того, само «содержание» на ранних этапах бытования печатной книги часто представляло собой результат коллективной деятельности авторов, либрариев, печатников и корректоров. Так, например, ведущий парижский либрарий рубежа XV–XVI вв. А. Верар, специализировавшийся на литературе на народном языке, обычно подвергал выпускаемые им тексты значительной переработке, выступая в роли «автора» и предпосылая своим книгам авторские прологи³². Изданная им французская версия «Декамерона» (осуществленная ок. 1414 г. гуманистом Л. де Премьефе) отличалась как от оригинального текста Боккаччо, так и от достаточно точного переложения переводчика – и именно в таком виде «Книга ста новелл» получила распространение во Франции. Ее читали вплоть до середины XVI в., когда вышел новый перевод А. Ле Масона; как показывают исследования, она даже послужила образцом для первого варианта «Гептамерона» Маргариты Наваррской³³. Помимо подобного прямого вмешательства в авторский текст показательным примером воздействия типографских форм на смысл текста может служить пунктуация, за которую во Франции, Англии, Испании вплоть до начала XVIII в. отвечали отнюдь не авторы, но корректоры и печатники. Еще в 1690 г. Фюретьер в своем «Всеобщем словаре, содержащем все слова французского языка» приводил такой пример словоупотребления: «Точность сего Автора доходит до того, что он заботится о точках и запятыях»³⁴. В Испании Золотого века, как показал известный специалист по творчеству Сервантеса Франсиско Рико, печатники вообще не использовали в работе авторскую рукопись: она считалась «черновиком» (*el borrador*), который отдавали профессиональному переписчику, и эта чистовая копия (*сориа en limpio*) направлялась в Королевский совет, чтобы получить одобрение цензоров, разрешение на печать и королевскую привилегию³⁵.

Этот пересмотр категориального аппарата и методологических принципов анализа текстов и их носителей потребовал по-новому сформулировать, с одной стороны, отношения между историей книги и другими научными направлениями – историей, в том числе историей искусства и науки, социологией, герменевтикой, *cultural studies*, историей (и теорией) литературы, а с другой – определить на новых основаниях сам предмет этих дисциплин.

История книги в последние десятилетия, вобрав в себя изучение процесса, в результате которого текст обретает смысл в глазах читателя, трактуется как история коммуникации, включающая переход от устного бытования текстов к письменному, формирование и эволюцию института авторства, историю чтения и читательских сообществ³⁶. Что касается литературной истории, то Р. Шартье в статье «История и литература»³⁷ предложил следующее определение этой науки: «История литературы есть история различных модальностей апроприации текстов. Она должна учитывать, что «мир текста», говоря словами Рикёра, есть мир материальных объектов и перформаций, чьи механизмы и правила задают возможности и границы производства смысла. Параллельно она должна учитывать, что „мир читателя“ – это всегда мир конкретного „интерпретирующего сообщества“ <...>, к которому он принадлежит и которое определяется совокупностью

одних и тех же компетенции, норм, обычаев и интересов. Поэтому исследователь не может не принимать во внимание, с одной стороны, материальность текстов, а с другой – коллективного читателя»³⁸. Особое значение среди ее объектов исследования имеют характеристики произведения, обусловленные «укладом письма», в рамках которого оно создано (социальное устройство, патронаж либо книжный рынок), а также категории, из которых складывается литература как социальный и культурный институт (автор, произведение, книга, копирайт и т. д.). Тем самым история литературы должна постоянно опираться на результаты тех дисциплин, которые занимаются всесторонним описанием материальных носителей текстов – палеографии, кодикологии, библиографии.

Ссылаясь на работы американского шекспироведа Д. Кастана³⁹, Шартье проводит различие между «платоническим» пониманием произведения, при котором последнее считается трансцендентным всей совокупности своих материальных воплощений, и пониманием «прагматическим», согласно которому текст не может существовать вне материальных форм, позволяющих его прочесть или прослушать. «Два этих прямо противоположных подхода к тексту, встречающиеся как в литературной критике, так и в издательской практике, делят их на два лагеря. Для одних, как, например, для Жана Боллака⁴⁰ или Франсиско Рико, необходимо вернуться к тексту в том его виде, в каком его написал, задумал, хотел видеть автор, залечив раны, нанесенные ему в процессе переписки или типографского набора. То есть речь идет о том, чтобы сопоставить различные состояния текста и восстановить произведение, которое написал или хотел написать автор и которое подверглось деформации и искажению в рукописи или печатном издании. Для других, например, для авторов последних исследований о Шекспире⁴¹, формы, в которых было „опубликовано“ произведение, представляют собой различные его исторические воплощения. Любые состояния текста, даже самые несуразные и причудливые, должны быть осмыслены и, по возможности, изданы, ибо они представляют собой произведение, каким оно дошло до читателей – или зрителей. А значит, поиски текста, пребывающего по ту или по эту сторону своих материальных форм – занятие бесплодное. Издать произведение значит не отыскать некий „ideal copy text“, но эксплицировать предпочтение, которое отдается тому или иному его состоянию, например, выбор – традицией или кем-либо из современных издателей – расположения на странице, разбивки на части, пунктуации, начертания слов и орфографии»⁴².

Действительно, при изучении литературных произведений, особенно относящихся к раннему Новому времени, нельзя не учитывать прямого влияния современных им типографских практик. Например, для понимания «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле весьма важным представляется тот факт, что во всех изданиях первых двух книг романа, выходивших под контролем и при участии их создателя, используется готический шрифт (так называемый «бастарда», *gothique bâtarde*), который к 1530-м гг. уже воспринимался как архаический – и именно в этом качестве перешел в страту народных книг, рыцарских романов и иной «ярмарочной литературы», издававшейся низшим эшелоном печатников. Готика «стала принадлежностью старых романов, отличавшей их от романов любовных и привозных рыцарских романов»⁴³. Иначе говоря, Рабле сознательно представ-

ляет публике свое произведение как средневековое, используя средства типографии как элемент поэтики.

В более поздние эпохи, культура которых уже включает сложившийся институт литературы со всеми его атрибутами, влияние материальной презентации произведения на порождаемые им смыслы также велика, но сказывается иначе. Так, в одной из недавних французских работ⁴⁴ показано на примере изданий «Парижских тайн» Э. Сю, как появление «романа-фельетона» с присущими публикационными особенностями привело к рождению литературной критики. Резкое неприятие новой формы производства и распространения романа, отразившееся во множестве статей, в конечном счете вызвало к жизни автономное критическое слово, профессионализацию «критической функции». А. Т. Д. Венедиктова в одной из статей, анализируя культурный феномен «железнодорожного чтения» на примере юмористического очерка, опубликованного в 1853 г. в популярном британском журнале, видит в нем пример, весьма наглядно подтверждающий тезис о том, что материальная составляющая текста определяет его восприятие: «Как многоопытный читатель мистер Джонсон для начала достает из кармана клочок бумаги, складывает его вдвое и располагает на странице, чтобы „бумажный помощник“, помогая удерживать глаз на скачущей строке. Благодаря этому само чтение становится возможным, но только отчасти, поскольку содержание, достигающее сознания мистера Джонсона, все равно принимает причудливо-клочковатый характер: строчки (точнее, куски строчек) Стерна самым нелепым и комическим образом перемешиваются с репликами из разговора джентльменов о политике лорда Пальмерстона и с отрывками из щебетания дам о кашемировых шалях и собачках Фидо и Дидо. В итоге и очень скоро мистер Джонсон приходит к выводу о том, что „мистер Стерн не иначе, как безумец“, и книжку отправляет в карман пальто до конца путешествия – в последней строке очерка это действие оценивается как „едва ли не самый мудрый шаг, предпринятый им с момента выхода из дома“»⁴⁵.

Ж.-М. Гульмон писал в 1995 г., подводя промежуточные итоги взаимодействия истории литературы и истории чтения: «...Мы не сможем понять ни рецепцию произведений, ни даже то, что называли „работой смысла“ или актуализацией полисемии литературного текста, если не согласимся стать... историками книги и читательских практик»⁴⁶. С этим трудно не согласиться. Однако между подходами двух дисциплин существует принципиальное противоречие, вытекающее из фундаментальной для истории чтения оппозиции «платонического» и «прагматического» понимания текста. Отказываясь от «платонической» идеи произведения, литературная критика не только рискует утратить свой предмет, растворившись либо в истории чтения, либо, шире, в Cultural studies. Как ни парадоксально, она (особенно при изучении литературы Нового и Новейшего времени) оказывается перед угрозой того самого антиисторизма, против которого выступают сторонники новой научной дисциплины. Вычленение «идеального», канонического и неизменного, текста произведения из множества его материальных воплощений – операция, присущая отнюдь не только издательской практике и методам литературной критики: это неотъемлемая часть самого института литературы. Так, во Франции первые споры между печатниками и авторами, отстаивающими свои права на произведение и протестующими против его искажений, восходят еще к началу XVI в., на два с лиш-

ним столетия предваряя первые законы об авторском праве⁴⁷. «Идеальный текст» в конечном счете – необходимая предпосылка авторского самосознания; без него невозможно само понятие авторства и авторской собственности. Филологическая критика, выросшая из трудов гуманистов (Петрарки, Поджо, Лоренцо Валлы, Эразма, Гийома Бюде) по реконструкции «идеальных» античных текстов, очищенных от средневековых напластований, есть прямое продолжение читательских практик определенного сообщества, вышедших за его рамки и превратившихся спустя столетия в культурную норму.

«Первоначальная задача истории литературы заключается в определении границ – меняющихся в зависимости от местности и эпохи, – между „литературой“ и тем, что ею не является. Исходя из нее, можно выделить более частные объекты исследования (не обязательно относящиеся к той или иной научной дисциплине), например: подвижность критериев, согласно которым определялось понятие „литературности“ в разные периоды истории», – пишет Р. Шартье⁴⁸. Изучение национального или локального литературного канона и отклонений от него – задача, бесспорно, насущная⁴⁹. Но литература в современном понимании, т. е. социокультурный институт со всеми его атрибутами, от авторского права до литературной критики, полностью сложилась лишь в XIX в. Р. Шартье справедливо связывает ее становление с философией неоплатонизма, эстетикой Канта (к которой следовало бы добавить и романтическую эстетику) и определением понятия копирайта. Между тем эти факторы, по-видимому, стали лишь конечной точкой, окончательно оформив ту культурную модель, основы которой были заложены в первые десятилетия существования печатной книги. Настаивая на примате «прагматики» в ущерб «платонизму», теория и история чтения ставит под сомнение историческое своеобразие этой модели, которая начала складываться на рубеже XV–XVI вв. под прямым влиянием изобретения Гутенберга. Фактически при таком подходе бытование литературы в Новое время мало чем отличается в глазах исследователя от функционирования рукописных текстов в Средние века.

Таким образом, история литературы оказывается в сложном положении. С одной стороны, ее существование невозможно без «платонических» категорий, сложившихся не только под воздействием философских, эстетических и юридических идей, но и при непосредственном участии типографской «прагматики»; но с другой, она постоянно должна учитывать исторически подвижный, изменчивый характер этих категорий применительно к изучаемой эпохе⁵⁰. Именно эта диалектика, по нашему мнению, способна послужить источником ее обновления и плодотворного развития.

Примечания

¹ Цит. по: Нодье Ш. Читайте старые книги. М.: Изд-во «Книга», 1989. С. 44.

² Lacroix P. Les amateurs des vieux livres // Lacroix P. Mon grand fauteuil. Paris: Eugène Renduel, 1836. T. 2. P. 208–246.

³ Darnton R. What is the History of Books? // Daedalus. 1982. Summer. Vol. 111(3). P. 65–83 (Revisited: Modern Intellectual History. 2007. November. Vol. 4. Issue 03. P. 495–508).

⁴ Febvre L., Martin H.-J. L'apparition du livre. P.: Albin Michel, 1958. 557 p.

⁵ Darnton R. Op. cit. P. 67.

⁶ Foucault M. Qu'est-ce qu'un auteur ? // Bulletin de la Société française de philosophie. 1969. 63e année. N 3. juillet-septembre. P. 73–104 (пересмотренный автором вариант опубликован в первом томе собрания сочинений Фуко: Foucault M. Dits et Ecrits. 1954–1988. T. I. 1954–1969. Paris: Gallimard, 1994. P. 817–848). Рус. пер. см.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 7–46.

⁷ Viala A. Naissance de l'écrivain. Sociologie de la littérature à l'âge classique. Paris: Editions de Minuit, 1985. 319 p.

⁸ Chartier R. Figures de l'auteur // Chartier R. L'ordre des livres: lecteurs, auteurs, bibliothèques en Europe entre XVe et XVIIIe siècle. Aix-en-Provence: Alinéa, 1992. P. 35–67. Рус. пер. см.: Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. С. 44–77.

⁹ Процесс выделения таких «авторских» манускриптов из традиционных рукописей-смесей был проанализирован выдающимся итальянским палеографом и историком книги Армандо Петруччи. См., в частности: Petrucci A. Introduzione // Libri, editori e pubblico nell'Europa moderna. Guida storica e critica / A cura di A. Petrucci. Roma-Bari: Laterza, 1977. P. vii–xxix; Idem. Minuta, autografo, libro d'autore // Il libro e il testo. Atti del convegno internazionale (Urbino, 20–23 settembre 1982) / A cura di C. Questa e R. Raffaelli. Urbino: Università degli Studi di Urbino, 1984. P. 397–414; Idem. Dal libro unitario al libro miscelaneo // Tradizioni dei classici, trasformazioni della cultura / A cura di A. Giardina. Roma-Bari: Laterza, 1986. P. 173–187, 271–274.

¹⁰ Шартье Р. Письменная культура и общество. С. 70.

¹¹ Diù I., Parinet É. Histoire des auteurs. Paris: Perrin, 2013. 536 p.

¹² См., например, теоретический курс Антуана Компаньона «Что такое автор?», прочитанный в Сорбонне и в 2011 г. полностью выложенный на сайте [fabula.org: Compagnon A. Théorie de la littérature: qu'est-ce qu'un auteur](https://www.fabula.org/compagnon/). URL: <https://www.fabula.org/compagnon/auteur.php> (дата обращения 11.10.2018).

¹³ Некоторые теоретические предпосылки и направления подобного пересмотра были изложены еще в программной статье Р. Шартье и Д. Роша 1974 г.: Chartier R., Roche D. Le livre. Un changement de perspective // Faire l'histoire. T. III. Nouveaux objets / Ed. Par J. Le Goff et P. Nora. Paris: Gallimard, 1974. P. 114–136.

¹⁴ Histoire de l'édition française / Sous la dir. de H.-J. Martin et R. Chartier. T. I-IV. Paris: Promodis, 1982–1986. История французской книги доведена авторами до 1950 г. Анализ книгоиздания в новейшую эпоху (начиная с XIX в.) см. в труде крупного французского книговеда Жана-Ива Молье: Mollier J.-Y. Une autre histoire de l'édition française. Paris: La Fabrique, 2015. 430 p.

¹⁵ Отсюда – повышенное внимание к тому, что Ж. Женетт называл «паратекстом», т. е. к рамочным элементам произведения, особенно авторским прологам, посвящениям, предисловиям и пр. См., например: The Reader in the Text: Essays in Audience and Interpretation / ed. By S. R. Suleiman, I. Crossman. Princeton: Princeton University Press, 1980. 452 p.

¹⁶ Chartier R. Histoire et littérature // Chartier R. Au bord de la falaise. L'histoire entre certitudes et inquiétude. Paris: Albin Michel, 1998. P. 270. Цит. по: Шартье Р. История и литература // Одиссей. 2001. М.: Наука, 2001. С. 163. Ср.: «Одно из заблуждений lector'a состоит в забвении социальных условий своего производства и в неосознанной универсализации условий, создающих для него возможность чтения» (Bourdieu P. Lecture, lecteurs, lettrés, littérature // P. Bourdieu. Choses dites. Paris: Ed. de Minuit, 1987. P. 133. Рус. пер. статьи см.: Бурдьё П. Чтение, читатели, ученые, литература // Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 168–177.)

¹⁷ См. изложение этой позиции в статье Дэвида Холла: Hall D. D. Les lecteurs et la lecture dans l'histoire et dans la théorie critique. Un exposé sur la recherche américaine // Histoire de la lecture. Un bilan des recherches / Ed. par R. Chartier. Paris: IMEC Éditions, Éd. de la MSH, 1995. P. 165–179.

¹⁸ *Storia della lettura nel mondo occidentale / A cura di G. Cavallo e R. Chartier. Roma-Bari : Laterza, 1995. Французский перевод книги вышел в 1997 г., английский – в 1999 г. Рус. пер.: История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М.: ФАИР, 2008. 544 с.*

¹⁹ *Storia della lettura... P. VI. К сожалению, в русском переводе этот фрагмент передан не вполне точно (см.: История чтения в западном мире... С. 10).*

²⁰ Bourdieu P. Op. cit. P. 140. Обзор идей Бурдьё о книге и чтении см., в частности: Riondet O. *L'Auteur, le livre et le lecteur dans les travaux de Pierre Bourdieu // Bulletin des bibliothèques de France (BBF). 2003. № 2. P. 82–89.*

²¹ Certeau M. *L'Invention du quotidien. T. 1. Arts de faire. Paris: Gallimard, 1980. Рус. пер. см.: Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 279–295.*

²² Marin L. *Le lieu du point ? Pascal // Études de Lettres. 1982. N°2 (цит. по: Marin L. Lectures traversières. Paris: Albin Michel, 1992. P. 320).*

²³ Wendling T. *La fréquentation des textes, une discussion entre Roger Chartier et Daniel Fabre // Ethnographiques.org. 2015. № 30. Septembre. Mondes ethnographiques [en ligne]. <http://www.ethnographiques.org/2015/Chartier-Fabre-Wendling>*

²⁴ McKenzie D. F. *Bibliography and the Sociology of Texts: The Panizzi Lectures, 1985. London: British Library, 1985. P. 29.*

²⁵ Chartier R. *Au bord de la falaise... P. 47.*

²⁶ Derrida J. *De la Grammatologie. Paris: Les Editions de Minuit, 1967. – 445 p.; рус. пер.: Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.*

²⁷ Шартье Р. Материальные формы текста: ответ на вопрос Канта // Теория и мифология книги. Французская книга во Франции и России. М.: РГУ, 2007. С. 13-14 (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 53). Текст представляет собой перевод доклада Р. Шартье на российско-французской конференции «Теория и мифология книги», проходившей в РГУ 11–12 сентября 2006 г.

²⁸ См.: McKerrow R. B. *An Introduction to Bibliography for Literary Students. - Oxford: OUP, 1927. 359 p.; Greg W. W. The Rationale of Copy-Text // Studies in Bibliography. Vol. 3. 1950–1951. P. 19–36; Pollard A. W. The Foundations of Shakespeare's Text. London: Humphrey Milford; Oxford: Oxford University Press for the British Academy. 1923. 18 p. Общую характеристику «новой библиографии» см., в частности: Egan G. *The Struggle for Shakespeare's Text. Twentieth-Century Editorial Theory and Practice. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 12–189.**

²⁹ Ср.: «Эта дисциплина чаще всего может или хочет изучать только печатные объекты, доносящие до нас тексты, и тем не менее главная ее навязчивая идея – это поиски произведения в его первоначальном состоянии, том, в каком его написал или замыслил автор» (Chartier R. *Fabrique du livre et fabrique du texte // Créations d'atelier. L'éditeur et la fabrique de l'oeuvre à la Renaissance / Sous la dir. d'A. Réach-Ngo. Paris: Classiques Garnier, 2014. P. 8).*

³⁰ Не случайно появление книгопечатания было встречено в гуманистической среде с огромным энтузиазмом: изобретение Гутенберга воспринималось, прежде всего, как способ распространения авторитетной, выверенной и единственно правильной версии древних текстов (аналога *ideal copy text*), не зависящей отныне от ошибок и небрежностей переписчика. Разочарование, впрочем, наступило довольно быстро.

³¹ Цит. по: Chartier R. *Fabrique du livre et fabrique du texte. P. 10–11.*

³² См. о нем: Winn M. B. *Anthoine Vêrard, Parisian publisher. 1485–1512. Prologues, poems and presentations. Genève : Droz, 1997. 555 p. (Travaux d'Humanisme et Renaissance. № CCCXIII).*

³³ Huchon M. *Définition et description : le projet de l'Heptaméron entre le Caméron et le Decaméron // Les visages et les voix de Marguerite de Navarre. Actes du Colloque International*

sur Marguerite de Navarre (Duke University) 10–11 avril 1992 / Textes réunis et prés. par M. Tetel. Paris: Klincksieck, 1995. P. 51–66.

³⁴ Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts... La Haye : A. et R. Leers. 1690 (s. pag.; article «Virgule»).

³⁵ Rico F. El texto del « Quijote »: Preliminares a una ecdótica del Siglo de Oro. Valladolid: Centro para la Edición de los Clásicos Espanoles, Universidad de Valladolid, 2005 (chap. II « Del borrador a la censura »). P. Шартье в цитированной выше статье (Chartier R. Fabrique du livre et fabrique du texte. P. 17–19) приводит любопытные примеры роли пунктуации у Ронсара, а также в публикациях «Сна в летнюю ночь» Шекспира и «Эдуарда II» Марло.

³⁶ См., в частности: Finkelstein D., McCleery A. An Introduction to Book History. London – New York: Routledge, 2005. 176 P.

³⁷ См. прим 15.

³⁸ Шартье Р. История и литература. С. 164.

³⁹ Kastan D. S. Shakespeare and the Book. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 117–118.

⁴⁰ Bollack J. L'Oedipe roi de Sophocle. Le texte et ses interprétations. Lille : Presses Universitaires de Lille, 1990. T. I : Introduction. Texte. Traduction. P. XI–XXI, 1–178.

⁴¹ См., например: De Grazia M., Stallybrass P. The Materiality of the Shakespearean Text // Shakespeare Quarterly. 1993. Vol. 44. № 3. P. 255–283; Marcus L. S. Unediting the Renaissance. Shakespeare, Marlowe, Milton. London; New York: Routledge, 1996; Orgel S. What is the Text // Staging the Renaissance. Reinterpretations of Elizabethan and Jacobean Drama / ed. by D. S. Kastan and P. Stallybrass. London; New York: Routledge, 1991. P. 83–87.

⁴² Шартье Р. Материальные формы текста: ответ на вопрос Канта. С. 14–15.

⁴³ Mounier P. Les antécédents lyonnais de la Bibliothèque bleue au XVIIe siècle : la constitution d'un romanque pour le grand public // Littératures. 2015. № 72. P. 191–216. В подтверждение автор ссылается также на Р. Купера (Cooper R. « Nostre histoire renouvelée»: *the Reception of the Romances of Chivalry in the Renaissance* // *Chivalry in the Renaissance* / S. Anglo (dir.). Woodbridge: The Boydell Press, 1990. P. 77–78), который противопоставляет презентацию средневековых повествований презентации «Амадис Галльского», которого печатали антиквой.

⁴⁴ Lyon-Caen J. Histoire littéraire et histoire de la lecture // Revue d'histoire littéraire de la France. 2003. Vol. 103. №. 3. P. 613–623.

⁴⁵ Венедиктова Т. Д. «Железнодорожное чтение» как фактор литературной истории // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 191–200

⁴⁶ Goulemont J. M. Histoire littéraire et histoire de la lecture // Histoires de la lecture: Un bilan de recherches. Actes du colloque des 29 et 30 janv. 1993, Paris / Sous la dir. de R. Chartier. Paris: IMEC; Ed. de la Maison des Sciences de l'Homme, 1995. P. 221.

⁴⁷ См., в частности: Brown C. Poets, Patrons, and Printers: Crisis of Authority in Late medieval France. Ithaca: Cornell University Press, 1995. 292 p.

⁴⁸ Шартье Р. История и литература. С. 164.

⁴⁹ Ср. разграничение канонического и деканонизированного текста, а также идею подвижности границы, отделяющей литературный текст от нелитературного, у Ю. М. Лотмана (в частности, в: Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 314–321; Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. I. Таллин: Александра, 1992. С. 203–216).

⁵⁰ Об актуальности этих поисков новой исследовательской парадигмы, свидетельствует, например, новая книга Т. Д. Венедиктовой «Литература как опыт, или „Буржуазный читатель“ как культурный герой». Стремясь совместить достоинства социологическо-

го и рецептивного подходов, автор опирается на предложенное британским критиком Т. Беннетом понятие «формация чтения» (reading formation; Bennett T. *Marxism and Popular Literature* // *Southern Review*. 1982. July. Vol. 15. N 2. P. 229), разрабатываемое британским критиком Т. Беннетом: «„Формация“ в данном случае определяется как сложный ансамбль взаимоотношений, рамок и кодов (эпистемических, идеологических, институциональных, эстетических, языковых), организующих процесс литературного чтения в конкретном контексте/сообществе. Можно сказать, что формация чтения естественным образом зависит от письма, то есть следует за писательской творческой инициативой, но столь же естественным образом задает этой инициативе направление реализации и вполне может служить „ферментом“ ее самопреобразования. Акты чтения и письма, иначе говоря, предъявляют друг другу не только рамки, но и стимулы к обновлению» (Венедиктова Т. Д. *Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 18–19).

И. В. Лизунова

Книга как медиа: эволюция в цифровую эпоху

Рассматриваются ключевые понятия «книга», «медиа», «СМИ». Дается анализ современного медиапотребления. Говорится о том, что в последние годы растет объем медийных акций россиян, на фоне снижения потребления печатной продукции растет доля времени, отводимая на Интернет, видеогри и электронные книги. С возникновением и распространением газет, радио, телевидения, интернета книга перестала играть роль уникального и исключительного информационного носителя. Цифровая книга появилась как аналог бумажной, какое-то время во всем подражала ей. Однако со временем ей стали присущи новые, отличительные свойства: гибкость, текучесть, изменчивость, многоформатность, гипертекстовость, мультимедийность, глобальность и др. Именно эти качества книги позволили ей на равных конкурировать с другими медиа за свободное время пользователей. Е-книга являет собой яркий пример конвергентности печати с электронными медиа.

Большое внимание уделяется выявлению общих для книги и медиа параметров, позволяющих утверждать, что книга это «первородное» медиа. Оценивается ее роль в цифровую эпоху.

Ключевые слова: книга, медиа, СМИ, медиапотребление, дигитализация, конвергенция, коммуникации, медиaprостранство, цифровая эпоха

Irina V. Lizunova

Book as media: new roles, appointments and opportunities

Key notions «book», «media», «mass media» are examined. The analysis of contemporary media consumption is given. It is stated that in the last years the volume of media actions of the Russians has been growing, on the background of drop in consuming printed press the time quota assigned to the Internet, videogames and electronic books has been increasing. With the emergence and spreading of newspapers, radio, television and the Internet the book has stopped to play the role of the unique and exceptional information carrier. Digital book has appeared as an analogue of printed completely imitating it for some time. However, in the course of time it has gained new distinctive properties: flexibility, fluidity, changeability, multiformat, hypertext, multimedia, globality and others. Just these properties of the book permitted it to compete «on equal grounds» with other media for users' free time. E-book is a bright example of printed press convergence with electronic media.

Much attention is paid at revealing parameters common to the book and media, permitting to assert that the book is the «primogeniture» media. Its role in the digital age is valued.

Keywords: book, media, media consumption, digitalization, convergence, communications, media space, digital age

Обсуждение новых возможностей книги в цифровую эпоху, как и дискуссия о воздействии печатных и электронных средств массовой информации на индиви-

дуальное и коллективное сознание людей, на систему ценностей, на развитие социума в целом в последние годы стало лишь острее. Этому способствуют продолжающаяся технологическая и социокультурная модернизации общества: ускоренное внедрение информационных технологий, дигитализация и конвергенция СМИ, глобализация мирового медиапространства. Дальнейшему изучению роли книги и СМИ в современном мире содействуют стремительно развивающиеся социокультурные практики, меняющиеся тренды медиапотребления, вносящие коррективы в развитие рынка печатных и электронных медиа.

Так, говоря о последних, приходится констатировать полярные перемены в медийных интеракциях россиян за последние 20 лет: от резкого роста потребления аудиовещательных СМИ при одновременном уменьшении доли времени, затрачиваемого на чтение книг, газет и журналов в 90-е гг. XX в., до ослабления интереса к телевидению и радио на фоне продолжающегося снижения динамики потребления офлайн-медиа в начале XXI столетия. Параллельно с этим наблюдается возрастание внимания пользователей к онлайн-медиа¹.

Анализируя медиапотребление сограждан рубежа XX–XXI вв., в первую очередь отметим рост его объемов почти на 3 часа 36 минут в сутки: с 5 часов в 1996 г. до 8 часов 36 минут в 2016 г.² Сопоставление данных отраслевых докладов о состоянии и перспективах развития книжного рынка в России за 2007 и 2016 гг. позволяет констатировать традиционное снижение потребления печатной продукции. Так, за неполное десятилетие доля времени, отводимая соотечественниками на чтение всех видов бумажных изданий, уменьшилась в среднем в 3 раза, в том числе газет – с 6% до 1,1% (до 5 минут в день), журналов – с 3% до 0,8% (до 4 минут) и книг – с 5% до 2,3% (до 12 минут)³. Драйверами роста медиапотребления на сегодняшний день являются Интернет (рост с 2012 г. на 61%), видеоигры (+10%) и электронные книги (+31%)⁴.

О чем говорят эти данные? Во-первых, о ежегодно растущем уровне медийной активности современников. О том, что все медиа «с переменным успехом» продолжают конкурировать за свободное время россиян. Увеличение доли объемов медиапотребления, его насыщенности подтверждают правоту суждения Г. Маклюэна, утверждавшего еще в середине XX в., что жизнь общества детерминирована медиа⁵. Анализируя функционирование современного общества, отметим вслед за классиком, что самые значительные изменения происходят именно в области медиа. Во-вторых, стремительно меняющиеся медийные практики свидетельствует о том, что книга, потеряв свои позиции в печатном сегменте, постепенно возвращает их в «цифре».

Почему это стало возможным сегодня? Какие новые свойства, присущие электронной книге, позволили ей вернуть читателя/пользователя? И что же такое медиа вообще? Уточним и соотнесем ключевые понятия: медиа, книга и СМИ.

Медиа – это совокупность средств социальной коммуникации, используемых для передачи потребителю любых данных и информации (контента) с помощью многообразных технологических приемов и средств (каналов передачи) в различных целях во времени и пространстве.

Книга была одним из первых медиа, формировавшем сегментированное медийное пространство различных стран и народов в течение многих столетий.

Книга – это медиа, вмещающее информационно насыщенные, культурно значимые, социально масштабные коммуникации, формирующие основу человеческой цивилизации. Подчас именно книга становилась инструментом глобальных изменений в мире. Книга «способна объединить и сохранить в тысячелетиях народ, переформатировать целые развитые культуры, запустить процессы социальных революций и технических модернизаций»⁶.

С возникновением и распространением газет, радио, телевидения, интернета традиционная печатная книга перестала играть роль уникального и исключительного информационного носителя. Цифровая книга появилась как аналог бумажной, какое-то время во всем подражала ей. Однако со временем ей стали присущие новые, отличительные свойства: гибкость, текучесть, изменчивость, многоформатность, гипертекстовость, мультимедийность, глобальность и др. Именно эти качества книги позволили ей «на равных» конкурировать с другими медиа за свободное время пользователей. Е-книга являет собой яркий пример конвергентности печати с электронными медиа. В процессе своей трансформации в цифровой формат и обретения новых форм и характеристик книга заняла свою нишу в глобальном электронном медиaprостранстве.

Появившись на стыке двух форматов, электронная книга формирует новые представления о книге вообще, ее роли, возможностях и перспективах развития, подвигает ученых и практиков на новые размышления о назначении и возможностях книги как медиа в ближайшем будущем.

Итак, все медиа различаются между собой по целому ряду особенностей: времени возникновения, этапам внедрения и массовой распространенности, влиянию на развитие общества, технологической природе, воздействию на аудиторию. Возникнув столетия назад, многие из них и сегодня составляют основу современных средств массовой информации. Одни по-прежнему остаются традиционно массовыми (периодическая печать, радио, телевидение), другие занимают определенные ниши (книги, кинематограф, социальные сети, кабельное ТВ и др.), ориентируясь на определенные сегментированные аудитории.

Медиа (или массмедиа в отечественной научной традиции) выступают синонимом понятия *средства массовой информации* и определяются как *массовые средства информационных связей, отличающиеся особой атрибутикой и функциями*. Характерные черты современных СМИ, такие как обращенность к массовой аудитории, доступность большинству людей, корпоративный характер производства и распространения контента, ставят книгу в один ряд с массмедиа⁷.

Вопрос о соотношении книги и СМИ в настоящее время приобретает все более дискуссионное значение. Приверженцы традиционной точки зрения относятся к пониманию возможного родства между ними крайне отрицательно, указывая при этом на принципиальное различие, а именно – на периодичность как основное свойство, присущее СМИ. Тем не менее, такие характеристики книги (особенно ее цифрового аналога), как форма существования, возможность организации свободного времени и борьба за внимание аудитории, сближают книгу со средствами массовой информации. но главное, свидетельствуют в пользу ее медийности. Мы пришли к заключению, что общее между книгой и СМИ – это коммуникационные свойства, их медийное начало. Книги, газеты, радио, телевидение и т. п. – проявление

ние многомерного мира медиа, постоянно формирующегося и расширяющегося, порождающего все новые медийные феномены.

Таким образом, новые свойства книги, появившиеся в цифровую эпоху, усилили ее востребованность (о чем свидетельствуют социокультурные практики и медиапредпочтения россиян), роль и влияние в современном мире, позволили, с помощью постоянно совершенствующихся технологических приемов и средств, увеличить скорость, способность и ареал распространения данных любой сложности и объема, расширить возможности донесения контента любой аудитории – массово-сегментированной либо индивидуальному потребителю (читателю/пользователю).

Примечания

¹ Измерения медиа- и потребительских предпочтений россиян // TNS. Медиа-исследования. URL: <http://www.tns-global.ru/services/media/preferences-of-russians/> (дата обращения 10.02.2016).

² ВЦИОМ: читающая Россия // Архангельский некоммерческий фонд общественных инициатив «Перспектива». URL: www.arhperspectiva.ru (дата обращения: 22.01.2010); Телевидение глазами телезрителей / Аналитический центр «Видео Интернешнл»; под ред. И. А. Полуэктовой. М.: ООО «НИПКЦ Восход–А», 2012. 364 с.

³ Книжный рынок в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад / под общ. ред. В. В. Григорьева. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2017. 98 с.; Российский рынок периодической печати, 2007 год.: состояние, тенденции и перспективы развития: доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. М., 2008. 79 с.

⁴ Изменение медиапотребления в России с 2012 по 2015 год // Коммерсант.ru. Новости. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2890922> (дата обращения 16.05.2016).

⁵ Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Гипербория; Кучково поле, 2007. 464 с.

⁶ Костюк К. Н. Книга в новой медийной среде. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 31.

⁷ Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. 416 с.

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ КНИГИ. ИСТОРИЯ ЦЕНЗУРЫ SECTION 3. HISTORY OF THE BOOK. HISTORY OF CENSORSHIP

УДК 821.133.1:002.2(=161.1)"1760/1785"

И. И. Климовицкая

«Обширный дух, пчеле подобный»: Эсташ Ленобль и круг чтения российского дворянина

Фигура Эсташа Ленобля (1642–1711) представляет интерес, поскольку он являлся одним из самых переводимых в России авторов в «эпоху, скудную переводами» (В. Рак), что означает высокое признание со стороны читающей публики. Переводы его сочинений издавались с 1760 г. до 1785 г. В статье впервые на русском языке излагается биография Ленобля, дается общая характеристика его личности, творчества и влияния, выявляются мировоззренческие особенности, выраженные в трактате «Светская школа».

Ключевые слова: Эсташ Ленобль, «Светская школа», дворянский досуг, досуговые практики, модель экстенсивного чтения, круг чтения, технологии себя, культура грамматик, руссоизм, концепция личности, внутренний человек

Irina I. Klimovitskaya

«A Vast Spirit Similar to a Bee»: Eustache Le Noble and Sphere of Reading of Russian Nobility

Summary. The figure of Eustache Le Noble (1642–1711) is of interest because he was one of the most translated authors in Russia in «theera meager in translations» (V. Rak) which testifies to high recognition by the readership. Translations of his works were published from 1760 to 1785. For the first time in Russian the article describes the biography of Le Noble, it also deals with a general description of his personality, creativity, influence and explores vision peculiarities manifested in the treatise «Ecole du monde».

Key words: Eustache Le Noble, Ecole du Monde, nobility leisure, leisurepractices, extensive reading model, sphere of reading, self-improvement technologies, culture of grammars, russoism, concept of personality, inner man

Фигура Эсташа Ленобля представляет интерес по той причине, что он являлся едва ли не самым переводимым в России автором в «эпоху, скудную переводами», по выражению В. Рака. В России переводы сочинений Ленобля издавались с 1760 г. до 1785 г. Перевод, как указал Ю. Лотман, являлся «актом определенного признания, утверждения ценности текста в глазах русского общества»¹.

Биография Ленобля напоминает авантюрный роман, а сам он – «тысячеликого героя». Основным источником сведений о нем является публикация 1934 г.² Аристократ, чиновник, авантюрист, писатель, историк, физик, астролог Эсташ Ленобль родился в 1642 г. в семье генерал-лейтенанта Труа, удачно женился на Пьеретте

Мишлен де Лион и на приданое жены в 1672 г. купил должность генерального прокурора в парламенте (который в ту пору являлся верховным окружным судом) города Метца. Члены парламента возражали против кандидатуры Ленобля, сочтя его слишком молодым, но эти затруднения удалось преодолеть благодаря королевской администрации. Впоследствии Эсташ утверждал, что нашел дела в большом беспорядке, так как должность пустовала более двух лет, что являлось преувеличением – на самом деле семь месяцев. Статный красавец, великолепный оратор, знаток законов, он быстро завоевал популярность, его речи в суде вызывали восторг.

Однако вскоре им овладела то ли мания величия, то ли меланхолия. Он стал пренебрегать обязанностями и редко появлялся на заседаниях. Прилежен был только в истребовании гонораров с тяжущихся сторон. Впрочем, к одному заседанию он подготовился весьма тщательно. В близлежащем монастыре разразился скандал. Аббатиса обвинила молодую канониссу своего монастыря в том, что та прижила ребенка. Ленобль заручился поддержкой не только свидетелей, но и судей и блеснул своим прославленным красноречием в заседании. Девушка была оправдана. Спустя пятнадцать лет оправданная канонисса вышла замуж, и ее сопровождала пятнадцатилетняя воспитанница, как две капли воды похожая на Ленобля.

Ленобль без стеснения использовал служебное положение в целях личного обогащения – не гнушался ни прямым вымогательством, ни услугами лжесвидетелей. Когда двое лжесвидетелей были изобличены и приговорены к наказанию, Эсташ помог им скрыться, а судебных приставов захватил и держал у себя дома, подвергая унижениям.

В конце концов, парламент Метца, который с самого начала не жаловал Ленобля, обратился к королю с просьбой освободить того от должности, что и было исполнено в 1682 г. После отставки Ленобля обязали вернуть жене 30 000 экю из ее приданого, которые были использованы на покупку должности.

Таким образом, прокурорская карьера Ленобля продолжалась 10 лет. До главного события его жизни – встречи с Прекрасной дамой – оставалось еще 10 лет, и они были заполнены событиями. Для начала Ленобль попадает в тюрьму Консьержери, поскольку обнаружилось, что, еще занимая должность генерального прокурора, он подделал завещание некоей Маргерит Лаир, назначив себя распорядителем ее воли и присвоив по фальшивому завещанию деньги и документы. По приговору суда он был заключен в Консьержери 15 марта 1684 г., откуда вышел благодаря жене, которая внесла за него выкуп.

По выходе из тюрьмы Ленобль решает заняться литературным трудом. В 1685 г. он опубликовал первое сочинение, посвященное истории Генуэзской республики. Тогда же он начал писать памфлеты, которые расходились в списках еще до публикации.

Однако тихая семейная жизнь за письменным столом быстро наскучила Леноблю. Он пытается найти применение своим силам: затевает войну с родственниками за спорные земельные владения и впутывается в очередную историю с подделкой завещания, которая заканчивается очередным тюремным заключением. 4 мая 1689 г. он был арестован у себя дома и доставлен в тюрьму Шатле в сопровождении

двух приставов и 12(!) стражников. Мадам Ленобль на этот раз оказалась бессильна помочь, но она преданно навещала мужа.

Именно в тюрьме происходит главное событие в жизни Ленобля. В 1693 г. он познакомился с Мари-Габриэль Перро, которую звали просто Габриэль по прозвищу Прекрасная лавочница. Она оказалась в тюрьме, будучи обвинена мужем в адюльтере – есть основания полагать, что безвинно, но в тюрьме оправдала обвинения мужа. В год знакомства Ленобля и Прекрасной лавочницы ему был 51 год, ей – 27 лет. Мадам Ленобль продолжает регулярно навещать мужа в тюрьме, но теперь встречает с его стороны холодность и равнодушие, которые приводят ее в отчаяние. Ленобль обрел смысл жизни в служении Прекрасной лавочнице – он занят ее делами, дает ей юридические консультации, пишет для нее апелляции, обжалует ее приговор, однако тот остается в силе. Габриэль по приговору отправляют в монастырь сроком на два года, куда она отбыла уже беременной. Ленобль нанял для возлюбленной акушерку, но еще до ее приезда Габриэль благополучно разрешилась девочкой, которая прожила 15 месяцев.

После отправки Габриэль в монастырь, Ленобль решает заняться собственными делами. В 1695 г. он обращается к Парижскому парламенту с письмом, в котором обжалует свой приговор, утверждая, что абсолютно невинен и не только не совершал, но и помыслить не мог совершить то, в чем его обвиняют. Он взывает к доброте и справедливости судей, которые, по его словам, являются земным отражением божественной доброты и справедливости. Красноречие Ленобля произвело сильнейшее впечатление на судей, и все они заказали себе по копии его письма, что им не помешало вынести приговор: высылка за пределы Парижа сроком на 9 лет с уплатой штрафа в 3 000 фунтов и заключением в тюрьме до внесения денег. Кроме того, Леноблю предстояло подвергнуться процедуре публичного осуждения, но он, не дожидаясь этого, 16 апреля 1695 г. бежал из тюрьмы через стену, смежную с галереей, где находились лавки торговцев.

Габриэль между тем бежала из монастыря, и влюбленные соединяются вновь. Они скрываются 3 года. Габриэль рождает девочку, которую отдают в сиротский приют. В октябре 1798 г. Габриэль была арестована вновь и отправлена в Сальпетриер, откуда Ленобль попытался ее похитить, после чего ее перевели в Консьержери. Там она родила дочь, третью по счету, которая прожила недолго, как и две предыдущие.

На службу прекрасной Габриэль Ленобль ставит все свои таланты: и знатока законов, и беззаконника, и мастера слова. Он не останавливается ни перед чем: пишет обращения к королю, сочиняет донос на мужа Габриэль, приписывая тому вымышленное оскорбление королевского величества, вступает перед королем за брата Габриэль, который приговорен за кражу к смертной казни через повешение, и тот получает помилование накануне казни.

Что же касается Габриэль, то все усилия Ленобля спасти ее оказались тщетны. В июне 1701 г. суд приговаривает ее – на этот раз к пожизненному заключению. Самому Леноблю было запрещено в течение девяти лет проживать на территории, находившейся в юрисдикции Парижского парламента. Вернуться в Париж он сможет незадолго до смерти, а умрет в 1711 г. в возрасте 69 лет.

Ленобль постоянно переходит установленные границы и меняет жизненные амплуа, на любом поприще достигая успеха. На своем дворянском гербе он мог бы начертать девиз «Трансгрессия и трансформация», но на языке своего времени дал себе в «Светской школе» такую характеристику под именем Доронта: «Доронт имеет обширный дух, который пчеле подобно собирает свой мед со всех цветов»³. Эта самохарактеристика напоминает хорошо известные слова Ф. М. Достоевского: «широк человек, я бы сузил». Но сузить Ленобля никому не удалось. Трудно найти норму закона, которую не нарушил бы этот знаток законов: вымогательство, подлог, лжесвидетельство, соблазнение монахини, партизанская война, адюльтер. Но, сбивая с пути малых сих, будь то монахиня, подкупленные лжесвидетели или прекрасная лавочница, Ленобль хранил им верность и не бросал в беде. Аморализм в нем сочетался с благородством – это один из парадоксов Ленобля.

Литературное наследие Ленобля так же разнообразно, как его жизненные амплуа. В каталоге Национальной библиотеки Франции под именем Ленобля значатся 245 наименований – памфлеты, комедии, повести, басни, сказки и многотомный трактат «Светская школа». Как автор Ленобль заслужил высокую оценку и у широкой публики, и у короля Людовика XIV, и у философа Пьера Бейля. Ленобля-писателя невозможно охарактеризовать лучше, чем это сделал сам Ленобль, сказав о себе под именем уже упоминавшегося Доронта: «Он хочет объять все жанры в своих писаниях, и он столь не похож на них, что трудно поверить, будто все они происходят из одного источника. В серьезных трудах он настолько серьезен, что можно подумать, будто он не способен шутить ни при каких обстоятельствах, а если он забавляется, когда хочет посмеяться, то невозможно поверить, что он умеет быть серьезным. Его неизменное постоянство в несчастьях известно не менее, чем его сочинения»⁴.

Памфлеты Ленобля расходились в списках еще до публикации. На поверхностном уровне их можно принять за пропаганду в пользу Людовика XIV, чем, кстати, объясняется благосклонность короля, которая не раз выручала Ленобля. На глубинном же уровне эти тексты «анализируют различия между монархией и деспотизмом, между традиционной и абсолютной монархией, между монархией и республикой. Они вовлекают читателя в дискурсивное пространство критического исследования, более того – конструируют новые интерпретационные схемы»⁵.

Таков еще один парадокс Ленобля: являясь апологетом короля-Солнце, он ставил под сомнение абсолютную монархию, и, отстаивая «придворное общество», приближал его закат. Эпоха Просвещения воздала должное своему предшественнику – его избранные сочинения посмертно были переизданы в *Bibliothèque universelle des romans* в 1777 г.

Отличительным признаком российского дворянства как сословия после отмены обязательной службы в 1761 г. становится наличие земли и досуга. Досуг превращается в критерий самоидентификации дворянина. При этом «как личный, так и публичный досуг представляет систему разнообразных практик, которые приобретают – в отличие от службы – обязательность для всех членов сословия. <...> Дворянин уже не столько через службу, сколько через досуг ощущает свою принадлежность к сословию»⁶.

Среди досуговых практик, обязательных для членов дворянского сословия, чтение занимает важнейшее место. Российское дворянство усваивает присущую Новому времени модель экстенсивного чтения, которая пришла на смену интенсивному чтению, характерному для Средних веков. В круг чтения дворянина входят несколько основных разделов: исторические сочинения, романы, публицистика, а также пособия по технологиям себя типа «как вести себя дома, в свете и при дворе».

Ленобль, подобно пчеле, с которой он себя сравнивает, «опылили» все упоминаемые сферы дворянского чтения. В течение 25 лет издавались в переводах его сочинения: «Нещастная флорентинка или тайная повесть о заговоре Пацци против фамилии Медицис» (1760), «Еликарисса или тайная повесть о заговоре Пизона против Нерона» (1763), «Светская школа» (1763–1764), «Зулима или непорочная любовь» (1768), «Новые и забавные сказки» (1772), «Новые забавные сказки» (1780, 1781 – т. 1, 1782 – т. 2), «Две новые забавные сказки» (1785). Несмотря на столь явный интерес публики, Ленобль остался неузнанным – и это еще один парадокс, связанный с его личностью. Объясняется феномен его безвестной популярности тем, что все переводы, кроме «Светской школы», издавались анонимно и с автором не ассоциировались.

Ленобля оценили не только российские читатели, но и российские писатели, однако и это влияние Ленобля открывается спустя много лет. В. Д. Рак убедительно доказал, что «Адская почта» Федора Эмина основана на памфлетах Ленобля. При этом характеры и наблюдения Ленобля сохранили свою злободневность, так что читатели выпусков «Адской почты» угадывали прототипы персонажей среди своих современников⁷. К. А. Чекалов отметил влияние «Зулим» Ленобля на «Похождения Мирамонда» Федора Эмина⁸. С. В. Власов обратил внимание на то, что сказка Ленобля «Птица истины» могла послужить одним из источников вдохновения для Пушкина в процессе работы над «Сказкой о царе Салтане»⁹.

Единственное сочинение Ленобля, на переводе которого значилось его имя, не относится к жанру художественной прозы. Это трактат «Ecoledumonde», который во Франции публиковался тремя томами в 1694, 1695 и 1696 гг., а на русском языке был издан двумя томами в 1763 и 1764 гг. в переводе Сергея Волчкова под названием «Светская школа или отеческое наставление сыну о обхождении в свете, разделена на разговоры, чрез господина Нобля»¹⁰. Это сочинение примыкает к категории «пособий по технологиям себя».

Востребованность подобных пособий объясняется переходом в результате петровских реформ от «культуры текстов» к «культуре грамматик». Согласно Ю. М. Лотману, в качестве основного принципа культура первого типа выдвигает обычай, а культура второго типа – закон¹¹. Культура текстов функционирует на основе образцов, которые непосредственно вводятся в сознание обучаемых, а культура грамматик нуждается в сводах правил.

Помимо «Светской школы», в Российской империи в то же время издавались и переиздавались многочисленные, по большей части, переводные пособия, призванные помочь дворянину овладеть новыми нормами общежития. Они имели прикладной характер, довольно однотипное содержание и карманный формат, что иногда отражается в их названиях: «Женская школа» (1773), «Наука быть учтивым» (1774), «Наставление знатному молодому господину» (1778), «Разговор о свете»

(1781), «Правила учтивости» (1787), «Карманная или памятная книжка для молодых девиц» (1784), «Наука общежития нынешних времен изложения российского» (1793), «Карманная книжка молодого человека» (1794).

В отличие от этих пособий, многотомная «Светская школа» представляет построенное в форме диалога пространное рассуждение о характере человека, воспитании и преуспевании в обществе, которое содержит не только практические советы, но и философские размышления. Трактат состоит из глав, именуемых разговорами: «О знании людей»; «О благопристойности и приязни»; «О учтивости и благодеяниях»; «О компании и скрытности»; «О искренности и тайне»; «О различии прямого и ложного друга»; «О употреблении чести и богатства»; «О разных способах к счастью»; «О щасти в духовном чине»; «О получении счастья в военном чине»; «О щасти при дворе»; «О щасти в статском, то есть в гражданском чине»; «О щасти в камерном чине»; «О щасти в купечестве»; «О супружестве»; «О должностях мужа и жены»; «О любви натуральной»; «О Соломоновом совете, владеющем на земле»; «О спокойствии духа»; «Как с недругами жить»; «Какая польза от бед и несчастья», «О скуке, с омерзением света, и какое веселье в удалении от него». Наличие в тексте философских размышлений позволяет судить о мировоззрении автора.

Примечательно то, что интерес к Леноблю хронологически совпадает с распространением в России идей Руссо. Одновременно с переводами Ленобля переводится ряд сочинений Руссо: рассуждение «Способствовали ли восстановление наук и художеств к исправлению нравов» (1767), рассуждение «О начале и происхождения неравенства между людьми» (1770), частичный перевод «Эмиля» под названием «Эмиль и София, или хорошо воспитанные любовники» (1779), «Сокращение из проекта о вечном мире» (1771), «Новые письма Ж.-Ж. Руссо» (1783).

Все исследователи признают, что заслуга Руссо том, что он пробуждает в читателе интерес к личности. М. Н. Розанов определил учение Руссо как тройкий культ: чувства, человеческой личности и природы¹². Л. М. Баткин подчеркнул, что «мировоззренческим нервом Руссо является открытие личности и индивидуальности», что он «ввел их идейно в европейское культурное самосознание»¹³.

Подобный «мировоззренческий нерв» можно нащупать и у Ленобля, который в открытии личности и индивидуальности выступает как предшественник Руссо. О близости руссоизму свидетельствуют следующие положения Ленобля, изложенные в «Светской школе»:

1. Многослойность личности, наличие в ней социального и естественного слоев. Согласно Леноблю, душа состоит из «внешности» и «внутренности», у человека имеется «публичное лицо и партикулярное лицо», «притворная персона и природная персона». Он пишет: «Душа некоторое и такое же подобие внешности или наружного вида имеет, как тело. Сия то внешность или наружный вид людям себя кажет, и может называться покрывалом той внутренности, которую человек от людей таит, и скрывает»¹⁴. «А теперь себе ведай, что у монархов два лица. Публичное и партикулярное. <...> Перед ними (ближними) маску или притворную персону скинувши, природное или прямое лицо свое кажут»¹⁵.

2. Приоритет внутреннего, природного человека над внешним, социальным: «хотя фортуна нравы у людей и переменяет, однако основания да природы поколебать не может»¹⁶.

3. Право на свободный выбор призвания с учетом природных склонностей: «Я бы ему (молодому человеку) выбор чина (под чином имеется в виду сфера деятельности: духовный чин, гражданский чин, военный чин, придворный чин, торговый чин – И. К.) на волю дал. Правда, что человеку можно свое щастие во всяком чине найти. Человек в таком чине скорее произойдет, который добровольно себе избирает. <...> Главная отцова мудрость – в показании сыну своему, какая в котором чине трудность и польза»¹⁷.

Подобное родство может быть обусловлено определенным сходством жизненного опыта Ленобля и Руссо, сопряженного с нарушением общепринятых норм, конфликтом с социумом – т. е. с трансгрессией как повседневной практикой, что повлекло усиление индивидуального начала и усложнение структуры личности. Авторефлексия позволила осмыслить сложное психологическое содержание и прийти к концепции личности, основанной на понятии «внутреннего человека». Многочисленные личности Ленобля то спорят, то взаимодействуют, но в их основе лежит один источник – «внутренний человек». Руссо заставляет различные стороны своей личности вести между собой диалог: «Руссо судит Жан-Жака», наблюдая этот диалог из точки сборки – глазами «внутреннего человека».

Концепт «внутреннего человека» был воспринят XIX в., и русская литература активно исследовала сложное устройство человеческой личности, поэтому не случайно самохарактеристика Ленобля как обширного духа отзывается в сердце русскоязычного читателя словами Достоевского о широте человека.

Примечания

¹ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 2. С. 45.

² Mangeot, Stéphane. Eustache Le Noble, procureur général au parlement de Metz (1672–1682): Aventurier et homme de letters // *Mémoires de l'Académie nationale de Metz*. 1934. Vol. 15. P. 55–83.

³ Ленобль Э. Светская школа, или Отеческое наставление сыну; о обхождении в свете. Разделена на разговоры, чрез господина Нобль. Печатана 1-м тиснением. СПб.: При Сенате, 1763–1764. Т. 2. С. 110.

⁴ Там же.

⁵ LaPorta K. A. The Truth about Reasoning: Veiled Propaganda and the Manipulation of Absolutist Authority in Eustache Le Noble's «La Pierre de touché politique» (1688–1691) // *Cahiers du dix-septieme*. 2013. Vol. 15. № 1. P. 93.

⁶ Климовицкая И. И. Оппозиция служба-досуг в восприятии российского дворянства // *Историко-психологические аспекты военной службы: материалы Межд. конф.–СПб.*, 2018. С. 104.

⁷ Рак В. Д. «Адская почта» и ее французский источник // XVIII век. М.: Наука, 1986. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 169–197.

⁸ Чекалов К. А. Формирование массовой литературы во Франции XVII – первая четверть XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 231.

⁹ Власов С. В. Некоторые французские и итальянские параллели к «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина во Всеобщей библиотеке романов (Bibliothèque universelle des romans) (1775–1789) // *Cyberleninka*: электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-frantsuzskie-i-italyanskie-paralleli-k-skazke-o-tsare-saltane-a-s-pushkina-vo-vseobschey-biblioteke> (дата обращения 10.01.2018).

¹⁰ Ленобль Э. Светская школа, или Отеческое наставление сыну; о обхождении в свете. Разделена на разговоры, чрез господина Нобль. Печатана 1-м тиснением. СПб.: При Сенате, 1763–1764. Т. 1. 430 с.; Т. 2. 421 с.

¹¹ Лотман Ю. М. Проблема «обучения» культуре как типологическая характеристика // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 418.

¹² Розанов М. Н. Ж. Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в.: очерки по истории руссоизма на Западе и в России. М.: тип. Моск. ун-та, 1910. Т. 2. С. 312.

¹³ Баткин Л. М. Личность и страсти Жан-Жака Руссо. М.: РГГУ, 2012. С. 247–248.

¹⁴ Ленобль Э. Светская школа, или Отеческое наставление сыну; о обхождении в свете. Т. 1. С. 38.

¹⁵ Там же. С. 375.

¹⁶ Там же. С. 373.

¹⁷ Там же. С. 247.

А. Ю. Уткоф

**Изменение правового и экономического статуса
книгопродавцев иностранного происхождения
в России во второй половине XVIII – начале XIX в.**

На протяжении второй половины XVIII – начала XIX в. книгопродавцам, типографам и издателям иностранного происхождения для успешного развития своего книжного бизнеса приходилось выполнять все правовые нормы российского законодательства. Оказавшись участниками книжного рынка, иностранцы были зависимы от всех сложностей и колебаний, связанных как с внутренними, так и с внешними задачами политики государства. Со временем стало недостаточно просто владеть русским языком и иметь обширные деловые связи, сначала чужеземцы были вынуждены вступать в купеческие гильдии, а в дальнейшем активно давать присягу на «вечное подданство России», ставшей для них новой родиной.

Ключевые слова: книжная торговля во второй половине XVIII – начале XIX в., книгопродавец, российское законодательство, цензура

Anna Ju. Utkof

**Change in the legal and economic status of booksellers of foreign origin
in Russia in the second half of the XVIII – early XIX centuries.**

Throughout the second half of the XVIII – early XIX centuries book sellers, printers and publishers of foreign origin for the successful development of their book business had to comply with all legal provisions of the Russian legislation. Being participants in the book market, foreigners were dependent on all the complexities and fluctuations associated with both internal and external tasks of state policy. Over time, it became not enough just to speak Russian and have extensive business contacts, first, foreigners were forced to join merchant guilds, and in the future to actively take an oath of “eternal citizenship of Russia”, which became for them a new homeland.

Keywords: book trade in the second half of the XVIII – early XIX centuries, a bookseller, Russian legislation, censorship

Политика привлечения в Россию иностранных переселенцев с Запада способствовала постоянному притоку в Российскую империю иностранцев. Во второй половине XVIII в. в России сложились многочисленные иностранные колонии и приходы, начало существованию которых положил манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах». В течение продолжительного периода времени иностранцы продолжали сохранять свою веру, вступать в конфессиональные браки, учиться в собственных школах, общаться и читать на родном языке. В результате такого замкнутого образа жизни, проведя в России много лет, многие выходцы из стран Западной Европы плохо говорили и читали на русском языке и совсем не владели письменной речью.

Иначе обстояло дело с лицами, состоявшими на государственной службе или имевшими отношение к торговле. Для становления успешной карьеры или развития торгового бизнеса лицам иностранного происхождения приходилось ассимилироваться к условиям, языку и обычаям русского общества. В полной мере это относилось к людям, причастным к изданию и распространению печатных изданий, чья деятельность, с одной стороны, поощрялась российским законодательством, а с другой – жестко контролировалась. В это время многие выходцы из Европы сумели занять в России прочное положение в книжном деле. Именно иностранцы получили первые привилегии на заведение собственных типографий и печатание книг на иностранных и русском языках. Дальнейшие указы Екатерины II от 28 июня 1782 г. «О строении рынков и лавок по частям столичного города Санкт-Петербурга» и «Указ о вольных типографиях» от 15 января 1783 г. еще не делали различия между русскими и иностранными подданными. А уже «Жалованная грамота городам» от 21 апреля 1785 г. предоставила купечеству монополию на торговую деятельность¹, что вызвало приток записавшихся в сословие.

Под влиянием «Жалованной грамоты» в 80–90 гг. XVIII в. многие иностранцы, причастные к производству и распространению книг, стали записываться в купечество того города, где они проживали и осуществляли торговлю печатными изданиями. Так, в Санкт-Петербурге в 1792 г. в «здешнее» купечество по 3 гильдии записался уроженец Лейпцига Иоганн Даниэль Герстенберг², в 1794 г. – переплетчик Фридрих Готлиб Шуботц³ и Иоганн Непомун Роспино⁴. Другие книготорговцы-иностранцы записывались в иностранные купцы или в иностранные гости. В качестве примера можно привести уроженца города Линдова Иогана Захариаса Логана, подавшего прошение о причислении его к 3-й гильдии иностранных купцов⁵ или прусского уроженца Иоганна Карла фон Мейснера, «желающего вновь записаться в Санкт-петербургские иностранные гости»⁶.

Если во второй половине XVIII в. в России развивалось законодательство, связанное с наибольшим благоприятствованием иностранцам в империи, то начиная с конца XVIII – первой трети XIX вв. сложилось законодательное ограничение прав иностранцев. Все это не могло не отразиться на правовом и экономическом статусе книгопродавцев, типографов и издателей иностранного происхождения.

В последние годы правления Екатерины II и в недолгое царствование Павла I произошло ужесточение цензурных норм, особенно отразившееся на торгующих иностранной литературой и имеющих поставки товаров из-за границы. Александр I поддерживал политику протекционизма в отношении российских купцов. 1 января 1807 г. был издан манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий»⁷. Этот манифест поддерживал исключительно российское купечество.

Теперь иностранцу, чтобы пользоваться выгодами и преимуществами купечества, недостаточно было членства в купеческой гильдии. Жизненной необходимостью для книгопродавцев иностранного происхождения, долгое время занимавшихся созданием и распространением печатных изданий в России, стала присяга на вечное подданство России. 24 июля 1807 г. подал прошение о желании вступить в вечное подданство Санкт-петербургский книготорговец, купец 3-й гильдии, находившийся в Санкт-Петербурге с конца 1793 г., Карл Лиснер⁸. 27 июля 1807 г. по-

добное прошение подал сын торговца книгами и предметами искусств Иоганна Германа Клостермана Александр⁹. Следом за ними присягнул России придворный книгопродавец Петр Алиси¹⁰. Принявшие российское подданство иностранцы уже имели право записываться в гильдии, мещанство и цеха и приносить пользу новой родине.

Сменяли друг друга на троне правители Российской империи, определявшие по своему усмотрению цензурную политику, развивалось типографское дело, а книжная торговля оставалась по-прежнему рискованным занятием, зависящим от множества объективных и субъективных факторов. Часто лица иностранного происхождения терпели материальные убытки, переживали экономический крах. 11 сентября 1802 г. рижский книгопродавец Вильгельм Христиан Андрей Миллер в своем донесении министру народного просвещения графу П. В. Завадовскому описывал ситуацию, сложившуюся на Рижской таможене с поступившими туда книгами: «В начале прошедшего августа месяца Рижская портовая таможня объявила мне указ Коммерц-коллегии, чтобы я при подаче объявлений представлял также и подробную роспись всем книгам, находящимся в моих кипах. Я на сие подал как Таможне, так и губернскому правлению объяснение, в которых прописал, что при всем моем желании не нахожу возможности исполнить сие пожелание»¹¹. Получение резолюции так затянулось, что книгопродавец Миллер вынужден был вновь выступать в роли просителя: «Опасаясь, чтоб дальнейшее промедление не навлекло мне великой потери, ибо не только те книги, но и привезенные уже ко мне, остаются в Таможне; но даже те, кои я впредь ожидаю, будут остановлены, чрез что претерплю двойной убыток, во-первых, потому что не имея сих книг, не могу оных продавать, а во-вторых, ожидая так долго в Таможне, могут быть оные повреждены от крыс»¹².

Ситуации подобного рода могли тянуться годами. Митавский книгопродавец и переплетчик Эрнст Казимир Рихард в 1800 г. подал прошение «о возвращении задержанных у него Рижскою Цензурою выписанных им в 1797 и 1798 годах из Гамбурга Еврейских молитвенных книг, отосланных по отзыву той Цензуры чтобы в Санкт-Петербург, или об отдаче ему, буде те книги проданы вырученных за них денег»,¹³ «по крайней мере испросит... Ему позволение возвратной оных книг высылки из России, дабы он хотя некоторую часть собственности своей спасти мог»¹⁴. Дело это продолжало ходить по инстанциям еще и в 1802 г. Э. К. Рихард не получил конфискованные Рижской цензурой в 1797–1798 гг. 1100 экземпляров еврейских молитвенных книг по причине того, что сначала цензор еврейских книг Элкан, а затем и «Еврейская Экспедиция» представили «Цензуре мнение, состоящее в том, чтоб изволить на тот только раз выдрать из Еврейских книг некоторыя листы, на коих замечены сумнительныя выражения»¹⁵. На что был получен отказ и резолюция «Его Императорского Величества»¹⁶: «чтобы впредь такие книги выпускаемы не были, печатать следует под присмотром»¹⁷.

Появление первого цензурного устава произошло 29 июля 1804 г. Он стал определяющим не только для типографий, сочинителей и переводчиков, но и для непосредственных участников книжной торговли. В связи с тем, что лица иностранного происхождения часто осуществляли торговлю иностранными книгами и нотами, они в полной мере были вынуждены выполнять все указания цензурных комитетов, касающихся запретов на ввоз и торговлю сочинениями, признанными

запрещенными или сомнительными. Так, в 1806 г был наложен запрет на книгу «Секретная история берлинского двора» («History secrete de la cour de Berlin»), в которой «кроме множества оскорбительных выражений, встречающихся почти на каждой странице и относящихся до иностранных государей и особ их двора, как умерших, так ныне еще живущих, содержатся также разные места предосудительные для чести Ея Величества в бозе почивающей Екатерины II и других высочайших особ императорской фамилии, равно как и многих министров ея двора»¹⁸. Всех книгопродавцев, торгующих в столице иностранными изданиями, обязали дать подписку, что они не будут продавать эту запрещенную книгу.

Ассортимент книжных магазинов чужеземцев мог быть подвергнут осмотру цензорами и полицией «для освидетельствования», от результата осмотра зависело, будет ли существовать книжный магазин дальше. Такому осмотру в конце марта – начале апреля 1807 г. был подвергнут книжный магазин Тейлена в Санкт-Петербурге. По окончании проверки цензор Г. М. Яценков донес комитету, «что он не нашел в помянутом магазине книгопродавца Тейлена никаких книг, запрещенных цензурою и даже таких, которые бы следовали к запрещению, напротив того, он заметил, что оный магазин наполнен отборными книгами, как наиболее защищая святость религии, благоправие и церковную власть»¹⁹.

Такой же проверке были подвергнуты книги, оставшиеся после смерти книгопродавца Цимсена в его книжном магазине в июне – августе 1810 г. 14 июня 1810 г. рукописный каталог книг, назначенных к аукциону, оставшихся после смерти книгопродавца Цимсена за № 5248, был предоставлен в Санкт-Петербургский цензурный комитет, «который рассмотрел оные, нашел многие книги ему неизвестными и сомнительными по неполности титула, по неозначению автора, года и города, где печатаны, и потому оставил у себя помянутые каталоги»²⁰. Назначенные комитетом цензоры вместе с обер-полицейским²¹ провели осмотр книг в магазине и сообщили, что «запрещенных не оказалось, сомнительные изъяли по экземпляру на особое рассмотрение»²². Все эти меры цензурных комитетов заставляли книгопродавцев – заграничных выходцев быть в курсе всех выходящих законов и указов и контролировать ассортимент продаваемых изданий, чтобы не терпеть больших убытков.

На протяжении второй половины XVIII – начала XIX в. книгопродавцам, типографам и издателям иностранного происхождения для успешного развития своего книжного бизнеса приходилось выполнять все правовые нормы российского законодательства. Ассимиляция в России была необходимым фактором и гарантией постоянного места на российском рынке. Со временем стало недостаточно просто владеть русским языком и иметь обширные деловые связи, сначала чужеземцы были вынуждены вступать в купеческие гильдии, а в дальнейшем давать присягу на «вечное подданство России», ставшей для них новой родиной.

Оказавшись участниками книжного рынка, иностранцы были зависимы от всех сложностей и колебаний, связанных как с внутренними, так и с внешними задачами политики государства. Книгопродавцы иностранного происхождения, поддерживая книготорговые связи с поставщиками книжного товара в западноевропейских странах, часто терпели убытки и даже разорение на таможенных в связи с цензурными запретами в отношении иностранных книг и периодики и в полной мере испы-

тывали на себе и своем бизнесе гнет бюрократической системы и личностный фактор чиновника-цензора. Под не менее пристальным вниманием со стороны цензоров и полиции оказывались книжные магазины и типографии, содержавшиеся лицами иностранного происхождения. От результата осмотра книготоргового предприятия зависел не только вопрос существования магазина, но и дальнейшая судьба самого владельца или его наследников.

Все эти факторы и политика протекционизма привели к тому, что удельный вес иностранцев в книгоиздании и книжной торговле в конце XVIII – начале XIX в. существенно уменьшился, значительную конкуренцию им стали составлять набравшие силу отдельные российские книгопродавцы и книготорговые фирмы.

Примечания

- ¹ Полное собрание законов. Собр. 1. Т. 22. № 1618.
- ² ЦГИА. Ф. 781. Оп. 2. Д. 1792.
- ³ ЦГИА. Ф. 781. Оп. 2. Д. 1570.
- ⁴ ЦГИА. Ф. 781. Оп. 2. Д. 40.
- ⁵ ЦГИА. Ф. 781. Оп. 2. Д. 1050.
- ⁶ ЦГИА. Ф. 781. Оп. 2. Д. 1798.
- ⁷ Полное собрание законов. Собр. 1. Т. 29. № 18314.
- ⁸ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 630. Л. 104–105.
- ⁹ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 630. Л. 113.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 662. Л. 24.
- ¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 3. Л. 2–2-об.
- ¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 3. Л. 2–2-об.
- ¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 2. Л. 1-об.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 2. Л. 3.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 2. Л. 4-об.
- ¹⁶ Павел I.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 2. Л. 4-об.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–2.
- ²⁰ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.
- ²¹ Так в документе назван «обер-полицмейстер» – глава городской полиции
- ²² РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 89. Л. 4–5.

Д. Дракулич-Прийма

Словарь Вука Стефановича Караджича 1818 г.: к 200-летию со дня издания

Статья посвящена истории создания и публикации первого словаря сербского языка – «Српски рјечник истумачен латинскијем и њемачкијем ријечима», который был издан Вуком Стефановичем Караджичем в Вене в 1818 г. Внимание уделяется восприятию словаря сербскими российским научным сообществом современной В. С. Караджичу эпохи, характеризуется значимость этого лексикографического труда для сербской культуры.

Ключевые слова: Вук Стефанович Караджич, словарь, сербский язык, лексика

Dragana Drakulić-Priima

Vuk Stefanović Karadžić's Dictionary of 1818: to the 200th anniversary

The article concentrates on the history of creation and publication of the first Serbian language dictionary – «Српски рјечник истумачен латинскијем и њемачкијем ријечима» printed by Vuk Stefanović Karadžić in Vienna, 1818. The author analyzes how the dictionary was perceived in Serbian and Russian scientific society of Karadžić's time and estimated the significance of this lexicographic work for Serbian culture.

Keywords: Vuk Stefanović Karadžić, dictionary, Serbian language, vocabulary

Первый словарь сербского народного языка – «Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима» (далее – Словарь) Вук Стефанович Караджич опубликовал в 1818 г. К тому моменту автор уже заявил о себе в научном мире, издав в Вене грамматику сербского языка и сборники сербских народных песен¹. За работу над составлением словаря Караджич, выходец из крестьянской сербской семьи, так и не получивший высшего образования, принялся, подталкиваемый Ернеем Копитаром, придворным библиотекарем и цензором книг на славянских языках в австрийской столице. О начале этой работы мы узнаем из письма Копитара Й. Добровском от 3 сентября 1816 г.: «Мой Вук сейчас работает над сербским словарем»².

И. И. Срезневский, первый биограф Караджича, записал, как зародился этот замысел: «Однажды, наконец, пришел он (Ерней Копитар – Д. Д.-П.) ко мне, принеся с собой целую стопку бумаги, разрезанную на лоскутки. „Припоминайте-ка себе слова, какие знаете, что употребляются народом, и записывайте на этих лоскутках, каждое на отдельном лоскутке. Мало-помалу наберете их и целый словарь“»³. Работу, которая у них шла довольно быстро, можно условно разделить на два этапа. Во время первого Караджичу следовало записать слова и упорядочить их в алфавитном порядке. В июне 1818 г. Караджич отправился в Сербию, в монастырь Шишатовца, где пробыл до сентября 1818 г., затем вернулся в Вену с большим запасом слов (4000 из них ему передал священник из Шида Аврам Панич) и продолжил с Е. Копи-

таром ежедневную работу над словарем. Второй этап, по воспоминаниям Караджича, выглядел следующим образом: «Он (Ерней Копитар – *Д. Д.-П.*) приходил ко мне каждый день перед вечером, не глядя ни на дождь, ни на грязь, и мы просиживали до света. Я брал лоскутки один за другим и объяснял ему значение каждого слова, объяснял до тех пор, пока не видел, что Копитар совершенно понял, а Копитар переводил слова на немецкий и на латинский, справляясь в случаях сомнительных с лексиконами Аделунга, Шеллера и др. Иногда, где ему казалось нужным, он заставлял меня записать пример, который мог бы облегчить уразумение смысла слова, или целое описание предмета, обычая и т. п.»⁴. Следует отметить, что изначально было задумано, что наряду с немецким будет дан и перевод на итальянский язык, во всяком случае, такое обещание Копитар и Караджич дали Павле Соларичу, сербскому ученому и поэту, собиравшему «пренумерантов» для словаря в Далмации. Но в конечном итоге в Словаре сербские лексемы были переведены на немецкий и латинский, что вызвало обиду П. Соларича, считавшего, что именно обещанный перевод на итальянский язык привлек его подписчиков с адриатического побережья.

Выход в свет Словаря несколько раз откладывался из-за недостатка денежных средств на его публикацию. Среди меценатов, поддержавших это издание, были венский торговец Теодор Тирка, пожертвовавший 5 000 форинтов, сербский дворянин Савва Текелия (500 форинтов) и митрополит Стеван Стратимирович (300 форинтов).

Итак, «Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечима», содержащий 26 270 слов, вышел в конце 1818 г. в Вене в типографии конгрегации Мхитаристов-армянского католического монашеского ордена. Известно, что в то время в Австрии лишь одна типография в Буде имела право печатать книги на сербском языке, разумеется, только в принятой в то время орфографии. Именно поэтому Караджич с Копитаром обратились в типографию армянского католического монастыря, имевшей право печатать книги на всех восточных языках. Им удалось убедить армянских монахов, что сербский язык относится к восточным языкам, и напечатать у них Словарь на реформированной азбуке.

Справедливо будет отметить значимую роль Копитаров о здании Словаря – он был не просто вдохновителем, но, как видим, и полноценным соавтором, хотя его фамилия в этом издании не значится даже в качестве редактора. Будучи филологически более подкованным для такой работы, чем Караджич, Копитар добровольно взял на себя большой труд переводчика и редактора. Не случайно еще в августе 1816 г. Караджич писал ему: «Я же говорил Вам, что у Вас будет гораздо больше хлопот со словарем, чем у меня»⁵.

Переписка Караджича и Копитара свидетельствует о том, что именно Копитар разработал структуру Словаря: он настоял на распределении слов в алфавитном порядке и включении турцизмов и обценной лексики в компонентный состав основной части. Сам же Караджич склонялся к объединению слов по кустовому принципу и выделению турцизмов в отдельную группу, которую планировал дать в конце Словаря. Караджич обращался к Копитару и с конкретными лексикографическими вопросами: выделять ли отдельно возвратные глаголы, собирательные существительные, наречия, уменьшительно-ласкательные и пейоративные слова и т. п.

В обширном предисловии к Словарю содержится значительно расширенная и доработанная сербская грамматика. Караджич планировал дать грамматику на немецком языке, но в конечном итоге она все же вышла на сербском. Здесь показаны различия между сербскими говорами (диалектами), которых автор выделял три: герцеговинский (юго-западный), сремский (северный) и ресавский (восточный). В предисловии автор критически отзывается о сербской орфографии – пишут «по правилам бабы Смиляны»⁶, и высказывается за ее стандартизацию. Здесь же обосновывается необходимость использовать в литературе сербский народный язык, который Караджич, в сущности, понимал как язык своего родного герцеговинского края, в котором, наряду с отсутствием звука *х*, отражались и такие нехарактерные для всех остальных сербских говоров диалектные особенности, такие как «новейшая йотация» (*ћ* вместо *д* или *дј*: *ћевојка* – *девојка* (*дјевојка*); *ћ* вместо *т* (*лећети* – *летети*); *н* вместо *л* (*најамник* – *најамлик*); преобразование сочетаний *мнв мл* (*многи* – *млогли*); перестановка слогов *ма* и *на* (*манастир* – *намастир*) и др. Церковнославянская лексика, представленная в Словаре, дана и в сербской (*Ваведенье, Васкрсеније, Усековеније, мошти, општина*), и в русской редакции (*двери, чест, живоначални* и др.). Признавая значимость первого издания Словаря Караджича, П. Ивич подчеркивает, что язык в Словаре все еще не был литературным языком. Это был «лишь сырой диалектный материал, легший в основу нового литературного языка»⁷.

В Словаре в наибольшей мере представлена лексика сербского народного языка: «О словах, здесь собранных, я смело могу сказать, что они все народу известны, и что народом произносятся так, как они здесь написаны»⁸. Автор подчеркивает, что, может быть, «в этой книге и не собраны все сербские слова», но создан «хороший фундамент для того, чтобы их собрать в дальнейшем»⁹. Книжная лексика, без которой и сам Караджич не мог обойтись в своих трудах и переводах, представлена в гораздо меньшем объеме. Несколько десятков лексем, употребленных автором в предисловии, не нашли отражение в самом корпусе Словаря, где, как ни парадоксально, отсутствует даже лексема *рјечник*, а также широко известные термины *диплома, граматика, списатељ, предговор, ортографија, самогласно слово, глагол, склоненије, наклоненије, азбучнии* и многие другие. Критики также отмечают и отсутствие в Словаре значимого пласта общеупотребительной сербской лексики: *важан, глуп, говорник, делатност, заљубити се, искреност, закључак, значај, искусан, књижевност, напор, награда, одличан, основан, писац, повјест, појава, полет, представа, ратник, савјест, смисао* и др. Таким образом, на собственном примере он продемонстрировал, что невозможно писать на чистом народном языке о предметах, явлениях и понятиях, которые не относятся к повседневной народной жизни. В то же время, согласно справедливому мнению известного сербского исследователя П. Ивича, не следует полагать, что «отраженный в словаре язык был совершенно лишен абстрактных слов и названий из культурной, правовой и деловой сферы»¹⁰. Это суждение подкрепляется наличием в словаре целого ряда лексем типа: *заједница, збор, мисао, напредовати, начин, тајна, туга, уједнитити, уредити, чезнути, штампати* и др.¹¹

Как уже было сказано, Словарь был напечатан на реформированной Караджичем сербской кириллице, которая была создана под влиянием кириллической реформы его предшественника Саввы Мркаля: «Я здесь, ратуя за успех Сербского

Княжества, не могу использовать другой азбуки кроме азбуки Мркаля, поскольку для сербского языка нет более легкой и чистой, чем она»¹². Как видим, в новой азбуке отсутствуют буквы я, ю, ѣ, њ, џ, и, ѡ, Ѣ, фита и ижица, а вместо диграфов были введены буквы ħ, ħ̇, j, встречавшиеся и ранее в сербских кириллических рукописях, и так называемые «новые слова» љ и њ, фактически представляющие собой лигатуры диграфов љъ и њъ¹³. Таким образом, новая сербская азбука на тот момент состояла из «28 простых звуков (т. е. «чистых», неразложимых на составные части): а, б, в, г, д, ħ, е, ж, з, и, j, к, л, љ, м, н, њ, о, п, р, с, т, ћ, у, ц, ч, џ, ш»¹⁴.

Караджич советовался по поводу введения в азбуку новых букв с несколькими людьми – Павле Соларичем, Лукианом Мушицким и Стефаном Гершичем. Так, к примеру, он несколько раз просил у Лукиана Мушицкого, архимандрита монастыря Шишатовца и литератора, помочь ему придумать графемы для согласных звуков љ и њ. В письме Л. Мушицкому, датированным 14 мая 1817 г., Караджич сетует: «Эх, как бы было хорошо, если бы у нас были еь и еь!»¹⁵. Архимандрит, ранее посоветовавший Караджичу ввести в азбуку графемы ħ и ħ̇, считал, что с введением в азбуку еще двух новых букв нужно повременить из-за опасения, что задуманная Караджичем языковая реформа может пойти слишком далеко. Не получив никаких сведений о том, какое в итоге Караджич принял решение, незадолго до выхода Словаря из печати, в письме от 8 октября 1818 г., Л. Мушицкий спрашивает: «Боже мой, какое же будет название вашей книги? Словарь?! Сербский?! л, љ?! н, њ?! Слишком много реформ сразу! Подумайте-ка о том, какая участь постигла всех *Reformatores*? Горе вашим костылям!»¹⁶

В Предисловии к Словарю Караджич признается, что графему j «позаимствовал», и что «иному, возможно, j не понравится, так как является латинским», добавив, что «в этом нет ничего страшного, так как у нас многие буквы совпадают с латинскими, например: а, е, о, к и т. д.»¹⁷.

Отсутствию в азбуке графемы х объясняется отсутствием этого звука в родном крае Караджича, в связи с чем автор вместо литературных форм *Хришћанин*, *сиромач*, *снаха*, *орах* и т. п. привел их диалектные варианты – *Ришћанин*, *сиромач*, *снаа*, *ора* и т. п. Несколько позже, после добавления им букв х и ф, сербская азбука окончательно оформилась как алфавит из тридцати букв, каждой из которой соответствует отдельный звук. Этой азбукой – «вуковицей» сербы пользуются и по сей день. Как видим в Словаре, Караджич подтвердил основной фонетический принцип своей языковой реформы – «Пиши, как говоришь, читай так, как написано», выдвинутый четырьмя годами ранее в его первой грамматике. Позже, в июле 1832 г., в письме князю Милошу Обреновичу, Караджич напишет и такие слова в защиту своей орфографической реформы: «...составляя сербскую грамматику и словарь, я стремился показать, какая орфография нужна именно для нашего языка, по свойствам его. <...> Как тогда, я и сейчас полностью убежден в том, что все умные люди, в Вене и Петрограде, в Лондоне и Париже, и в любом другом месте признают, что для сербского языка моя орфография не просто правильнее всех остальных наших способов написания, а правильнее и лучше орфографий всех народов и языков европейских»¹⁸.

Словарные статьи в Словаре построены следующим образом: *Закрилити* – сначала дан глагол в инфинитиве, окончание первого лица настоящего времени

(-им), затем немецкий и латинский перевод и примеры употребления: 1) цитата из молитвы: «*Свети шестокрили Аранђеле! Закрили ме крилом твојим*»; 2) отрывок народной песни:

«Кад је Ђорђе Србијом завладо,
И Србију крстом прекрстио
И својим крилом закрилио
Од Видина па до воде Дрине»¹⁹.

В Словаре широко представлены топонимы, географические названия населенных пунктов, рек, гор, которые тоже весьма часто иллюстрируются отрывками из народных песен. Например: *Ваљево* – eine Stadtin Serbien; «*Полећела два бијела голуба, Од онога ваљенога Ваљева*»²⁰; *Дрмановина*, f. – планина (или брдо?) у Србији: «*Завијала три зелена вука, Један вије навр Маковишта, Други вије на Повлен планини, Трећи вије ка Дрмановини*»²¹.

В ряде случаев толкование приводится только на сербском языке: *Срчаник*, т. – *трава од срдоболе*²² или без всякого комментария: *Срчаница*, f. –²³. Около тридцати лексем остались без перевода, из которых большинство иллюстрируется цитатами из народных песен: *Велен* – «*Ој девојко селен велен! Не узвијај обрвама!*»²⁴. В комментариях к отдельным статьям автор искренне признается, что не знает значение данной лексики или выражения: *Котлокрпов*, ва, во – «*Назимац куц копа бус под котлокрповом кућом(ово је некаква загонетка али не знам шта значи)*»²⁵.

П. Ивич отметил некоторые семантические расхождения между языком Караджича и современным сербским языком. Например: *град* в Словаре *крепость*, в современном сербском языке – *город*; *коб* – *встреча/судьба, рок*; *притисак* – *тяжелый предмет, который кладут на крышу, чтобы ветер ее не снес / давление*; *планина* – *горный лес /гора, горный хребет*; *пожар* – *лесной пожар / любой пожар* и т. д.²⁶

В Словаре много турцизмов. Поясняя Срезневскому методику отбора этого лексического материала, Караджич указал: «Я записывал и турецкие слова, которые народ использует <...>. Слова, которые я считал турецкими, я обозначал звездочкой (*), но допускаю, что в этом я мог ошибиться, обозначив звездочкой нетурецкие слова и не обозначив какие-то турецкие»²⁷. Следует отметить, что большинство слов турецкого происхождения, включенных в Словарь, сегодня непонятны носителю сербского языка. Общеизвестно, что заимствованные слова находятся в так называемом верхнем слое лексической системы – они характерны для определенной эпохи и выходят из употребления, как только выходят из обихода реалии или устаревают профессии, которые они обозначают. Сам автор в Предисловии указал, что некоторые турцизмы «случается и раз в год не употребляют»²⁸.

Сдругой стороны, несмотря на тот факт, что Словарь был составлен два столетия тому назад, многие лексемы, нашедшие в нем отражение, входят в современный фонд сербского языка, являются живыми, широкоупотребительными и воспринимаются современными носителями языка как разговорные и экспрессивно окрашенные. Среди них, к примеру: *заколутати очима, зидина, надлајати, слизати се, смућкати, пискарати, расписати се, укебади, шаљивчина, шеврдати* и многие другие.

Самую большую ценность Словаря составляют развернутые словарные статьи, в которых содержится важнейшая культурная и этнографическая информация – описание обычаев, обрядов, преданий, сказаний и нравов сербского народа. К таким статьям прежде всего относятся: *Богојављење, Божић, Банати се (детская игра), Варица, Женидба, Зајетовати се, Крајина, Краљице, Крсно име, Лазарице, овца, Отмица, Пириватра, Поп, Србуља, Цариград, Читлуки* др. В некоторых из них, как скажем в словарной статье *Клинчорба*, автор целиком поместил народный юмористический рассказ. Другие же, как допустим статью к предлогу *За*, обогатил многочисленными пословицами и поговорками: *за Лазара, за Лазарева владања, Где да нађем за себе девојку, Онђе нема за ме пријатеља, Пођи ћери за возара, ласно ће ти бити*. Весь этот ценнейший лингвокультурологический материал позже войдет в известную и неоднократно переиздававшуюся книгу – «Жизнь и обычаи народа сербского».

В предисловии к Словарю Караджич писал: «Я уверен, что этот мой труд будет по сердцу всем писателям и литераторам нашим, которые любят свой народный язык и чтят его, как ценнейшее богатство народное»²⁹. Однако выход Словаря в свет вызвал большой резонанс в сербском обществе и резкую критику среди духовенства и образованных людей. Наряду с введением в азбуку латинского *j*, в котором многие усматривали влияние католической пропаганды и стремление Рима отдалить сербов от православия и России, осуждение вызвало отсутствие в Словаре абстрактной и возвышенной лексики старославянского происхождения, с одной стороны, и включение в его компонентный состав большого количества турцизмов и абсценной лексики – с другой. По поводу включения бранных слов в корпус Словаря архимандрит Лукиан Мушицкий написал: «Счастье его, если митрополит не пожалуется на него венской полиции»³⁰. Действительно, сербский митрополит Стеван Стратимирович, который на протяжении всей жизни боролся против попыток австрийских властей обратить сербов в униатство, стал самым ярким критиком этого издания. Отметим, что митрополит изначально поддерживал деятельность Караджича и материально помог этому изданию – не случайно в Предисловии имя митрополита значится среди почетных меценатов. Однако после выхода Словаря свет митрополита посчитал себя обманутым, изменил свое мнение и резко выступил против словаря «деревенщины, в котором нет ученых славянских слов, но есть католический йот»³¹.

Желая получить поддержку со стороны научного сообщества, которая помогла бы ему в борьбе с критиками на родине, Караджич в начале 1819 г. отправился в Россию. В России, где он пробыл 9 месяцев и побывал в различных городах, в том числе, в Санкт-Петербурге и Москве, он познакомился с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, А. С. Шишковым, П. И. Кеппеным, Т. П. Аделунгом, и другими крупнейшими научными и государственными деятелями России, которые в дальнейшем поддерживали его, способствовали утверждению его научного авторитета.

В России, где Караджиче просто приобрел столь важные знакомства, но и заметил некоторые дальнейшие направления своей научной и переводческой деятельности, Словарь встретили с одобрением. Так, в марте 1820 г. он писал Л. Мушицком: «Вы спрашиваете, что русские говорят о моем словаре. То же самое, что и немцы с поляками. Он меня в России блестяще зарекомендовал и ввел в общество

графов, князей, генералов и министров. <...> В Петербург я привез 30 экземпляров своего словаря, если бы привез 300 – все бы разлетелось в мгновение ока»³².

Более того, в России Караджич получил и несколько положительных рецензий на свой Словарь. Так, журнал «Благонамеренный» в марте 1819 г. информировал читателей о выходе Словаря следующим образом: «В Вене вышел Славеносербский лексикон Г. Вука, которого публика давно уже ожидала с нетерпением и о котором все журналы отзываются с особенною похвалою. Он содержит 30 000 действительно употребительных сербских слов с их немецким и латинским переводом, с фразами, объясняющими синтаксическое их употребление, и где нужно с примерами из сербских песен. В начале находится любопытно предисловие о настоящей сербской литературе, за оным следует сокращенная, но в отношении к этимологии, весьма полная сербская грамматика. В самом лексиконе есть 115 статей, заключающих в себе разные сербские обычаи, пословицы, анекдоты, могущие служить вместе и сербскою хрестоматиею. Вся книга напечатана в самую большую осьмушку весьма хорошими литерерами. Мы не сомневаемся, что сей лексикон в наших училищах, гимназиях и университетах, равно как и для всех занимающихся российскою словесностью может и должен принимать большую пользу, а потому и спешим уведомить наших читателей о его появлении. – Может быть не излишне также будет упомянуть здесь о вышедших в 1814 и последующих годах в Вене Сербской грамматики Г. Стефановича и его же Собрании сербских национальных песен»³³. В апреле 1819 г. в «Трудах общества любителей российской словесности» в отделе «Разные известия» вышла весьма лестная статья о сербском словаре Караджича, в которой автор заметки высказывается в поддержку языковой реформы Караджича, положительно характеризует и предыдущие его автора – грамматику и сборники сербских народных песен»³⁴. В мае того же года в «Вестнике Европы», редактируемом М. Т. Каченовским, также вышла заметка о выходе в свет Словаря Караджича, который «в 1814 году издал сербскую грамматику и собрание сербских песен»³⁵.

Российская Императорская Академия наук 31 июля 1819 г. присудила Караджичу серебряную медаль за этот капитальный труд. По ходатайству А. С. Шишкова и П. И. Кеплена 4 июня 1826 г. император Николай I подписал указ о назначении Караджичу пожизненной российской пенсии – 100 червонцев в год – за «пользу славянской словесности»³⁶. Столь значительное признание, полученное в России, сыграет положительную роль на родине Караджича, где со временем изменится отношение к его Словарю, который «был в славянском мире явлением единственным»³⁷.

Примечания

¹ Дракулич-Прийма Д. Вук Стефанович Караджич: жизнь и деятельность с 1787 по 1826 год (К 230-летию со дня рождения сербского ученого) // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 4. С. 23–33.

² Стојановић Љ. Живот и рад Вука Стеф. Караџића, Београд, 1924. С. 104. Все цитаты в тексте даны в переводе Д. Дракулич-Прийма.

³ Срезневский И. И. Вук Стефанович Караджич, очерк биографический и библиографический // Московский литературный и ученый сборник. М., 1864. С. 339–371, 354

- ⁴ Там же. С. 355.
- ⁵ Караџић В. С. Писма. Београд: Просвета, 1947. С. 24.
- ⁶ Српскирјечник, истолкован њемачким и латинским ријечима / сакупио га и на свијет издао Вук Стефановић. У Бечу, 1818. С. VI.
- ⁷ Ивич П. Сербский народ и его язык. М.: Индрик, 2017. С. 352.
- ⁸ Српскирјечник, истолкован њемачким и латинским ријечима. С. VII.
- ⁹ Там же. С. VIII.
- ¹⁰ Сербский народ и его язык. С. 327.
- ¹¹ Там же. С. 327–329.
- ¹² О језику и књижевности I // Сабрана дела Вука Караџића. Књига дванаеста. Београд: Просвета, 1968. С. 35.
- ¹³ Младеновић А. Историја српског језика: одабрани радови. Београд: Чигоја штампа, 2008. С. 311–315.
- ¹⁴ Српскирјечник, истолкован њемачким и латинским ријечима. С. XXIX.
- ¹⁵ Вукова преписка. Књига II / ред. Љ. Стојановић. Београд: Државна штампариа Кнжевине Србије, 1908. С. 170.
- ¹⁶ Вукова преписка. Књига II. С. 230.
- Известно, што из-за развијешей в молодости ревматической болезни, Караджич был хромым и всю жизнь проходил с костылем что, как ученый сам признавался, во многом предопределило род его деятельности; см.: Стојановић Љ. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. С. 349.
- ¹⁷ Српскирјечник, истолкован њемачким и латинским ријечима. С. XI.
- ¹⁸ Караџић В. С. Писма. Београд: Просвета, 1947. С. 147–148.
- ¹⁹ Српскирјечник, истолкован њемачким и латинским ријечима. Стб. 197.
- ²⁰ Там же. Стб. 59.
- ²¹ Там же. Стб. 197.
- ²² Там же. Стб. 790.
- ²³ Младеновић А. Историја српског језика: одабрани радови. Београд: Чигоја штампа, 2008. Стб. 790.
- ²⁴ Српскирјечник, истолкован њемачким и латинским ријечима. Стб. 64.
- ²⁵ Там же. Стб. 338.
- ²⁶ Ивич П. Сербский народ и его язык. С. 322–323.
- ²⁷ Караџић В. С. Писма. С. 271.
- ²⁸ Српскирјечник, истолкован њемачким и латинским. С. XX.
- ²⁹ Там же. С. IX.
- ³⁰ Голубица съ цветомъ књижевства србскогъ / [изд.] Григоріемъ Возаровићемъ, књиговецемъ и књигопродавцемъ. У Бѣограду : У Књигопечатни Княжества Србскогъ, 1842. Т. 4. С. 308.
- ³¹ Вук Стефанович Караджич и его современники. Лозница: Центар за културу «Вук Караџић», 2015. С. 9.
- ³² Караџић В. С. Писма. С. 52.
- ³³ Смесь. Выписки из новейших иностранных журналов и писем корреспондентов к Издателю // Благонамеренный. Март, 1819. № VI. С. 381–382.
- ³⁴ Соревнователь просвещения и благотворения // Труды высочайше утвержденного общества любителей российской словесности. Ч. VI. СПб., 1819. С. 226–228
- ³⁵ Вестник Европы. 1819. №9. Май. С. 238
- ³⁶ Дракулич-Прийма Д. Вук Стефанович Караджич... С. 107–108.
- ³⁷ Ягич В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 378.

Н. А. Гринченко

**Петербургские книгопродавцы – арендаторы книжных лавок
Императорской Публичной библиотеки**

Рассмотрены условия аренды лавок, находившихся в здании Императорской Публичной библиотеки. С начала XIX в. помещения отдавались в наем петербургским книгопродавцам (Глазуновым, И. И. Заикину, А. А. Каспари) на определенный срок на условиях выполнения ряда требований: осуществлять торговлю разрешенными изданиями, содержать лавки в чистоте, соблюдать правила противопожарной безопасности. Доход от аренды на основании Положения и штата Библиотеки 1810 г. перечислялся в ее бюджет. Договоры, заключававшиеся между Библиотекой и книготорговцами носили взаимовыгодный характер.

Ключевые слова: книжная торговля, Императорская Публичная библиотека, Российская национальная библиотека, И. И. Глазунов, И. И. Заикин, книжная лавка, книжный магазин, договор аренды

Natalia A. Grinchenko

Petersburg book sellers – book tenants The Imperial Public Library

The conditions for renting shops located in the building of the Imperial Public Library are considered. Since the beginning of the XIX century. the premises were leased to the Petersburg book sellers (Glazunov, I. I. Zaikin, A. A. Kaspari) for a certain period on the terms of fulfilling a number of requirements: to trade in permitted publications, keep shops clean, and comply with fire safety rules. The rental income on the basis of the Regulations and Staff of the Library of 1810 was transferred to its budget. The contracts concluded between the Library and the booksellers were mutually beneficial.

Key words: book trade, Imperial Public Library, Russian National Library, I. I. Glazunov, I. I. Zaikin, bookshop, bookstore, lease contract

В дополнение к утвержденному в октябре 1810 г. Положению и штату Императорской Публичной библиотеки в ноябре того же года Александр I подписал распоряжение, адресованное министру финансов, – «О предоставлении в пользу Публичной библиотеки собираемых доходов с лавок дома, ведомству оной принадлежащего», на основании которого Библиотека с января 1811 г. могла пополнять свой бюджет за счет сдачи в наем лавок: «предоставить в пользу Библиотеки собираемые с лавок дома, ведомству оной принадлежащего, доходы, сколько оных поступает и впредь поступать будет с тем, чтобы главный директор в употреблении оных давал отчет»¹. Это право было подтверждено в Дополнительном положении об Императорской Публичной библиотеке и Румянцевском музее 1850 г.: директор был обязан определять сроки и условия сдачи в наем принадлежавших Библиотеке лавок и утверждать контракты².

С 1811 г. договоры об аренде помещений заключались с петербургскими книгопродавцами. В документах оговаривались условия найма: указывались номера

сдававшихся в наем лавок, а также срок аренды (обычно с 1 января наступающего года), который первоначально составлял 4 года, затем возрос до 6 лет, а в некоторые годы достигал 12 лет. Книгопродавцы были обязаны выплачивать назначенную в договоре сумму в строго обозначенные сроки, а именно трижды в год – в первых числах января, мая и сентября, получая расписки; производить торговлю разрешенными для продажи книгами; содержать помещения в чистоте; оплачивать освещение и отопление; ремонтировать мостовую и тротуар напротив нанимаемого помещения, вывозить мусор, беспрекословно подчиняться всем распоряжениям заведующего по хозяйственной части Библиотеки или ее архитектора. Строго оговаривались меры противопожарной безопасности; предусматривались условия продления договора или отказа от него, а также возможность передачи помещений другому арендатору «для торгова в них книгами или другими не запрещенными, безопасными и чистыми товарами»³.

Передавая лавки в аренду, Библиотека заботилась как о «пользе казны», так и о «безопасности казенного дома»⁴. Поэтому было крайне важно иметь постоянного и надежного арендатора. По закону он утверждался в ходе торгов, однако это условие не всегда соблюдалось.

С начала XIX в. многолетним арендатором помещений в здании Библиотеки стала издательско-книготорговая фирма Глазуновых⁵, владельцы которой торговали по адресу Большая Садовая ул. (затем Садовая ул.), дом 20 еще с конца предыдущего столетия⁶. Кроме того, книгопродавцы, состоявшие с ними в родстве, например, И. И. Заикин и его наследники, также в первой половине XIX столетия имели лавки в здании Библиотеки. С 1 января 1814 г. Глазунов и Заикин были утверждены арендаторами книжных лавок Библиотеки в ходе ранее прошедших торгов. С каждым из них были заключены контракты на четырехлетнее содержание шести лавок под номерами 18, 19, 20, 21, 22 и 23 «в нижнем этаже принадлежащего к Библиотеке каменного дома» «против Гостиного двора для продажи печатных книг»: четыре лавки нанял Заикин, две – Глазунов⁷ (см. Приложение).

Договор аренды заключался на выгодных для Библиотеки и книготорговцев условиях. Библиотека была заинтересована сдавать помещения именно Глазуновым. В 1829 г. Оленин назвал этих торговцев «надежными» «давними содержателями лавок»⁸.

Передача помещений этой фирме всегда осуществлялась на льготных условиях, главное из которых заключалось в том, что договор в течение нескольких десятилетий заключался без проведения торгов. Кроме того, с 1816 г. Глазуновы (в то время – Матвей Глазунов и его сын Иван) являлись комиссионерами Библиотеки. Это звание передавалось по наследству⁹. Книготорговцам разрешалось указывать свою принадлежность Библиотеке на бланках, в документах и рекламе. В начале XIX в. на вывеске книжного магазина Глазуновых была надпись: «Императорской Публичной библиотеки комиссионера Матвея Глазунова книжная лавка»¹⁰.

В ответ Глазуновы брали на себя обязательства по ремонту помещений¹¹, выплате Библиотеке дополнительных сумм, перестройке здания, в котором находились книжные лавки.

Сохранились подробности заключения контрактов аренды в 1860–1880-е гг. В 1865 г., когда срок контракта на найм 5 лавок приближался к окончанию, Иван

Ильич Глазунов обратился к дирекции Библиотеки с прошением о заключении нового договора без торгов сроком на 12 лет с выплатой прежней суммы – по 3800 р. ежегодно. Кроме того, Глазунов «вызвался единовременно пожертвовать в пользу Библиотеки 8000 р. на печатание каталога отделения книг о России»¹². Речь шла о каталоге «Петр Великий в иностранной литературе», вышедшем в 1872 г. к 200-летию юбилею Петра I. По решению императора прошение было удовлетворено, а выплата указанной суммы производилась по 1000 р. в год.

Обсуждение условий очередного контракта началось заранее – в ноябре 1876 г. В предварительном письме к И. Д. Делянову Глазунов обратил внимание на необходимость перестройки дома, в котором находились лавки. Книготорговец был согласен «произвести на свой счет как переделку фасада сего дома, так и надстройку на нем этажа согласно представленному плану»¹³. Все работы оценивались им 35000 р. В качестве «вознаграждения этих издержек» он просил о заключении с ним контракта на 30 лет с 1 января 1878 г. за прежний ежегодный взнос – 3800 р. Однако, понимая, что срок слишком велик, Глазунов был готов согласиться на 12 лет аренды на тех же условиях. При этом сверх ежегодного взноса он брал на себя обязательство выплатить Библиотеке не 8000, а 10 000 р. Свое намерение продолжить торговлю в здании Библиотеки Глазунов объяснял следующими обстоятельствами: «Желание мое оставить помещение за собой основывается на долговременной, почти столетней торговле книгами нашего рода в этом доме и на том, что на переустройство этих лавок и переделки затрачена мной довольно значительная сумма. Быть может, найдутся лица, которые дадут и высшую цену, но, зная помещение и настоящую цену этих лавок, я полагаю, что новые наниматели окажутся неисправными плательщиками, мне же подобное предпочтение будет крайне обидно»¹⁴.

Обсуждение условий контракта завершилось через год – осенью 1877 г. Этот вопрос рассматривался на заседании Хозяйственного комитета Библиотеки в сентябре 1877 г. (в составе А. Ф. Бычкова, К. А. Коссовича, К. Ф. Феттерлейна, Ф. И. Плетнева и в присутствии И. И. Глазунова). По мнению его членов дом Библиотеки, в котором находились лавки, из-за ветхости должен быть «непреренно перестроен или капитально исправлен»¹⁵, однако 12-летний срок найма помещений был категорически отклонен «из-за увеличивающейся из года в год платы на торговые помещения». Глазунов был согласен сократить срок договора до 6 лет, что имело для фирмы принципиальное значение, так как, по его словам, «в этот период времени должно совершиться столетие со времени начала книжной торговли его деда именно в стенах этого дома»¹⁶. В этом случае торговец был готов увеличить плату на 200 р. в год, т. е. вместо 3800 р. отдавать 4000 р. и сверх того пожертвовать на нужды Библиотеки единовременно 5000 р. В случае отказа Глазунов соглашался и на 4 года аренды с взносом 4000 р. ежегодно и выплатой единовременно 3333 р. Хозяйственный комитет Библиотеки постановил установить 6-летний срок аренды пяти лавок с выплатой указанных сумм. Главное условие этой сделки по-прежнему состояло в том, что передача помещений в аренду осуществлялась без торгов. В декабре 1877 г. ходатайство Библиотеки было подписано императором (см. Приложение).

Однако в начале 1880-х гг. льготные условия аренды для Глазуновых стали подвергаться пересмотру. В марте 1883 г., практически за год до истечения срока контракта, Глазунов обратился к директору Библиотеки А. Ф. Бычкову с просьбой о продлении срока аренды на 6 лет на условиях увеличения ежегодной выплаты до 4200 р. и внесения единовременно 5000 р. Месяц спустя вопрос обсуждался на заседании Хозяйственного комитета. Его члены (Л. Н. Майков, К. Ф. Феттерлейн, К. К. Боас) указали, что размер выплаты, предложенный Глазуновым занижен, и его условия «представляются недостаточно выгодными для Библиотеки»¹⁷. В документе указывалось, что сумма, которую вносил Глазунов была существенно меньше, чем та, которую платили другие книгопродавцы – арендаторы помещений в соседних с Библиотекой зданиях: например, книготорговец И. П. Анисимов платил по 3600 р. в год за помещение, размер которого был значительно меньше, чем магазин Глазунова: «Помещение, занимаемое г. Глазуновым, составляет 37 аршин (аршин – мера длины, равная 0,7 м – Н. Г.) протяжения вдоль улицы, что составит по представленным г. Глазуновым ценам 136 р. за аршин. Между тем, г. Анисимов, имея всего 13 аршин помещения по улице, платит за один аршин по 200 р.»¹⁸. Однако было отмечено, что помещения, занимаемые Глазуновым менее удобны, к тому же он оплачивал их ремонт. Тем не менее, комитет высказал мнение, что плата, получаемая от Глазунова, должна быть увеличена приблизительно до 150 р. с одного аршина или округленно до 4500 р. ежегодно с условием единовременного перечисления в пользу Библиотеки 6000 р.

Ходатайство Библиотеки о заключении контракта с Глазуновым на 6 лет вновь без проведения торгов было направлено в Министерство народного просвещения, откуда проект договора поступил на заключение государственного контролера Д. М. Сольского. Он заметил, что сдача казенных помещений без торгов могла быть допущена, «если бы выгодность для казны предлагаемых г. Глазуновым условий была вне всякого сомнения»¹⁹. Торги этих помещений, по мнению контролера, могли дать лучшие результаты: «В этом убеждает, между прочим, и то обстоятельство, что из пяти арендуемых г. Глазуновым лавок три передаются им не без выгоды для себя другим съемщикам, торговля которых не имеет ничего общего с книжным делом. Единовременный взнос 6000 р. в пользу Библиотеки увеличивает ежегодную плату за 6 лет лишь на 1000 р., при чем годовая плата за каждую из них составит 1100 р. – цену, которую нельзя считать достаточной для столь оживленной местности»²⁰. Было предложено объявить торги по каждой из пяти лавок отдельно. Библиотека не возражала против перемены условий найма, но предложила сделать это постепенно и начать с трех лавок, которые сам Глазунов не занимал, а передавал другим арендаторам. Относительно двух других, в которых осуществлялась его собственная торговля, дирекция Библиотеки ходатайствовала в Министерстве народного просвещения о сохранении льготных условий аренды в течение еще некоторого времени, «принимая во внимание долголетнее существование книжной торговли Глазунова в доме Библиотеки и те выгоды, которыми Библиотека пользовалась от этого арендатора»²¹. По решению государственного контролера две лавки были предоставлены Глазунову без торгов на два года с 1 января 1884 г.

Между тем, в сентябре 1883 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» было объявлено о сдаче в наем трех лавок сроком на 4 года в принадлежащем Библиотеке доме по Большой Садовой улице. Торги назначались на 15 сентября, педеторжка (вторичные торги) состоялась 19 сентября, его участникам следовало предоставить залог. Итогом стало заключение контрактов с купцом 1-й гильдии С. В. Перловым (лавка № 18) для торговли чаем, сахаром и кофе; с крестьянской вдовой Т. Игнатьевой (лавка № 23) для торговли порошком для истребления насекомых; с почетным гражданином Л. А. Юргенсом (лавка № 19) для торговли обоями²². Общая сумма оплаты трех лавок составила 3249 р. в год. Глазунову было предложено оставленные за ним две лавки № 21 и № 22 оплачивать по 3500 р. в год. Это условие было им принято и скреплено договором сроком на два года с 1 января 1884 г. В декабре 1885 г. он был продлен на следующие два года на тех же условиях²³.

Контракты Библиотеки с Глазуновыми за следующие годы не обнаружены. По словам историка типографии Глазуновых Н. М. Лисовского, в 1880-е гг. по причинам «от фирмы независящим» «магазину пришлось оставить в продолжение почти 112 лет насиженное помещение в доме Публичной Библиотеки»²⁴ и переехать в Милютины ряды по адресу Невский проспект, дом 27²⁵.

Материалы Отдела архивных документов РНБ позволяют установить имя еще одного арендатора – в начале XX в. им стал петербургский купец 2-й гильдии издатель Альвин Андреевич Каспари²⁶. Лавка № 4, где разместились книжный магазин и редакция издававшейся им газеты «Родина», была ему предоставлена сроком на 4 года с 1 января 1904 по 1 января 1908 г. на следующих условиях: оплата составляла 2400 р. ежегодно с обязательным внесением залога (в размере третьей части годового взноса), деньги перечислялись за каждую треть года вперед. Каспари обеспечивал противопожарную безопасность. Передача помещения другому могла произойти только по разрешению дирекции под ответственность Каспари, в случае его смерти содержание лавки переходило его наследникам²⁷. В декабре 1907 г. договор с издателем-книготорговцем был продлен на прежних условиях еще на 4 года. В своем прошении на имя директора Библиотеки Д. Ф. Кобеко Каспари, в частности, писал: «При въезде в этот магазин (в здании Библиотеки. – Н. Г.) я произвел крупные затраты по устройству в нем дубовых оконных рам и таких же дверей с установкой на них зеркальных стекол, а также по внутренней изящной обстановки. В начале ход моего дела был вполне благоприятен, но серьезные события, разыгравшиеся в России в последние три года, крайне неблагоприятно отразились на моем предприятии, выразившись в уменьшении количества подписки на мои издания и в общем упадке моего торгового оборота. Неся в силу этого большие убытки, я до сих пор все же стремился всеми мерами поддерживать свое дело, надеясь на перемену обстоятельств к лучшему и возможность в ближайшем будущем восстановить дело в его прежнем состоянии»²⁸.

История аренды помещений в здании Императорской Публичной библиотеки содержит мало известные факты из истории отечественного книгораспространения. Публикуемые в приложении документы раскрывают новые аспекты сотрудничества петербургских книгопродавцев с Библиотекой²⁹.

Приложение

Контракт с И. И. Заикиным

1814 года генваря первого дня я, нижеподписавшийся Санкт-петербургский купец 3-й гильдии Иван Иванов сын Заикин дал сие обязательство Императорской Публичной библиотеке в том, что нанял в принадлежащем к оной 3-этажном каменном доме внизу против Гостиного двора для продажи печатных книг 4 лавки под № 18, 19, 20 и 23 от вышеписанного числа впредь на 4 года, т. е. сего 1814 года генваря с 1-го 1818 года генваря же по 1-е число на нижеследующих условиях: 1) за содержание тех четырех лавок должен я платить Императорской Публичной библиотеке по 2435 рублей в год; 2) деньги за наем тех лавок вносить мне к чиновнику, исправляющему ныне при Библиотеке должность казначея или кому прием оных впредь повторен будет от начальства Библиотеки, каждую треть года наперед, а именно в первых числах генваря, мая и сентября непременно, получая в платеже денег надлежащие расписки; 3) во время моего содержания означенных 4-х лавок производить мне в оных торг по узаконению незапрещенными книгами, иметь всегда чистоту как в лавках, так и перед ними; что же принадлежит до починки мостовой напротив оных лавок, когда потребно будет, а равно и до других полицейских повинностей: то все сие исправлять от казны, а не мне; 4) на случай, если я пожелаю в тех лавках сделать печи или иное что-либо нужное для меня пристроить или переделать, то все сии подобные перестройки или переделки позволить мне произвести на собственный мой счет под наблюдением чиновника, который от начальства Библиотеки к делу сему назначен будет; 5) если бы я пожелал в тех лавках торговать с огнем, то в сем случае позволить мне употреблять для освещения одни только кенкеты (лампа с горелкой, расположенной ниже резервуара, наполненного маслом – Н. Г.) под запрещением зажигать сальные свечи или что-либо другое, от чего удобно может произойти опасность; но будет по неосторожности моей или моих сидельцев учинится (от чего Боже сохрани) пожар, и воспоследует от того казне убыток, то во всем оном ответствовать мне, Заикину, выстройкою вновь всего поврежденного; если же пожар учинится хотя и в сем доме, от других, то за случившийся убыток от казны и ни от кого никакой платы мне не требовать, поелику я должен сам от себя брать впредь надлежащие меры на каждый несчастный случай; 6) ежели вышеписанных лавок по прошествии 4-летию срока казна оставить за мною не пожелает на означенных в сем обязательстве условиях или я сам более содержать их не пожелаю: в таком случае с обеих сторон объявить о том за 2 месяца до срока; 7) когда собственно для Императорской Публичной библиотеки в течение означенного 4-годичного срока оные лавки надобны будут, то мне в то же время, когда приказано будет, все 4 лавки очистить и по то число деньги в казну заплатить беспрекословно. При выходе ж обязан я сдать их во всякой чистоте и исправности, а имеющийся в оных товар и шкафы с полками вынести, и что поврежденное окажется, то исправить починкою или вновь переделать на собственные мои деньги. В точном исполнении сего моего обязательства (с которого от Императорской Публичной библиотеки имеет выдана быть мне за надлежащую скрепою копия) своеручно подписуюсь.

На подлиннике подписано:

Санкт-петербургский купец 3-й гильдии Иван Иванов Заикин

Верно: в должности письмоводителя Библиотеки – библиотекарь Красовский (РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 38. Л. 3–4 об.)

[Контракт с Глазуновым]

1877 года декабря 31 дня

Я, нижеподписавшийся коллежский советник, Санкт-Петербургский первой гильдии купец Иван Ильин Глазунов заключил сей контракт с начальством Императорской Публичной библиотеки в том, что я нанял весь нижний этаж в принадлежащем оной каменном доме, что напротив зеркальной линии Гостиного двора по Садовой улице под № 14, в коем пять лавок для торговли книгами и другим товаром, правительством не запрещенным и месту приличным, от первого числа января будущего 1878 г. впредь на шесть лет, то есть по 1 января 1884 г. на следующих условиях: 1. За содержание означенных лавок обязуюсь я, Глазунов, платить по 4000 р. серебром в год. 2. Деньги за наем лавок вносить мне в Управление Библиотеки или в то место, которое мне будет означено, за каждую треть года вперед, а именно: не позже 3-го числа января, мая и сентября каждого года; в противном случае подвергаюсь законной пене в пользу казны на основании Х т. Свода Законов гражданских (изд. 1857 г.), ч. 1, ст. 1580. 3. Сверх платы за лавки на основании Высочайшего повеления, последовавшего 12 сего декабря я, Глазунов, обязуюсь внести в пользу Библиотеки единовременно 5000 р. серебром; 4. Исправность платы за лавки обеспечиваю хранящимися в кассе Главного казначейства принадлежащими мне 10-ю оплаченными акциями Главного общества российских железных дорог, а именно: четырьмя за № 247661 по 247664, пятью за № 474961 по 474965 и одной за № 274427 по 125 р. каждая с купонами с 1 января 1878 г. и 16 р. 66 к., а всего залогом на сумму 1266 р. 66 к. 5. В продолжение контрактного срока содержать мне означенные лавки в порядке и чистоте как внутри, так и вне оных. 6. Если бы оказалась надобность произвести необходимые нужные в этих лавках перестройки, переделки или исправления во время содержания моего, имею я, Глазунов, производить их на собственный мой счет, но не иначе как с ведома начальства Библиотеки с сохранением всей безопасности казенного дома и имущества живущих в оном чиновников, для чего за таковыми исправлениями, перестройками и переделками наблюдать не только мне самому, но и архитектору Библиотеки. 7. Я, Глазунов, обязуюсь, чтобы торгующие в нанятых мной лавках принимали всевозможные законом предписанные меры предосторожности от всяких пожарных случаев, и если от неосторожности моей или моих людей случится пожар, то я должен буду вознаградить все происшедшие от сего для Библиотеки убытки; но в случае пожара от такой неосторожности, от которой невозможно предостеречься и от других причин, которых нельзя отвратить, ни даже предвидеть, или от таких, которые нельзя вменить в вину наемщику, я, Глазунов, должен быть избавлен от всякой ответственности. 8. Освещение и отопление нанятых мной лавок должны быть производимы на мой счет, причем обязываюсь потребные для топки печей дрова не ставить подле казенных и не занимать ими места на дворе. 9. Если по истечении вышеозначенного срока содержания нанятых мной лавок начальство Библиотеки не пожелает впредь оставить оных за мной, и в случае смерти моей за моими наследниками на прописанных в сем обязательстве условиях, или я сам содержать их более не захочу, в таком случае с обеих сторон объявить о том письменно за 4 месяца до срока, иначе молчание с моей стороны будет принято за согласие мое остаться нанимателем лавок и на

будущее время. Публикации же и торги об отдаче в наем лавок должны быть произведены окончательно за 2 месяца до истечения срока найма, дабы я имел время совершенно очистить и в надлежащем порядке сдать лавки, когда оные с торгов за мной не останутся. 10. Когда же собственно для Библиотеки или для надобностей правительства до истечения контрактного срока нанятые мной лавки потребуются, то мне в то же время, когда приказано будет очистить их, и с того числа из денег, внесенных мной по расчислению, сколько следовать будет возвратить мне; я же, оставляя их, обязан сдать оные во всей чистоте и исправности; имеющийся же там товар, шкафы с полками и проч[ее], мною заведенное, вынести, и что окажется поврежденным в лавках, то все исправить на собственный счет или внести на таковое исправление нужную денежную сумму по требованию начальства Библиотеки. 11. Если я захочу в продолжение нынешнего контрактного времени сдать нанятые мной лавки другому благонадежному нанимателю для торга вышеназванными товарами, то сию передачу найма я могу сделать не иначе как с разрешения начальства Библиотеки, на основании сего контракта с полной впрочем моей ответственностью как в рассуждении исправного и срочного платежа денег за наем лавок, так и безопасности казенного строения от пожарных случаев. 12. В случае моей смерти содержание нанятых мной лавок до истечения вышеозначенного срока найма должны принять на себя мои наследники на основании сего самого контракта, а если того не пожелают, то лавки могут быть сданы другим лицам с возмещением всех могущих произойти от того потерь для Библиотеки или из моего залога или из имущества моих наследников без всякого с их стороны спора и, наконец. 13. Означенный в 4-й статье залог по истечении срока найма имеет быть возвращен мне, а в случае моей смерти моим наследникам. В точном и непременном исполнении всех статей сего условия (с которой выдать мне от начальства Библиотеки за надлежащую скрепою копию) подписуюсь коллежский советник Санкт-Петербургский первой гильдии купец Иван Ильин Глазунов.

На документе рукой И. Д. Делянова запись: «Утверждаю. 31 декабря 1877 г.»
ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1 – 1877. Д. 45. Л. 12–13.

Примечания

¹ Полное собрание законов. Собр. 1. Т. 31. № 24433.

² Там же. Собр. 2. Т. 25. № 23930.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 122. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 3 об.

⁵ Основанная в Москве в 1781 г., фирма Глазуновых в Санкт-Петербурге работала с середины 1790-х гг. до 1917 г. См. подробнее: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет, 1782–1882. СПб., 1903. 99, 74 с.; Лисовский Н. М. Краткий очерк 100-летней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства, 1803–1903. СПб., 1903. X, 210 с.; Зайцева А. А. Новые материалы о Санкт-Петербургском книготорговце и издателе И. П. Глазунове: (из истории русской книжной торговли конца XVIII – начала XIX века) // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX века : сб. науч. тр. Л., 1979. С. 76–97; Книга в России, 1861–1881 / РНБ. М., 1990–1991. Т. 2–3 (по указателю); Книга в России, 1881–1895 / РНБ. СПб., 1997. С. 288.

⁶ В обзоре издательско-книготорговой деятельности Глазуновых отмечалось, что уже в самом конце XVIII в. книжные лавки Глазуновых «почти все были на одной линии или около одного места (дом теперешней Публичной библиотеки)», а в 1830–1840-х гг.,

«Илья Иванович Глазунов имел пребывание постоянно в магазине на Большой Садовой улице в доме Публичной библиотеки (где и теперь магазин Глазунова)» (см.: Краткий обзор ... С. 15, 68).

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 38. Л. 1, 4 об., 6 об. В ходе торгов, объявленных в 1829 г., предполагалось повысить арендную плату, которая, по словам директора Библиотеки А. Н. Оленина, «в сравнение с прежним временем умножилась вчетверо, именно от 2500 до 10000 р. в год» (РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 122. Л. 1). Согласие Глазунова и Заикина не было своевременно получено, и появились новые претенденты на аренду – купцы С. Буторин и Н. Костылев. Однако соглашение с ними не было подписано, и арендаторами на прежних условиях остались Глазунов и Заикин. Тогда дирекция Библиотеки была обеспокоена сменой арендаторов, поскольку, по словам А. Н. Оленина, Библиотека «должна быть совершенно обеспечена со стороны благонадежности новых нанимателей» (там же. Л. 2 об.).

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 122. Л. 1.

⁹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1-1817. Д. 13; РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 49. Л. 1; Д. 81. Л. 1; Д. 128. Л. 1.

¹⁰ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1-1817. Д. 13. Л. 2.

¹¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1853 год. СПб., 1854. С. 10.

¹² ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1-1866. Д. 1. Л. 3–3об.; Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1865 год. СПб., 1866. С. 7–8.

¹³ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1-1877. Д. 45. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Л. 2 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Оп. 1-1883. Д. 83. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 2 об.

¹⁹ Там же. Л. 4 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 8 об.

²² Там же. Л. 42–43 об., 45–46 об., 47–48.

²³ Там же. Л. 64–64 об., 67–68 об.

²⁴ Лисовский Н. М. Краткий очерк 100-летней деятельности типографии Глазуновых... С. 89.

²⁵ По данным отчета по надзору за типографиями, литографиями и за книжной торговлей в С.-Петербурге магазин Глазуновых был зарегистрирован по новому адресу в 1901 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 29-1901. Д. 26. Л. 66–68 об.).

²⁶ См.: Книга в России, 1861–1881. Т. 2. С. 14; Книга в России, 1881–1895. СПб., 1997. С. 58, 86, 310; Книга: энциклопедия. М., 1999. С. 276–277; Книга в России, 1895–1917. СПб., 2008. С. 84–89.

²⁷ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1-1904. Д. 81. Л. 1–3.

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ Через книгопродавцев осуществлялась покупка книг для Библиотеки в России и за границей. В качестве поощрения некоторые из торговцев назначались комиссионерами (см. подробнее: Гринченко Н. А. Комиссионеры Императорской Публичной библиотеки // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 4 (29). С. 11–14).

Н. Г. Патрушева

Медицинская цензура в циркулярах цензурного ведомства

Один из источников по истории цензуры в Российской империи – циркуляры цензурного ведомства. Это – подзаконные акты, с помощью которых правительство осуществляло свою политику в области печати. В статье рассмотрен комплекс циркуляров по изданию медицинской литературы и рекламе медицинских услуг.

Ключевые слова: цензура в Российской империи, законодательство о печати, медицинская цензура, циркуляры, реклама

Natalia G. Patrusheva

Medical Censorship in Circulars of Censorship Department

One of the sources for the history of the Censorship Department of the Russian Empire. It is regulations with which the government implements its policy in the field of printing. In the article - the complex circulars on publishing medical literature and advertising of medical services.

Keywords: censorship in the Russian empire, legislation about censorship, medical censorship, circulars, advertising

С помощью циркуляров, выпуск которых стал регулярным с 1820-х гг., цензурное ведомство Российской империи оперативно инструктировало цензоров, осуществлявших надзор за изданием и распространением печатной продукции. Циркуляры затрагивали широкий спектр проблем, касавшихся цензуры отечественной и зарубежной печати, надзора за типографиями, книжной торговлей и библиотеками. Это были подзаконные акты обязательные к исполнению. Циркуляры выпускались от имени министров, в чьем ведении находилась цензура и от имени центральных цензурных учреждений. Они были адресованы комитетам и отдельным цензорам по внутренней и иностранной цензуре, а также губернаторам, которые были ответственны за цензуру в провинции¹. Коллекция циркуляров цензурного ведомства хранится в Российском государственном историческом архиве в фонде Главного управления по делам печати².

Некоторая часть циркуляров относится к ведомственным цензурам – дополнительному контролю за произведениями печати со стороны других ведомств³. Еще в Уставе о цензуре 1826 г. говорилось о том, что рукописи, касавшиеся государственного управления, должны были цензуроваться не только в Министерстве народного просвещения, но и в министерстве, интересы которого они затрагивали (§ 141). Устав о цензуре 1828 г. оставил в силе существование ведомственных цензур⁴. В 1831 г. была введена цензура Министерства императорского двора, которая следила за упоминанием в сочинениях имен императора и членов императорской фамилии⁵. С 1846 г. Главное управление путей сообщения и публичных зданий про-

сматривало планы и чертежи⁶. Созданный в 1850 г. в Петербурге Комитет рассмотрения учебных руководств стал заниматься дополнительной цензурой учебных и детских книг, которые издавались частными лицами⁷.

Наименее изученной из ведомственных цензур остается медицинская⁸.

Практические руководства по медицине рассматривались в Санкт-Петербурге Медико-хирургической академией или Медицинским советом при Министерстве внутренних дел, в Москве – Московским отделением Медико-хирургической академии или медицинским факультетом Московского университета в Москве, а в других городах – медицинскими факультетами университетов (§ 124)⁹. С 1836 г. Медицинский совет осуществлял цензуру медицинских сочинений, медицинских объявлений и практических руководств для врачей и аптекарей¹⁰. С 1840 г. этим правилам стали подчиняться и сочинения по ветеринарии¹¹.

В циркулярах уточнялся порядок рассмотрения сочинений. Так, в циркуляре от 5 декабря 1840 г. цензурным комитетам и отдельным цензорам разъяснялось, что положение о цензуре медицинских книг распространяется на сочинения по ветеринарии, на медицинские периодические издания, а также на объявления о лекарствах и косметических средствах¹².

Циркуляры указывали на нарушения цензурных правил. Циркуляр от 27 августа 1892 г. № 4129 указывал на то, что часто общая цензура пропускала лечебники, поваренные и кондитерские книги без обсуждения с медицинскими цензурными учреждениями, в нарушение правил. Подчеркивалось, что необходимо было все издаваемые для домашних целей руководства для составления лекарств или оказания медицинской помощи людям, а также предназначенные для периодических изданий статьи с медицинскими советами и рецепты передавать на рассмотрение Медицинского совета¹³.

В циркуляре от 24 января 1894 г. № 519 говорилось об Особой комиссии из членов Медицинского совета и Совета Главного управления по делам печати, которая разработала новый порядок цензурования медицинских сочинений. Циркуляр содержал перечень новых правил: 1) Все медицинские сочинения для специалистов, издаваемые в России и привозимые из-за границы, должны были подлежать просмотру лишь общей цензуры. 2) Медицинские сочинения, изложенные в общедоступной форме, в том числе всякого рода лечебники, поваренные, кондитерские и т. п. книги, цензурные учреждения должны были доставлять на рассмотрение Медицинского совета. 3) Редакции популярных периодических изданий, как подцензурных, так и бесцензурных, обязаны были все медицинские советы, наставления, рецепты и т. п. и вообще статьи, касавшиеся самопомощи и самоврачевания, посылать на рассмотрение Медицинского совета. Медицинский совет должен был рассматривать сочинения исключительно с медицинской точки зрения, поэтому прохождение медицинской цензуры не освобождало от общей¹⁴.

Большое внимание в циркулярах уделялось медицинским объявлениям. В циркуляре от 10 июня 1842 г. разъяснялось, что появляющиеся в периодических изданиях и отдельно при разных журналах объявления о разных лекарствах, врачебных и косметических средствах, и обо всем, относящемся к здоровью народа, должны были получить разрешение Медицинского совета¹⁵. В циркуляре от 13 января 1866 г. № 76 был описан порядок разрешения к печати объявлений врачей.

Было отмечено, что основная масса объявлений содержала рекламу способов лечения данным врачом и адрес. Отмечалась необходимость указания фамилий и ученых званий врачей. Утверждать объявления к печати в Петербурге должен был Медицинский департамент Министерства внутренних дел, а в других местах империи медицинские факультеты ближайших университетов¹⁶. Циркуляр от 24 июня 1868 г. № 1531 касался объявлений о заграничных медицинских средствах и был направлен на пресечение тайного ввоза патентованных, но не дозволенных в России препаратов¹⁷.

Поскольку во многих периодических изданиях, в том числе и в некоторых «Губернских ведомостях» продолжали появляться объявления о медицинских средствах без соблюдения установленных правил, 7 марта 1884 г. был выпущен циркуляр (№ 1082), в котором отмечалось, что в подобных объявлениях врачебные управления не должны были допускать рекламы лекарств, разрешенных к привозу и продаже (можно было помещать только название и место их продажи). Запрещались объявления о медицинских средствах, не рассматривавшихся Медицинским советом и не допущенных к привозу в Россию¹⁸.

Власти старались оградить население от покупки лекарств, реклама которых носила «шарлатанский характер», то есть наделяла лекарства не свойственными им качествами. В циркуляре от 18 сентября 1875 г. № 4021 губернаторам вменялось в обязанность подтвердить местным полицейским чинам, на которых лежала обязанность разрешать таковые объявления к печати, что в объявлениях о средствах, которые были разрешены Медицинским советом к продаже можно было помещать лишь название¹⁹. Например, в виду усиленного распространения объявлений о средстве под названием «Одоль», циркуляр от 17 декабря 1901 г. № 10572 допустил объявления лишь в следующей редакции: «Косметическое средство „Одоль“ для полоскания рта. Место продажи и цена»²⁰.

В объявлениях врачей и дантистов, предлагавших свои услуги населению, циркуляром от 19 января 1883 г. № 296 разрешалось указывать лишь ученые степени, фамилии, специальность, место жительства врача и час приема больных, а реклама способов лечения была запрещена²¹. Несмотря на неоднократное повторение этого правила, некоторыми типографиями и чиновниками, выдававшими разрешение на печатание объявлений, порядок нарушался: об этом говорилось в циркулярах от 21 декабря 1884 г. № 5201 и 24 февраля 1886 г. № 715²².

В циркуляре от 18 июня 1890 г. № 2677 губернаторам разъяснялось, что Медицинский совет установил новый порядок печатания медицинских объявлений. Первый раз объявления должны были печататься в «Правительственном вестнике», и только потом они могли быть перепечатаны в других изданиях, причем без изменения формы и содержания. Внимание губернаторов также обращалось на то, что эти объявления цензуровались не полицией, а исключительно местными врачебными управлениями или отделениями²³.

В циркуляре от 2 декабря 1892 г. № 5796 говорилось, что появились воспроизведенные посредством каучуковых штемпелей объявления в виде реклам, о врачебном средстве, с указанием болезней, для излечения которых это средство рекомендуется. Такие объявления, напечатанные без разрешения местного губернского врачебного управления, рассылались повсеместно, а эти каучуковые

штемпеля могли быть свободно куплены. Продавцов каучуковых штемпелей обязали представлять текст объявлений для штемпелей на цензурное рассмотрение. Текст врачебных объявлений: о продаже лекарств, о способах употребления их и о лечении болезней должен был быть одобрен местным губернским или областным врачебным управлением²⁴.

В 1900 г. были приняты «Правила об условиях публикации объявлений, подлежащих врачебной цензуре». В циркуляре от 10 сентября 1900 г. № 6726 был помещен их текст. Губернаторам разъяснялось, что к медицинским объявлениям были отнесены объявления, содержание которых касалось: 1) простых лекарственных веществ и сложных фармацевтических препаратов, 2) косметических и других неврачебных средств, 3) медицинской практики врачей, дантистов, фельдшеров, а также массажистов, оспопрививателей и повивальных бабок, 4) профессиональных занятий фармацевтов, лиц и фирм, которые занимались изготовлением или продажей аптекарских товаров, 5) торговли в Российской империи лекарствами, 6) лечебных мест и минеральных вод, русских и заграничных. Они были отнесены к ведению правительственных медицинских учреждений и разделялись между Медицинским советом и местными врачебными управлениями (Санкт-Петербургским столичным, Московским, Одесским и Амурским врачебными управлениями, врачебными отделениями губернских и областных правлений и управлений и Варшавской врачебной управой).

В циркулярах указывалось о распределении обязанностей между Медицинским советом и Врачебными управлениями. Было расписано, чем должны были руководствоваться местные врачебные управления при разрешении объявлений.

Внешний вид, форма и способ воспроизведения объявлений (брошюры, преискуранты, отдельные листы, плакаты и т. п., печатание, гектографирование, вырезка на штемпелях и прочее) не подлежали никаким ограничениям. Выбор названия для рекламируемого средства зависел от усмотрения его изобретателя или торговца при условии, чтобы оно не было похоже на названия болезней (например, «экзематин», «ревматизмин», «ревматизин» и т. п.).

В объявлениях о врачебной практике не должно было быть никаких так называемых «восхвалений», в любой форме, могущих вводить в заблуждение. В объявлениях о лекарственных средствах разборчивым и крупным шрифтом следовало печатать: «Настоящее средство (его название) разрешается к торговле на общих основаниях (таким-то) Врачебным управлением (отделением, управой), как не содержащее в составе своем вредных для здоровья веществ, без всякого, однако, ручательства в полезном его действии».

Изобретатели или продавцы средств, лица и фирмы, торгующие фармацевтическими препаратами, могли помещать в своих объявлениях и преискурантах все, что считали нужным, при условии соблюдения действующих законов и настоящих правил, кроме указаний на лечебные свойства разрешенных средств.

Врачебные управления обязаны были следить, чтобы в местной печати не появлялись объявления с нарушением действующих правил²⁵.

Циркуляр от 12 февраля 1901 г. № 274 сообщал о дополнении к правилам от 4 сентября 1900 г. Объявления о лекарственных средствах, напечатанные за счет заинтересованных фирм или лиц в «Правительственном вестнике» или издавае-

мом в Медицинском департаменте «Вестнике общественной гигиены, судебной и практической медицины» могли быть напечатаны во всех периодических изданиях империи без новой цензуры²⁶.

Повторяющиеся по содержанию циркуляры свидетельствовали о том, что правила не всегда соблюдались. Например, в периодических изданиях помещались рекламы врачебных средств и приборов, не допущенных медицинским ведомством, в том числе, например, средств для предотвращения зачатия и прекращения беременности. В циркуляре от 13 декабря 1908 г. № 11508 полицейским властям указывалось, что необходимо было все подобные объявления препровождать предварительно их напечатания на утверждение местного Врачебного управления²⁷. Циркуляр от 28 июня 1911 г. № 7457 предупреждал, что в периодических изданиях часто помещались объявления-рекламы о книгах и брошюрах мнимонаучного медицинского характера, которые вводили в заблуждение доверчивых читателей. Главное управление по делам печати, в целях борьбы с указанными объявлениями просило губернаторов чтобы полиция давала разрешение на печатание подобных объявлений не иначе как после консультации с местным Врачебным управлением²⁸.

Хотя из нескольких тысяч циркуляров, выпущенных цензурным ведомством по различным вопросам цензурной политики и практики, медицинским вопросам посвящено небольшое число циркуляров, все же они представляют дополнительный материал для изучения организации цензурного надзора в империи, о необходимости разъяснения цензурных правил, о степени соблюдения законов и позволяют составить некоторое представление о политике правительства в отношении издания медицинской литературы и рекламы медицинских услуг.

Примечания

¹ См.: Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства (1865–1905 гг.) // Цензура и доступ к информации: история и современность: тез. докл. междунар. науч. конф. С.-Петербург, 16–18 марта 2005 г. СПб., 2005. С. 53–55; Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства, 1865–1905 гг. // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 106–132; Организация цензурного надзора в Российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в циркулярах цензурного ведомства / публикация Н. Г. Патрушевой и И. П. Фута // Там же. СПб., 2008. Вып. 4. С. 197–253; Циркуляры цензурного ведомства о надзоре за библиотеками / публикация Н. Г. Патрушевой и И. П. Фута // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований: сб. статей. Краснодар, 2010. Вып. 6. С. 43–77; Патрушева Н. Г., Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства XIX – начала XX вв. // История книги и цензуры: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. В. Блюма, 29–30 мая 2012 г. / науч. ред. М. В. Зеленов. СПб., 2013. С. 123–130; Патрушева Н. Г. Циркуляры цензурного ведомства как источник по истории периодической печати России в XIX – начале XX века // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб., 2015. Вып. 8: Историк, документ, цензура: источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики: сб. ст. к 60-летию со дня рождения доктора ист. наук Валерия Федоровича Блохина. С. 27–34; Патрушева Н. Г. Циркуляры цензурного ведомства о надзоре за типографиями и книжной торговлей во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник С.-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 3 (28). С. 10–14; Патрушева Н. Г. Писатели в циркулярах цензурного ведомства Российской империи // Книга: исследования и материалы. М., 2016. Сб. 3/4 (108–109). С. 89–95; Патрушева Н. Г., Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи:

сб. документов / науч. ред. Д. И. Раскин, ред. Г. А. Мамонтова. СПб., Российская национальная библиотека, 2016. 721 с.

² Основное собрание: РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 13 (1862–1870); Д. 14 (1871–1886); Д. 15 (1887–1892); Д. 16 (1893–1896); Д. 17 (1897–1904); Д. 18 (1905–1916); Д. 24 (1871–1897); Д. 25 (1898–1905); Д. 26 (1900–1909). Кроме того, циркуляры хранятся: РГИА. Ф. 776. Оп. 11 – 1871. Д. 172; Оп. 11 – 1872. Д. 156; Оп. 20. Д. 1485; Оп. 21, ч. 1 – 1905. Д. 798. Отдельные циркуляры встречаются и в других делах цензурного ведомства.

³ Соловьев П. К. Ведомственная цензура в России при Николае I // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 139–145; Патрушева Н. Г. Ведомственные цензуры в России в середине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 8 (34), ч. 1. С. 154–158.

⁴ ПСЗ. Собр. 2. Т. 3. № 1979. § 25.

⁵ Там же. Т. 6. № 4236; Т. 21. № 20221, 20298; Т. 25. № 24460; Т. 28. № 27035.

⁶ Там же. Т. 21. № 19792.

⁷ Там же. Т. 25. № 24120.

⁸ См.: Маркова А. И. Организация цензуры в Московской медико-хирургической академии (1798–1845) // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. СПб., 2017. Вып. 8. С. 87–90.

⁹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 1. № 403.

¹⁰ Там же. Т. 11. № 9319.

¹¹ Там же. Т. 15. № 14063.

¹² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 231.

¹³ РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 15. Л. 186.

¹⁴ Там же. Д. 16. Л. 62.

¹⁵ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 235.

¹⁶ Сборник постановлений и распоряжений по делам печати с 5 апреля 1865 г. по 1 августа 1868 г. СПб., 1868. С. 162.

¹⁷ Там же. С. 163–164.

¹⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 14. Л. 155–155 об.

¹⁹ Там же. Л. 39.

²⁰ Там же. Д. 12. Л. 16.

²¹ Там же. Д. 14. Л. 136.

²² Там же. Д. 12. Л. 13; Д. 14. Л. 186.

²³ Там же. Л. 14.

²⁴ Там же. Д. 15. Л. 198.

²⁵ Там же. Д. 17. Л. 247–249 об.

²⁶ Там же. Л. 264.

²⁷ Там же. Д. 18. Л. 62.

²⁸ Там же. Л. 98.

К. В. Петров

Цензура общественно-политической литературы в системе русско-немецких книжных связей XIX – начала XX века

Статья посвящена исследованию цензуры общественно-политических сочинений в системе русско-немецкой книжной коммуникации. Определены основные направления рассматриваемого книгоиздания в свете цензурного контроля Российской империи XIX – начала XX в. Охарактеризован тематический диапазон, установлены проблемные аспекты немецких произведений.

Ключевые слова: цензура в России в XIX – начале XX в., цензура немецких книг в России в XIX – начале XX в., немецкая общественно-политическая печать в России в XIX – начале XX в., русско-немецкие книжные связи в XIX – начале XX в.

Kirill V. Petrov

Censorship of Sociopolitical Literature as Part of the Russian-German Book Contacts in the 19th/Early 20th Century

This article is devoted to the Russian-German sociopolitical book contacts in the history of censorship in the Russian Empire during the 19th and early 20th century. The author establishes the subject scope of the German sociopolitical literature and the main trends of book publishing under censorial control.

Keywords: censorship in Russia in the 19th and Early 20th Century, censorship of German Books in Russia in the 19th and Early 20th Century, german Sociopolitical Book Publishing in Russia in the 19th and Early 20th Century, russian-german Book Contacts in the 19th and Early 20th Century

Русско-немецкая коммуникация на протяжении столетий (начиная с XV–XVI вв.) осуществлялась как на *макросоциальном* уровне (*межгосударственное* взаимодействие, включавшее в себя политические, династические, экономические, культурные и другие контакты), так и на *мидисоциальном* (т. е. *внутригосударственном*) уровне. Именно наличие макросоциального уровня русско-немецких связей (*межгосударственное* взаимодействие) стимулировало появление внутригосударственного, возникшего в результате присоединения новых территорий (прибалтийских), иммиграции немецкого населения в Российскую империю (вследствие Семилетней войны, религиозных гонений, малоземелья крестьян на исторической родине, приглашения иностранцев поселиться в российских городах и губерниях со стороны Екатерины II в 1763 г.) и формирования отдельных совокупностей немецкоязычных граждан: остзейская аристократия, немцы Санкт-Петербурга и Москвы, немецкие колонисты. На внутригосударственном уровне осуществлялось *межэтническое* взаимодействие русского населения и немецких жителей России.

Многоуровневый характер коммуникации определил специфику русско-немецких книжных связей, в том числе в общественно-политической сфере. В каче-

стве одной из сторон рассматриваемых нами связей можно назвать цензуру немецких книг и периодики в Российской империи.

Можно выделить два крупных тематических направления немецкого общественно-политического книгоиздания и периодической печати, проходивших цензуру в России XIX – начала XX в. В основе выделения этих групп, кроме тематического признака, лежат критерии читательского назначения и языка сочинений:

1. *Административно-политическое и экономическое устройство немецкой диаспоры в России и общероссийские социально-политические проблемы.* Рукописные и опубликованные в печатном виде сочинения данной совокупности адресовались преимущественно читателям немецкого происхождения и, следовательно, их значительная часть выходила в свет на языке оригинала. Выпуск изданий по общественно-политическим проблемам немецкого населения Российской империи в XIX – начале XX в. являлся результатом *внутриэтнического (внутриобщинного)* взаимодействия в сфере печатного дела. Данное взаимодействие, в свою очередь, происходило на фоне *непосредственных* связей российских авторов, издателей и распространителей книг на немецком языке с представителями ведомства цензуры на внутрисоциальном уровне.

2. *Общественные, экономические и политические проблемы общеевропейского и всемирного масштабов.* Если для первого направления было свойственно преобладание книг на языке оригинала, то второе отличалось изобилием переводов сочинений немецкоязычных авторов на русский язык. Эта особенность находит объяснение в том, что произведения немецких общественно-политических деятелей (социалистической, анархистской, либеральной направленности) были лишены читательской ориентации по национальному признаку и, как правило, адресовались широким массам, имели универсальное значение в международном масштабе. Немецкая литература по общезначимым вопросам социально-политической жизни проходила цензуру в рамках *опосредованного* взаимодействия в книжном деле. Российские переводчики, издатели и книготорговцы выполняли функции посредников в процессах межнациональной коммуникации между местной цензурой и зарубежными авторами немецкоязычных сочинений.

Остановимся подробнее на отдельных *аспектах* обозначенных нами тематических направлений.

Тематический диапазон первой группы включает в себя вопросы социально-экономического положения немецкоязычной части российского общества, а также политической самоорганизации немецкого населения Прибалтики. Совокупность названных проблем освещалась в российских немецкоязычных книгах и прессе XIX в.

В 1840–1850-х гг. появился ряд рукописей на немецком языке, которые были посвящены *взаимоотношениям крестьянства (коренного населения) и помещиков (немецких аристократов) в остзейских губерниях.* В текстах сочинений предлагались пути оптимального регулирования этих взаимоотношений, способы передачи сельских земель и имущества крестьянам на фоне их безземельного освобождения после отмены крепостного права в Прибалтике, которая сопровождалась многочисленными народными волнениями. В этот период действовали предписания министра народного просвещения и III отделения Собственной Его

Императорского Величества канцелярии о запрете частным лицам и издателям журналов печатать и распространять тексты, касавшиеся крестьянского вопроса в остзейских губерниях¹. С середины 50-х гг. XIX в., в результате вступления в силу нескольких законодательных актов о крестьянах Эстляндии и Лифляндии, авторы книг о земельных отношениях и крепостничестве в Остзейском крае постепенно освобождались от цензурных притеснений: с некоторыми исключениями в тексте стали публиковаться сочинения, посвященные этой проблематике, в том числе исторические².

Проблемы политического самоуправления немецкого национального меньшинства России в Прибалтике нашли отражение как в неперIODической, так и в периодической печати. Местное немецкое население отличалось развитой политической культурой, активной гражданской позицией, нередко – оппозиционной направленностью по отношению к центральной власти. С точки зрения чиновников цензурного аппарата, угрозу для авторитета государственной власти в регионе представляли издания сочинений на немецком языке, которые предназначались для прибалтийских немцев и могли усиливать протестные и, как следствие, сепаратистские настроения в местном обществе. В немецких книгах развивались темы, связанные с осуждением российского правительства и его политики в отношении Прибалтийского края, расширением политических привилегий, реализацией гражданских прав немецкоязычного населения и даже обеспечением независимости прибалтийских губерний от России. Некоторые из этих книг импортировались в Российскую империю. Так, в 1869 г. на территории России была запрещена продажа заграничного издания сочинения бывшего профессора Дерптского университета К. Ширрена «Livländische Antwort» («Лифляндский ответ»). Лейпциг, 1869), в котором он полемизирует с Ю. Ф. Самариным, известным философом-славянофилом³. В те же годы со стороны цензуры подверглись преследованию распространители памфлетов Фр. Бинеманна, В. фон Бокка, А. фон Гарлесса⁴.

Значимой трибуной для обсуждений актуальных проблем общественно-политической жизни российских немцев в XIX в. и демократических основ ее устройства была *немецкоязычная пресса России*. Статьи немецких газет и журналов нередко содержали критику российского правительства и императорской власти. В 50–60-х гг. XIX в. в нарушении цензурного законодательства многократно обвинялись редакции периодических изданий Прибалтийского края, получавшие предуведомления об их закрытии: газет «Dorptsche Zeitung», «Dorpater Tagesblatt», «Rigasche Stadtblätter», «Revalsche Zeitung», журнала «Der Zuschauer» и других. Строгие запретительные меры предпринимались по отношению к изданиям, которые определялись цензурой в качестве «вредных». Главным редакторам журналов и газет не разрешалось включать в структуру изданий политические рубрики⁵.

Отдельное направление в истории бытования книг на немецком языке в Российской империи XIX столетия составлял круг сочинений, в тексте которых характеризовалась *общероссийская действительность, ее внутрIPолитические и социальные реалии*. Следует отметить, что согласно Уставу о цензуре 1828 г. в ее задачи входила защита имиджа российского государства и носителей власти, подвергавшихся критике или выставившихся авторами сочинений в компрометирующем свете⁶.

В период деятельности Бутурлинского комитета с особой тщательностью охранялась репутация Русской православной церкви: известны случаи принятия ограничительных и запретительных мер в отношении немецких сочинений, затрагивавших тему церковного раскола в России⁷.

С пристальным вниманием цензура наблюдала за деятельностью по изданию и распространению книг о членах императорской семьи и иных титулованных особах. С точки зрения цензуры, запрету подлежала публикация рассуждений, касавшихся частной жизни, описания личности императора, носителей дворянских титулов, если они могли каким-либо образом дискредитировать их⁸. Сочинения о жизни покойных монархов позволялось рассматривать в соответствии с общими цензурными правилами и без привлечения Министерства императорского двора. Однако в не меньшей степени цензура заботилась о сохранении репутации и чести монархов прошедших эпох истории государства: всех представителей княжеских, царских и императорских родов России⁹.

Издатели переводных книг немецких авторов, которые с симпатией относились к России, ее государственному устройству или указывали на недостатки западных политических систем, удостоивались поддержки со стороны цензуры¹⁰.

В некоторых юридических сочинениях немецких авторов обсуждались проблемы демократизации формы государственного правления. Сочинения этой тематики вызывали неодобрение цензоров в тех ситуациях, когда автор пропагандировал идеи об установлении конституционной монархии, особенно если в текстах такого рода книг шла речь о потенциальном изменении формы правления в Российской империи. Принципы абсолютной монархии неотступно защищались ведомством цензуры¹¹.

Книгоиздание второй половины XIX в. – начала XX в. характеризуется активизацией выпуска сочинений немецких авторов по вопросам распространенных в тот период политических учений, в том числе социализма и анархизма. Пик активности этого направления книгоиздания в России пришелся на конец XIX – начало XX столетия.

Проблематика немецкой литературы социалистического толка включала в себя следующие аспекты: вопросы реформирования социально-экономической сферы, преобразования политического режима, в том числе революционным путем, вопросы частной и общественной собственности, идеи о массовой стачке рабочих¹², женский вопрос в контексте развития движения пролетариата¹³. Теоретическое осмысление социализма наиболее полно отражено в изданиях известных авторов, переведившихся на русский язык: К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Бернштейн, К. Каутский, А. Шеффле и др. Кроме того, в литературе освещались идеи анархистского направления – в трудах таких авторов, как Дж. Г. Маккей, М. Штирнер, П. Эльцбахер¹⁴.

Русская цензура препятствовала попыткам распространения западных идей социализма в печати, представлявших серьезную угрозу для монархической формы правления. Издания произведений социалистической тематики запрещалось распространять в общедоступных библиотеках. Случаи запрещения немецких сочинений, популяризовавших учение марксизма, отнюдь не были редкими на рубеже XIX и XX вв.¹⁵

Во второй половине XIX – начале XX в. запрещению и сокращениям подвергались и *произведения немецкой художественной литературы, сюжет которых касался насущных проблем межклассовых отношений в обществе*. Художественная форма изложения социалистических идей использовалась, в частности, немецким писателем и политическим деятелем Ж.-Б. Швейцером. Остросоциальная проблематика была свойственна произведениям немецкого натурализма, представленного именами писателей и драматургов Г. Гауптмана, Г. Зудермана, Ф. Лангмана¹⁶.

Следует отметить, что цензура во время активного противодействия распространению призывов к свержению монархии, поощряла *критику революционного социализма и социал-демократии в печати*¹⁷.

Социально-политическая литература немецких авторов, пожалуй, наиболее заметно подверглась деструктивному воздействию со стороны цензуры. Процесс массового уничтожения охватывал тиражи изданий сочинений общественно-политических деятелей и мыслителей, идеологов и последователей доктрин, проповедовавших коренное реформирование или насильственное изменение государственного строя, экономических основ общественной жизни, в том числе в России¹⁸.

Примечания

¹ См. подробнее: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 1532; РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 2085; РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 2861.

² В 1855 г. была разрешена рукопись сочинения Шульца «Über Verkauf und Kauf von Bauerländereien mit Beihilfe des Systems» («О продаже и покупке крестьянских земель с помощью системы»), в 1857 г. – новое издание рассмотренной Санкт-Петербургским цензурным комитетом книги «Historischer Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen» («Исторический опыт отмены крепостного права в остзейских провинциях») Самсона фон Гиммельштерна. См.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 2251. Л. 1.; РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 3761. Л. 1–6 об.

³ См. подробнее: РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Ед. хр. 279.

⁴ Bienemann F. Aus baltischer Vorzeit: sechs Vorträge über die Geschichte der Ostseeprovinzen. Leipzig : Duncker und Humblot, 1870. 181 s.; Bock W. Livländische Beiträge. Hrsg. von W. von Bock. Leipzig : Duncker und Humblot, 1869. 330 s.; Harleß A. Geschichtsbilder aus der lutherischen Kirche Livlands vom Jahre 1845 an. Leipzig : Duncker und Humblot, 1869. 221 s. См. подробнее: РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Ед. хр. 282.

⁵ См. подробнее: Петров К. В. Общественно-политическое направление немецкой прессы России XIX столетия / К. В. Петров // Библиосфера. 2016. № 3. С. 21–26.

⁶ См.: ПСЗ. Собр. 2. Т. 3. 1828 г. № 1979. С. 461.

⁷ Так, часть рукописи А. Г. Шренка «Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands» («Путешествие в северо-восточную часть европейской России»). Дерпт, 1848), рассмотренной в 1848–1849 гг., была запрещена ввиду секретности всех сведений о раскольниках. Среди книг на немецком языке в связи с этим можно назвать также сочинение барона А. Гакстгаузена «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands» («Исследование внутреннего состояния, народной жизни и в особенности сельского хозяйства России»). Ганновер, 1847), перевод которой на русский язык был запрещен в 1853 г. Было принято решение исключить некоторые места о русской церкви и ее расколе из текста третьего тома немецкоязычного издания этого сочинения. См.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 2169. Л. 10.; РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 2878. Л. 33.

⁸ Начиная с 1831 г. в обязательном порядке осуществлялось межведомственное взаимодействие цензурных комитетов и Министерства императорского двора.

⁹ К примеру, в 1839 г. публичное распространение книги лифляндского публициста Г. Меркеля «Erzählende Schriften» («Рассказы». Рига, 1807), издававшего в Риге газеты «Provinzialblatt für Kur-, Lit- und Estland», было запрещено по инициативе Министерства народного просвещения за «неблагоприятные отзывы» об императрице Елизавете Петровне. Кроме того, Комитетом цензуры иностранной в 1860-х гг. был безусловно запрещен к публичному обращению ряд зарубежных изданий исторических сочинений, в которых говорилось о российских монархах. См.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 1260. Л. 3–4.; РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 848; РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 553; РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 44.

¹⁰ См., например, о книге Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла» (нем. «Jenseits von Gut und Böse» / пер. с нем. под ред. А. Н. Е-ва. М.: изд. Д. П. Ефимова, тип. В. В. Чичерина, 1900), одобренной цензурой в 1900 г.: Петров К. В. Из истории цензуры русскоязычных изданий сочинений Ф. Ницше в России на рубеже XIX–XX вв. / К. В. Петров // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 3 (32). С. 18.

¹¹ См., например, К. Фроме «Монархия или республика?» / пер. с нем. Д. Иолис. М.: изд-во «Колокол», 1906. Вып. 1. В этой книге содержался сравнительно-исторический анализ различных форм государственного правления и критику монархической, она была арестована и уничтожена по приговору Московской судебной палаты. См. подробнее: РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Ед. хр. 868. Л. 3.

¹² В начале XX в. идеи классовой борьбы нашли воплощение в произведениях таких немецкоязычных мыслителей, как А. Бебель, К. Каутский, Э. Бернштейн, А. Роллер, В. Адлер (тема массовых политических стачек рабочих). В 1912–1915 гг. в России был уничтожен ряд переводных изданий сочинений, посвященных данной теме, по статье 95 Устава о цензуре и печати и статьям 128, 129 Уголовного уложения, предусматривавших наказание за порицание формы государственного правления и призывы к его насильственному свержению. См., например: РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 42. Л. 3.; РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 244. Л. 3.

¹³ Сочинения А. Бебеля, Л. Браун. См. об их рассмотрении в Санктурном ведомстве: РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 1207. Л. 56–57.; РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 1. Ед. хр. 459; РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 1. Ед. хр. 676; РГИА. Ф. 777. Оп. 10. Ед. хр. 179.

¹⁴ В 1900–1910-х гг. было арестовано и уничтожено несколько переводных изданий произведений этих авторов, напечатанных в Москве и Санкт-Петербурге. См. подробнее: РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Ед. хр. 913; РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Ед. хр. 914; РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Ед. хр. 926; РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Ед. хр. 2416; РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 2152; РГИА. Ф. 776. Оп. 17. 1911 г. Ед. хр. 448.; РГИА. Ф. 776. Оп. 17. 1914 г. Ед. хр. 616.

¹⁵ К примеру, книга К. Каутского (под псевдонимом Д. Норден), а также швейцарского социал-демократа Г. Гройлиха. См.: РГИА. Ф. 777. Оп. 4. 1896 г. Ед. хр. 179. Л. 3.; РГИА. Ф. 777. Оп. 5. 1899 г. Ед. хр. 102. Л. 1–2.

¹⁶ См. подробнее о цензурной судьбе некоторых книг этих авторов: РГИА. Ф. 776. Оп. 11. 1872 г. Ед. хр. 95; РГИА. Ф. 777. Оп. 6. Ед. хр. 55; РГИА. Ф. 777. Оп. 5. 1902 г. Ед. хр. 75; РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 1. Ед. хр. 625. Л. 54.

¹⁷ Например, в 1892 г. Комитет цензуры иностранной в Санкт-Петербурге одобрил свободное распространение в России сочинения «Die Irrlehren der Sozialdemokratie» О. Рихтера («Ложные учения социал-демократии». Берлин, 1890). См. подробнее: РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 1207. Л. 56–57.

¹⁸ В 1912–1914 гг. в Санкт-Петербурге (Петрограде) было рассмотрено несколько изданий переводов сочинения К. Каутского «Этика и материалистическое понимание истории» (нем. «Ethik und materialistische Geschichtsauffassung»). В отношении этих изданий принимались меры по исключению предисловия и полного уничтожения тиража, поскольку автор сочинения выразил свою благосклонность к участникам Первой русской революции 1905–1907 гг. См.: РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 1508. Л. 9; См. также: РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 715; РГИА. Ф. 777. Оп. 18. Ед. хр. 169.

Н. В. Бекжанова

Отечественное книгоиздание на немецком языке в 1870–1884 гг.

Представлен статистико-аналитический обзор напечатанных на территории Российской империи в 1870–1884 гг. немецкоязычных изданий, репертуар которых впервые сформирован автором на основе изданий государственной регистрации. Проанализированы тиражи, которыми печатались книги на немецком языке в России, рассмотрены объемы изданий, их тематика, выделены наиболее крупные центры и типографии.

Ключевые слова: немецкоязычная печать; типографии; издательские центры; статистика; структура потока; история печати; Российская империя; 1870–1884 гг.

Nailia V. Bekzhanova

German print of Russia in 1870–1884

The article discusses the condition of German nonperiodicals in Russia of 1870–1884. According to general statistics, statistical data from some cities, printing houses, printing subjects, the author analyzes changes that have occurred during this period, describes the activities of some publishers who have made the most significant contribution in German print of Russia.

Keywords: German print; printing houses; publishing centres; statistics; printing history; Russian Empire; 1870–1884

Настоящая статья продолжает тему немецкоязычной печати России, начатую автором в работе, посвященной периоду Первой мировой войны (1912–1916), и продолженную в статьях, в которых рассматривались периоды с 1885 по 1899 и с 1900 по 1909 г.¹ Некоторые из них уже опубликованы, другие готовятся к печати. Каждый из обозначенных отрезков озаглавлен в истории России событиями, оказывавшими серьезное влияние на ее политическое, экономическое и социальное развитие.

Период с 1870 по 1884 г., которому будет посвящена данная статья, характеризовался развитием капиталистических форм хозяйства, толчком для которых послужило обнародованное в марте 1861 г. «Положение 19 февраля». Росло число фабрик и заводов, продолжала развиваться мануфактурная и мелкая ремесленная промышленность, с возникновением крупных промышленных центров наблюдалось оформление развитых в кустарно-промысловом отношении сельских районов, росло число рабочих, шел процесс активизации городской жизни. Все это повлекло за собой расширение системы образования, были открыты новые университеты, институты, положено начало женскому высшему образованию, организованы земские школы. На рубеже 1860–1870-х гг. начался новый революционный подъем, ведущим идейным течением которого стало народничество. В области на-

уки это было время выдающихся достижений, когда в ряде областей знания отечественные ученые опережали достижения западноевропейской научной мысли.

Немецкая печать России, будучи печатью переселенцев в первом и последующих поколениях, усердно заботившихся о сохранении языка и обычаев, была напрямую связана с проводимой в государстве политикой. Она количественно и качественно отличалась от любого другого иноязычного печатного потока, носители языка которого не являлись статусным населением Российской империи. Территориальную базу ее составляли лишь земли немецких колоний в Поволжье, Крыму, на Украине и Кавказе. Она не выделялась из общего потока издательской продукции, контроль над ней осуществляли органы, отвечавшие за внутреннюю цензуру.

Основой для проведенного нами анализа немецкоязычного потока литературы за 1870–1884 г. послужили «Списки изданий, вышедших в России...», печатавшиеся в номерах «Правительственного вестника», и списки «Новые книги, выпущенные в России...»², опубликованные в «Указателе по делам печати»³. Применительно к этим источникам следует обратить внимание на то, что, по утверждению Б. А. Семенов-кера, «до 1879 г. неполными были сведения об изданиях на всех языках, кроме русского»⁴. Подтверждением этого заявления служат и полученные нами результаты. Для этого был проведен сравнительный анализ данных по названным источникам с электронным каталогом (ЭК) Российской национальной библиотеки (РНБ), которая, как известно, наиболее полно в обозначенный период исполняла функцию архива обязательного экземпляра. Для этого были выбраны три города: С.-Петербург, Рига и Дерпт, которые являлись наиболее крупными центрами немецкоязычной печати России. Результаты представлены в таблице (табл. 1). До 1877 г. включительно по ЭК РНБ числится больше книг на немецком языке, напечатанных в этих городах, чем в изданиях государственной регистрации.

Таблица 1
Учет немецкоязычных изданий 1870–1884 гг.
в изданиях государственной библиографии и ЭК РНБ

Год	С.-Петербург		Рига		Дерпт	
	По «Спискам...»	По ЭК РНБ	По «Спискам...»	По ЭК РНБ	По «Спискам...»	По ЭК РНБ
1870	17	27	21	71	2	20
1871	16	47	5	41	4	19
1872	19	53	16	57	19	37
1873	30	59	27	55	26	27
1874	25	55	22	60	37	22
1875	27	31	40	57	54	37
1876	16	47	18	63	20	36
1877	22	41	24	81	19	50
1878	61	33	116	95	46	50
1879	102	39	235	111	111	68
1880	74	93	120	87	95	44
1881	112	71	83	94	86	35
1882	84	58	114	96	91	61
1883	120	48	146	117	113	39
1884	112	46	250	103	121	50

Переломным стал 1878 г., с которого в большинстве случаев ситуация зеркально поменялась, притом, достаточно существенно – в 2–2,5 раза.

Учитывая обозначенные факторы, базой для формирования репертуара немецкоязычной печати России были избраны издания государственной библиографии, с одной стороны, следуя традиции, которая сложилась в предыдущих работах, с другой стороны, по причине наличия в них такой важной для рассмотрения позиции, как тираж издания.

С целью дальнейшего анализа нами были отобраны неперIODические издания (монографии, брошюры, оттиски), напечатанные на территории Российской империи на немецком языке в 1870–1884 гг., а также параллельно на нескольких языках, одним из которых был немецкий. Выборка за указанные годы составила 3 848 издательских единиц (т. е. отдельных самостоятельных выпусков издательской продукции, совпадающих для однотомных изданий с их названиями⁵), а совокупный их тираж – 4 276 813 экземпляров. Разбивка по годам представлена в табл. 2.

Таблица 2
Общее количество и совокупный тираж издательских единиц, напечатанных на немецком языке на территории Российской империи в 1870–1884 гг.

Год	Количество изд. единиц	Совокупный тираж (экз.)
1870	53	99 545
1871	34	52 545
1872	73	135 870
1873	110	160 720
1874	104	194 949
1875	161	264 241
1876	65	103 565
1877	92	137 915
1878	303	330 173
1879	659	707 866
1880	364	392 816
1881	354	428 780
1882	387	421 676
1883	467	547 877
1884	622	797 916
ВСЕГО	3848	4 276 813

Представленные цифры не позволяют однозначно говорить о какой-либо четкой прослеживаемой тенденции. Имели место годы (1879, 1884), когда наблюдалось резкое увеличение числа изданий, напечатанных на немецком языке. Также нестабильными были и цифры совокупного тиража. Сравнивая имеющиеся в нашем распоряжении данные с показателями за следующее 15-летие, можно сказать, что с 1885 г. ситуация несколько стабилизировалась. Количество выпускаемых ежегодно книг на немецком языке держалось в диапазоне от 300 до 400 издательских единиц, при этом совокупный тираж за последние 15 лет XIX в. увеличился практически вдвое (9 181 378)⁶. В первое десятилетие XX в. на немецком языке в Российской империи ежегодно выпускалось в год от 400 до 800 издательских единиц, совокупный тираж их составил 12 326 656⁷. Т. е. тот рост тиражности, который сформировался

к концу века, в начале следующего получил развитие и эта цифра уже составляла более 1 млн. издательских единиц на немецком языке в год.

Несколько подробнее рассмотрим *тиражи* немецкоязычных изданий. Для того чтобы выяснить, каким тиражом чаще всего печатались книги на немецком языке, была составлена таблица (табл. 3), в которой имеющиеся в нашем распоряжении тиражи были разбиты на несколько условных групп.

Таблица 3
Тиражи напечатанных на территории Российской империи изданий на немецком языке за 1878–1884 гг.

	До 100 экз.	101–500 экз.	501–1000 экз.	1001–10000 экз.	Больше 10000 экз.	Без указания тиража	Всего
1878	41	113	70	68	-	11	303
1879	132	263	123	139	2	-	659
1880	68	130	75	88	1	2	364
1881	81	122	70	80	1	-	354
1882	75	139	73	92	4	4	387
1883	93	169	104	90	6	5	467
1884	84	266	112	136	6	18	622
Всего	574	1202	627	693	20	40	3156

По причинам, о которых было написано выше, из анализа были исключены годы с 1870 по 1877 г. Таким образом, удалось выяснить, что в 1878–1884 гг. наибольшее число изданий на немецком языке выпускалось тиражом от 101 до 500 экземпляров. В общем объеме немецкоязычной печатной продукции за этот период они составляли 38% (1202 изд. единицы). Приблизительно равные доли составляли издания тиражом от 501 до 1000 (20%, 627 изд. единиц) и от 1001 до 10 000 экз. (22%, 693 изд. единицы), несколько меньше – тиражом до 100 экз. (18%, 574 изд. единицы). Достаточно большими тиражами (более 10 000 экз.) печатались справочники универсального наполнения, календари. До 1882 г. такого рода издания были штучными, в год 1–2, в последующие 3 года число их несколько увеличилось.

Достаточно любопытными являются данные по *объему* самих изданий (в страницах). Проведя подсчет, мы условно разбили полученные результаты на группы (табл. 4).

Таблица 4
Объем (в страницах) немецкоязычных изданий, напечатанных на территории Российской империи в 1878–1884 гг.

	До 50 страниц	51–100 страниц	101–500 страниц	501–1000 страниц	Без указания объема
1878	204	55	42	-	2
1879	495	76	75	1	12
1880	230	84	46	4	-
1881	217	69	65	2	-
1882	238	76	59	7	7
1883	310	79	73	1	4
1884	426	95	98	-	3
Всего	2120	534	458	15	28

Из таблицы видно, что в 1878–1884 г. ежегодно от 61 до 75% изданий на немецком языке имели небольшой объем до 50 страниц, т. е. это брошюры, по большей части в мягкой бумажной обложке. Оставшаяся доля (от 10 до 20%) приходилась на издания от 51 до 100 страниц и от 101 до 500 страниц. Более объемных изданий в год печаталось счетное количество.

Для проведения анализа *тематики* немецкоязычных изданий за 1878–1884 г. весь репертуар был разбит на тематические блоки, которые сформировались в ходе знакомства с репертуаром. Следует оговориться, что суждение о предмете, которому посвящено каждое издание, выносилось на основе его названия, т. к. отсмотреть весь ученный массив не представлялось возможным.

По результатам, представленным в таблице 5, видно, что о каком-либо поступательном движении можно говорить лишь начиная с 1880 г., а в ряде случаев и с 1881 г., до этого рост или снижение числа изданий носит спорадический характер.

Таблица 5
Тематика немецкоязычных изданий, напечатанных на территории Российской империи в 1878–1884 гг.

	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884
Универсальные издания (календари, альманахи)	1	36	30	24	34	30	41
Хозяйственная деятельность, транспорт, торговля, с/х	31	133	31	33	49	75	111
Городское управление, переписи	5	37	4	8	13	15	42
Естествознание	29	72	61	69	60	68	51
Медицина	20	58	46	47	30	52	70
История, археология, этнография	7	33	9	21	18	20	29
Биографии, некрологи, воспоминания	5	22	17	11	10	6	12
Библиотечное, издательское дело	4	14	2	9	12	27	21
Язык и литература, художественная литература, преподавание немецкого языка и литературы	32	53	32	36	40	33	53
Педагогика и школьное дело, преподавание других предметов на немецком языке	18	48	30	26	36	41	55
Религия	42	71	46	27	30	34	65
Музыка, театр	28	48	37	31	37	35	43
Другое	81	34	19	12	18	31	29

Научная литература как естественнонаучного, так и гуманитарного профиля, на немецком языке в большинстве своем печаталась в типографиях Академии наук, университетов и вновь создаваемых научных обществ. В частности, в Университетской типографии в Москве выходили издания Московского общества испытателей природы, основанного в 1805 г. при университете.

В ряду изданий медицинской тематики обращает на себя внимание достаточно большая доля диссертаций, в первую очередь, защищенных в Дерптском университете.

Бурно развивающаяся экономическая деятельность отражалась в изданиях, посвященных описанию машинной техники, выпускаемой различными фирмами; истории, правилам и нормам торговой деятельности; сельскохозяйственным и промышленным выставкам; развитию транспортной сети страны.

Стабильно из года в год печатавшиеся издания религиозного характера включали катехизисы – католические и лютеранские, справочники с расписанием богослужений, пособия по подготовке к конфирмации, сборники проповедей, хоралов. Печатали свои книги и меннониты, прибывшие в Россию в XVIII в. по приглашению Екатерины II. В 1883 г. в разных городах империи был выпущен целый ряд публикаций, приуроченных к празднованию 400-летия со дня рождения Мартина Лютера.

Разного рода учебная литература должна была, с одной стороны, способствовать сохранению немецкого языка как языка самоидентификации нации, с другой же стороны, обеспечивать немцам расширение коммуникативного арсенала с целью более тесного их включения в общегосударственную коммуникацию, для чего выпускались самоучители и учебники по русскому языку. Некоторые из них неоднократно переиздавались, что свидетельствует об их популярности у читателя. Кроме того, для немецкоязычного населения России выпускалась историческая литература, которая должна была знакомить немцев с историей страны проживания, уже ставшей родиной для следующих поколений переселенцев.

Художественная литература включала не только произведения немецких авторов, но и переводы на немецкий язык произведений русских – А. К. Толстого, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и других писателей и поэтов, что также должно было способствовать знакомству немцев с русской культурой.

Издания, посвященные музыке, театру, включали музыкальные произведения Р. Вагнера, Ф. Мендельсона-Бартольди, В. А. Моцарта, Дж. Верди, Р. Шумана и других композиторов. В 1881 г. на немецком языке в ряде городов были напечатаны партитуры оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя!».

География регионов, где печаталось наибольшее число изданий на немецком языке, представлена в таблице 6. Всего же в нашем списке 24 населенных пункта в европейской части России, на Украине, Прибалтике, на Кавказе.

Таблица 6
География выпуска немецкоязычных изданий
на территории Российской империи в 1878–1884 гг.

Населенный пункт	Количество изданий на немецком языке за 1878–1884 гг.
Рига, Митава/Елгава, Либава /Лиепая, Виндава/ Вентспилс, Валк/Валка, Венден/Цесис	1069+152+31+2+2+3
Дерпт, Ревель/Таллинн, Феллин /Вильянди, Аренсбург/Курессааре, Везенберг/Раквере	686+155+11+10+2
Санкт-Петербург	683
Москва	156
Варшава, Лодзь	94+2
Одесса, Киев, Харьков	64+4+1

Более 1000 (1259) издательских единиц было напечатано в Риге или других населенных пунктах на территории Курляндии, 864 – на территории Эстляндии, 683 – в Санкт-Петербурге. Очевидно, что в каждом случае это регион, население которого было тесно связано с Германией (прибалтийские губернии, где многие религиозные деятели обучались в Германии и где немецкий язык имел широкое хождение в обществе), или же города с большим процентом немецкого населения (Санкт-Петербург). Более подробные данные по отдельным крупным центрам немецкой книги Российской империи представлены в табл. 7.

Таблица 7
Количество изданий на немецком языке, напечатанных в 1878–1884 гг. в отдельных городах Российской империи

	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884
Рига	116	227	113	93	113	148	249
Санкт-Петербург	60	111	74	112	84	129	113
Дерпт	46	142	95	86	91	115	121
Ревель	25	33	12	13	23	28	30
Митава	16	44	22	14	10	24	22
Москва	22	30	22	12	34	17	32

Как и в случае с общими данными, какого-либо поступательного движения по городам не наблюдается, рост в один год сменяется снижением, зачастую резким, в следующем году и наоборот.

Проведя анализ числа *типографий*, печатавших в 1878–1884 гг. книги на немецком языке, удалось выяснить, что из года в год число их отличалось на 2–5 единиц (табл. 8).

Таблица 8
Количество типографий в отдельных городах Российской империи, печатавших книги и брошюры на немецком языке в 1878–1884 гг.

	Санкт-Петербург	Москва	Дерпт	Рига	Ревель	Митава
1878	22	3	5	18	5	4
1879	20	3	4	11	5	2
1880	18	3	4	11	3	2
1881	19	4	4	9	5	2
1882	19	3	4	15	5	2
1883	23	4	5	11	5	2
1884	19	6	5	10	5	4

Больше всего типографий, работавших с немецкой книгой, было в Санкт-Петербурге – порядка 20 в каждый год. Это при том, что на 1870 г. всего полиграфических заведений в столице насчитывалось 181, а в 1880 г. – 218⁸. Количественно из них выделяется одна – типография Императорской академии наук, в которой за 1870–1884 гг. было напечатано 455 изданий на немецком языке, а учитывая неполную регистрации в первые годы учетного периода, то, возможно, и существенно больше. В большинстве своем это были труды естественнонаучного профиля, под-

готовленные членами Академии наук не только немецкого происхождения, что свидетельствует о сохранении значения немецкого языка в качестве языка научной коммуникации. С 1878 г. ежегодно печаталось от 22 до 61 единицы на немецком языке. В следующее десятилетие – с 1885 по 1895 г. цифра эта держалась в диапазоне от 20 до 40, а в последнее пятилетие XIX в. составляла меньше 20⁹, что свидетельствовало об утрате немецким языком своего коммуникативного значения в научном сообществе России.

Все остальные типографии Санкт-Петербурга, что становится ясно из имеющейся в нашем распоряжении статистики, печатали книги на немецком языке в рассматриваемый период в небольшом объеме и не систематически.

В Дерпте выпуском немецкой книги в 1870–1884 гг. стабильно занимались три типографии – Г. Лаакмана, Шнакенбурга, К. Матисена (по 315, 249 и 247 изд. единиц соответственно). В Риге это были типографии В. Ф. Геккера, Ю. К. Д. Мюллера, Э. Платеса и А. Штала (по 404, 357, 145 и 111 изд. единиц соответственно). В Митаве к типографии И. Ф. Штеффенгагена и сына, напечатавшей 126 изданий, с 1877 г. присоединилось предприятие Э. Зислака, которым было выпущено 38 единиц. И в последующие десятилетия – практически до начала Первой мировой войны – именно эти типографии печатали большую часть немецкоязычных изданий Российской империи.

Представленный обзор дает краткую и самую общую характеристику немецкоязычных изданий, напечатанных на территории Российской империи в 1870–1884 гг. С сожалением следует признать, что история немецкой печати России в целом, вклад в это дело отдельных издательств и типографий рассмотрены современным книговедением не в полной мере, и требуют дальнейших исследований.

Примечания

¹ Бекжанова Н. В. Немецкоязычная печать России накануне и в период Первой мировой войны // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: сб. науч. тр. СПб., 2016. Вып. 18. С. 174–184.

² Список изданий, вышедших в России в... [1869–1872, 1879–1885] // Правительств. вестн. СПб., [1869–1872, 1879–1885].

³ Новые книги, выпущенные в России в... [1873–1878 г.] // Указатель по делам печати. СПб., [1873–1878].

⁴ Семеновкер Б. А. Государственная библиография России, XVIII–XX вв.: Петерб. период. М., 2002. Вып. 1: 1710: июнь 1907. С. 163.

⁵ Книга в России, 1895–1917. СПб., 2008. С. 13.

⁶ Бекжанова Н. В. Немецкоязычная печать Российской империи 1885–1899 гг. // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: сб. науч. тр. СПб., [?]. Вып. 20. (В печати).

⁷ Бекжанова Н. В. Немецкоязычная печать России начала XX в. // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: сб. науч. тр. СПб., 2018. Вып. 19. С. 196–197.

⁸ Книга в России, 1861–1881. М., 1988. Т. 1. С. 32.

⁹ Бекжанова Н. В. Немецкоязычная печать Российской империи 1885–1899 гг.

А. Н. Андреева

**Реклама адресной и справочной книги «Весь Петербург» в газетах:
первый год издания**

Рекламная кампания адресной и справочной книги «Весь Петербург на 1894 г.» в «Новом времени» (март 1893 – февраль 1894 г.) дает материал для анализа, позволяет частично восстановить хронику подготовки и продаж. Выявленные объявления и рецензии в других газетах также добавляют штрихи к истории издания.

Ключевые слова: адресные и справочные книги «Весь Петербург»; реклама; газеты; «Новое время», газета

Aleksandra N. Andreeva

**Advertising of address and reference book «Ves' Petersburg» in newspapers: the
first year**

The advertising campaign of the address and reference book «Ves' Petersburg for 1894» in the «Novoye vremya» (March 1893 – February 1894) provides material for analysis and allows to partially restore the chronicle of preparation and sales. Identified ads and reviews in other newspapers also add some information to the history of the edition.

Keywords: Address and reference books «Ves' Petersburg»; advertising; newspapers; «Novoye vremya», newspaper

К концу XIX в. реклама становилась все более важной частью коммерческой деятельности. Количество газетных объявлений быстро росло, росло и понимание их роли в распространении продукции, в том числе печатной. Объявления о выходе изданий А. С. Суворина всегда широко печатались в прессе, но рекламная кампания первого выпуска адресной и справочной книги «Весь Петербург на 1894 г.» в 1893–1894 гг. является весьма интересным примером. Наиболее значимая ее часть – объявления в газете «Новое время» – позволяет добавить штрихи к истории издания и частично восстановить хронику его подготовки и продаж.

В декабре 1892 г. А. С. Суворин, как он сам позже пишет, «решился издавать «Русскую книгу промышленности и торговли». Так как по условиям нашего книжного рынка это издание не могло выходить чаще одного раза в два года, а личный состав редакции приходилось для нее иметь налицо постоянно, то в поддержку этому главному изданию я решил издавать адресно-справочные книги для Петербурга и Москвы»¹.

Была образована «Редакция справочных изданий А. С. Суворина» и 20 января 1893 г. в «Новом времени» появилось первое извещение о будущем выходе «Русской книги промышленности и торговли», повторное – 24 января и т. д.

Но в том же «Новом времени» за 24 января 1893 г. в разделе «Библиографические новости» была помещена информирующая заметка о выходе «Адресной книги города С.-Петербурга на 1893 г.» под редакцией П. О. Яблонского², а 26 и 31 января 1893 г. на четвертой странице «Нового времени» печатались объявления о поступлении издания в продажу.

Это позволяет допустить, что решение об издании адресно-справочной книги Санкт-Петербурга могло быть принято не в декабре 1892 г., одновременно с решением о выпуске «Русской книги промышленности и торговли», а несколько позже.

И если «Адресная и справочная книга гор. Москвы» стала издаваться взамен выпущавшегося Городской управой «Адрес-календаря гор. Москвы», то в Петербурге новое издание вступило в конкурентную борьбу с упомянутой «Адресной книгой города С.-Петербурга», выходявшей параллельно до 1902 г.

26 марта 1893 г. в «Новом времени» вышло первое («базовое») объявление от Редакции справочных изданий А. С. Суворина о том, что «С декабря месяца текущего года будет выходить в свет новое издание „Адресная и Справочная Книга г. С.-Петербурга“. В видах лучшего и скорейшего ознакомления с новым изданием „Адресная и Справочная Книга г. С.-Петербурга на 1894 год“ будет предложена подписчикам газеты „Новое время“ за половинную цену»³. Стоит подчеркнуть, что в объявлении название нового издания отличалось от названия уже существующей книги П. О. Яблонского только предлогом «и» и прилагательным «справочная». Объявление – не слишком большое и без особого оформления (хотя заглавие выделялось более крупным и жирным шрифтом) – было повторено еще раз в марте и пять раз в апреле.

Затем к базовому тексту прибавилось дополнение о том, что в главной конторе издания (был впервые указан адрес: С.-Петербург, Эртелев пер., д. 6), а также в книжных магазинах «Нового времени» и у уполномоченных агентов принимаются объявления для помещения в издании с указанием цен. Цены (к примеру, страница оценивалась в 75 руб.) были дороже, чем в другом издании А. С. Суворина – «Русском календаре» (там 50 руб. стоили страницы до и после содержания, остальные – 35 руб.). Такой тип объявления печатался еще девять раз в июне, пять в июле и три раза в августе 1893 г.

В «Новом времени» 1 сентября был впервые напечатан самый информативный тип объявлений кампании. Текст состоит из нескольких блоков: название и адрес редакции; «базовый» текст в несколько измененной формулировке; условия и срок поступления заявок (до 20 сентября) для получения подписчиками экземпляра за половинную цену (не дороже 1 руб. 50 коп.); задачи и планируемое содержание издания; примерный объем и наличие планов города и театров; информация о содействии Управления Санкт-Петербургского Градоначальства (с датой приказа) и о том, что книга составляется под редакцией Н. И. Игнатова, который непосредственно руководил составлением «Адресной книги гор. С.-Петербурга» на 1892 и 1893 гг., изданной при содействии Городского Общественного Управления под редакцией П. О. Яблонского (опять идет отсылка – уже явная – к конкурирующему изданию, а сведения о редакторе выступают как дополнительный аргумент); подпись редактора. Наиболее важные слова и фразы выделялись жирным шрифтом. Это объявление

ние в полной форме было еще дважды повторено в сентябре, и дважды в октябре (с указанием срока заявок до 31 октября).

В краткой форме (первые три блока и подпись редактора) объявление выходило дважды в сентябре, восемь раз в октябре, и, когда срок был сдвинут уже на 30 ноября, шесть раз в ноябре.

Также с 19 до 26 сентября трижды печаталась просьба к учреждениям города, которые еще не прислали ранее запрошенные к 15–20 сентября адресные и справочные сведения, поторопиться с их присылкой.

Со 2 по 13 ноября жителям города четырежды предлагалось сообщать для проверки имеющегося в редакции материала сведения о себе по форме: фамилия, имя, отчество; род занятий; местожительства (улицы и № дома) и подпись. Причем указывалось, что сведения о служащих в центральных и местных учреждениях, промышленниках, торговцах и ремесленниках уже имеются, а редакция «особенно обращается к лицам, о которых собрать сведения представляется немало затруднений, а именно: к ученым, литераторам, художникам, артистам, актерам, музыкантам, техникам по разным отраслям промышленности, лицам, живущим доходами с капитала, живущим пенсией и пр., и пр.». Для приема этих заявлений в книжном магазине «Нового времени» (Невский пр., 38) и в редакции издания (Эртелев пер., 6) поставили специальные ящики; также их предлагалось доставлять почтой.

Таким образом, по рекламной кампании можно достаточно четко проследить этапы подготовки издания. А 30 декабря 1893 г. в «Новом времени» появилось объявление о том, что издание выйдет в свет в самом непродолжительном времени, причем впервые применительно к изданию прозвучало название «Весь Петербург» (тоже отсылающее к известному путеводителю А. Н. Греча⁴ и вышедшим в 1888 и 1889 гг. путеводителям «Весь Петербург за ... коп.»⁵). Постоянный повтор в рекламе 1893 г. названия «Адресная и Справочная Книга г. С.-Петербурга», особенно вкупе со сведениями о редакторе, вероятно, был осознанным приемом с целью перетянуть часть аудитории уже существующего издания П. О. Яблонского. Можно предположить, что отчасти из-за этой кампании многие современники путали два издания: «адрес <...> легко узнать <...> в адресной книге „Весь Петербург“ Суворина или Яблонского»⁶, «адресная книга „Весь Петербург“ Яблонского несколько лет соперничала с подобной же адресной книгой, издаваемой Сувориным»⁷.

Также в объявлении было приведено содержание (отвечающее наполнению, но не точно соответствующее делению самого издания) и впервые указано на существование особого приложения со «Статистическим очерком С.-Петербурга»⁸. Приводилась цена в 3 руб. серебром за экземпляр и был подробно расписан механизм получения издания подписчиками «Нового времени». Графически текст несколько отличался от предыдущих: появился новый шрифт, который использовался и впоследствии, стало больше выделений смысловых частей.

Объявление было повторено 4 января 1894 г., а 5 января было указано, что книга поступила в продажу (повторено 8 января, с незначительными изменениями 11 и 15 января, а с 16 января по 11 февраля объявление было напечатано еще пять раз – без блока для подписчиков, но с ценами книги также в папке (3 руб. 25 коп.) и в переплете – 3 руб. 50 коп.).

Можно предположить, что большинство подписчиков забрали издание в первые же дни, однако 13 февраля к объявлению была добавлена просьба для тех, кто еще не забрал книгу, сделать это до 20 февраля, причем цена указывалась на экземпляры только в папке и переплете. При повторе объявления 18 февраля было специально подчеркнуто, что экземпляры без переплета за 3 руб. все распроданы. Далее рекламных объявлений не печаталось, однако 10 июня 1894 г., в одном из объявлений о выходе «Всего Петербурга на 1895 г.», есть строчка: «Остающиеся экземпляры издания на 1894 год можно получать в книжном магазине „Нового времени“».

Стоит отметить, что реклама «Всего Петербурга» в «Новом времени» печаталась на первой странице и была хорошо заметна: 50% и 27% объявлений расположены в верхней части и в центре первого столбца, 10% и 2% – в верхней части и в центре второго столбца, и только немногие – в нижней трети страницы (реклама, например, «Русского календаря» А. С. Суворина встречается и на четвертой странице). Выраженной рамки не было, но название издания печаталось крупным шрифтом, абзацами и жирным шрифтом выделялись наиболее актуальные на данный момент сведения. Объявления повторялись с изменениями, которые не нарушали общего стиля и содержания: в подобных случаях шанс запомнить повторяющуюся рекламу у потенциальных потребителей существенно выше.

«Весь Петербург» рекламировался не только в «Новом времени». В 1894 г. рекламные кампании «Адресной книги» под редакцией П. О. Яблонского и «Всего Петербурга» практически не пересекаются: в газетах либо нет рекламы, либо приводится реклама одного из изданий. Масштабно рекламная кампания П. О. Яблонского началась 31 октября 1893 г. в газете «Новости» (15 октября на четвертой странице «Новостей» было напечатано объявление с просьбой представителям свободных профессий, не состоящим на службе, сообщить сведения о себе для бесплатного помещения в «Адресной книге» – т. е. до появления аналогичного типа объявлений в «Новом времени»). Цена издания устанавливалась в 2 руб. серебром; подписчикам газеты оно предлагалось за половинную цену – ощутимое снижение с 2 руб. 50 коп. за предыдущий выпуск. В ноябре вышло пять объявлений, причем 12, 15 и 21 ноября они сопровождалась обращением редакции в жанре «консультация специалиста»⁹ с разъяснением преимуществ и назначения издания. В декабре объявления (в основном информирующего характера и вместе с блоком о подписке на газету) выходили 26 раз; в январе 1894 г. – отдельно девять раз (последнее – 17 января), а вместе с блоком о подписке 15 раз (и в феврале – 3 и 5 числа). Визуально реклама «Адресной книги» отличалась от рекламы «Всего Петербурга» – использовались декоративные рамки, а также виньетки и картинки, которые редко встречались в объявлениях и поэтому сразу обращали на себя внимание. С 16 по 20 января 1894 г. объявления о выходе издания трижды помещались в «Ведомостях СПб. градоначальства и столичной полиции», а 17 октября, 27 декабря 1893 г.; 11 и 16 января 1894 г. – в «Петербургском листке».

В «Петербургском листке» же была выявлена и единственная газетная (за исключением «Нового времени») реклама выхода «Всего Петербурга». Краткая информация на первой странице с указанием цен и в фигурной рамке (при том, что в «Новом времени» фигурные рамки не использовались) вышла 9 января 1894 г.

(т. е. через четыре дня после выхода издания, но за два дня до выхода «Адресной книги»). Интерес вызывает то, что «Петербургский листок», помимо рекламы «Адресной книги» в 1892 и 1893 гг., печатался в Лештуковской скоропечатне П. О. Яблонского. Поэтому подачу объявления в это издание, с учетом того, что интеллигенция презирала или, в лучшем случае, не замечала газет, подобных „Листку“¹⁰, можно рассматривать и как некий вызов конкуренту. Однако достоверно установить мотивы размещения этого объявления не удастся.

Отдельно стоит упоминание «Всего Петербурга» в газете «Русская жизнь» 11 января 1894 г.: в рубрике «Ежедневные книжные новости» указывалось только библиографическое описание; рубрика «Книжный листок» выходила редко и рецензии на «Весь Петербург» в ней не выявлено.

Как часть рекламной кампании можно рассматривать и рецензии на «Весь Петербург» в разделах «Библиография» ряда газет. Из доброжелательной информации в «Сыне Отечества» за 12 января 1894 г. известно, что издание было разослано по редакциям, и, хотя отмечаются некоторые пропуски, «но эта неполнота зависела, по всей вероятности, не от составителей книги, а прямо от самих обывателей, почему-либо не пожелавших сообщить о себе сведения». Можно предположить, что рассылка была единовременной, однако в «Санкт-Петербургских ведомостях» благожелательный обзор опубликован только 28 января, уже после резкой критики и обвинений «Всего Петербурга» в перепечатке «Адресной книги» под редакцией П. О. Яблонского в «Петербургском листке». В газете «Свет» хвалебнейшая рецензия («справочная часть чрезвычайно полна <...>. Отличается безусловной полнотой сведений и алфавитный указатель жителей <...> это полезное издание делает честь и издателю, и редактору») была напечатана 2 февраля. Любопытно и второе «пересечение» конкурирующих изданий на газетных страницах: в рубрике «Библиографические вести» «Правительственного вестника» 18 января дана рецензия на «Адресную книгу», а 30 января – на «Весь Петербург» и «Адресную и справочную книгу гор. Москвы». Причем во втором случае говорилось о планах А. С. Суворина по выпуску целого ряда справочных изданий и образовании специальной редакции под руководством Игнатова, упоминалась «Адресная книга» как предшественник и, хотя и отмечались отдельные недостатки, тон был вполне доброжелательным: «несомненно, что труд составителя такого указателя, особенно в начале, весьма велик и что только с годами, если издание выдержит, возможно его усовершенствование. В книге „Весь Петербург“ есть некоторые пропуски и неполнота, <...> но, в целом, она достигает своей цели и для справок пригодна».

Можно допустить, что запоздавшие по отношению к выходу «Всего Петербурга» почти на месяц рецензии были опубликованы, чтобы несколько приглушить скандал с нарушением авторских прав. Стоит отметить и тот факт, что, в отличие от ряда аналогичных конфликтов, которые широко обсуждались в прессе, не удалось выявить откликов на публикации «Петербургского листка» и осуждение ситуации в других газетах в январе-феврале. Пресса затронула конфликт только в мае 1894 г. когда вышло решение третейского суда. После неточного изложения фактов в «Сыне Отечества» 21 мая, сведения были перепечатаны 22 мая «Новостями» и «Петербургской газетой», а 23 мая «Гражданином». Причем «Петербургская газета» уточняла: «К сожалению, „мотивы“, побудившие третейский суд постановить тако-

го рода решение, остаются и на этот раз неизвестными. Один из третейских судей, к которому мы обратились за справкою, заявил нам, что к сожалению, он связан словом не предавать гласности подробности этого „инцидента“. В ответ 24 мая в «Петербургском листке», а 26 и 29 мая в «Юридической газете» и «Судебной газете» был напечатан полный текст решения. Можно предположить, что А. С. Суворин использовал свое влияние, чтобы «замять» конфронтацию.

Рекламная кампания «Всего Петербурга» затронула многие универсальные газеты, хотя и несколько удивляет отсутствие публикаций в специальной прессе (при наличии в издании раздела «Промышленные и торговые предприятия», блока медицинской информации и пр.). Кампания – несмотря на скандал – достигла своей цели: большая часть тиража в 4025 экземпляров была распродана за полтора месяца, и, хотя и оставались нераспроданные, их было меньше, чем у П. О. Яблонского.

Таким образом, вопросы остаются, но анализ рекламной кампании адресной и справочной книги «Весь Петербург» на страницах «Нового времени» дает много фактической информации и материала для анализа. Рекламная кампания в газете продолжалась почти год, объявления печатались с достаточной регулярностью. Количество информационных блоков в объявлении могло меняться, обычно в последующем типе объявлений использовалась часть предшествующего. Основой текста было информирование, к которому обычно добавлялись сведения, актуальные на данный момент подготовки или распространения издания, что позволяло достаточно точно установить многие даты или поставить вопросы для дальнейшего исследования. Выявленные упоминания в других газетах также добавляют штрихи к истории «Всего Петербурга», который издавался до 1917 г. и до сих пор остается уникальным источником сведений о столице Российской империи рубежа веков.

Примечания

¹ Цит. по: Александров Ю. Н. Уникальный справочник по Москве // Куранты. 1987. Вып. 2. С. 325.

² Адресная книга города С.-Петербурга на [1892–1902] год / Гор. обществ. упр.; под ред. П. О. Яблонского. СПб. : Лештуковская скоропечатня П. О. Яблонского, 1892–1902.

³ Новое время. 1893. 26 марта. С. 1.

⁴ Греч А. Н. Весь Петербург в кармане: справочная книга для столичных жителей и приезжих, с планами Санкт-Петербурга и 4-х театров. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : в тип. Н. Греча, 1851. VI, 630 с., 5 л. пл.

⁵ Весь Петербург за 20 к.: полн. и подроб. путеводитель по столице на круглый год. 2-е изд., тщательно испр. и значит. доп. СПб. : тип. А. Мучника и К^о, 1889. XXIV с., 168 с.

⁶ Стасов В. В. [Письмо Н. Ф. Финдейзену, 1 февр. 1896] // Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры: в 2 т. М., 1967. Т. 2. С. 238–239.

⁷ Шокальская З. Ю. Жизненный путь Ю. М. Шокальского: (по данным семейного архива и личным воспоминаниям) // Памяти Юлия Михайловича Шокальского: сб. ст. и материалов. М.; Л., 1946. Ч. 1. С. 35.

⁸ Покровский В. И. Статистический очерк С.-Петербурга; Планы города и театров. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1894. 31 с., 9 л. карт., план.

⁹ Миронова А. А. Динамика жанров библиографической рекламы в России // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4 (30). С. 199.

¹⁰ Сони́на Е. С. Петербургская универсальная газета конца XIX века / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2004. С. 56.

А. В. Прохоренко

Революция и сатира

**По материалам журналов и газет Петрограда за 1917 г. в фондах
Библиотеки Российской академии наук (БАН)**

В корпусе источников информации о Великой русской революции уникальной является сатира в периодике Петрограда за 1917 г. Сатирические газеты, журналы и другие периодические издания, имевшие раздел сатиры и юмора, оперативно откликнулись на быстро развивавшиеся события года. Ниже охарактеризованы периодические издания из фондов Библиотеки Российской академии наук, а также проведен содержательный анализ сатиры и юмора в них в канве политических событий года.

Ключевые слова: Великая русская революция, карикатура, сатира, Октябрьская революция, памфлет, Петроград, сатирические журналы, Февральская революция, шарж

Anita V. Prokhorenko

Revolution and satire

**Based on the materials of the journals and newspapers of Petrograd for 1917 in
the collections of the Library of the Russian Academy of Sciences**

Abstract: In the corpus of sources of information about the Great Russian Revolution, satire was unique in the periodicals of Petrograd in 1917. Satirical newspapers, magazines and other periodicals, which had a section of satire and humor, quickly responded to the rapidly developing events of the year. Below are the periodicals from the collections of the Library of the Russian Academy of Sciences, as well as a meaningful analysis of satire and humor in them in the canvas of political events of the year.

Key words: Great Russian revolution, caricature, satire, October revolution, pamphlet, Petrograd, satirical magazines, February revolution, cartoon

Бурный и быстро завершившийся «подъем» отечественной периодической печати в марте–октябре 1917 г. стал следствием и происходил на фоне глобальной политической, социальной и ценностной перестройки жизни страны, выразившейся в двух государственных переворотах и многочисленных сопутствующих им событиях. Активные политические и социальные процессы сопровождалась реакцией на них в художественной сфере. Периодическая печать развивалась и трансформировалась в условиях непостоянной политики в ее отношении: от свободы слова с начала марта по октябрь до ее постепенного ограничения в дальнейшем. Сатирическая журналистика, также оказавшаяся под влиянием этих факторов, пережила яркий период своей истории, получив богатый материал для публикаций из насыщенного событиями, лицами и мнениями революционного года. Сатира в периодических изданиях Петрограда 1917 г. связана с громкими именами писателей и художников того времени: А. Аверченко, А. Бухова, С. Черного (А. Гликберга), Д. Бедного (Е. Придворова), Б. Антоновского, Н. Ремизова, В. Денисова и многих других.

Ими на особом языке памфлета, карикатуры, шаржа, по горячим следам событий, с различных точек зрения, была создана летопись Великой русской революции.

Отношение исследователей к сатире в периодике 1917 г. как к источнику информации, менялось. Исследователи советского периода концентрировали внимание преимущественно на большевистских (выходивших в период до октября 1917 г.) и советских изданиях (выходивших после Октябрьской революции)¹. Либеральную прессу и издания других партий в основном рассматривали, противопоставляя им большевистские издания². Выбор текстов и рисунков для анализа был довольно тенденциозен, материалы, связанные с критикой большевиков, авторы нередко обходят³. Отчасти по цензурным причинам, отчасти в силу того, что издания «проигравшей стороны» перестают восприниматься как достоверные источники информации, а также по причине недостатка информации о периодике этого времени, в советской справочной литературе материалы о некоторых сатирических журналах представлены неполно или отсутствуют. Например, журнал «Пулемет» описан в издании «Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917)»⁴ как выходивший в 1905–1906 гг. Однако он выходил и в 1917–1918 гг. и содержал в своих номерах обличительные материалы в адрес большевиков. В работах постсоветского периода наметилась тенденция к комплексному анализу, стремление проанализировать как источники информации все выходившие журналы, вне их политической ангажированности⁵ в разных аспектах их содержания (художественном, политическом, религиозном⁶ и т. д.).

Ниже будут рассмотрены особенности и динамика содержания петроградских сатирических газет и журналов, газет и журналов, не являвшихся сатирическими, но имевших раздел юмора и сатиры, а также изданий партий, использовавших сатиру как средство политической борьбы.

Журналы

В фонде БАН имеется 19 журналов, подходящих под эти критерии.

Большинство из них выражали точку зрения либерально настроенной интеллигенции. Чтобы отобразить особенности содержания этих изданий, условно разделим их на 4 группы по наиболее значимому в контексте данной работы признаку – соотношению политической и общественной сатиры в них (в публицистике рассматриваемого периода довольно четко выявлялась общественная (т. е. на темы социальных проблем, быта, семейных отношений, морали) и политическая сатира).

1. Журналы политической сатиры. Во многом их судьба была общей: все они начали выходить после Февральской революции и последовавшей за ней отменой цензуры и были закрыты уже новой, Советской властью, так как заняли позицию против нового порядка. Это журналы «Барабан» (ред. карикатурист, журналист, деятель театра и кино Линский (Шлезингер) М. С.), «Пулемет» и «Крамольник» (провокационные по содержанию, издавались журналистом Н. Г. Шебуевым), «Пламя свободы» (издатели С. Д. Новиков, А. К. Гомулин), «Пугач».

2. Журналы политической и общественной сатиры. Обе эти темы освещали журналы «Бич» (ред. публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург А. В. Амфитеатов), «Новый Сатирикон» (ред. сатирик, драматург, театральный критик А. Т. Аверченко), «Развлечение в часы отдыха» (ред.-изд. А. А. Каспари,

журнал был приложением к журналу «Родина»), «Синий журнал» (бульварный развлекательный журнал, имевший раздел сатиры и юмора, ред.-изд. М. Г. Корнфельд), «Смех и сатира» (под ред. А. И. Красницкого был постоянным отделом журнала «Всемирная новь»), «Стрекоза» (ред. М. Архангельская), «Трепач».

3. Литературно-художественные журналы с элементами политической и общественной сатиры. «Журнал журналов» (ред. И. Василевский), «Лукоморье» (изд. М. А. Суворин), «Солнце России».

4. Журналы общественной сатиры. Представлены журналами «Петроградский весельчак», «Всемирный юмор», «Журнал-фарс» (ред. М. Архангельская), «Веселая панорама». Публикации в них обычно не выходили за рамки юмора легкого жанра на семейные темы, вокруг недостатков поведения и воспитания, некоторых социальных и бытовых проблем. Карикатуры и памфлеты о личностях или ситуациях, связанных с политикой, не поднимаются выше уровня так называемых «распутинских тем».

Газеты

По содержанию петроградские сатирические газеты и газеты с включениями (разделами) сатиры и юмора в фондах БАН, мы классифицируем по трем признакам.

1. По признаку политической ангажированности:

Издания партий. «Деревенская беднота» (РСДРП (б)), «Дело народа» (Соц.-рев.), «День» (РСДРП (м)), «Единство» (РСДРП), «Земля и воля» (Соц.-рев.), «Новая жизнь» (С-Д), «Правда» (РСДРП (б)), «Рабочий путь» (РСДРП (б)), «Речь» (К-Д), «Солдатская правда» (РСДРП (б)).

Независимые. «Без лишних слов» (официально не относилась к какой-либо партии, однако основной ее темой была антибольшевистская пропаганда), «Вечернее время», «Газета копейка», «Известия совета безработных царей», «Маленькая газета», «Петроградская газета», «Петроградский листок», «Сатирические иллюстрированные выпуски», «Свободная Россия», «Современное слово».

2. По функциональному назначению:

Сатирические. «Сатирические иллюстрированные выпуски», «Известия совета безработных царей», «Без лишних слов».

Информационные (не являвшиеся сатирическими, но имевшие раздел сатиры и юмора). Все издания партий, а также «Вечернее время», «Маленькая газета», «Свободная Россия», «Современное слово», «Газета копейка», «Петроградская газета», «Петроградский листок».

3. По соотношению политической и общественной сатиры в содержании:

Газеты политической сатиры: все издания партий, а также «Без лишних слов», «Сатирические иллюстрированные выпуски», «Маленькая газета», «Вечернее время».

Газеты общественной и политической сатиры: «Газета копейка», «Петроградская газета», «Петроградский листок».

На протяжении года в содержании газетной и журнальной сатиры можно условно выделить 4 периода, в каждый из которых она имела определенные характерные черты.

1. Январь – февраль. До Февральской революции в условиях действовавшего цензурного контроля печати о предреволюционном кризисе и общем социальном напряжении говорят лишь публикации, посвященные транспортным, продовольственным, коммунальным проблемам Петрограда, спекулянтам и мародерству. Кризис комментируется, в большинстве случаев, вне политического контекста, сквозь призму его последствий для обывателя. В качестве примеров можно привести публикации на тему дороговизны и труднодоступности товаров первой необходимости (рис. 1), так называемых «хвостов» – длинных очередях, в которых люди простаивали долгие часы в попытках достать эти товары. Несмотря на ограничение свободы слова, авторы не могли обходить вниманием политические темы, шутить на которые приходилось с осторожностью. Такая сатира редко касалась конкретных личностей (за исключением так называемых «козлов отпущения»), лишь намекая на них и на связанные с ними события (рис. 2). Тема участия России в войне с Германией на стороне стран Антанты комментировалась в патриотическом, либо в нейтральном ключе. Император Германии Вильгельм II в отечественной сатире обрел лицо одержимого имперскими амбициями диктатора, цинично и жестоко относящегося как к своим противникам, так и к союзникам⁷. Действия командования армии Российской империи высмеиванию не подлежали. Такая интерпретация тяжелого для империи бремени войны была связана в том числе с государственным заказом и идеологическим контролем печати.

Рис. 1

Высмеивается карточная система, введенная в некоторых губерниях Российской Империи еще в 1916 г. в связи с продовольственным кризисом – для покупки ряда продуктов нужно было не только заплатить за них, но и предъявить карточку как подтверждение права на их приобретение
Стрекоза. 1917. № 2. С. 16

Рис. 2

«Немного терпения»

Высмеивается так называемая «министерская чехарда» в 1916 г. – частая смена министров в правительстве и постоянное перемещение их из одного ведомства в другое.

Бич. 1917. № 1. Рисунок К. Богуславской

2. Конец февраля – середина марта. 27 февраля стихийные манифестации перерастают в вооруженное восстание, 2 марта Николай II отрекается от престола, создаются новые органы власти – Временное правительство (ВП) и Петросовет. В дни государственного переворота ряд газет и журналов временно прекращают свой выход. Февральская революция большинством изданий была встречена радостно. Лишь в редких случаях мы видим сдержанно-отрицательное отношение к ней⁸. С ликвидацией Главного управления по делам печати для российской журналистики начался период (март–октябрь) отсутствия цензуры, что спровоцировало «печатный бум». Первые же недели после государственного переворота были отмечены выходом ранее запрещенных и новых журналов и газет. Основной темой сатиры стал бывший Император и его семья. Изображавшийся ранее только почтительно, дом Романовых предстал в карикатурах в совершенно ином свете (рис. 3). Форсируется тема Г. Распутина (рис. 4). Обсуждаются аресты министров свергнутого правительства (рис. 5). Номера сатирических журналов и газет партий пропитаны ликованием, идеями свободы, равенства и братства. Свобода слова, являясь, с одной стороны, несомненным благом, с другой спровоцировала появление ряда откровенно пошлых и выходящих за рамки смешного публикаций. «Когда юмористам было запрещено писать обо всем, они писали о теще. Теперь Николай Романов играет роль всероссийской тещи, – без него немыслим ни один журнал...» – с горечью пишет об этом периоде Н. Г. Шебуев⁹.

Рис. 3

«Всюду жизнь».

Рисунок В. Денисова по мотивам картины Н. А. Ярошенко Арест Николая II с семьей после Февральской революции и попытка высылки его в Англию.

Бич. 1917. №12. С. 16

Рис. 4

«Равноапостольный Григорий»

Рисунок В. Денисова. [Г. Распутин:] – Истинно, истинно говорю вам: несть на земле ни эллина, ни иудея... Для меня, прости Господи, все едины: царица-ли, девка-ли поденная...
Комментируются ходившие слухи об отношениях Г. Распутина с императрицей.

Бич. 1917. № 12.

Рис. 5

«По дороге в Думу»

Диалог: Щегловитов: Заплачет ли кто-нибудь обо мне?

Милиционер: Вряд ли. Все уже достаточно наплакались во время вашего владычества.

Арест Ивана Григорьевича Щегловитова (министр юстиции (1906–1915)

и последний председатель Госсовета Российской империи)

Барабан. 1917. № 1. С. 2.

3. Конец марта – октябрь. В этот период ликование в прессе постепенно идет на спад. Все меньше сатириков занимает тема возмездия представителям бывшей власти и все отчетливей ими осознается текущее непростое положение родины. Перед новыми органами власти стояли требующие решения прежние внутренние и внешние проблемы. ВП, действуя в этих непростых условиях, переживало кризис за кризисом. Период с марта по октябрь стал временем ожесточенной политической борьбы и полемики по вопросам «о мире», «о земле», «о власти», что ярко отразилось в сатире и юморе периодики. Газеты различных партий начинают использовать сатиру для продвижения своих идей и критики оппонентов.

Темой для шуток становятся члены ВП. Стоит заметить, что в период до середины лета на страницах сатирических журналов, (они в большей степени поддерживали политику новой власти), изображения членов ВП (рис. 6), в том числе А. Ф. Керенского (министра юстиции, затем военного и морского министра, с 8 июля – министра-председателя ВП), переживавшего в то время период своей популярности, напоминают скорее дружеские шаржи, а не карикатуры.

Рис. 6.

Во временном правительстве участились разногласия между отдельными министрами.
Проект «Барабана»: устраивать перед каждым заседанием спевку
Барабан. 1917. № 11. С. 16. Рисунок М. С. Линского

Полемика по поводу участия России в Первой мировой войне также была проявлена в сатире. Одной из тем в сатирических журналах за март – октябрь стало высмеивание дезертирства. Блестяще подготовленное июньское наступление российских войск на фронте было провалено из-за падения дисциплины в армии (рис. 7).

Рисунок 7.
«Живой барьер»

А. Ф. Керенский пытается остановить бегущих с фронта дезертиров.
Комментарий к изображению: «Все на свете меняется. Прежде, когда полководец звал войска на врага, он восклицал: – Вперед, товарищи! А теперь, когда А. Ф. Керенский зовет армию на врага, ему приходится кричать: – Товарищи! Назад!»
Бич. 1917. № 80. Рисунок Н. Николаевского

Случаям дезертирства, наряду с другими факторами, способствовала анти-военная пропаганда, осуществляемая в том числе большевиками. В газете «Солдатская правда», например, это поведение представляется уже не как военное преступление, а как осознанный выбор человека, отказывающегося продолжать бессмысленное кровопролитие: «Я не пойду с мечем на брата, / Я чужд кровавых пыток гроз! – / Мне тяжела людей утрата / И чаша бедствий, горьких слез»¹⁰.

Осуждению сатириков подверглись действия церкви после Февральской революции, а именно признание новой власти. Рядом авторов это было расценено как вероломный поступок (Рис. 8).

Рис. 8

Подпись: Рисунок Владимирского Поглубже, святые отцы, гвоздики-то, поглубже...

Религию – ее нужно укреплять...

Бич. 1917. №18. С. 6.

Стихийные митинги, беспорядки и погромы, ставшие «бичом» Петрограда в 1917 г. запечатлелись в рисунке Н. Ремизова на обложке июньского номера «Нового Сатирикона» (рис. 9). «На вас идет тигр...»¹¹ – в фельетоне А. Аверченко звучит грозное предупреждение и призыв к власти любыми методами остановить беззаконие. Все чаще на страницах сатирических журналов встречается недовольство по поводу бездействия власти, популярность А. Ф Керенского стремительно падает.

Рис. 9

Новый сатирикон. 1917 г. № 19.

«Анархия». Рисунок Н. Ремизова

«На карандаш» часто попадали анархисты за их противозаконные действия, например, захват дачи Дурново после Февральской революции, которую партия анархистов провозгласила своим штабом. «Анархист» (представитель партии, либо прикрывающийся идеями анархии преступник) на страницах сатирических журналов – нарушитель общественного порядка, грабитель и мародер (рис. 10).

Рис. 10

«Запугать и обобрать.

Программа «анархистов» наших дней
Стрекоза. 1917. № 24.

Начало июля в сатире газет и журналов Петрограда ознаменовалось темами так называемых «июльских дней». Массовые выступления, прошедшие в Петрограде 2–4 июля на фоне очередного правительственного кризиса, закончились человеческими жертвами. Манифестации проходили при активном участии большевиков и анархистов. Произошедшее было воспринято как попытка государственного переворота. В результате большевики были объявлены вне закона, типография газеты «Правда» разгромлена, а руководители РСДРП(б), в том числе В. И. Ленин были вынуждены скрываться от ареста за границей.

Сатирические журналы и газеты использовали эту тему как инструмент антибольшевистской пропаганды. В печати прошла серия памфлетов и карикатур, где большевики обвинялись в шпионаже в пользу Германии, также озвучивалось мнение о получении финансирования их революционной деятельности от Германии (рис. 11). В газете «Правда» тема июльских дней не затрагивалась, а после разгрома типографии газета продолжила свой выход на нелегальном положении, но уже под другими заглавиями, что продолжалось до октябрьской революции.

Рис. 11

«Верная служба – честный счет

Некто в черном. – Благоволите получить и расписаться, херр Ленин. Тридцать сполна.

Журнал «Бич». 1917 г. № 28. С. 13. Рисунок В. Денисова.

«Июльские дни», показавшие неспособность власти обеспечивать общественный порядок и безопасность, июньские неудачи на фронте, послужили поводом для отмены некоторых ранее введенных либеральных реформ. Громкий отклик сатиры получило восстановление отмененной после Февральской революции смертной казни на фронте (12 июля по санкции А. Ф. Керенского) с целью восстановления дисциплины среди солдат (рис. 12).

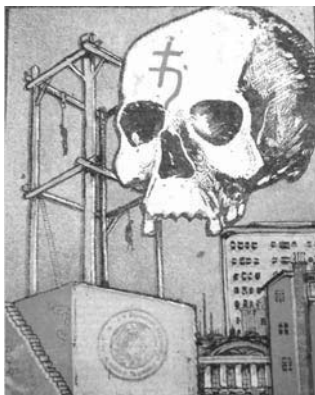

Рис. 12

«Старый друг – хуже новых двух»

«Когда, постранствовав, вернулася домой, и труп отечества ей сладок и приятен».

О восстановлении смертной казни на фронте.

Бич. 1917. № 29. Рисунок подп.: Аia

Такой поворот событий не мог не повлиять на настроения в прессе. Июльские дни в сатире были отмечены как начало конца «русской свободы» и либеральных начинаний Февральской революции. В период с июля по октябрь появившиеся еще весной ноты тревожности за судьбу России в сатирических журналах, газетах и изданиях партий усиливаются, перерастая в настроение отчаяния. Мрачное предчувствие будущего передает стихотворение В. Князева из газеты «День»: «...Теперь слышны лишь хрип да стон: / Темнее ночи даль! / И хуже не было времен / Да и подлей – едва ль!»¹². Все чаще объектом сатиры становятся большевики и их пропаганда.

Что же касается изданий РСДРП(б), то пропаганда посредством сатиры в них активно продолжалась. Для распространения своих идей партия использовала кроме газеты «Правда», газеты «Деревенская беднота» (ориентирована на крестьян), «Солдатская Правда» (для распространения в армии). Сатира в них связана, в большей степени, с творчеством Д. Бедного (рис. 13).

За живое.

Со всѣхъ сторонъ на насъ походъ:
Слились буржуи въ злобномъ воѣ.

* * *

Пусть знаетъ трудовой народъ,
Что всѣхъ насильниковъ-господъ
Задѣла „Правда“ за живое!

— Демьянь Бѣдный.

Рис. 13
Правда. 1917. 8 апр. (№ 27).

4. 25 окт. – декабрь 1917 г. Октябрьская революция сатирическими журналами и изданиями партий была воспринята как трагедия. Большинство из них стали оппозиционными по отношению к новой власти, за что были вскоре закрыты.

Полярность оценок действительности, дававшихся этими изданиями и газетами «Правда», «Солдатская правда», «Деревенская беднота» можно отследить на примере характеристик первых действий Советской власти. Декрет о мире и сепаратные мирные переговоры с Германией о выходе России из войны представлены в газете «Правда» как начало конца бессмысленного кровопролития (рис. 14). Итог этих переговоров – Брестский мир в оппозиционной сатире в 1918 г. был назван «Брестским позором». Выборы в Учредительное собрание, которое планировалось созвать еще до октября, состоялись в ноябре 1917 г. (большинство в нем получили эсеры). Начавшее свою работу в 1918 г., собрание вскоре было распущено, так как отказалось поддержать политику Советской власти. Позитивный образ выборов из газеты «Правда» («Мы теперь чрез эту пропасть / Мост железный наведем / И к свободе, правде, свету, / Люд рабочий приведем!»¹³) в журнале «Новый Сатирик» представлен в противоположном свете (рис. 15).

Рис. 14

Правда. 1917. 11 дек. (№ 201). «Русская лавка пушечного мяса.
Торговля прекращена ввиду поумнения народа».

О мирных переговорах Советской власти с Германией после Октябрьской революции

Рис. 15

Новый сатирикон. 1917. № 42.

«Учредительное собрание». Рисунок Н. Ремизова

Врачи (у постели тяжко больной): – Сердце почти не бьется... Подаст ли настоящий голос?

Примечания

¹ Стыкалин С. И. Советские сатирические журналы 1917–1919 годов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 120 с.; Черепяхов М. С. Русская периодическая печать. (1895 – октябрь 1917): справочник. М., 1957. 351 с.

² Бочаров Ю., Ипполит И. Журналы русские // Литературная энциклопедия: в 11 т. [М.], 1930. Т. 4. Стб. 217–260.; Стыкалин С. И. Советские сатирические журналы...

³ Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М.: Советский художник, 1983. С. 100–112.

⁴ Черепяхов М. С. Русская периодическая печать. С. 82–83.

⁵ Баратов П. Н., Филиппова Т. А. Великая война и Великая революция в русской журнальной сатире, 1814–1918. М.: Кучково поле, 2017. 303 с.; Бич, 1917: события года в сатире современников. М.: Бослен, 2017. 229 с.; Блохин В. Ф. «Героическое» на страницах иллюстрированного журнала «Лукоморье» 1914–1917 гг. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Вып. II: материалы всерос. науч. конф. «Печать и цензура в истории России». 14 марта 2016 г. Брянск, 2016. С. 37–60.; Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000): 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2006. 638 с.; Лекманов О. «У Лукоморья»: К истории одного «националистического» журнала // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Vol. XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту, 2011. С. 411–226.; Романов А. Гражданин Николай Романов и дворник Митрошка: сатира в 1917 году // История. 2007. № 20. С. 6–17.

⁶ Игнатенко-Дэсанлис О. В. Революция в Обложке – 1917 год от Пасхи до Распятия. URL: <http://www.polithistory.ru/upload/iblock/642/642c66a649f63a8f28dab27cae2763ca.pdf> (дата обращения 20.02.2018).

⁷ Баратов П. Н., Филиппова Т. А. Великая война и Великая революция в русской журнальной сатире, 1814–1918. М.: Кучково поле, 2017. С. 138–193.

⁸ Болтин Н. Революция в моем семействе: (Некоторые последствия переворота.) // Развлечение в часы отдыха. 1917. № 10. С. 1–2.

⁹ Шебуев Н. Г. Сепаратный смех // Пулемет. 1917. № 9. С. 2.

¹⁰ Бредников Я. Братанье // Солдатская правда. 1917. 13 мая (№ 11).

¹¹ Аверченко А. Как мы это понимаем // Новый Сатирикон. 1917. № 19. С. 11.

¹² Князев В. Вскользь // День. 1917. 17 окт. (№ (1640) 191).

¹³ Бедный Д. Мост: (посвящается социал-коалиционистам) // Правда. 1917. 11 нояб. (№ 172).

М. К. Свиченская

**С. М. Алянский после «Алконоста»:
По материалам отдела рукописей
Российской национальной библиотеки**

Статья посвящена одному из видных представителей отечественного книгоиздания С. М. Алянскому (1891–1974), вошедшему в историю книги как владелец издательства «Алконост» (1918–1923). Внимание автора сосредоточено на личности этого человека и на его деятельности в «Издательстве писателей в Ленинграде», издательстве Ленинградского отделения Союза советских художников и Детгизе. Статья написана с привлечением новых архивных материалов.

Ключевые слова: С. М. Алянский, издательское дело, частные издательства, «Алконост», «Издательство писателей в Ленинграде», Детгиз

Maria K. Svichenskaya

**S. M. Aliansky after «The Alkonost»: (On the materials of the Manuscripts
Department of the National Library of Russia)**

The article is devoted to the prominent figure of the national publishing S. M. Aliansky (1891–1974). It is based on not introduced earlier materials from the Manuscript Department of the National Library of Russia and focused on the personality of Aliansky and his activity in soviet publishing houses after the liquidation of his own «The Alkonost Publishing House» (1918–1923): «The Publishing House of Writers in Leningrad», Detgiz, etc.

Keywords: S. M. Aliansky, publishing, private publishing houses, The «Alkonost» Publishing House, «The Publishing House of Writers in Leningrad», Detgiz

Прошло более ста лет после возникновения издательства «Алконост»¹, а личность его создателя С. М. Алянского (1891–1974) продолжает привлекать внимание литературоведов и историков книги. При этом исследовательский интерес сосредоточен почти исключительно на истории «Алконоста»², хотя после ликвидации своего предприятия Алянский еще пятьдесят лет трудился в сфере отечественного книгоиздания. Более широко деятельность Алянского представлена только в небольшой монографии С. В. Белова «Мастер книги», вышедшей в 1979 г.³, и в биографическом очерке Е. Б. Ефимова, которым он предварил свою публикацию переписки К. И. Чуковского и С. М. Алянского⁴. Опубликованы также переписка Алянского с Андреем Белым⁵, В. И. Ивановым⁶ и В. М. Конашевичем⁷; отдельные письма Алянскому Б. Л. Пастернака⁸ и К. Г. Паустовского⁹, его собственные письма И. Г. Эренбургу¹⁰ и Ю. А. Васнецову¹¹, а также воспоминания об Алянском его племянника, писателя Ю. Л. Алянского¹² и сына его гимназического друга Г. Ф. Кнорре В. Г. Сабина-Кнорре¹³.

В 1967 г. С. М. Алянский писал Д. Е. Максиму о большом документальном материале, собранном в его архиве¹⁴. Наиболее ценные документы, связанные

с деятельностью «Алконоста», Н. С. Алянская¹⁵ в 1974 г., вскоре после смерти отца, передала в РГАЛИ¹⁶. Туда, в частности, попали письма А. А. Ахматовой, А. Белого, А. А. Блока, М. О. Гершензона, Е. И. Замятина, В. И. Иванова, А. М. Ремизова, Ф. К. Сологуба, а также некоторые материалы из издательского портфеля. Другая часть документов, также весьма значительная по объему, много лет спустя была передана ею в Государственный историко-литературный и природный музей-заповедник А. А. Блока в Шахматове¹⁷. Среди них оказались два памятных альбома об «Алконосте», в том числе знаменитый альбом, посвященный девятимесячному юбилею издательства в 1919 г.; книги с инскриптами Блока, Белого, Ремизова и других авторов «Алконоста»; переписка Алянского с Чуковским¹⁸.

Множество материалов находится в частных коллекциях. По словам главы Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и страстного библиофила М. В. Сеславинского, документы из архива Алянского периодически появляются на антикварно-букинистическом рынке¹⁹. Благодаря этому в его коллекции оказалось несколько десятков адресованных Алянскому писем и поздравительных телеграмм, подаренные ему книги и фотографии с дарственными надписями Е. И. Замятина, В. Ф. Ходасевича, К. Г. Паустовского, портрет Алянского работы О. Д. Форш и другие артефакты²⁰. В 2016 г. саратовский коллекционер Р. А. Лизогубов передал в РГАЛИ более десяти писем Алянскому К. А. Федина и М. С. Шагинян за 1946–1970 гг.²¹. Большая часть документов до сих пор сохраняется в семейном архиве Алянских.

Настоящая работа не содержит в себе большого количества новых фактов о жизни и деятельности Алянского – их канва уже более или менее известна. Ее цель состоит в том, чтобы глубже и полнее раскрыть личность этого выдающегося деятеля книги, наполнить его образ «живыми» чертами. Материалом для этого послужат документы, хранящиеся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, которые до настоящего времени либо вовсе оставались вне поля зрения исследователей, либо привлекались ими в незначительной степени. К ним, в первую очередь, относятся документы из фондов художников Г. С. Верейского²² и В. И. Курдова²³, издательского работника, исследователя Сибири и Дальнего Востока М. А. Сергеева²⁴, в меньшей степени – литературоведа Д. Е. Максимова²⁵, а также фондов Ю. Л. Алянского²⁶ и С. В. Белова²⁷.

Последний с существования «Алконоста» 1923 г. был отмечен первым в истории НЭПа кризисом перепроизводства и сбыта книжной продукции, ставшим одной из причин гибели издательства. Кроме того, у Алянского в этот период осложнились отношения с Л. Д. Блок, которой по договору отходили все доходы от издания произведений Блока; и конфликт с Госиздатом, тянувшийся с 1919 г., окончился тем, что «Алконост» уступил ему право на издание всех сочинений Блока²⁸. 18 июня 1923 г. заведующий издательством «Academia» А. А. Кроленко записал у себя в дневнике: «Алянский С. М. сообщает, что издательство „Алконост“ свою деятельность прекратило и <...> удивляется нашему героизму – продолжение издательской деятельности в таких тяжелых условиях»²⁹.

Закрытие издательства не обернулось для Алянского ни финансовым, ни психологическим крахом. Наряду с «Алконостом», начиная с 1918 г. и вплоть до закрытия петроградских отделений Наркомпроса, он руководил издательскими бюро

двух его отделов: изобразительных искусств и театрального. В 1922 г. Алянский принял участие в создании русско-германского общества «Книга», которое годом позже было преобразовано в акционерное общество «Международная книга». С 1923 г. Алянский заведовал книжным магазином его Петроградского отделения³⁰. В том же 1923 г. он окончил искусствоведческий факультет Института истории искусств.

В 1929 г. по предложению председателя правления «Издательства писателей в Ленинграде» (далее «ИПЛ») К. А. Федина Алянский принял на себя должность заведующего ИПЛ³¹. По отзыву писателя и переводчика А. Г. Островского, он «прекрасно знал полиграфию, и в этом отношении сделал много, чтобы упрочить хозяйственное и финансовое положение издательства»³². Алянский также принимал участие в формировании издательского портфеля. По его инициативе ИПЛ приступило к изданию 12-томного собрания сочинений А. А. Блока³³ и четырехтомного – Б. Л. Пастернака³⁴. Он же предложил выпуск «Художественной серии», в которой выходили авторские сборники произведений писателей, некогда составлявших костяк литературного объединения «Серапионовы братья»³⁵.

Однако в 1931 г., после публикации «Охранной грамоты» Пастернака, лидеры РАППа развязали против ИПЛ широкую политическую кампанию. Целый ряд выпущенных издательством книг был объявлен апологетикой буржуазного искусства. Помим «Охранной грамоты», в «черный список» попали «Сумасшедший корабль» О. Д. Форш и «Художник неизвестен» В. А. Каверина. Довольно скоро преследование издательства приобрело характер организованной травли³⁶.

Невольной жертвой этой кампании стал Алянский, по предложению которого ИПЛ начало печатать произведения Пастернака. По мнению Ефимова, интриги некоторых членов правления вынудили его уйти из издательства. Так или иначе, в 1932 г. Алянский перешел на работу в издательство «Молодая гвардия», а еще через год – после преобразования его детского сектора в «Детиздат»³⁷ – был назначен заведующим производственным отделом Ленинградского отделения нового издательства. Однако, по собственному признанию Алянского, он чувствовал себя там неуютно. «Лично у меня пропал аппетит к работе в Детиздате. – писал он Чуковскому в октябре 1933 г. – <...> Если не отпустят меня по-хорошему – уйду со скандалом»³⁸.

В 1933 г. издательство «Academia» пригласило Алянского на должность своего официального представителя в Ленинграде. Для переговоров с ним из Москвы приезжал заместитель заведующего издательством А. А. Сидоров. «Скажу по совети, – сообщал Алянский Чуковскому, – что предложение мне улыбнулось. Работа <...> интересная. И материально она меня лучше может обставить»³⁹. Однако «Academia» был навязан другой представитель.

Тогда же Алянскому поступило предложение организовать издательство в Ленинградском Союзе советских художников (далее – ЛССХ). Но он еще на пять лет вынужден был задержаться в Детиздате и только в 1938 г., после разгрома руководимой С. Я. Маршаком ленинградской редакции⁴⁰, возглавил издательство ЛССХ.

Новая работа потребовала от Алянского значительных усилий. Он не раз жаловался М. А. Сергееву, что «в Союзе худ<ожников> – пубдом»⁴¹, и что там «из меня регулярно пьют кровь и за эту кровь платят как за трамвайный билет»⁴². Между тем,

в конце 1930-х – начале 1940-х гг. издательство ЛССХ называли не иначе, как «издательством Алянского». Там он сумел наладил выпуск и широкое распространение литографированного эстампа. С этой целью была оборудована новая экспериментальная мастерская; к работе в ней удалось привлечь группу художников, которые вскоре образовали творческое товарищество «Боевой карандаш»⁴³. В годы Великой Отечественной войны их антивоенные сатирические плакаты пользовались большой популярностью в частях действующей армии и играли значительную роль в укреплении морального духа жителей блокадного Ленинграда. По словам Курдова, Алянский, «ставший <...> близким и дорогим нашему коллективу, был мудрым редактором и душой „Боевого карандаша“»⁴⁴.

Зимой 1941–1942 гг., когда четверть членского состава этого объединения погибла или умерла от голода⁴⁵, в семье Алянского произошли события, которые наложили трагический отпечаток на всю его последующую судьбу. Писатель Л. Пантелеев, который жил с ним в одном доме на улице Восстания, 22, вспоминал, что к исходу первой блокадной зимы «Самуил Миронович был страшен. Он и всегда был худощав, а тут от него ничего не осталось – кожа, кости и печать страшного, безысходного горя на всем облике»⁴⁶. Сам Алянский, его жена, Надежда Львовна (1899–1942), и сын Лев, или – по-домашнему – Люлик (1924–1942), находились в последней стадии истощения.

В феврале 1942 г. правление Союза художников сумело вывезти Алянского с семьей из Ленинграда. Они направлялись в Ташкент, куда в августе 1941 г. в составе сотрудников Ленинградской консерватории эвакуировалась свояченица Алянского Е. Л. Гухман вместе с его дочерью Ниной. 11 февраля в поезде скончалась жена, и он вынужден был сделать остановку в Ярославле, чтобы похоронить ее. Лев, как позднее писал Алянский младшему брату Лазарю⁴⁷, «по дороге <...> совсем раскис»⁴⁸, и в Москве, прямо с вокзала, его отправили в Клинику Всесоюзного института питания Наркомздрава СССР. Туда же вскоре положили и самого Алянского. После переливания крови его сыну стало лучше, но организм был так истощен, что не выдержало сердце. 9 апреля 1942 г. его кремировали, а в мае Алянский добрался до Ташкента. Там, благодаря помощи Е. П. Пешковой и С. М. Михозлса⁴⁹, он получил должность директора Изоагиткомбината Союза художников Узбекистана, а через полгода семье была предоставлена комната в коммунальной квартире. Как сообщал Алянский брату, она находилась в центре города, в старом особняке на Советской улице, «с водой, ванной и даже уборной, и все это внутри квартиры»⁵⁰.

В день своего переезда на новое место жительства Алянский получил телеграмму от директора Гослитиздата П. И. Чагина с вызовом на работу в Москву. Однако он оттягивал отъезд, чтобы хоть немного восстановить силы. Алянский стал быстро уставать, чувствовал себя инвалидом. В ноябре 1942 г. он был вызван повесткой в военкомат для мобилизации на «трудовой фронт», но получил отсрочку по болезни. «Если меня не заберут, – писал он Сергееву 1 января 1943 г., – к весне поеду в Москву. Думаю, надо там устраиваться на остаток дней»⁵¹.

По приезду в Москву в середине марта 1943 г. Алянский сразу же получил несколько интересных предложений о работе⁵². Первые два месяца он прожил у Пешковой, которая разместила его в столовой своей квартиры, а в мае 1943 г. снял комнату в Рещиковом переулке на Арбате⁵³. «Начинаю возвращаться к жизни, – писал

он Курдову в Ленинград в мае 1943 г., – для этой цели я приехал в Москву и, оглядевшись кругом, начал работать в „Советском графике“⁵⁴ <...> На первых порах ко мне прислушиваются <...>, буквально смотрят в рот, и всякое мое предложение принимается без возражений»⁵⁵. Алянский задумал издать серию альбомов блокадной графики ленинградских художников. Он обратился к Ю. А. Васнецову, Г. С. Верейскому, Е. И. Чарушину, Н. И. Альтману, Е. А. Кибрику, А. Ф. Пахомову и ряду других с предложением прислать ему рисунки, выполненные с натуры или по свежим впечатлениям за первые два года войны. «Пора начать их издавать, т. к. нам неизвестна их дальнейшая судьба, – писал Алянский. – <...> Давайте собирать и <...> охранять то, что сделано в Лен[ингра]де или возле Л[енингра]да <...> Возможности у нас есть и бумажные, и по печати»⁵⁶. Алянский придавал большое значение художественному осмыслению блокады Ленинграда и распространению достоверной информации о ней. В ноябре 1943 г. он сообщал жене Г. С. Верейской, что к новому году хочет организовать выставку ленинградских работ⁵⁷. Однако этот проект остался нереализованным.

В 1943 г. в письмах ленинградских художников имя Алянского мелькало постоянно, у Муратова – едва ли не в каждом письме: «Видел Алянского. Очень были рады. Расцеловались и прослезились»⁵⁸; «советовался с Самуилом Мир[оновичем] <...> Мы с С. М. уже будем блюсти интересы»⁵⁹; «Мионович делает все, что необходимо»⁶⁰. Художники ждали, что Алянский вернется в родной город, однако тот уже не мог этого сделать. «Серов»⁶¹ спрашивает, включать ли меня в список на возврат, – писал он Р. М. Верейской. – Но мне трудно думать о Ленинграде. Для меня это кладбище»⁶². Письма художников, адресованные Курдову, были проникнуты искренним сочувствием Алянскому. Верейский сообщал, что тот-де «понемногу устраивается»⁶³. «Самуил [Мионович]»⁶⁴ молодец, – писал Лебедев, – много работает»⁶⁵.

С последним из них – выдающимся художником, основателем школы книжной графики В. В. Лебедевым – Алянского связывали многие годы тесного сотрудничества. Их отношения складывались непросто. В 1933 г. Алянский писал Чуковскому: «С Лебедевым сработаться не могу, нахожусь с ним на грани серьезного конфликта»⁶⁶. Однако со временем эти отношения переросли в подлинную дружбу. В 1936 г., после публикации в газете «Правда» редакционной статьи «О художниках-пачкунах»⁶⁷, обвинявшей Лебедева в формализме, тот вынужден был уйти из «Детиздата». И вот теперь, в конце 1943 г., оба они возвращались в «Детгиз».

На протяжении последующих тридцати лет деятельность Алянского была связана с этим издательством⁶⁸. До начала 1960-х гг. он работал художественным редактором, а с выходом на пенсию был переведен на должность консультанта в той же художественной редакции, хотя и тогда появлялся в издательстве почти ежедневно⁶⁹. «В Детгизе <...> [Алянский. – М. С.] был весьма авторитетен, как человек исключительной эрудиции, большого вкуса и высокой квалификации, – вспоминал впоследствии А. Г. Островский, – ему поручались наиболее ответственные издания <...> Последняя наша встреча произошла <...> [в 1961 г. – М. С.] в Комарово, куда [Самуил] М[ионович] приезжал для переговоров с А. И. Пантелеевым: все такой же подтянутый, деловитый, корректный, и в то же время на редкость внимательный к людям»⁷⁰.

Среди материалов, переданных в ОР РНБ С. В. Беловым, имеются письма к нему ведущих художников «Детгиза» Т. А. Ереминой, Л. П. Зусмана, Ю. Д. Коровина, Ф. В. Лемкуля с воспоминаниями об Алянском. Из этих воспоминаний складывается образ строгого и требовательного человека⁷¹. Не случайно Паустовский как-то в шутку назвал его службистом и педантом⁷².

Ученица А. А. Дейнеки, одна из лучших отечественных иллюстраторов детской книги Т. А. Еремина проработала в «Детгизе» в непосредственном контакте с Алянским более 25 лет. В середине 1940-х гг. О. Г. Верейский, с семьей которого ее, как и Алянского, связывала тесная дружба, привел начинающую художницу в редакцию журнала «Мурзилка», где тот занимал должность художественного редактора и входил в состав редакционной коллегии⁷³. По воспоминаниям Ереминой, Алянский встретил ее приветливо, доброжелательно, но по-ленинградски сдержанно. «Работать с ним было и легко, и трудно, – писала она. – Благодаря огромному опыту он очень точно определял все недостатки в <...> работе художника»⁷⁴.

В «Детгизе» Алянский продолжал сотрудничать со многими из ленинградских книжных графиков: Ю. А. Васнецовым, В. М. Конашевичем, А. Ф. Пахомовым, Е. И. Чарушиным и др. Они составляли его «актив» и имели негласный статус «блатных». В то же время Алянский привлекал к работе в издательстве молодых художников, которые со временем также стали классиками жанра⁷⁵.

В альбоме, посвященном 70-летию Алянского, Чуковский отметил одно из наиболее значимых качеств его личности: «Мало я знал в своей жизни людей, способных так горячо ненавидеть всякое лицемерие, ханжество, всякую пошлость, безвкусицу, фальшь»⁷⁶. В переписке Алянского мы находим немало подтверждений справедливости подобной характеристики. Так, после похорон скульптора С. Д. Лебедевой⁷⁷, с которой его связывали 50 лет дружбы, Алянский писал Р. М. Верейской: «Выступали там фальшивые люди с фальшивыми речами, которых больше всего не могла выносить Сара [так в тексте – М. С.] Дмитриевна. Здесь она лежала молча и, мне казалось, иронически улыбалась»⁷⁸.

Алянского отличали чувство собственного достоинства, без тени высокомерия, и совершенно ясный ум, не терявший с возрастом своей остроты. Это ощущение неизменно возникает при чтении его писем, которые были полны трезвых и, как правило, ироничных оценок происходивших событий. Алянский выражался открыто и прямо. Так, в его письме Сергееву, написанном в марте 1963 г., содержится отклик на идеологическую кампанию, развернутую после посещения Н. С. Хрущевым художественной выставки «30 лет МОСХа» в московском Манеже в декабре 1962 г.: «Уж больно противно все в столице нашей Родины, то кричат на писателей, то на музыкантов, то на художников. И всё-то эти крикуны знают, как правильно нужно работать творческим работником. А вот как сделать, чтобы крыши не протекали, чтобы трубы не лопались и пр[очие] вещи, необходимые для нормальной жизни человека – этого они не знают <...> Несколько лет я потерял на борьбу с протечкой крыши. Комнату буквально заливало в самый небольшой дождик»⁷⁹.

У Алянского в Москве никогда не было собственного жилья. Последние 30 лет своей жизни он снимал комнату у свояченицы в коммунальной квартире на седьмом этаже дома № 27 по Гоголевскому бульвару. Недаром Алянский так любил отдыхать на Рижском взморье, в Доме творчества писателей в Дубултах, куда ездил

едва ли не ежегодно с 1958 по 1973 год⁸⁰. «Там меня соблазняет возможность пожить одному»⁸¹, – признавался он своим близким. Несколько месяцев не дожил Алянский до получения отдельной квартиры в Медведково⁸².

«Жизнь сделала С[амуила] М[ироновича] человеком сдержанным и достаточно скептическим, – писал о нем В. Г. Сабинин-Кнорре, – хотя вспышки веселости нередко прорывали эту оболочку. Таким я помню С[амуила] М[ироновича] по общению с ним в послевоенные годы. На первый взгляд, мои воспоминания трудно вяжутся с юношескими воспоминаниями отца, в семье которого Алянского называли не иначе как „великий оптимист Муленька“»⁸³.

По свидетельству мемуариста, Алянский любил одеваться с оттенком артистизма: повязывал шарф на особый манер, предпочитал модные кепи, нося их чуть набок⁸⁴; в застольях не признавал другого «пития», кроме водки, настоянной на травах или лимоне⁸⁵.

Алянский был глубоко привязан к друзьям своей молодости. Ранило его внимание гимназического друга Ю. П. Анненкова. После своей поездки в Париж в 1968 г. он сообщил сестре художника Зинаиде: «Разговора у нас с ним не вышло!»⁸⁶.

Очень любил Алянский К. А. Федина и высоко ценил его стилистический дар⁸⁷. Был одним из немногих, кто жалел его в последние годы жизни, когда тот, по выражению Алянского, был уже «на самом Олимпе»⁸⁸. «Холодно стало в этом доме, – писал он Сергееву в марте 1963 г., – совсем холодно»⁸⁹.

Высоко оценил Алянский воспоминания Е. Г. Полонской о М. М. Зощенко, которых очень ждал. По его мнению, мемуаристке удалось создать живой образ этого сложного человека⁹⁰.

Необычайно теплые, свойские отношения сложились у него с К. Г. Паустовским, несмотря на то, что познакомились они друг с другом только в начале 1950-х гг.⁹¹ В 1968 г., когда писателя не стало, Алянский признавался Вереysкой, что эта смерть ударила его, «как обухом по голове»⁹².

С большой симпатией относились к Алянскому выдающиеся современницы, его давние знакомые, Л. А. Андреева-Дельмас; Н. В. Кодрянская⁹³ и Л. Н. Делекторская⁹⁴. «Все тебя целую, – писал ему Паустовский из Франции, – особенно Лидия Николаевна»⁹⁵. В переписке с ними ощущалась его внутренняя свобода, как будто все происходило во времена их молодости, а не в условиях «железного занавеса».

С Андреевой-Дельмас Алянский встретился в 1960 г. после долгого перерыва. Известен его ироничный рассказ из письма Чуковскому об этой встрече. «Сначала я испугался, – шутил он, – что увижу развалину, которая прошамакает неизвестно что, но был приятно поражен. Она уже седа, но еще стройна и в глазах сверкает огонек»⁹⁶. После этой встречи Алянский неоднократно бывал у Дельмас дома, они обсуждали дальнейшую судьбу ее архива⁹⁷. В этой связи интересна выдержка из письма Алянского Сергееву, где он делится соображениями о будущем своего собственного архива: «Познакомившись с ЦГАЛИ (бывш[ий] Бонч-Бруевич)»⁹⁸, могу сказать, что не задумываясь передал бы [архив] Пушк[инскому] дому»⁹⁹. Вероятно, в 1974 г. Н. С. Алянская была еще незнакома с содержанием этого письма¹⁰⁰.

Большое место в жизни Алянского занимала семья. В его письмах запечатлена дружественная, шумная, веселая атмосфера «семейного гнезда» Алянских на улице Чайковского, 24¹⁰¹. Свою нереализованную любовь к сыну Алянский перенес

на племянника Юрия и на семерых детей Г. Ф. Кнорре¹⁰². «Он проявлял почти над-рывное внимание ко всем нам, – писал Вадим Сабинин-Кнорре, – был в курсе наших дел, нашей семейной жизни и того, кто чем занят»¹⁰³.

В 1960-е гг. Юрий Алянский вел на телевидении цикл передач «Литературные вторники». После одной из программ, посвященной блокаде Ленинграда, С. М. Алянский с отрадой отметил, что в передаче большое внимание было уделено «Берггольц вместо казенного А. Прокофьева», и Конашевичу «вместо подонка В. Серова»¹⁰⁴. О. Ф. Берггольц Алянский считал «самой светлой, самой чистой и, вероятно, самой талантливой писательницей Ленинграда»¹⁰⁵.

В своем отклике на книгу Ю. Л. Алянского «Рассказы о Русском музее» он предостерегал его от увлечения публичностью и от вольного или невольного содействия пропаганде официальной идеологической доктрины. «Ты ведь не задаешься вопросом, – писал он, – почему нынешние „культурники“ замусорили великолепные залы дворца Росси „картинами“ Вл[адимира] Серова и прочим г..... [так в тексте – М. С.] <...> [в то время как] гниют в запасниках <...> лучшие вещи Петрова-Водкина, Вл[адимира] Лебедева, Татлина и др.»¹⁰⁶.

Интересно суждение Алянского о Н. П. Акимове: «Как художник-рисовальщик, иллюстратор Акимов претенциозный и, на мой взгляд, неинтересный. Я хорошо помню эпоху издат[ельства] „Академия“ [так в тексте – М. С.] и утверждаю, что ничего нового, оригинального в графике этот художник не оставил. Зато в театре он – орел. И декорации, и костюмы, и постановки его хороши»¹⁰⁷. Из театральных работ Акимова он ценил больше всего его спектакль «Гамлет» в театре им. Е. Б. Вахтангова¹⁰⁸.

Алянский был человеком своего времени, следил за событиями художественной и литературной жизни. Однажды его возмутило то, что критику Д. М. Молдавскому в книге Ю. Л. Алянского «Театральные легенды» не понравилось соседство очерков о Н. П. Акимове и о А. Н. Вертинском, артисте будто бы сниженного, легкого жанра. «Вертинский создал новый вид эстрадного искусства, – возражал Алянский, – и полстолетия прошел с ним по всему миру <...>, [снискав] такую же мировую славу, как Эдит Пиаф. Если с такой меркой подходить, то можно и Райкина вычеркнуть из „большого искусства“»¹⁰⁹.

Последние десять лет своей жизни Алянский работал над воспоминаниями. Он всегда был недоволен написанным и постоянно перерабатывал текст. «Скажу тебе по совести, – жаловался он Сергею после выхода из печати «Блоковского сборника» с первым фрагментом своих мемуаров¹¹⁰, – мне стало стыдно самого себя, я даже покраснел. До чего бездарно»¹¹¹. Между тем, его книга «Встречи с Александром Блоком»¹¹² была высоко оценена современниками. А. И. Райкин написал Алянскому, что «проглотил [ее. – М. С.] как тонкое изысканное вино, смакуя каждую фразу»¹¹³. В. А. Каверин отметил редкое для мемуариста качество, которое заключалось в том, что он «умудрился обойтись без самого себя»¹¹⁴.

В 1960–1970-е гг. Алянский все чаще жаловался на сердце¹¹⁵, на сильном морозе из-за эмфиземы легких начинал задыхаться¹¹⁶. В апреле 1974 г. у него случился тяжелый приступ стенокардии. «Чувствую себя паршиво, – написал он тогда Ю. Л. Алянскому, – но надежды не теряю»¹¹⁷. Однако 18 июля 1974 г. С. М. Алянского не стало. Прах его был погребен в могиле отца на иноверческом участке Казанско-го кладбища в Пушкине.

В заключение уместно привести строки из воспоминаний В. Г. Сабинина-Кнорре: «Самуил Миронович Алянский прожил полноценную жизнь, ему была дарована судьба и долголетие, которые позволили ему реализовать себя. Жизнь его, не изобиловавшая внешними событиями, может быть, и не могла бы стать предметом увлекательного романа, но прожитая так, как прожил ее [Самуил] М[иронович], доставила бы удовлетворение многим»¹¹⁸.

Примечания

¹ Издательство «Алконост» (1918–1923) представляло собой одно из наиболее интересных и экономически эффективных частных издательств первых послереволюционных лет. В общей сложности оно выпустило 58 книг, в числе которых – почти все произведения, созданные в течение последних пяти лет жизни А. А. Блока, сочинения Андрея Белого, В. И. Иванова, А. М. Ремизова, А. А. Ахматовой, Ф. Сологуба, Р. В. Иванова-Разумника, альманахи «Записки мечтателей», «Серапионовы братья» и др. Издания «Алконоста» отличала высокая полиграфическая культура, в их оформлении принимали участие Ю. П. Анненков, А. Я. Головин, М. В. Добужинский, В. Д. Замирайло и другие выдающиеся художники; см.: Алянский С. М. Воспоминания о художниках книги / публ. С. В. Белова // Байкал. 1976. № 2. С. 141–145.

² См.: Белов С. В. С. М. Алянский о Мейерхольде и Блоке // Блоковский сборник. Тарту, 1979. Вып. 3. С. 165–168. (Уч. зап. Тартус. ун-та; Вып. 459); Белов С. В. К проблеме: А. А. Блок и С. М. Алянский // Там же. Тарту, 1986. Вып. 7. С. 91–98. (Уч. зап. Тартус. ун-та; Вып. 735); Витязев Ф. И. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. С. 5, 20–21; Глейзер М. М. Издательство «Алконост», 1918–1923: Крат. ист.-книговед. очерк. Издат. библиогр. каталог. Л., 1990. 151 с.; То же. СПб., 2015. 157 с.; Колотило М. Н. Азбука «Алконоста» СПб., 2016. 127 с.; Чернов И. А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник. Тарту, 1964. Вып. 1. С. 530–538 и др. В течение двух последних десятилетий был опубликован ряд работ, в которых деятельность издательства «Алконост» рассматривалась в контексте истории русского символизма. См.: Спивак М. Л. Издательство «Алконост»: К вопросу о семантике названия // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. 2008. Т. 67. № 5. С. 16–28; Спивак М. Л. Издательство «Алконост»: К вопросу о традициях символистского книгоиздания // Вестн. РГГУ. 2008. № 11. С. 132–137; Таран Е. Г. Культурная политика издательства «Алконост» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Иваново, 2002. Вып. 5. С. 289–294; Таран Е. Г. Роль и место издательства «Алконост» и журнала «Записки мечтателей» в истории русского символизма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 2007. 29 с.

³ См.: Белов С. В. Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979. 112 с. Полный список публикаций Белова об Алянском, включая рецензии на эту книгу см.: С. В. Белов Биобиблиографический указатель / сост. М. А. Мамонтов. 2-е изд. СПб., 2016. 104 с. Драматическая предыстория издания книги стала предметом сообщения С. В. Белова на XI Смирдинских чтениях в 1999 г. См. об этом также: Алянский Ю. Л. Вылетаю крыльях любви: Заметки на полях одной жизни. СПб., 2000. С. 81–89; Алянский Ю. Л. Мой дядя и ЦК КПСС // Общая газ. 1998. 2/8 апр. № 13; Белов С. В. Марксизм и национальный вопрос: (Воспоминания) // Нева. 1999. № 7. С. 159–167; Белов С. В. Если герой твоей книги «француз»... // Очарованный странник. Ярославль, 1993. Вып. 7. С. 12.

⁴ См.: Ефимов Е. Б. Вы всегда были истинным праздником // Наше наследие. 2010. № 96. С. 66–75; Из переписки К. И. Чуковского и С. М. Алянского, [1933–1967 гг.] / публ. и коммент. Е. Б. Ефимова // Наше наследие. 2010. № 96. С. 76–97.

Евгений Борисович Ефимов, редактор издательства «Московский рабочий», сын карикатуриста Б. Е. Ефимова, был дружен с Л. К. Чуковской.

⁵ См.: Андрей Белый и С. М. Алянский: Переписка / предисл. и публ. Д. Малмстада // Лица: Биограф. альманах. М., 2002. Вып. 9. С. 67–115.

⁶ См.: Переписка Вячеслава Иванова с С. М. Алянским (1918–1923) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. С. Александрова // Рус. лит. 2011. № 4. С. 92–106.

⁷ См.: В. М. Конашевич о себе и своем деле: Воспоминания, статьи, письма / сост., подгот. текста и примеч. Ю. А. Молока. М., 1968. С. 361–391.

⁸ См.: Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2005. Т. 8. Письма, 1927–1934. С. 558–559, 565, 566 и 591.

⁹ См.: Из переписки К. Г. Паустовского // Новый мир. 1982. № 7. С. 190–191; [Письма К. Г. Паустовского С. М. Алянскому, 1958–1965]. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/letters/index.htm> (Дата обращения 01.08.2018).

¹⁰ См.: Почта Ильи Эренбурга: «Я слышу всё...», 1916–1967 / сост. Б. Я. Фрезинский. М., 2006. С. 306–307. См. также: Фрезинский Б. Я. Об Илье Эренбурге: Книги, люди, страны: Избр. ст. и публикации. М., 2013. С. 143.

¹¹ См.: Шутливое письмо Ю. А. Васнецову 1959 г. см.: «...Настоящая советская Венера». URL: <https://babs71.livejournal.com/642110.html> (дата обращения 31.07.2018).

¹² См.: Алянский Ю. Л. Легкое дыхание // Алянский Ю. Л. Вылетаю крыльях любви: Заметки на полях одной жизни. С. 49–89.

¹³ Сабинин-Кнорре В. Г. Узы и судьбы: (Воспоминания о С. М. Алянском) // Наше наследие. 2003. № 66. С. 150–161.

Георгий Федорович Кнорре (1891–1962) (литературный псевдоним – Алексей Кириллов), инженер-теплотехник, профессор Ленинградского технологического института, позднее – МВТУ. См. о нем: Г. Ф. Кнорре – инженер, ученый, человек. М., 1991; Кнорре Г. Ф. Дневник. Воспоминания. Проза. М., 2004; Лекманов О. А. Андрей Белый и Вячеслав Иванов в дневнике Георгия Кнорре, 1918–1919 гг. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/19/lekhmanov19.shtml> (дата обращения 31.07.2018).

Вадим Георгиевич Сабинин-Кнорре (1929–1914), младший из сыновей Г. Ф. Кнорре, профессор МАДИ, поэт.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 1136 (Д. Е. Максимов). Оп. 1. № 5. Л. 4. Об архиве С. М. Алянского см. в частности: Белов С. В. Издателю и другу // В мире книг. 1976. № 5. С. 83.

¹⁵ Нина Самуиловна Алянская, биолог по специальности, работала в Главном ботаническом саду АН СССР (ныне РАН).

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 20. 1917–1932 гг. 14 ед. хр.

¹⁷ См.: Арзамасцев В. П. Многогранность музейного предмета // Из фондов музея-заповедника А. А. Блока: каталог. Вып. 1. Солнечногорск, 1996. С. 28. (Шахматовский вестник; № 6).

¹⁸ Белов С. В. Альбомы из архива С. М. Алянского // Шахматовский вестник. 1996. № 6. С. 44–71; Белов С. В. Книги с дарственными надписями: Из архива С. М. Алянского // Там же. С. 72–87.

¹⁹ См.: Хроника заседаний клуба «Библиофильский улей»: [О вечере, посвященном 125-летию со дня рождения С. М. Алянского] // Про книги. 2016. №3. С. 100–111.

²⁰ См.: Сеславинский М. В. Искусство автографа: Инскрипты писателей и художников в частных собраниях российских библиофилов: в 2 т. М., 2015.

²¹ На портале Федерального архивного агентства «Архивы России» ошибочно указано, что в РГАЛИ были переданы письма самого Алянского. См.: URL: <http://www.rusarchives.ru/novosti/novosti-federalnyh-arhivov/25-10-2016-novye-postupleniya-v-fondy-rossiyskogo-gosudarstvennogo-arhiva-literatury-i-iskusstv> (дата обращения: 31.07.2018). См.: URL: <http://rgali.ru/object/379220730#!page:1/o:379220730/p:1> (дата обращения: 31.07.2018).

²² См.: ОР РНБ. Ф. 1129 (Г. С. Верейский). № 558. Четыре письма С. М. Алянского Р. М. Верейской, 1943–1968 гг.

²³ См.: там же. Ф. 1172 (В. И. Курдов). № 90, 101, 128, 137.

²⁴ См.: там же. Ф. 1109 (М. А. Сергеев). № 603. 26 писем С. М. Алянского М. А. Сергееву, 1939–1965 гг. Алянского и Сергеева связывала близкая дружба со времени их совместной работы в «Издательстве писателей в Ленинграде». Подробнее о фондообразователе см. предисловие М. Д. Эльзона к статье «М. А. Сергеев о М. К. Азадовском» // Рус. лит. 2006. № 2. С. 102–117.

²⁵ См.: ОР РНБ. Ф. 1136 (Д. Е. Максимов). Оп. 1. № 5. 12 писем С. М. Алянского Д. Е. Максиму, 1965–1971 гг.

²⁶ См.: там же. Ф. 1449 (Ю. Л. Алянский). № 138, 388, 389.

²⁷ См. там же. Ф. 1115 (С. В. Белов). Оп. 2. Письма и воспоминания об Аляском В. Г. Лидина и Л. Пантелеева; письма С. В. Белову Е. Б. Гальпериной-Анненковой, первой жены Ю. П. Анненкова; корреспондентки К. Г. Паустовского Е. А. Лыжиной; переводчицы произведений Паустовского, секретаря А. Матисса Л. Н. Делекторской, и др. Фонд находится в обработке.

²⁸ См.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 88. Л. 1–2; Чернов И. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 533–536.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 1120 (А. А. Кроленко). № 265. Л. 79. См. об этом также: Маликова М. Э. Шум времени: История ленинградского кооперативного издательства «Время» (1922–1934) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. М., 2014. С. 153.

³⁰ Магазин находился по адресу: Невский пр., д. 24.

³¹ Знакомство Алянского с Фединым состоялось летом 1920 г., в бытность последнего секретарем отдела печати Петроградского Совета. Подробнее об этом см. воспоминания Алянского «Первая встреча»: Творчество Константина Федина. М., 1966. С. 439–441; Воспоминания о Константине Федине. М., 1981. С. 30–40.

³² ОР РНБ. Ф. 1115, оп. 2. Фонд находится в обработке. Цит по: Белов С. В. Мастер книги. С. 58.

³³ В 1932–1935 гг. в ИПЛ вышли первые семь томов этого издания, а также 10-й и 11-й тома. Его выпуск был завершён в 1936 г. уже под маркой издательства «Советский писатель», с которым ИПЛ было объединено в директивном порядке в 1934 г.

³⁴ ИПЛ успело напечатать только первый том из этого собрания, вышедший в виде отдельной книги. Подробнее о роли Алянского в издании сочинений Пастернака и Андрея Белого в ИПЛ см.: Из писем Пастернака. 2. Борис Пастернак и Самуил Алянский. URL: http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1202991677&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 01.08.2018); ИРЛИ, ф. 519 (Г. Э. Сорокин), ед. хр. 412. См. также: Пастернак Б. Л. Письма к Г. Э. Сорокину / публ. А. В. Лаврова, Е. В. и Е. Б. Пастернака // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 г. Л., 1981. С. 199–201; Андрей Белый и С. М. Алянский: Переписка. С. 108–115.

³⁵ Сотрудничество Алянского с этой литературной группой началось еще в 1922 г., когда его усилиями был подготовлен и издан в «Алконосте» литературный сборник «Серapiионовы братья», ставший их первым коллективным выступлением в печати.

³⁶ См.: Алексов Г. О писателе и издателе // Книга и революция. 1930. № 29–30. С. 12–13; Свиченская М. К. Кооперативное книгоиздание 1917–1930 гг.: Основные этапы государственной политики // Книга: исслед. и материалы. М., 1997. Сб. 72. С. 101–128.

³⁷ Издательство было создано путем объединения детского сектора «Молодой гвардии» и школьного сектора ГИХЛ.

³⁸ Из переписки К. И. Чуковского и С. М. Алянского. С. 76.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Подробнее об этом см., напр.: Чуковская Л. К. Прочерк. М., 2009. С. 112–133, 214, 234–247; Ефимов Е. Б. Вы всегда были истинным праздником. С. 69–70; Из переписки К. И. Чуковского и С. М. Алянского. С. 77.

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 1109. № 603. Л. 4.

⁴² Там же. Л. 2.

⁴³ С. В. Белов упоминал об имевшейся в архиве Алянского рукописи его заметок «Об эстампах» (см.: Белов С. В. Мастер книги. С. 69). См. также: Курдов В. И. Наша славная литографическая мастерская. Будни мастерской // Курдов В. И. Памятные дни и годы: Записки художника. СПб., 1994. С. 163–166.

⁴⁴ Курдов В. И. В Союзе художников // Художники города-фронта: Воспоминания и дневники ленинградских художников. Л., 1973. С. 252. См. также: Курдов В. И. Памятные дни и годы. С. 167–168.

⁴⁵ Каталог выставки ленинградского плаката «Боевой карандаш». Рига, 1947.

⁴⁶ Пантелеев Л. Об Алянском: [Воспоминания]. ОР РНБ. Ф. 1115. Оп. 2. Фонд находится в обработке.

⁴⁷ Л. М. Алянский, инженер-изобретатель, преподаватель Ленинградского техникума швейной (с 1961 г. – легкой) промышленности. Он выехал из Ленинграда вместе с братом, и в марте 1942 г. воссоединился с семьей, которая с конца 1941 г. проживала в с. Кленовское (Кленовое) Свердловской области. Подробнее об этом см.: URL: <http://www.klenovskoe.ru/2011/03/%D0%B0%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%BB%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87> (дата обращения: 31.07.2018).

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 1449. № 388. Л. 1. См. также письмо Алянского дочери от 18 марта 1942 г.: Белов С. В. Мастер книги. С. 76–77.

⁴⁹ В архиве Алянского хранилась рукопись его записок «Михоэлс в Ташкенте». См. также письмо Н. С. Алянской своему дяде от 27 дек. 1942 г.: ОР РНБ. Ф. 1449. № 389. Л. 2 об.

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 1449. № 389. Л. 1.

⁵¹ Там же. Ф. 1109. № 603. Л. 5.

⁵² Там же. Ф. 1449. № 389. Л. 4.

⁵³ Ныне переулоч Каменная Слобода.

⁵⁴ «Советский график» (1939–1951) – кооперативное товарищество художников, издававшее открытки и плакаты.

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 1172. № 90. Л. 1–1 об.

⁵⁶ Там же. Л. 1 об. –2.

⁵⁷ См.: ОР РНБ. Ф. 1129. № 558. Л. 1 об.

⁵⁸ Там же. Л. 1 об.

⁵⁹ Там же. Л. 6.

⁶⁰ Там же. Л. 4.

⁶¹ В. А. Серов в 1941–1948 гг. занимал пост председателя Ленинградского Союза советских художников, в 1962–1968 гг. был президентом Академии художеств СССР.

⁶² Там же. Ф. 1129. № 558. Л. 1–1 об. Между тем, А. Г. Островский вспоминал, что Алянский «оставался в душе ленинградцем» (см. его письмо С. В. Белову от 20 апреля 1975 г.: ОР РНБ, ф. 1115, оп. 2. Фонд находится в обработке). В марте 1970 г. Алянский писал Л. Н. Делекторской о том, какое волнение вызывает у него каждый визит в Ленинград (см.: там же).

⁶³ ОР РНБ. Ф. 1172. № 101. Л. 1.

⁶⁴ В письме указано неверное отчество Яковлевич.

⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 1172. № 127. Л. 4 об.

⁶⁶ Из переписки К. И. Чуковского и С. М. Алянского. С. 76.

⁶⁷ Правда. 1936. 1 марта; То же // Против формализма и натурализма в искусстве: сб. ст. М., 1937. С. 11–15.

⁶⁸ С 1963 г. издательство называлось «Детская литература».

⁶⁹ См., напр.: Белов С. В. Консультант по художественному оформлению – С. Алянский // Дет. лит. 1976. № 5. С. 71–72.

⁷⁰ Письмо А. Г. Островского С. В. Белову от 20 апреля 1975 г. См.: ОР РНБ. Ф. 1115. Оп. 2. Фонд находится в обработке.

⁷¹ См.: Художники детской книги о себе и своем искусстве: статьи, рассказы, заметки, выступления. М., 1987. С. 53, 56, 87–88, 95, 96, 161, 167.

⁷² См.: Письмо К. Г. Паустовского С. М. Алянскому от 8 дек. 1958 г. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/letters/letter-308.htm> (дата обращения 31.07.2018).

⁷³ Подробнее о перипетиях, связанных с пребыванием Алянского в редколлегии «Мурзилки» и репрессивных мерах, принятых в отношении журнала после публикации на его страницах в 1946 г. книги К. И. Чуковского «Бибигон», см.: Ефимов Е. Б. Вы всегда были истинным праздником. С. 66–75; Из переписки К. И. Чуковского и С. М. Алянского, С. 76–97.

⁷⁴ Письмо Т. А. Ереминой С. В. Белову от 5 декабря 1975 г.: ОР РНБ. Ф. 1115. Оп. 2. Фонд находится в обработке.

⁷⁵ См. об этом, например: Шульгин А. А. О моем любимом художнике [Н. А. Устинове]. URL: <https://www.agroxxi.ru/agroart/o-moem-lyubimom-hudozhnike.html> (дата обращения 31.07.2018).

⁷⁶ Цит. по: Ефимов Е. Б. Вы всегда были истинным праздником. С. 66.

⁷⁷ С. Д. Лебедева (1892–1967), заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР, первая жена В. В. Лебедева.

⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 1129. № 558. Л. 4. См. о ней также: Ф. 1109. № 603. Л. 27 об. 28.

⁷⁹ Там же. Ф. 1109. № 603. Л. 24–24 об.

⁸⁰ Прежде, пока не запретили врачи, Алянский проводил свои отпуска в Сухуми и его окрестностях (см., например, его письмо Сергееву: ОР РНБ. Ф. 1109. № 603. Л. 11 об.).

⁸¹ Там же. Ф. 1449. № 138. Л. 1.

⁸² Об этом см.: письмо Б. М. Алянкой С. В. Белову от 30 июля 1975 г.: ОР РНБ. Ф. 1115. Оп. 2. Фонд находится в обработке.

⁸³ Сабинин-Кнорре В. Г. Узы и судьбы. С. 152.

⁸⁴ Там же. С. 159. Элегантность Алянского отмечала также Т. А. Еремина. См. примеч. 75.

⁸⁵ Сабинин-Кнорре В. Г. Узы и судьбы. С. 154.

⁸⁶ См. письмо З. П. Анненковой С. В. Белову от 2 ноября 1975 г.: ОР РНБ, ф. 1115, оп. 2. Фонд находится в обработке.

⁸⁷ См., например, отзыв Алянского о повестях Федина «Трансвааль» и «Старик» и его романе «Санаторий Арктур» в письме к М. А. Сергееву от 9 августа 1940 г.: ОР РНБ. Ф. 1109. № 603. Л. 4 об.

⁸⁸ Там же. Л. 28. В 1959–1971 гг. К. А. Федин занимал пост первого секретаря Союза писателей СССР.

⁸⁹ ОР РНБ. Ф. 1109. № 603. Л. 25. Об отношении к Федину Паустовского см. его письмо Алянскому, 20 апреля 1959 г. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/letters/letter-315.htm> (дата обращения 31.07.2018).

⁹⁰ См.: ОР РНБ. Ф. 1109. № 603. Л. 30.

⁹¹ См. о записях Паустовского и Федина в юбилейном альбоме 1961 г., посвященном 70-летию Алянского: Белов С. В. Мастер книги. С. 66–67, 105–106. Федин отказал Белову в содействии изданию его книги об Алянском.

⁹² ОР РНБ. Ф. 1129. № 558. Л. 7.

⁹³ См. ее письмо Белову от 20 мая 1975 г.: ОР РНБ. Ф. 1115. Оп. 2. Фонд находится в обработке. См. также: там же. Ф. 1109. № 603. Л. 32.

⁹⁴ В 1975 г. Л. Н. Делекторская передала Н. С. Алянкой письма ее отца.

⁹⁵ Письмо К. Г. Паустовского С. М. Алянскому от 12 октября 1965 г. URL: <http://>

paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/letters/letter-411.htm (дата обращения 31.07.2018 г.).

⁹⁶ Из переписки К. И. Чуковского и С. М. Алянского. С. 88.

⁹⁷ См.: ОР РНБ. Ф. 1109. № 603. Л. 37 об. 44.

⁹⁸ В 1992 г. переименован в РГАЛИ.

⁹⁹ ОР РНБ. Ф. 1109. № 603. Л. 38.

¹⁰⁰ См. примеч. 17.

¹⁰¹ См.: ОР РНБ. Ф. 1449. № 138. Л. 1 об. 5. В квартире проживали совместно Лазарь Миронович с женой, внучкой Татьяной, сестрой Бертой Мироновной Алянской и фактически удочеренной ею племянницей Натальей, дочерью овдовевшего в 1935 г. старшего брата Алянских Ильи Мироновича. Б. М. Алянская (1899–2006), первый директор Ленинградского библиотечного техникума (1945–1951 гг.), была уволена под надуманным предлогом и работала библиотекарем в 232-й школе (ныне 2-я Санкт-Петербургская гимназия). О ней, в частности, см.: URL: <https://botinok.co.il/berta/> (дата обращения: 31.07.2018).

¹⁰² См. письма К. Г. Кнорре С. В. Белову 1987 г. и 1998 г.: ОР РНБ. Ф. 1115. Оп. 2. Фонд находится в обработке.

¹⁰³ Сабинин-Кнорре В. Г. Узы и судьбы. С. 154.

¹⁰⁴ ОР РНБ, ф. 1449, № 138, л. 22.

¹⁰⁵ Там же, ф. 1449, № 138, письмо от 26 января 1969 г. Именно О. Ф. Берггольц, вместе с Л. А. Кассилем, давали Ю. Л. Алянскому рекомендации для вступления в члены Союза писателей СССР.

¹⁰⁶ ОР РНБ, ф. 1449, № 138, л. 14–15.

¹⁰⁷ Там же, л. 41.

¹⁰⁸ Там же, л. 41–41 об.

¹⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 1449. № 138. Л. 43–43 об. С А. И. Райкиным Алянский был знаком с конца 1960-х гг.; их переписка свидетельствовала об обоюдном дружеском расположении. См. об этом: Белов С. В. Мастер книги. С. 10–11.

¹¹⁰ См.: Алянский С. М. Об иллюстрациях к поэме А. Блока «Двенадцать»: Глава из воспоминаний // Блоковский сборник. Тарту, 1964. Сб. 1. С. 437–445. В период подготовки этой публикации у Алянского завязалась переписка с З. Г. Минц. Однажды, сетуя на отсутствие вестей из Тарту, он поинтересовался у М. А. Сергеева: «Здоровы ли Минцы?.. Они (Лотман и Минц. – М. С.) на даче или опять заболел ее муж?». Алянский относился Ю. М. Лотману безо всякого пиетета (см.: ОР РНБ. Ф. 1109. № 603. Л. 40 об.).

¹¹¹ ОР РНБ. Ф. 1109. № 603. Л. 46.

¹¹² Алянский С. М. Встречи с Александром Блоком. М., 1969. 159 с.; Он же. 2-е изд. М., 1972. 159 с. См. также: Алянский С. М. Встречи с Блоком: Из записок издателя // Новый мир. 1967. № 6. С. 195–206.

¹¹³ Цит. по: Белов С. В. Мастер книги. С. 10–11.

¹¹⁴ Цит. по: Алянский Ю. Л. Легкое дыхание. С. 64.

¹¹⁵ См.: ОР РНБ. Ф. 1129. № 558. Л. 9.

¹¹⁶ Там же. Ф. 1109. № 603. Л. 10, 27, 30 об.

¹¹⁷ Там же. Ф. 1449. № 138. Л. 45 об.

¹¹⁸ Сабинин-Кнорре В. Г. Узы и судьбы. С. 151.

А. А. Димьяненко

**Детство как прием: автобиография эмигранта в детской литературе
русского зарубежья, 1920-1930-е гг.**

Детская литература русского зарубежья рассматривается в контексте мемуарной прозы. В статье описаны мемориальные формы, используемые авторами при создании автобиографического нарратива в детской литературе и механизмы их конструирования – от сказочной ностальгии, до подражания голосу ребенка в произведениях, написанных в форме дневника.

Ключевые слова: детская литература русского зарубежья; Саша Черный; Михаил Первухин; Георгий Крамаренко

Anna A. Dimianenko

**Childhood as Device: autobiography of emigrant in children's literature of
Russian abroad, 1920–1930's.**

Children's literature of Russian abroad is considered in the context of memoir prose. The article describes the memorial forms used by the authors in the creation of historical narrative in children's literature and the construction mechanisms – from the fairy-tale nostalgia, to imitation of the child's voice in the works written in the form of a diary.

Keywords: children's literature of Russian abroad; Sasha Cherny; Mikhail Pervukhin; Georgy Kramarenko

Память является ключевой жанрообразующей категорией в автобиографической прозе эмигрантов. Эмигранты первой волны, вынужденные покинуть Россию после революции, остро переживали процесс изгнания и приобретение статуса беженца. На этом фоне мемуарное творчество писателей эмигрантов не только позволяло вести литературный диалог с прошлым и будущим, но также являлось способом осмысления собственной жизни в условиях эмиграции. Поиски новых художественных форм и совершенствование писательского мастерства вылились в большое разнообразие жанров автобиографической прозы. Память о детстве также становится главным сюжетным фоном не только мемуарной прозы, но и детской литературы в эмиграции и одной из возможностей вернуть воспоминания об утраченном времени для самих эмигрантов и их детей. Несмотря на то, что детская литература регулярно становилась частью издательского репертуара русских зарубежных издательств и отражалась в критике эмигрантских журналов и газет, принято считать, что она не стала заметным явлением в наследии русской эмиграции 1920–1930-х гг. Восстановление литературного наследия русской эмиграции 1920-1940-х гг. в связи с постепенной оцифровкой библиотек и архивов позволяют задать вопрос о жанровых и художественных особенностях «детских» текстов, об общих приемах и о традициях в детской литературе русской эмиграции.

Детская литература в эмиграции служила механизмом сохранения национальной идентичности ребенка и трансляции исторической памяти, поэтому с началом издания детской литературы за рубежом возникает жанровая иерархия в корпусе детских текстов. Здесь мы обратимся к трем произведениям для детей, написанные авторами эмигрантами и рассмотрим мемориальные формы, используемые авторами при создании исторического нарратива и механизмов их конструирования в текстах для детей – от сказочной ностальгии, до подражания голосу ребенка в произведениях, написанных в форме дневника.

В 1920-е гг. наступает период ностальгического обращения к прошлому эмигрантов, это годы высокой писательской активности в детской литературе. В 1928 г. в Берлине в издательстве «Москва» выходит повесть для детей Саши Черного «Чудесное лето», которую критики встретят как одно из наиболее заметных прозаических произведений для детей: «Детские же книги должны писать не маленькие взрослые, а большие дети. <...> Саша Черный умеет на весь мир смотреть глазами своего героя. Делает это он сознательно, но всегда правдиво»¹. Герой повести «Чудесное лето» русский мальчик Игорь, оказавшийся с родителями в эмиграции, вынужденный приспособливаться к обстоятельствам кочевого образа жизни, переезжает на лето в небольшое имение в пригороде Парижа и попадает в приятный мир природы, загадочных явлений и животных, которые помогают ему справиться с чужой обстановкой, культурой и языком. Отвечая на анкету в рубрике «Писатели о своих книгах», Саша Черный дал следующую автохарактеристику своему произведению: «В повести „Чудесное лето“ помимо внешних событий и приключений меня занимала внутренняя, как бы подводная ее тема: захотелось вырвать эмигрантского мальчика, совсем еще детеныша, из городской квартирной клетки, освободить его от эмигрантских будней, среди которых всякое детство гаснет. <...> Книга эта была для меня подлинным отдыхом. Буду сердечно рад, если маленькие читатели переживут, хотя бы мысленно, вместе со мною зеленые дни „Чудесного лета“»².

Черный описывает поведение ребенка, каким его видит эмигрантская общественность – чужой, потерянный, осиротевший, но с теми деталями, которые биографично близки автору. Например, семья Игоря до революции жила в Харькове, Саша Черный в Одессе. Они, как и автор вынуждены были бежать из России примерно в одно и то же время – в 1920 г. Однако Черный скорее не идентифицирует себя с главным героем. Игорь нужен ему как проводник в мир детства и беззаботности. Современники отмечали сходство автора с другим, второстепенным персонажем во второй части повести, ученым-химиком, который подобно детям живет отшельником на острове и играет с детьми в выдуманные игры: «Саша Черный, известный поэт и беллетрист, был душой нашего общества, особенно наших детей, которые любили его и которых любил и он и им отдавал свои лучшие досуги. По вечерам, особенно когда море поблескивало отблесками луны, на затихшем пляже собирались все дети около Саши Черного, жгли костры, жарили шашлыки, приправленные неиссякаемыми остроумными и художественными песенками и рассказами Саши Черного; дети вторили ему и пели смешные, веселые его песенки»³.

Говоря голосом своего героя, автор описывает трудности языка и неудобства жизни в переездах, с которыми регулярно сталкивались эмигранты и дети эмигрантов. Черный акцентирует свою инаковость на примере языковых различий.

Главному герою с трудом удается читать по-французски: «Мальчик, смотревший из окна, вздохнул. Он тоже не решался в детскую возню вмешиваться, но причины у него были свои, не воробьиные. Он только-только начинал еще говорить по-французски. Как же играть, когда ты вроде глухонемого? Французские мальчики спросят: „как тебя зовут?“, а ты смутишься и ответишь: „половина двенадцатого“». Автор достигает максимальной отстраненности от внешнего мира, другого мира, при помощи диалогов с животными, общению с животными, чаще всего, любимыми Сашей Черным собаками, которых в повести шесть: «С собаками Игорь говорил по-русски. С коровой по-французски, потому что она с русскими жильцами редко встречалась и языка их не понимала»⁴. Это же и одновременно сближает их с главным героем и демонстрирует ключевую функцию поддержки: «...чувствуешь, что все у него живые, и дети, и зверюшки, и цветы. И что все они – родные»⁵.

Черный создает идиллический мир, в который могут спрятаться на время не только дети, но и взрослые. Позиция ухода от реальности и введение детей в фэнтезийный мир – популярная черта всей эмигрантской литературы для детей, транслируемая эмигрантским сообществом, обеспокоенным денационализацией русских детей: «Дайте же русским детям хоть какую-нибудь реализацию утешительного мифа. Дайте им почувствовать, что Россия пусть и далекая и незримая, и неведомая им, все-таки всегда с ними»⁶.

Детский мир Саши Черного всегда благополучен, несмотря на «самые страшные» события в жизни ребенка, все конфликты разрешимы. Возможно, это объясняется временной дистанцией между взрослым в настоящем и ребенком в прошлом. Не ностальгией по собственному радостному и благополучному детству – это не в случае с Сашей Черным – скорее, стремлением создать идиллический мир детства вопреки собственному, а также на контрасте с миром взрослых проблем, не всегда разрешимых, подчас остро драматичных.

Детство становится не только приемом рефлексии и ухода, но и возможностью транслировать в детской литературе сопричастность к историческими событиями, через фактическое описание своего детства. Воспоминания о детстве являются важной частью автобиографического нарратива, но при этом эпизоды, связанные с детством в произведениях, адресованных детям, чаще всего не относят к автобиографическим сюжетам. Детская литература редко сохраняет статус автобиографичности. Причиной отказа от автобиографической маркировки таких нарративов в детской литературе связано с вопросом о статусе детской литературы и ограниченном понимании ее задач: воспитательная и развлекательная функции детской литературы замещают возможности авторской самопрезентации, критического самоанализа и правдивости материала.

В эмиграции естественным становится желание обособить собственную память и отделить ее от коллективной памяти истории. Обращение к личной памяти превращается в поступок, в действие, позволяющее через призму детства подойти вплотную к экзистенциальным проблемам, важным для автобиографического дискурса. Одной из платформ для серьезной авторской рефлексии и скрытой автобиографии в русском зарубежье становится детская литература.

Михаил Первухин в сборнике рассказов «Дьяволетто», прежде чем начать повествование, маркирует его воспоминаниями о детстве: «Это – одно из самых ран-

них воспоминаний моего детства»⁷. После описания основных событий, произошедших с другом семьи, эмигрантом из Италии – Цезарем Францевич Кастэллани и его ручной галкой Дьяволэтто, автор вводит себя в повествование, вспоминая свое путешествие по Италии: «Весною 1907 года я попал в Италию, и на первых порах поселился в Венеции»⁸. При внимательном знакомстве с биографией Первухина выясняется, что большую часть жизни в эмиграции он провел в Италии и на Капри, которые будут местом действия и других его рассказов в этой книге. В последовательности рассказов также соблюден порядок продвижения в эмиграции Первухина с семьей вглубь Западной Европы.

В отличие от «Чудесного лета» Саши Черного, где пережитое лишено документальной основы, Первухин вписывает в свой текст датированные исторические детали Русско-турецкой войны (1877–1878), акцентируя внимание не на военных событиях, а на обстоятельствах повседневной жизни людей и животных: «Я мог бы многое порассказать о том, как нам жилось в те дни, когда шла тяжелая русско-турецкая война, принесшая с собой столько огорчений, разочарований и тягостей русскому народу, – но это вывело бы меня из рамок моего рассказа, посвященного нашим старым друзьям из мира животных»⁹. Первухин использует фрагменты основной биографии вкрупне с вымышленными образами, в которых детство изображается как аутентичное и правдивое переживание.

В третьем тексте автобиографический нарратив наиболее приближен к документальной основе, так как написан в форме дневника и представляет собой детские воспоминания от лица ребенка. Дневник «Камчатка. Мое путешествие и моя охота на медведей и горных баранов в 1918 г.»¹⁰ был опубликован в берлинском издательстве Ольги Дьяковой в 1921 г. Здесь голосом автора говорит сын автора эмигранта Гавриила Амосовича Крамаренко – Георгий. В предисловии к изданию вопрос об авторстве остается открытым; скорее всего, оно принадлежит отцу. «Настоящий труд моего сына, написанный в виде кратких путевых заметок, в форме дневника, – для выпуска в печать, естественно, должен был быть соответствующим образом обработан, т. к. от 15-летнего юноши, заброшенного Русской революцией из Петрограда в Японию, невозможно требовать вполне пригодного для печати литературного изложения. Вследствие сего, редактирование книги мне пришлось взять на себя, причем мною строго сохранена вся суть, все факты, а ровно как и все наблюдения и замечания автора в его юношеском мирозерцании»¹¹.

Такой механизм изложения характерен для модели семейного романа, связанного с дополнительными историческими пластами воспоминаний. Реконструкция автобиографического текста делает его ретроспективным и многоуровневым, линии повествования пересекаются и представляют собой историю семьи и семейных связей. Задумывая свое произведение как описание воспитательного эксперимента, вписанного в пространство дикой природы, Гавриил Крамаренко переносит память о своем детстве в текст воспоминаний сына. Автор пишет о прошлом: «Моя личная жизнь сложилась так, что с раннего детства, с 13 лет, мне пришлось самому себе пробивать дорогу. В поисках независимости и благополучия я не побоялся прожить добровольно 10 лет в каторжной колонии, на остр. Сахалин. <...> Условия моей жизни в среде каторжан выработали по мне известную осторожность и мужественность; а тяжелые и небезопасные передвижения зимою по Сахалину на

собаках и оленях, заставлявшие при 40 градусах мороза по неделям ночевать в снегу... Вот потому-то мне и хотелось своих сыновей провести через такую же школу жизни, какая выпала на мою долю, находя это весьма полезным в воспитательном отношении»¹². Автор использует свой собственный автобиографический опыт и закрепляет его через форму «семейного» нарратива, благодаря чему эти воспоминания выполняют функцию осовременивания опыта исторической травмы и в показе иного пути ее преодоления.

Детская литература в эмиграции становится важным инструментом авторской позиции в передаче пережитого. Автобиография автора в детской литературе предусматривает наличие особых приемов отстранения от текста и при этом его конструирования, позволяющих создавать скрытую биографию. Важной особенностью автобиографических нарративов в детских текстах становится желание посвятить читателя в подробности мира детства автора, подчеркнув тем самым аутентичность этого замкнутого на личном опыте пространства, и попытку вписать собственный детский опыт в рамки исторического времени, находящегося за пределами детской жизни. При этом автор имеет возможность соединить наивный и гармоничный взгляд на мир, избегая при этом обвинения в упрощенном восприятии действительности. Детство как прием автобиографии в детской литературе иллюстрирует становление собственной идентичности писателя.

Примечания

¹ Цетлин М. Новая книга Саши Черного // Последние новости. Париж, 1930. 13 февр. (3249). С. 3

² Черный С. Писатели о своих книгах // Последние новости. Париж, 1930. 1 янв. (3206). С. 4.

³ Врангель Л. С. Ла Фавьер // Возрождение. Париж, 1954. № 34. С. 151.

⁴ Черный С. Чудесное лето: рассказ для детей. Берлин; Париж; Москва: [Б. и.], [1928]. С. 2.

⁵ Куприн А. Саша Черный. Детский остров. Берлинское кнст-во «Слово» 1920 // Общее дело. Париж, 1921. 9 мая. С. 2.

⁶ Амфитеатров А. В. К русскому юношеству // Колос: русские писатели русскому юношеству. Шавиль, 1928. С. 15–19.

⁷ Первухин М. К. Дьяволэтто: рассказы для детей. [Берлин]: Слово, 1922. С. 7.

⁸ Там же. С. 57.

⁹ Там же. С. 112.

¹⁰ Крамаренко Г. Г. Камчатка: Мое путешествие и моя охота на медведей и горных баранов в 1918 г.: Дневник 15-летнего школьника. Берлин: О. Дьякова и Ко, [1921]. 141 с.

¹¹ Там же. С. 13.

¹² Там же. С. 14–15.

Н. П. Поппетров

От свободы к самоцензуре: болгарский опыт 1879–1989 гг.

В статье рассматривается история цензуры в Болгарии от ее истоков и до конца XX в. Дается периодизация истории болгарской цензуры, анализируется цензурная практика различных исторических периодов, приводятся подробные характеристики основных цензурных органов в их исторической динамике.

Ключевые слова: цензура, самоцензура, свобода прессы, Болгария 1879–1989

Nikolay P. Poppetrov

From freedom to self-censorship: the Bulgarian example 1879–1989

The article discusses the history of censorship in Bulgaria from its sources to the end of the twentieth century. The periodization of the history of the Bulgarian censorship is given, the censorship practices of various historical periods are analyzed, and detailed characteristics of the main censorship bodies in their historical dynamics are given.

Key words: censorship, self-censorship, freedom of the press, Bulgaria 1878–1989

Приблизительно половину 110-летнего периода, рассмотренного в статье, болгарское общество жило в условиях полного контроля и различных форм ограничения печати, книгоиздания и других средств массовой информации – таких, как цензура и автоцензура. История цензуры и близких к ней форм ограничения и репрессий в Болгарии весьма рельефно очерчивает основные особенности политического развития страны. Эволюция статуса печати (а позже и других средств массовой информации), начавшаяся с полной свободы, которую сменили разные формы ограничения вплоть до полной цензуры и впоследствии до гибкой системы целостного тотального контроля, является существенной чертой общественно-политической и культурной жизни страны в XX в.¹

Особенно сильное влияние на исследования этой темы оказывает политическая конъюнктура. Так, например, во время коммунистического режима уделяли внимание только преследованию коммунистических и просоветских изданий (периода 1944–1989 гг.). После политических изменений конца 1989 г. интерес целиком переносится на ограничения печати и цензуру в целом. И в обоих случаях, за очень небольшими исключениями, исследования крайне односторонни и идеологически обременены.

Принятая весной 1879 г. первая после Освобождения болгарская конституция в свое время являлась одной из самых демократических конституций в Европе. Она однозначно и лаконично провозгласила свободу печати: «Печать свободна. Никакая цензура не допускается». Контроль на печатные произведения допускался лишь для литературы, используемой в богослужении и религиозном обучении в шко-

лах, которая просматривается Святым Синодом Болгарской Православной церкви. Преступления в сфере печати рассматриваются судом на общем основании².

Период с 1879 г. до начала войн второго десятилетия XX в. можно рассматривать и как классическую картину свободной печати, и как время ожесточенной борьбы в защиту свободного слова. Одновременно с этим периодически повторялись попытки и временные практики ограничения этой свободы, прежде всего – попытки поставить прессу под разные формы контроля. Через 2 года после принятия конституции совершилась первая попытка ограничения свободы печати. В марте 1881 г. конституцию ограничили, была введена предварительная цензура, новые периодические издания допускались только с разрешением Министра внутренних дел. Репрессии принимали разные формы – штрафы, конфискации, закрытие газет и увольнение с работы, эффективные приговоры. Органом, занимающимся ограничением печати, была прокуратура. Выносились эффективные приговоры от шести месяцев до полутора лет заключения³. Хотя в 1883 г. старое положение было восстановлено, попытки ограничения печати превратились в повседневные эпизоды жизни страны. Ограничения и репрессии проявлялись периодически и при различных кризисных ситуациях. Ярким примером этого является постоянное преследование оппозиционной печати при управлении министра-председателя Стефана Стамболова (1887–1894). Позже, во время сельских бунтов в Северовосточной Болгарии в 1900 г., были приняты временные ограничительные распоряжения о печати. В связи со студенческими волнениями в январе 1907 г. была предпринята попытка ввести даже предварительную цензуру. Во время всего довоенного периода по разным поводам и с разными аргументами велось множество судебных дел против журналистов и издателей газет за оскорбление политиков и особенно за оскорбление монарха⁴.

Все эти попытки ограничения свободы печати встречали сильное общественное недовольство. Общественная реакция является важным фактором, срывающим все подобные попытки ввести реакционный закон о печати в довоенные годы. В целом доминировала свободная пресса, полная острой критики против монарха, управляющих партий, отдельных политиков. С весьма большим основанием можно утверждать, что в годы до балканских войн 1912–1913 гг. Болгария являлась примером свободы печати. Большая часть болгарской интеллигенции крайне остро реагировала на каждую попытку ограничивать свободное слово. При этом свобода печати превратилась в своеобразную меру состояния общества, в критерий демократичности⁵.

Ситуация изменилась в военные годы. Военновременная цензура фактически ограничивала любые критические голоса. Навязанная во время Первой мировой войны, цензура была отменена только в 1922 г. Создался прецедент, в соответствии с которым во имя интересов государства начинаются преследования оппозиционных мнений⁶.

В послевоенные годы фактором ограничения печати целиком выступали идейно-политические соображения. Они были связаны прежде всего с появлением коммунистического движения и пропагандой коммунистических идей. Так, например, в закон о поощрении детской литературы (декабрь 1920 г.) была включена статья, фактически ограничивающая литературу, издаваемую Болгарской коммунистической партией содержащую прокоммунистические материалы и критику установленный в стране строй.

В ходе фактической гражданской войны, начавшейся летом 1923 г. и продолжавшейся до весны 1925 г., установился крайне тяжелый ограничительный режим, касающийся просоветской, прокоммунистической и схожей с ней литературы и печати. Законодательно новое положение было выражено в принятом в феврале 1924 г. Законе о защите государства, направленного прежде всего против Коммунистической партии и пропаганды. Запрету подлежали тексты, содержащие идеи и призывы к свержению власти, распространению противоправительственной идеологии, пропаганду опыта Советской России. Под санкции этого закона, однако, попали и пропаганда, и издания анархистов, а также левых сторонников Болгарского земледельческого народного союза. Утвердилась постоянная практика конфискации и закрытия газет с прокурорским приказом (инкриминирование). Конфисковалась легально издаваемая болгарская коммунистическая литература, переводы советской художественной и другой литературы. Чрезвычайно строгий контроль был наложен на ввоз (легально или нелегально) литературы из Советского Союза⁷.

Известное ослабление ограничений против коммунистической и советской литературы наступило в период с весны 1931 до весны 1934 г., когда у власти находилась центристская коалиция «Народный блок». Однако ограничения коммунистических изданий и произведений с антикапиталистической и антибуржуазной направленностью остались.

В период после Первой мировой войны были установлены и другие формы контроля печати. Министерство народного просвещения ввело практику «рекомендовать» и «одобрять» для пользования в школьной системе отдельных изданий. Отсутствие одобрения являлось аргументом в пользу того, чтобы не покупать подобные издания как для школьных, так и для общеобразовательных библиотек⁸.

Ограничения, особенно в отношении художественной литературы, применял Святой Синод Болгарской православной церкви. Эти ограничения касались романов, путевых заметок и других произведений художественной литературы Синод запретил как начинающих талантливых авторов, как например Николай Райнов и Боян Болгар, так и известных и популярных писателей. Райнова запретили за роман с сюжетом из жизни Иисуса Христа – «Между пустыней и жизнью» (1918), а Болгар – за эротические тексты в своих путевых заметках «Живые и мертвые Афины» (1936).

Одновременно среди интеллигенции, особенно среди учителей и писателей начали распространяться призывы ограничения так называемой «порнографической» литературы (на самом деле литература, касающаяся тем свободной любви, внебрачных связей и детей и пр.)⁹.

Весна 1934 г. стала пограничным моментом в истории свободы печати в стране. Совершенный 19 мая 1934 г. военный переворот установил авторитарный беспартийный режим. Его основными целями были социальная мобилизация, социальный мир и экономическая модернизация. Во имя этих целей режим ввел строгую предварительную цензуру (статьи 5 и 7 Закона политических партий (июнь 1934) и Положение о печати в июле того же года). Намерением авторитарного режима было создать единое общественное мнение, которое контролирует и направляет государство. Мотивы ограничения печати, начиная с середины 30-х гг. и дальше, были связаны, прежде всего, с необходимостью предохранить общество и государство от внешних разрушительных влияний и внутренних проявлений пропаганды. Под этими поня-

тиями подразумевались коммунистическая и просоветская пропаганда, «большевистские» идеи, исходящие из Советского Союза, а также и все противоявритаристские публикации. Были наложены ограничения против публикаций антифашистского, пацифистского и интернационалистического характера. Попытки прорвать систему цензурных ограничений за небольшими исключениями не имели особого успеха. Пришлось прибегать к фиктивным и подпольным изданиям. Это была обычная практика Коммунистической партии: под формой фиктивных изданий – брошюр с произведениями Жюль Верна и Майн Рида – публиковать материалы Седьмого съезда Коминтерна, речи Д. Мануильского, Г. Димитрова и др.¹⁰ Со временем режим все больше ограничивал оппозиционные настроения. В 1937 г. был закрыт ряд левых и других, стоящих на антиправительственных позициях, изданий¹¹.

С наступлением Второй мировой войны власти еще строже ограничили режим контроля и руководства печатью. Был создан специальный орган – Дирекция национальной пропаганды (апрель 1941). Она взяла под контроль радиовещание, а посредством своего дочернего предприятия – организации «Болгарское дело» – осуществляла и направляла кинопроизводство (кинохронику, документальные фильмы, игровое кино). Кроме Дирекции по книгоизданию контроль ввели Министерства просвещения и войны. Были составлены специальные списки разрешенных книг, которые общественные библиотеки могут покупать¹².

Другие ограничительные меры в отношении библиотек выражались в специальном контроле за использованием книг с антирелигиозным и антигосударственным содержанием; коммунистическая и советская литература в ходе германско-советской войны была исключена из фондов¹³.

Кроме прямой цензуры и административных ограничений государство использует и механизмы контроля общественного дневного порядка. В этом направлении активно работали созданная в 1941 г. по образцу Третьего рейха национальная организация «Труд и радость», регламентирующая свободное время трудящихся, а также сформированная по немецкому образцу весной 1943 г. «Палата народной культуры»¹⁴.

Период с весны 1934 до начала осени 1944 г. в целом – это время господства полного контроля над печатью и книгоизданием, который выражался в действии тотальной предварительной цензуры и последующих мер руководства, направления и контроля культурной жизни. В это десятилетие четко проявлялись типичные для авторитарных режимов межвоенного периода цензурные ограничения, как и в ходе Второй мировой войны – тенденция использования опыта национал-социалистического режима в Германии.

С установлением правительства левой коалиции Отечественного фронта в ходе военного переворота 9 сентября 1944 г. ситуация временно изменилась. Наступил период относительной либерализации. Была восстановлена многопартийная система (осенью 1944 г. – правительственные партии, а с осени 1945 – и оппозиционные). Новый режим категорически отменил все прежние репрессивные распоряжения в области печати, но в то же время воспринимал новые формы контроля и ограничения. Прежде всего, в ходе взятия и утверждения власти основные газеты прекратили свое существование, а часть их издателей и редакторов попали под судебное преследование как военные преступники. Параллельно с этим происходит изъятие из библиотек книг с фашистским, пронацистским, антисоветским и

антисоюзническим содержанием. В эту группу попадали без указания на это в соответствующем нормативном акте, большинство публикаций по теме о Македонии, временно присоединенной к Болгарии в 1941–1944 гг. и вся литература, посвященная царской фамилии и династии¹⁵. Под предлогом нехватки бумаги резко уменьшилось число газет и журналов. Этот мотив использовался и при ограничениях, происходящих в книгоиздательской сфере. Другая форма ограничения свободного слова – судебное преследование журналистов и политиков, представителей сформировавшейся летом 1945 г. оппозиции нового режима, которые обвинялись в распространении «клевет» против организаций и личностей, связанных с новым политическим курсом страны. Обвинениями в фашистской или антинародной деятельности прекращалась журналистическая деятельность представителей оппозиционно настроенной интеллигенции¹⁶.

Одновременно почти до конца 1947 г. большая часть частных издательств, созданных в прежнем периоде, работала относительно свободно, интенсивно переводя западных авторов.

Ограничения обернулись национализацией типографических предприятий и запретом частной книгоиздательской деятельности (весной 1948 г.). Так государство установило полную свою монополию над книгоизданием. В то же время оно взяло под контроль и распространение фильмов. События эти совпадают с процессами ликвидации многопартийной системы, полной национализацией финансовых учреждений и промышленности и с установлением фактически управления Коммунистической партии. Начался период ранней послевоенной коммунистической цензуры. Наряду с местной спецификой, в ней прослеживалось и последовательное использование советского опыта¹⁷.

Постепенно сложилось и другая форма ограничения, ставшая актуальной и широко распространенной уже при утверждении режима сталинского типа – самоцензура. Ее начало можно найти в проведении «покаяния» и «саморазоблачения» буржуазных писателей, что предполагало последующее исключение их из профессиональной сферы и общественной жизни¹⁸.

Пришло время больших цензурных кампаний. В 1948 г., после разрыва с Югославией, началось изъятие книг и периодики по теме Югославии, а в 1949/1950 гг. подобные действия были направлены на издания, связанные с именем секретаря ЦК БКП Трайчо Костова и группой лиц, обвиненных вместе с ним в антипартийной и вражеской деятельности. Составлялись специальные перечни запрещенной литературы. Она исключалась из общественных библиотек. В 1952 г. была окончательно ликвидирована продукция закрытых частных книгоиздательств. После ряда «кампаний» в области художественной литературы появились новые методы литературы («социалистический реализм»). Вершину в развитии цензуры знаменовало создание специального цензурного ведомства, известное под названием «Главлит» (1952–1956). Оно установило тотальный контроль над книгоизданием, причем его влияние распространилось на репертуар театров и кинопроизводство¹⁹. Его создание практически восстановило институт цензуры, утвержденный в 1934–1944 гг.

Ограничения цензурного характера коснулись и библиотек. Был введен режим разрешения директора на пользование отдельными изданиями. Проводится несколько «чисток» фондов от книг с разным содержанием – от литературы «бур-

жуазно-идеалистического» характера до книг с проюгославским, антипартийным и националистическим характером. В более позднее время в Национальной библиотеке, больших научных и региональных библиотеках начали формироваться закрытые фонды («спецфонды»), которые включали разнообразную литературу – от профашистской и религиозной до произведений современных западных ученых и писателей, определяемых как антисоциалистические, ревизионистические, упадочные и пр. Вырабатываются два каталога – полный, служебный и «читательский», рекомендательного характера, т. е. цензурированный²⁰.

Некоторые писатели и художники подверглись практически исключению из культурной жизни – их увольняли или частично или полностью ограничивали возможность публиковаться и активно выставляться. Это происходило под видом борьбы с формализмом, служением реакционным идеям, вражеского отношения к социалистическому строю или строительству социализма и др. Установилась практика подставных лиц – отдельные писатели, литературные критики или искусствоведы проводили эту линию в обществе и средствах массовой информации.

Начавшееся в 1956 г. «размораживание» и «разоблачение культа личности» – т. е. известная очень ограниченная либерализация, изменила внешние формы контроля. После закрытия в том же году «Главлита» широкое распространение приобрели механизмы контроля путем «планирования», периодических кампаний критики и запугивания отдельных творцов и представителей направлений. Осуществлялся переход к исключительно эффективной системе целостного контроля культурной жизни, в которой формально не существуют ни цензура, ни цензорное ведомство. Их заменил строгий внутренний и внешний контроль над издательской деятельностью. Его суть состояла в одобрении ежегодных издательских планов центральным координирующим ведомством – со временем оно меня свой ранг и название, например, «Государственное хозяйственное объединение „Болгарская книга и печать“», «Комитет печати при Совете министров» и т. п. При появлении вызывающих определенные опасения произведений, согласование происходило непосредственно с соответствующими отделами Центрального комитета Болгарской коммунистической партии и даже лично с первым руководителем партии. Впрочем, последнее являлось практикой, установленной во время управления Вылко Червенкова (генсек с 1950 до 1956 г.) и позже было целиком воспринято и широко развито Тодором Живковым (первый секретарь с 1956, генсек с 1981 г.). Система контроля прессы, книгоиздания и всех других форм культурной деятельности (театральные постановки, кинопроизводство, художественные выставки) широко использовала разнообразные репрессивные меры, такие как внезапная смена главных редакторов, снятие с должности членов редколлегии, издательских и редакционных советов, творческих комиссий и др. Другая форма контроля и репрессий – инициирование обвинения и разоблачения отдельных авторов, произведений, выставок, редакторов, формальным поводом к которым служили искаженное представление действительности, упадочные идеи, мелкобуржуазные настроения, антипартийные точки зрения и т. д. С этой целью использовались анонимные редакционные тексты в ведущих периодических изданиях²¹.

В области театра и кино контроль и цензурную роль выполняли решения различных художественных советов, зачастую с участием высших представителей системы ЦК Коммунистической партии и чиновников культурного ведомства (специальный

комитет с рангом министерства). Эти советы оценивали и допускали к распространению соответствующую продукцию – театральные постановки или кинофильмы.

Другая форма репрессий – изъятие пьесы из репертуара или фильма с проката после определенного числа постановок или показов. Не были допущены до экрана фильмы «Кит», «33-летняя женщина», сняли с эфира телевизионный многосерийный фильм «Возвращение из Рима» и др.²²

В отношении книг применялась система изъятия из книготорговой сети и библиотек. Были созданы и специальные склады для «арестованных книг». Среди изъятых книг были сатирический сборник «Острый перец» Радоя Ралина, произведения писателя-беглеца Георги Маркова, роман «Лицо» Благи Димитровой, книга философа Желю Желева «Фашизм». Мотивы для подобных изъятий были различны, в большинстве случаев это тексты, которые тем или иным способом содержат серьезную критику действительности (или воспринимаются как таковые)²³.

В области изобразительного искусства в связи с обвинениями в формализме подвергались ограничению на участие в выставках такие художники как Лика Янко, Георги Ковачев и др.

Основным механизмом контроля печати и другими средствами массовой информации оставалась прежде всего система автоцензуры, страх репрессий – остаться без работы или подвергнуться другой форме наказания. Оценка произведений искусства и культуры, а также материалов печати, радио и телевидения – одна из важных прерогатив Партии²⁴. Такая форма оценки многократно подтверждалась личной точкой зрения Тодора Живкова о выставках, театральных постановках, кинофильмах.

Осуществление системы контроля основывалось, прежде всего, на сочетании страха, конформизма, формировании системы самоконтроля и автоцензуры. Одновременно функционировала сложная субординация разных органов, определяющих путь данного произведения от автора до публики. В крайнем случае допускалась и прямая репрессия, включая вмешательство политической полиции – системы Государственной безопасности²⁵.

Тема свободы слова и печати, как и попытки и механизмы их ограничений, разные формы цензуры и самоцензуры, имеет большое исследовательское значение. У нее прямая связь как с историей политической жизни, с характеристикой отдельных политических режимов и государственных институтов, так и с формированием общественного мнения и настроения. Свобода и ее ограничение – две категории, которые представляют основу для характеристики политической культуры общества. Процессы в Болгарии являются интегральной частью истории восточноевропейских обществ, но у них и свои важные отличия, представляющие обособленный пример протекания общественно-политических процессов от конца XIX до конца XX в.

Примечания

¹ Танкова В. Свободата на печата в България 1879–1947 / съст. В. Танкова. София, 1992.

² Конституция на българското царство. София, 1912. Дял VIII, чл. чл. 79, 80, 81.

³ Танкова В. Свободата на печата в княжество България и Източна Румелия (1879–1885) / В. Танкова. Пловдив, 1994; Рангелов Р. Свободата на печата в България / Р. Рангелов. Ч. 1. 1865–1900. София, 1994.

⁴ Новакова К. Печатът и личният режим на Фердинанд / К. Новакова. София, 1975.

⁵ Стателова Е. Политика, партии, печат на българската буржоазия, 1909–1912 / Е. Стателова. София, 1973.

⁶ Рангелов Р. Свободата на печата в България / Р. Рангелов. Ч. II. Изследвания върху законодателството 1901–1944 г. София, 1995.

⁷ Натан Т. Цензори и журналисти: преследването на легалния печат на БКП, 1926–1934 / Т. Натан. София, 1980.

⁸ Балабанов Н. Т. Културни и филантропични институти и културни прояви след измененията на закона за народното просвещение от 1924 г. / Н. Т. Балабанов. София, 1925.

⁹ Вакарелски Хр. За уличната литература и нейните крепители у нас / Хр. Вакарелски // Златорог. 1922. III, № 9. С. 575–578.

¹⁰ Рангелов Р. Свободата на печата в България / Р. Рангелов. Ч. II. Изследвания върху законодателството, 1901–1944 г. София, 1995. С. 111–130.

¹¹ Димитров И. Българският печат в навечерито на Втората световна война (1934–1939) / И. Димитров. Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. 1982. Т. 74. С. 287–322.

¹² Рангелов Р. Свободата на печата в България. Ч. II. С. 115–132 ; Пискова М. Из документалното наследство на фондация «Българско дело» / М. Пискова // Известия на държавните архиви. 2000. Т. 80. С. 90–121.

¹³ Колева Р. Народната библиотека в Пловдив : архивни хроники, 1879–1945 / Р. Колева, Е. Стоицов. Пловдив, 2008. С. 284–285, 299, 244.

¹⁴ Еленков Ив. Труд и радост, отдих и култура : въведение в историята на идеологическо-то моделиране на всекидневието през епохата на комунизма / Ив. Еленков. София, 2013.

¹⁵ Съдът над историците. Българската историческа наука / съст. В. Мутафчиева и др. София 1995. Ч. I: документи и дискусии 1944–1950.

¹⁶ Еленков Ив. Културният фронт. Българската култура през епохата на комунизма – политическо управление, идеологически основания, институционални режими / Ив. Еленков. София, 2008. С. 19–135.

¹⁷ 9 септември 1944: литература и политика / съст. П. Дойнов. София, 2015; Христова Н. Българският случай. Култура, власт и интелигенция, 1944–1989 г. / Н. Христова. София, 2015.

¹⁸ Принудени тестове : самокритики на български писатели (1946–1962) / съст. П. Дойнов. София, 2010.

¹⁹ Чичовска В. Главлит (1952–1956): създаване на единна цензурна система в България / В. Чичовска // Исторически преглед. 1991. № 10. С. 39–69.

²⁰ Пенелов И. Списъци на забранените книги в България през 40-те и 50-те години на ХХ век / И. Пенелов // Пътят към книгите и информацията: юбилеен сборник, посветен на 65 годишнината на Татяна Янкиева. София, 2009. С. 122–129.

²¹ Еленков Ив. Културният фронт. Българската култура през епохата на комунизма – политическо управление, идеологически основания, институционални режими / Ив. Еленков. София, 2008. С. 137–238 .

²² Станимирова, Н. Кинопроцесът – «замразен временно»: българският игрален филм 1950–1970 в документи, спомени, анализи / Н. Станимирова. София, 2012.

²³ Случаят «Люти чушки», 1968: документи и спомени / съст. П. Дойнов. София, 2016.

²⁴ Александрова А. Институционалните механизми като регуатор в сферата на монументалните изкуства през социалитическия период / А. Александрова // Епохи. 2013. № 2. С. 172–181.

²⁵ Христова Н. Специфика на българското «дисидентство» / Н. Христова. Пловдив, 2005.

А. В. Куликова

Мотивы, причины и предпосылки выпуска современных российских краеведческих справочных изданий (1992–2016)

Современные краеведческие справочные издания как часть книжной культуры влияют на развитие книжного дела. Автором впервые выявлены 4 тенденции, способствующие их формированию: издания к юбилеям; личная инициатива; серийные издания; заказные издания. Изучен каждый блок изданий. Сделан вывод о необходимости дальнейшего анализа предпосылок их возникновения.

Ключевые слова: современные краеведческие справочные издания, причины создания книг

Angelina V. Kulikova

Motives, reasons and preconditions for the production of modern Russian local lore history reference books (1992–2016)

Abstract: A modern local lore reference book, as part of book culture, influences the development of book business. The author identified the 4 trends that influenced their creation: publications for anniversaries; personal initiative; serial publications; ordering publications. Each block of publications was learned. A conclusion is drawn on the need for further analysis of the prerequisites for their emergence.

Keywords: modern local history reference books, reasons for creating books

За последние 25 лет увеличилось количество выпускаемых краеведческих справочных изданий, что стало следствием многих причин: смена государственного и общественного уклада, изменение в образе жизни россиян, открытие доступа к архивным материалам. Все эти факторы привели к появлению новых авторов, исследующих свой край и формирующих краеведческие справочные издания.

Для понимания предмета данной статьи представляется уместным дать следующее разработанное нами определение понятия «Краеведческое российское справочное издание»: *издание, не предназначенное для сплошного чтения, служащее для изучения какого-либо субъекта Российской Федерации, созданное в печатной или электронной форме, содержащее информацию научного или прикладного характера, сгруппированную в удобном для быстрого поиска порядке*. На фоне повышенного внимания к изданию подобных книг представляется интересным проанализировать мотивы, причины и предпосылки их возникновения.

В настоящее время в России краеведческие справочные издания выпускаются во всех 85 административных субъектах, включающих: 22 республики, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономную область и 4 автономных округа. За период 1992–2016 гг. их было издано 3152 наименования, включающих региональные энциклопедии, краеведческие справочники, путеводители, топонимические и географические словари, краеведческие летописи и хроники¹.

При рассмотрении мотивов, причин и предпосылочек уместно разделить их по социальному охвату. Так, *мотивами*, непосредственно связанными с индивидуальными авторами и событиями их жизни, повлекшими за собой решение создать краеведческое справочное издание, могут быть следующие: научная работа, любительский интерес, коллекционирование старинных предметов или книг о своем крае, изучение генеалогии, желание увековечить память какого-либо человека и множество других. *Причины и предпосылки* связаны с масштабами общества и с различными информационными поводами. Различные явления в жизни государства трансформируют социум и приводят к изменению жизни на отдельных территориях. Это могут быть исторические и современные события, такие как военные действия, социальные трагедии, патриотические и культурные мероприятия, акты благотворительности, современное успешное развитие какой-либо отрасли на изучаемой территории, судьбы персоналий, повлиявших на развитие края, и т. п.

В процессе исследования современных краеведческих справочных изданий автором данной работы были выявлены 4 *предпосылки* их возникновения: юбилейные даты, заказ, продолжение сериального издания, личная инициатива автора.

1. *Юбилейные даты* – информационные поводы для формирования справочной литературы (включает в себя 4 блока):

- издания, посвященные юбилеям различных территорий (государственного, федерального, республиканского, областного, городского, поселкового, районного масштаба);
- патриотические издания (к юбилею Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, либо к датам, связанным с участием российских регионов в различных войнах);
- локального масштаба (к юбилеям краевых отраслей промышленности, организаций, предприятий, учреждений и т. п.);
- личного масштаба (к юбилеям персоналий, повлиявших на развитие того или иного края, либо учреждения).

2. *Заказные издания* (включает в себя 6 блоков):

- в рамках реализации официальных (государственных) целевых программ, подпрограмм, проектов, рассчитанных на развитие конкретной территории или какой-либо отрасли;
- инициированные (и/или профинансированные) официальными и независимыми структурами (правительствами областей, органами местного самоуправления, коммерческими организациями, частными предпринимателями, самими авторами);
- приуроченные к теме текущего тематического года, объявленного в России (2014 – Год культуры; 2015 – Год литературы; 2016 – Год российского кино и т. д.);
- касающиеся крупных религиозных событий (изданные по благословению официальных представителей Русской Православной Церкви и по решению православных редакционно-издательских отделов при митрополиях и епархиях);
- посвященные работникам одной отрасли региона (металлургам, железнодорожникам, врачам, учителям и т. п.);
- мемориальные (посвященные памяти земляков, погибших в различных войнах).

3. *Сериальные издания* – издания, выходящие «в течение времени, продолжительность которого заранее не установлена», и имеющие одинаковое заглавие². В перечислении основных причин создания краеведческой справочной литературы этот блок является одним из важнейших, т. к. побуждает авторов выполнять обязательства по производству книг, относящихся к заявленной ранее серии. В справочных изданиях часто бывает несколько серий.

4. *Личная инициатива индивидуального автора*. Она побуждает его написать и издать краеведческое справочное издание под влиянием следующих мотивов: интерес к родному краю; накопившийся в процессе работы краеведческий материал; гордость за свою малую родину; желание привлечь в свой край путешественников-туристов; потребность прославить важную для края персону, восполнить пробелы в отражении местной истории и т. д.

Информация о причинах появления той или иной книги обычно содержится на титульном листе в правом верхнем углу и выделяется курсивом. Однако есть и другие способы информирования: на титуле – в виде подзаголовка книги; на авантитуле (или контртитуле) – в центре страницы; на обороте титульного листа – в верхней части страницы после шифров ББК и УДК; на странице, предшествующей второму форзацу – в центральной или нижней ее части. Иногда такая информация представлена на 4-й странице обложки. Есть варианты, когда специально нигде не оговаривается, почему появилась та или иная книга. В этом случае информацию о заинтересованных организациях, повлиявших на создание краеведческого справочного издания, можно получить из библиографического описания книги в сведениях об ответственности (на обороте титульного листа или на последней странице книги).

При выявлении изданий с пометками, проясняющими причины их появления, на первое место по количеству вышли сериальные издания (576 наименований – 52% от общего количества). Второе место занимают юбилейные издания (386 наименований – 35%). На третьем месте – заказные издания (118 – 11%). Замыкает своеобразный рейтинг личная инициатива (22 – 2%). См. таблицу 1:

Таблица 1. Краеведческая справочная литература: предпосылки издания в 1992–2016 гг.

№	Предпосылки	Кол-во наименований
1	сериальные издания	576
2	юбилейные издания	386
3	заказные издания	118
4	издания, возникшие в результате личной инициативы	22

По данным Таблицы 1 была сформирована Диаграмма 1, наглядно показывающая общую картину причин создания краеведческой справочной литературы в 1992–2016 гг.:

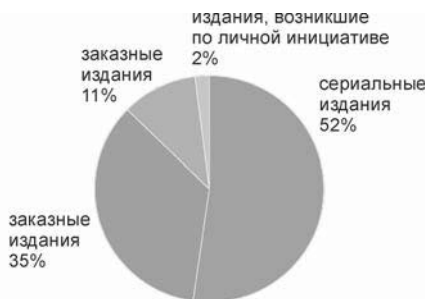

Диаграмма 1

Краеведческая справочная литература: предпосылки издания (1992–2016)

Необходимо отметить, что немало изданий было создано по нескольким причинам. Например, краеведческий справочник В. В. Маркова «Золотой век Смоленска: архитектурные памятники XII–XIII веков» одновременно является юбилейным и серийным изданием³, т. к. был издан серии «Библиотека международного историко-литературного журнала „Странник“» к 1000-летию со дня преставления св. князя Владимира и его сыновей Бориса и Глеба в. Кроме того, эту книгу можно считать проявлением личной инициативы автора. По данным газеты «Рабочий путь», «После выхода в 1979 году фундаментального труда Николая Воронина и Павла Раппопорта о зодчестве древнего Смоленска не появлялось <...> «почти вообще ничего». При этом накопилось много новых данных – из археологических раскопок, обнаруженных в архивах документов и т. д. Владимир Марков <...> попытался заполнить существующие лакуны в <...> истории Смоленска»⁴. Таким образом, в данном случае было три причины выпустить новый справочник и обогатить смоленское краеведение: юбилей, серия, личная инициатива.

Две причины (юбилей и заказ) наблюдаются у 17 книг. Кроме того, что они приурочены к соответствующим юбилеям, за их появлением стоят решения официальных структур и финансирование заинтересованными организациями. Следует отметить, что властные структуры Белгородской, Мурманской, Новосибирской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Челябинской, Тамбовской областей, Москвы и Санкт-Петербурга уделяют большое внимание изданию справочной литературы в связи с юбилеем городов (федеральных и областных центров). Так, например, по заказу правительств Удмуртской Республики, Воронежской, Мурманской, Саратовской и Тамбовской областей появились биографические словари и справочники к юбилеям различных учреждений.

Еще 13 книг появилось на свет в Москве, Костроме, Екатеринбурге, Смоленске, Мордовии, Татарстане, Омской, Брянской, Тюменской областях по двум причинам (заказ и серия). Помимо издательских, образовательных и инновационных национальных программ, подпрограмм и проектов, ощутимую поддержку в деле издания краеведческой справочной литературы оказывают региональные программы развития туризма. Таким образом, можно констатировать, что наличие

всевозможных программ и проектов положительно сказывается как на российском книгоиздании в целом, так и на краеведческом справочном книгоиздании в частности.

В целом, после анализа каждого блока изданий, выявилось следующее.

Юбилейные даты. Среди этого блока изданий – 71 энциклопедия (18% от общего количества юбилейных справочных изданий), 233 – справочника (59%), 40 путеводителей (10%), 53 словаря (13%) (в т. ч. 4 – топонимических). Из перечисленных изданий – 162 наименования биографического характера. См. таблицу 2:

Таблица 2. Виды краеведческих справочных юбилейных изданий (1992–2016 гг.)

№	Вид	Кол-во наименований
1	справочники	233
2	энциклопедии	71
3	словари	53
4	путеводители	40

По данным Таблицы 2 была составлена Диаграмма 2, показывающая доли различных видов краеведческих справочных изданий в общем потоке издаваемых краеведческих справочных произведений печати России в 1992–2016 гг.:

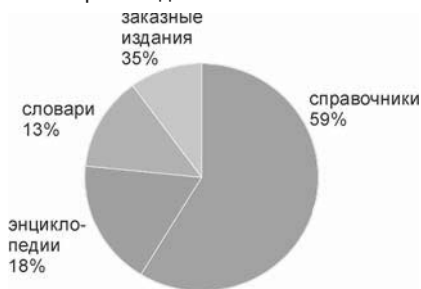

Диаграмма 2

Виды краеведческих справочных юбилейных изданий (1992–2016)

Таким образом, очевидно, что справочников к юбилейным датам вышло в два раза больше, чем общее количество других изданий (справочники занимают первое место в рейтинге популярных видов краеведческих изданий). Вторыми по количеству выпускаемых краеведческих справочных видов публикаций являются энциклопедии, третьими – словари, четвертыми – путеводители. Думается, что причина популярности справочников заключается в разнообразии их целевого назначения. Так, выпускаются справочники биографического характера, топонимические, исторические, географические, хроники, летописи и др. Кроме того, авторами и издателями отдается предпочтение этому виду изданий, как наиболее удобному и по форме, и по содержанию.

При анализе юбилейных изданий выяснилась их градация по различным причинам (поводам) выпуска: юбилеи территорий; юбилеи патриотических событий; локальные и персональные юбилеи. См. таблицу 3:

Таблица 3. Градация изданий по юбилейным поводам (1992–2016 гг.)

№	Юбилейный повод	Кол-во наименований
1	юбилейные даты локального масштаба	136
2	юбилеи различных территорий	128
3	юбилеи патриотических событий	36
4	юбилейные даты персонального масштаба	4

Из Таблицы 3 следует, что к юбилейным датам локального масштаба выпускается наибольшее количество справочных книг. Это юбилеи учреждений, предприятий, организаций, и т. п. На втором месте юбилеи различных территорий РФ, на третьем и четвертом – юбилеи патриотических событий и персоналий соответственно.

Сведения, представленные в таблице 3, отразились в диаграмме 3:

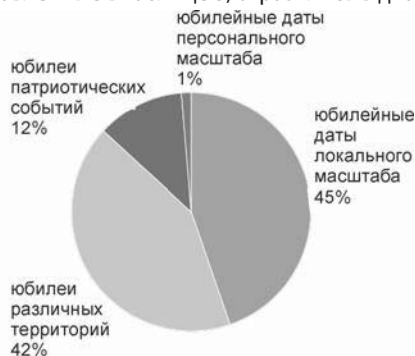

Диаграмма 3

Юбилейные поводы краеведческих справочных изданий (1992–2016)

Издания, посвященные юбилеям различных территорий (государственного, федерального, республиканского, областного, городского, поселкового, районного масштаба).

Необходимо отметить, что юбилейные справочные издания не всегда отражают юбилей именно той территории, о которой идет речь в книге. Есть издания, повествующие о городе, но при этом выпущенные к юбилею области (и – наоборот). Существуют книги о столице республики, но посвященные республике в целом, и т. д.

Например, энциклопедия «Уфа старая и новая» подготовлена к 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России⁵. Биографический справочник о почетных жителях г. Усинска приурочен к 85-летию Республики Коми⁶. Двухтомный путеводитель по городу Иваново посвящен 80-летию Ивановской области⁷. Существует также и такое юбилейное событие, как первое упоминание города в летописи. Например, 1100-летию первого упоминания г. Пскова в летописи посвящены: справочник «Древесные растения г. Пскова»⁸, «Псковская энциклопедия, 903–2003»⁹, а также путеводители «Псковская область»¹⁰ и «Печоры на ладони»¹¹.

В настоящий момент, исходя из сведений, представленных в Таблице 3, насчитывается 128 справочных книг, посвященных юбилеям российских краев, областей, городов, сельских поселений, районов. Сгруппировав по административному подчинению все изучаемые в этом блоке книги, получим следующие статистические данные. Справочные издания, посвященные юбилеям по:

- округам – 3 наименования (Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Коми-Пермяцкий автономные округа);
- краям – 3 наименования;
- республикам – 7;
- областям (или губерниям) – 18;
- городам – 87 (в том числе 16 наименований, названия серий которых отражают празднование 300-летия Санкт-Петербурга: «Три века Северной Пальмиры», «300-летию Санкт-Петербурга посвящается» и др.),
- районам – 9;
- сельским поселениям – 1.

Таким образом, чаще всего авторов и издателей привлекают юбилеи городов (68%), на втором месте – областей (14%), на третьем – районов (7%), на четвертом – республик (5%), на пятом – краев (3%), на шестом – округов (2%), на седьмом – сельских поселений (1%).

Возможной причиной наибольшей популярности юбилеев городов в сравнении с остальными территориями может быть самоидентификация авторов, готовых чаще причислять себя к горожанам, а не к жителям области или районов. Еще одной из причин может быть интенсивное развитие городского туризма, на фоне которого создается множество справочников-путеводителей. Третья, но не менее значимая, причина заключается в мотивации и финансировании: в настоящее время у муниципальных властей гораздо больше возможностей, чем у районных администраций, а правительства областей больше внимания обращают на «круглые» юбилеи, что случается реже, чем пятилетние. Кроме того, многие области, в отличие от городов, достаточно молоды, а это означает, что сведений для выпуска краеведческих справочных изданий не так много.

Таким образом, из проведенного анализа этого блока, можно сделать следующие выводы: всего юбилеям территорий посвящено 128 справочных изданий; по видам издаваемой книжной продукции в этом блоке лидируют справочники (59%); по популярности повода – юбилеи городов (68%).

Юбилеи патриотических событий. Им посвящены 36 краеведческих справочных изданий (18 из них – биографические). В основном это книги, изданные в юбилейные годы Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Кроме того, есть издания, посвященные памятным и юбилейным датам Отечественной войны 1812 г., памяти русских моряков, сражавшихся и погибших в русско-японскую войну, 150-летию начала первой обороны Севастополя. Из общего количества патриотических справочных изданий 3 относятся к энциклопедиям, 20 – к справочникам, 8 – к путеводителям, 4 – к словарям.

Юбилейные даты локального масштаба. Издания, им посвященные, отражают юбилеи организаций и учреждений. Есть книги, выпущенные к юбилеям отделений Российской академии наук, министерств, университетов, школ, библиотек, музеев,

заповедников, театров, творческих союзов, клубов, объединений, банков и т. п. На данный момент их насчитывается 136.

Юбилейные даты персонального масштаба. Таких изданий вышло 4:

- к 300-летию юбилею Михаила Васильевича Ломоносова – в связи с изданием «Поморской энциклопедии»¹²,
- к 100-летию со дня рождения Семена Степановича Гейченко – в связи с созданием «Пушкинской энциклопедии „Михайловское“»¹³,
- к приближающемуся 200-летию Константина Карловича Грота – в связи с выходом в свет энциклопедии «Самарская областная универсальная научная библиотека»¹⁴,
- к 200-летию Михаила Юрьевича Лермонтова – в связи с появлением путеводителя «Тарханы»¹⁵.

Заказные издания. Среди этого блока изданий 24 наименования относятся к энциклопедиям, 65 – справочникам, 16 – путеводителям, 16 – словарям. Из перечисленных изданий 52 – биографического характера.

Заказные издания в рамках программ, подпрограмм, проектов имеются в количестве 33 наименований. Из них 7 энциклопедий было издано научно-производственным объединением «Экономика» в рамках издательского проекта «Экономическая энциклопедия регионов России». Таким образом, справочная региональная литература обогатилась экономическими энциклопедиями Алтайского края, Волгоградской, Саратовской, Самарской, Свердловской областей, а также республик Башкортостан и Дагестан. Большую роль в издании 8 справочных изданий сыграла «Издательская программа Правительства Москвы». Кроме этого, чрезвычайно полезные краеведческие справочные издания вышли благодаря реализации следующих программ и проектов:

Федеральная целевая программа «Культура России» (Подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»),

Федеральная целевая программа книгоиздания России,

Проект Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» «Топография террора»,

Культурно-просветительская программа «Ижица»,

Инновационная образовательная программа Тюменского государственного университета в рамках приоритетных национальных проектов, в частности, проекта «Образование»;

Издательский проект Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики «Интервью» (Ижевск),

Проект «К 250-летию манифеста Императрицы Екатерины Второй о переселении немцев в Россию. Немецкие колонии Петербургской губернии» (Санкт-Петербург),

Книжный проект издательства НОВО «Карман России» (Нижний Новгород),

Вневедомственная целевая программа «Развитие туризма в Омской области на 2011-2013 гг.».

Заказные издания, инициированные официальными структурами, (общее число – 68) вышли в свет благодаря финансированию Фонда фундаментальных исследований Российской Академии наук, городских и областных правительств, по по-

становлениям глав республик, регионов, по решению различных администраций и т. п.

Заказные издания, приуроченные к тематическому году, объявленному в России. Например, в 2009 г., к 2010-му Году учителя, был издан справочник «Учителя и преподаватели русского языка Республики Хакасия»¹⁶, в 2015 г., к Году литературы в России, вышел биографический справочник «Вспомним всех поименно... Мемориальные доски Камчатского края»¹⁷.

Заказные издания по благословению духовных лиц: нам известно 6 справочников-путеводителей по храмам Москвы, Кемерово, Смоленска, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Екатеринбурга¹⁸. Это новое явление для справочной литературы. Пока таких изданий не очень много, однако уже сейчас можно сказать, что в условиях распространения в обществе популярности религиозного туризма заказные издания, выпускаемые по благословению духовных лиц регионов, скоро будут появляться в большем количестве.

Заказные издания, посвященные работникам одной отрасли (их 7). К таковым относятся справочные издания о развитии биологии в Санкт-Петербурге, об истории власти в Рязани, Москве, Татарстане, о краеведах Красноярска, о средствах массовой информации Новосибирска и о развитии металлургии Урала¹⁹.

Заказные мемориальные издания, посвященные памяти погибших персон. 4 таких книги были выпущены в Ульяновске, Петропавловске-Камчатском, Самаре и Якутске²⁰.

Сериальные издания. Среди этого блока изданий – 100 энциклопедий, 161 справочник, 305 путеводителей, 59 словарей (в том числе 12 – топонимических). Из перечисленных изданий 90 носят биографический характер. Следует отметить, что практически все сериальные краеведческие справочные издания одновременно имеют еще одну или несколько предпосылок для своего возникновения; о них уже шла речь выше.

Издания выпущенные по личной инициативе автора. Среди этого блока изданий энциклопедий нет, имеется 7 справочников, 12 путеводителей, 2 словаря (в т. ч., 1 – топонимический). Из перечисленных изданий 3 – биографического характера. Личная инициатива, как правило, как и в предыдущем блоке, сопровождалась дополнительными мотивами.

Таким образом, подводя итоги этому небольшому исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Мотивы, причины и предпосылки формирования современных краеведческих справочных изданий связаны непосредственно с жизнью авторов и событиями в обществе.

2. В краеведческих справочных изданиях 1992–2016 гг. были выявлены 4 основные предпосылки их возникновения: юбилейные даты; заказ; продолжение сериального издания; личная инициатива автора.

3. При выявлении изданий, имеющих информацию о причинах их возникновения, на первое место по количеству вышли сериальные издания, на второе – юбилейные, на третье – заказные, на четвертое – выпущенные по личной инициативе.

4. К причинам создания юбилейных краеведческих справочных изданий относятся: юбилеи территорий; юбилеи патриотических событий; локальные и пер-

сональные юбилеи. Наибольшее количество названий выпускается к юбилейным датам локального масштаба (юбилеи предприятий, учреждений и т. д.). На втором месте – юбилеи различных территорий (городов, областей, районов и т. д.).

5. Для выпуска заказных изданий огромную роль играют национальные, государственные, ведомственные и вневедомственные программы, подпрограммы и проекты, а также финансирование официальными и независимыми структурами.

6. В последнее время заказные издания пополнились новыми: в связи с объявленным в России тем или иным тематическим годом (учителя, литературы и т. п.); по благословию духовных лиц; посвященные работникам какой-либо отрасли; мемориальные и т. д.

7. Издания, выпущенные по личной инициативе, и сериальные издания, как правило, имеют еще несколько предпосылок для своего возникновения, что придает им больший вес по сравнению с другими аналогичными произведениями печати.

Необходимо отметить, что мотивы, причины и предпосылки формирования краеведческих справочных изданий до конца не изучены и требуют дальнейшего внимания исследователей. Их выявление может стать дополнительным фактором, стимулирующим как современные книгоиздательские процессы в целом, так и краеведческое справочное книгоиздание в частности.

Примечания

¹ Здесь и далее в тексте: статистические сведения приводятся согласно авторской базе данных «Российские краеведческие справочные издания, 1992–2016», созданной с апреля 2017 г. по апрель 2018 г. в АИБС «ИРБИС64»

² ГОСТ 7.60-2003 СИБИД. Издания. Основные виды. Термины и определения (с Поправкой). Система стандартов по инф., библиотеч. и издат. делу: межгосуд. стандарт. Офиц. изд. М.: ИПК Изд-во стандартов, 2004. С. 6.

³ Марков В. В. Золотой век Смоленска: архитектор. памятники XII–XIII вв.: [краев. справ.]. Брянск: Смол.: Брян. обл. полиграф. об-ние, 2015. 115 с.

⁴ Медведев Н. Новый взгляд на золотой век Смоленска // Рабоч. путь. 2017. 12 окт.

⁵ Сinenko С. Г. Уфа старая и новая: поп. ил. энцикл. Уфа: Башкортостан, 2007. 271 с. На авантит.: Изд. подгот. к 450-лет. добров. вхожд. Башкирии в состав России.

⁶ Гордость Усинска: 85 лет Республике Коми: [биогр. справ.]. Усинск, 2006. 105 с.

⁷ Бяковский В. С. Дома и люди: по достопримечательным местам г. Иванова: путевод.: [в 2 кн.]. Иваново: Иванов. газета, 1998–2000. На об. тит. л.: К 80-лет. Иванов. обл.

⁸ Соколова И. Г. Древесные растения г. Пскова: справ. мат-лы. Псков: Изд-во Псков. обл. центра нар. тв-ва, 2003. 203 с. Поставяц. 1100-лет. перв. упомин. г. Пскова в летописи.

⁹ Псковская энциклопедия, 903–2003 / ред. А. И. Лобачев. Псков: Псков. энцикл., 2003. 911 с. На контритит.: К 1100-лет. первого упоминия Пскова в древнерусской летописи.

¹⁰ Ольгина Н., Буланов С. Псковская обл.: путевод. М.: Симон-пресс, 2002. 212 с. На обл.: 1100 л. Пскову, 903–2003.

¹¹ Докучаев И. А. Печоры на ладони: путевод. по памятникам древности. Псков, 2002. 111 с. На авантит.: Тысяча сто лет Пскову.

¹² Поморская энциклопедия: в 5 т. / Правит. Арханг. обл. [и др.]. Архангельск, 2001. На авантит. 4 т.: 300-летнему юбилею М. В. Ломоносова посвящается.

¹³ Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: в 3 т. / Гос. мемор. ист.-лит. и природ. ландшафт. муз.-зап. А. С. Пушкина «Михайловское». Михайловское; М.: Кириллица; Консул-СКС, 2003. На авантит. 1 т.: 100-лет. со дня рождения Семена Степановича Гейченко посвящается.

¹⁴ Самарская областная универсальная научная библиотека: энцикл. / М-во культ. Самар. обл., Самар. обл. унив. науч. б-ка. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Офорт, 2014. 417 с. Посвящ. выдающ. гос. деятелю и благотворителю, самар. губернатору в 1853-1860 годах, основат. Самар. обществ. б-ки Константину Карловичу Гроту.

¹⁵ Тарханы: путевод. / Гос. лермонт. муз. -зап. «Тарханы». Тула: ИП Верхов С. И., 2013. 47 с. Посвящается 200-лет. М. Ю. Лермонтова.

¹⁶ Учителя и преподаватели русского языка Республики Хакасия: [биогр. справ.]. Абакан: Изд-во ХГУ, 2009. 143 с. На тит. л. и обл.: 2009 год - 15 лет ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2010 год - Год учителя

¹⁷ Вспомним всех поименно...: мемор. доски Камчат. края: поп. ист.-биогр. справ. Петроп.-Камч.: Камчатпресс, 2015. 111 с.

¹⁸ Антонов В. В. Святые Санкт-Петербурга: энцикл. христиан. храмов / [авт.-сост.: В. В. Антонов, А. В. Кобак. 3-е изд., доп., испр.]. СПб.: Лики России; Фонд «Спас», 2010. 511 с. На тит. л.: Печ. по благослов. Митроп. С.-Петербур. и Ладож. Владимира; Жалсараев А. Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII-XX столетий: энцикл. справ. / Рус. Правосл. Церк., Благодич. Бурят. окр. Чит. и Забайк. епархии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001. 448 с.; Новомученики и исповедники земли Кузнецкой: биобиблиогр. справ. / сост. А. М. Адаменко. Кемерово: Скиф, 2011. 407 с. Кн. изд. по благослов. Преосвящ. Аристарха, еп. Кемеровского и Новокузнецкого, при поддержке обл. адм.; Смоленские святые: [путевод.] / Смолен. еп. Смоленск: Свиток, 2013. 30 с. (Смоленщина - исток России); Храмы и их святые. Екатеринбург: путевод. по храмам Екатеринбург.: справ. / сост. П. В. Бижова. Екатеринбург: Приход собора св. великомуч. Екатерины, 2015. 79 с.; Чапнин С. В. Православная Москва: справ. монаст. и храмов / изд. Сов. Рус. Правосл. Церкви. М.: Арефа, 2006. 447 с.

¹⁹ Биология в Санкт-Петербурге, 1703-2008: энцикл. слов. / С.-Петербур. науч. центр РАН. Ин-т ист. естествозн. и техн. СПб.: Нестор-История, 2011. 566 с.; История рязанской власти: рук-ли Рязан. края, 1778-2008: [биогр. справ. / правит. Ряз. обл. Рязань: Ряз. обл. тип., 2008. 519 с.; Металлургические заводы Урала, XVII-XX вв.: энцикл. / УРО РАН, Ин-т ист. и археол. Екатеринбург: Академкн., 2001. 535 с. На тит. л. и обл.: Урал. металлургии - 300, 1701-2001; Посадков А. Л., Лизунова И. В. Средства массовой информации Новониколаевска-Новосибирска, 1906-2006 гг.: слов.-справ. Новосибирск.: Изд-во ГПНТБ, 2007. 544 с.; Хуако З. Ю. Мир печати Адыгеи: [энцикл.]. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2003. 606 с. На тит. л.: К 300-лет. рос. прессы; Хранители памяти: краеведы Красноярья: биобиблиогр. справ. 1983-2014: подгот. мат. / Краснояр. центр. гор. б-ка им. А. М. Горького. Краснояр., 2014. 189 с.; Центральные органы гос. власти и управления Татарстана (1920-2010 гг.): науч.-справ. изд. / Ин-т Татар. энцикл. и регионов. АН РТ. Казань: изд-во МОиН РТ, 2010. 311 с.

²⁰ Герои-ульяновцы в боях за Родину: кр. биогр. справ.: мемориал. изд. Ульяновск: Ульянов. дом печ., 2000. 119 с.; Киселева Н. С. Вспомним всех поименно...: мемор. доски Камчат. края: поп. ист.-биогр. справ. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2015. 111 с. Книга Памяти: кн.-мемориал воинов-бугурусланцев, умерших по оконч. Вел. Отеч. войны 1941-1945 гг. и ныне живущих: [биогр. справ.]. Самара: Самар. Дом печ., 2005. 335 с.; Книга памяти: кн.-мемориал о реабилитированных жертвах полит. репрессий 1920-1950-х гг.: [биогр. слов.]. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2002. 296 с

РАЗДЕЛ 4. БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ. БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ SECTION 4. LIBRARY AND INFORMATION SCIENCE

УДК 78.075(=161.1)"19"

Н. Ф. Фирсова

«Нотное дело» Василия Бесселя как опыт рекомендательной нотографии в музыкальной культуре России начала XX века

Статья содержит подробный анализ книги В. В. Бесселя «Нотное дело», которая впервые вводится в современный научный оборот. Являясь уникальным примером отечественной нотографии, книга затрагивает актуальные вопросы нотоиздательства и нотной торговли. Процитированные фрагменты книги доказывают многоаспектность источника, который будет интересен как музыковедам, так и историкам книги.

Ключевые слова: нотография, нотная торговля, нотоиздатель, нотный каталог

Natalia F. Firsova

«The Music Business» by Vasily Bessel, is an essay on received music bibliography in Russian musical culture at the beginning of the 20th century

The article includes a detailed analysis of Vasily Vasilyevich Bessel's work «The Music Business», which has been introduced into contemporary scholarship for the first time. A unique example of Russian music bibliography, the book deals with real issues in sheet music publishing and trade. The excerpts quoted from the book illustrate the multifaceted nature of the source, which will be of interest to musicologists and book historians alike.

Keywords: music bibliography, music trade, music publisher, music catalogue

Петербургский нотоиздатель и музыкальный торговец Василий Васильевич Бессель (1843–1907) также являлся известным общественным и литературным деятелем. Владея совместно с младшим братом Иваном Васильевичем с 1869 г. нотным магазином на Невском проспекте в доме № 54¹ и с 1871 г. собственной нотопечатней на Троицкой улице в доме № 24², Бессель-старший почти на 40 лет становится главой одной из крупнейших в России издательской и книготорговой фирмы «В. Бессель и К°».

Формированию ассортимента музыкальной торговли братьев Бессель способствовали заграничные контакты, обеспечивавшие иностранные поступления, а также большой объем самостоятельно изданной нотной литературы преимущественно современных русских композиторов. Музыковед Б. Л. Вольман дает следующую характеристику торговому предприятию фирмы «В. Бессель и К°»: «Первые шаги Бесселя в нотной торговле были успешны благодаря тому, что он создал в своем магазине большой выбор тщательно отобранных нот и книг. Бессель зарекомендовал себя серьезным предпринимателем, заботившимся об удовлетворении запросов наиболее культурных покупателей. Люди из музыкально-артистического

мира Петербурга с самого начала создали Бесселю хорошую репутацию. Его торговля пошла настолько хорошо, что в 1888 году фирмой был открыт нотный магазин в Москве и начата торговля за границей»³.

В мемуарной литературе можно встретить проникновенные слова современников о личности Василия Бесселя и особенностях его музыкального магазина. Так, в воспоминаниях княгини Марии Васильевны Волконской⁴, называвшей издателя «мой придворный поставщик нот», мы находим такую информацию о старшем Бесселе: «Он всегда был очень любезен, когда моя мать и я заходили к нему в магазин; уверял, что я приношу ему счастье, что стоит мне войти в его пустой магазин, как он тотчас же наполняется покупателями, и потому спускал мне % с нот; кроме того, показывал нам письмо Ф. Листа о Балакиреве. (Письмо это он вставил в рамку и держал не в первой комнате магазина, куда с улицы входили покупатели, а во второй.)»⁵.

Порядок организации торговли в петербургском магазине фирмы «В. Бессель и К^о» является открытым вопросом, так как на сегодняшний день не удалось обнаружить об этом документальных свидетельств. Однако благодаря незаурядному литературному таланту Бесселя-старшего, оставившего после себя большое количество музыкально-публицистической литературы на разные темы, мы имеем возможность по материалам прижизненных публикаций издателя реконструировать специфику этого нототоргового предприятия.

Речь идет о книге, изданной Бесселем в Петербурге в 1901 г. под названием «Нотное дело (краткие сведения). Необходимое пособие для продавцов нот и для всех желающих заниматься нотной торговлей»⁶. Н. Ф. Финдейзен в своем очерке о Бесселе отмечал о книге следующее: «Наиболее полно и практично он (Бессель. – Н. Ф.) изложил все, чему научил его долголетний издательский опыт и изучение музыкально-издательской отрасли торговой промышленности, в своем крупном, несмотря на сжатое изложение, труде *«Нотное дело»* – первая и до сих пор единственная не только у нас, но, пожалуй, и за границей подобная книга. Она действительно может быть рассматриваема как диссертация – вернее всего учебного характера – на звание «ученого издателя». Практическое значение ее давно уже всеми признано, как пособие для лиц, ведущих торговлю нотами. Изучивший эту книгу не будет уже слепо, наугад вести свое торговое дело»⁷.

Книга Бесселя имеет рекомендательный характер: анализ практических задач нотной торговли сочетается здесь с освещением общеисторических и культурных вопросов, призванных расширить кругозор продавцов нот. Во многом содержание «Нотного дела» отвечает просветительской миссии издателя-музыканта – выпускника Петербургской консерватории (1865 г.) и альтиста императорских оперных театров (до 1874 г.). Также имея опыт преподавания на «Курсах элементарной теории и сольфеджио», устроенных в квартире своих родителей, известный нотоиздатель на протяжении всей жизни имел неутоленный талант музыкального историка и педагога. Этими обстоятельствами можно объяснить столь значительный объем общеобразовательной информации, имеющейся в «Нотном деле»: это характеристика основных музыкальных жанров, форм и особенностей разных музыкальных инструментов, а также «Краткий исторический обзор развития нотописания и нотопечатания». О своих задачах в предисловии к «Нотному делу» Бессель пишет сле-

дующее: «Всякий знает, что подобная торговля как нотная, зависит прежде всего от продавца, хорошо знающего свой „товар“ <...> Неумело, без знания дела, проданная нотная тетрадь, вызывает неудовольствие в покупателе и охлаждает в нем охоту вновь купить что-либо; умело выбранная тетрадь, удачно проданный хороший танец или любимый романс, создает, в покупателе, охоту вновь купить что-нибудь. Еще ярче выкажется умение продавца в выборе музыкально-педагогических пособий или салонной музыки. У иных торговцев в провинции, имеющих ноты для продажи, мне приходилось встречать молодых людей, не только не умеющих толково продать ноты, но даже рассортировать их, по принятому порядку»⁸.

Порядок и принципы сортировки нотной продукции, описанные Бесселем в «Нотном деле», показательны как с точки зрения помощи продавцам нот для ориентации в разнообразии музыкальных публикаций, так и с позиции понимания издателем современного состояния музыкальной культуры. В разделе «Сортировка нот» Бессель пишет следующее: «Ноты сортируются сначала по категориям, т. е. оперы отдельно, оркестровые сочинения отдельно, вокальные произведения отдельно и т. д. Затем в каждой категории ноты сортируются по алфавиту фамилий композиторов, причем обыкновенно придерживаются латинского, а не русского алфавита, потому что, кроме громадного количества иностранных изданий, имеющих у нас в продаже, и на большинстве русских изданий, титула, т. е. заглавные страницы печатаются на французском языке <...> Русские романсы сортируются по русскому алфавиту; немецкие – по немецкому; французские и итальянские – по латинскому <...> В виду громадности группы фортепианной музыки, в 2 руки, в прежнее время – в больших магазинах – сортировали отдельно: школы; этюды; увертюры; пьесы и танцы. Это разделение, удобное для самых больших магазинов, затрудняя отыскивание пьесы, вообще не практично; для большинства оно неприменимо, поэтому и не заслуживает предпочтения <...> Весьма важно сохранять ноты, по возможности свежими, т. е. предохранять их от порчи. Для достижения этого необходимо иметь две толстые папки, нижнюю и верхнюю; последняя должна иметь отвесную крышку с алфавитной пометкой о том, что находится в пакете»⁹.

Затрагивая вопросы сохранности нотной продукции, как в помещении магазина, так и на складе собственной нотопечатни, Бессель также уделяет значительное внимание правилам учета товарооборота, выделяя несколько его разновидностей: издательская контора, оптовая торговля, сортиментная торговля и абонемент на чтение нот. Для каждой из указанных сфер Бессель рекомендует использование определенной учетной документации, необходимой для фиксирования движения товара¹⁰.

Отметим, что вопросы финансовых вложений имели для владельца фирмы «В. Бессель и К^о» большое значение, что подтверждает содержание книги. Автор сообщает условия печатания и издания нот, подробные финансовые схемы их покупки и продажи, а также примерные расчеты стоимости нот при покупке за границей. Бессель приводит ряд интересных сведений о закономерностях развития рынка нотопечатания в Европе и России и состоянии этой отрасли полиграфической промышленности на современный написанию книги момент. Вопросы авторского и издательского права в нотном производстве также попадают в поле зрения автора «Нотного дела». Бессель поясняет читателю юридические механизмы и

финансовые расчеты уступки композитором права собственности на музыкальные произведения.

Учитывая различные схемы продвижения нотного товара, Бессель не упускает возможность дать краткую характеристику одному из самых эффективных средств торговой рекламы – нотным каталогам. Осознание важности для современной музыкальной культуры наличия разных каталогов в странах Европы и России вынуждает автора «Нотного дела» выделить для характеристики этой торговой формы нотографических изданий целый раздел под названием «Нотные каталоги и их устройство». Подчеркнем, что, начиная с 1870 г., фирма «В. Бессель и К^о» издает как нотопродавческие «Каталоги изданий музыкальной торговли», так и «Каталоги сочинениям, изданным с правом собственности».

Рекомендательным задачам пособия для продавцов нот отвечает «Словарь авторов», который Бессель приводит в завершении своей книги. Данный «оценочный каталог» (определение Н. Ф. Финдейзена)¹¹, становится уникальным явлением в нотографической литературе конца XIX – начала XX веков. Представляя собой перечень наиболее активно продаваемых нотных изданий, «Словарь» Бесселя выходит за рамки привычных для читателя рубежа веков рекомендательных библиографических пособий по музыкальной литературе¹². Сочетая в себе черты как репертуарных и педагогических аннотированных указателей, так и критических библиографических обзоров, «Словарь авторов» Бесселя определяет, прежде всего, торговую востребованность музыкальных публикаций, выделяя из всего объема нотной продукции самые яркие образцы.

Первый раздел «Словаря» назван «Краткая характеристика главнейших авторов фортепианных сочинений» и содержит обзор русских и иностранных композиторов. Ряд позиций Бесселя выдают субъективную оценку издателем степени популярности в России того или иного автора (особенно иностранного). Во многом оценки Бесселя определены веяниями моды, что, несомненно, отвечает задачам эффективных продаж. Давая обзор творческого наследия авторов, издатель подчеркивает, что «характеристика эта не претендует на критику или художественную оценку произведений композиторов; она должна служить только руководством для продавцов нот в России»¹³.

В подаче справочного материала в этом разделе «Словаря» можно выявить ряд критериев, которые Бессель использует при анализе авторов:

1. Национальность композитора и его историческое положение;
2. Отношение к России (преподавал, жил, гастролировал);
3. Объем творческого наследия и ведущие жанры;
4. Оценка степени популярности;
5. Уровень технической сложности для исполнения¹⁴.

Второй раздел «Словаря» посвящен исключительно русским именам, наиболее известные из которых выделены жирным шрифтом. Перечень композиторов организован по жанрам: сочинения для фортепиано, камерная музыка и оркестровые сочинения. Однако списки сочинений сделаны очень кратко, т. к. приведены только основные произведения в указанных жанрах.

Вынесение в отдельный раздел характеристики русских авторов свидетельствует о значительных финансовых рисках, связанных со сбытом этого нотного

товара. Так, в начале второго раздела «Словаря авторов» Бессель указывает: «В сочинениях русских композиторов невозможно точно определить то, что *нужно* держать на складе и что *не нужно*. Причины тому весьма различны: прежде всего еще не установилась популярность авторов и их произведений. Обыкновенно спрос на подобные сочинения является в зависимости от публичного их исполнения, в концертах или салонах, в театре или собраниях. Поэтому совершенно необходимо следить за программами концертов, вечеров и всяких музыкальных собраний. Весьма естественно, что сочинения наших знаменитых, всемирно-известных композиторов, следует всегда иметь на месте»¹⁵. Подчеркнем, что для Василия Бесселя определение степени популярности того или иного современного русского автора была актуальна не только с точки зрения прибыльности в торговом сбыте их нотной продукции, но и с позиции эффективности финансовых вложений в новые публикации отечественных композиторов на территории собственной нотопечатни.

Третий раздел «Словаря авторов» назван «Произведения вокальной музыки» и содержит обзор одногласного пения (романсы) и оперных сочинений русских и зарубежных авторов (немецких, французских и итальянских). В списках русских оперных произведений обращает на себя внимание включение неопубликованных сочинений. Так, с ремаркой «еще не издана» приведены: оперы А. Аренского «Наль и Дамаянти», Н. Афанасьева «Амалат-Бек», А. Даргомыжского «Эсмеральда», В. Кашперова «Гроза», Н. Соловьева «Кузнец Вакула». В иностранной оперной нотографии приведены как оригинальные, так и русскоязычные названия, а также отмечены публикации с русским текстом. По поводу языковых особенностей оперных нотных изданий Бессель указывает следующее: «Итальянские оперные труппы, в последнее время, включают в свой репертуар произведения иностранных авторов: французских, немецких. Вследствие этого появились в продаже оперы *не* итальянских авторов, изданные с итальянским текстом»¹⁶.

Заслуживает исследовательского внимания «Приложение» к книге Бесселя, состоящее из двух частей. В первом приложении приведены образцы книг, применяемых для финансовой отчетности в сортиментной и оптовой торговле, издательской конторе и нотопечатне (с. 93–100). Второе приложение содержит «Устав Русского Общества Издателей музыкальных произведений и торговцев нотами и музыкальными инструментами» (с. 101–108). Бессель так аргументирует актуальность включения этой информации в свою книгу: «В виду возникновения в 1898 году „Русского Общества Издателей музыкальных произведений и торговцев нотами и музыкальными инструментами“ в С.-Петербурге, имеющее целью упорядочение музыкальной торговли в России, и тесной связи, установившейся между Обществом и большинством деятелей по нотному делу, автор признал полезным приложить в конце своей книги его Устав и указать на нынешний состав его Правления»¹⁷.

В заключение отметим, что начинание Бесселя в деле продвижения музыкальной торговли имело своих последователей. Так, в 1907 г. в Киеве выходит в свет «Спутник нототорговца. Каталог педагогических репертуаров, этюдов и танцев для фортепиано в две руки в алфавитном порядке, по заглавию пьес и танцев»¹⁸. Однако содержание этого каталога, который представляет собой систематизированную роспись пьес из репертуарных сборников, лишено методических пояснений и рекомендаций. Таким образом, именно подробность и обстоятельность книги

Бесселя «Нотное дело», освещающей целый комплекс задач нотной торговли, позволяет признать уникальность этого пособия. Несмотря на субъективность оценок издателя, приведенная в его книге нотографическая информация достойна, на наш взгляд, пристального внимания. И хотелось бы надеяться, что включение труда Бесселя в современный научный оборот станет интересным и полезным приобретением для отечественной музыкальной библиографии начала XX в.

Примечания

¹ Данный номер дома приводится по сведениям, имеющимся в рукописных документах В. В. Бесселя (см., например: ОР РНБ. Ф. 68. Д. 5). Однако в литературе об издателе можно встретить указание на другой номер дома магазина, расположенного на Невском проспекте, – № 58. См.: Финдейзен Н. Ф. Василий Васильевич Бессель: очерк его музыкально-общественной деятельности / сост. по печ. и неизд. источникам. СПб., 1909. С. 18. (В сноске Финдейзен указывает, что это ныне дом № 66). Насколько нам известно, фирма «В. Бессель и К^о» имела на Невском проспекте только один магазин, а «чехарда» с номерами домов была связана с общегородской тенденцией перенумерации, характерной для Петербурга.

² Данный номер дома имеется на обложках нотных изданий Бесселя.

³ Вольман Б. Л. Русские нотные издания XIX– начала XX века. Л., 1970. С. 105.

⁴ Волконская Мария Васильевна (1860–1940), урожд. Кондрашова; брала уроки игры на фортепиано у М. А. Балакирева (1870-е гг.).

⁵ Волконская М. В. За 38 лет. Отрывки из воспоминаний: посвящ. памяти Милия Алексеевича Балакирева (перепечатка из журнала «Русская старина») // Балакиреву посвящается: сб. статей к 160-летию со дня рождения композитора (1836–1996) / ред.-сост. Т. А. Зайцева. СПб., 1998. С. 186–187.

⁶ Нотное дело (краткие сведения). Необходимое пособие для продавцов нот и для всех желающих заниматься нотной торговлей / сост. В. В. Бессель, свободный художник музыки и основатель Муз. торговли под фирмой «В. Бессель и К^о» в С.-Петербурге. СПб., 1901. V, 108 с.

⁷ Финдейзен Н. Ф. Василий Васильевич Бессель... С. 91.

⁸ Бессель В. В. Нотное дело... С. IV. Здесь и далее сохраняется орфография источника.

⁹ Там же. С. 54–55.

¹⁰ Перечень торговых книг, приведенный Бесселем в «Нотном деле», содержит: «1) Запись исходящих нот (Manco-Buch), т. е. книга в которую записываются все ноты, подлежащие пополнению. Эту запись следует делать всегда безотлагательно; на ней основан весь порядок в сортименте. 2) Памятная книга (Strazze), т. е. черновая запись вообще. Сюда записывается временно все, что не вносится пока, на счет: ноты выданные на просмотр и т. п. 3) Личный счет (Contobuch). В эту книгу записывается – на одной странице для каждого лица или учреждения – все, что отпускается в кредит т. е. на счет. 4) Товарная книга – с отделом русским и иностранным (если имеются сношения с иностранными издателями). В эту книгу вносится весь товар, полученный от издателей <...> Сюда-же вносятся и платежи. 5) Касса или приходо-расходная книга. Это есть книга, в которую вносятся итоги суточного прихода, т. е. магазинная продажа, получение по счетам и т. п., а также все расходы. 6) Книга иногородних покупателей. Эта книга ведется по номерам и затем фамилии покупателей разносятся по алфавиту с указанием номера. 7) Магазиная продажа. В эту книгу вносится подробно каждая проданная тетрадь. 7а) Conto Corrent кассы. В эту книгу вносятся все статьи из кассы, а статьи из Conto Corrent'ной книги вносятся в Главную книгу – в месячных итогах и 8) Инвентарь. Эта книга ведется по личному усмотрению». Бессель В. В. Нотное дело... С. 57–58.

¹¹ Финдейзен Н. Ф. Василий Васильевич Бессель... С. 92.

¹² См., например: Миропольский С. О музыкальном образовании народа в России и Западной Европе с приложением статьи «об эстетическом образовании нашего народа» и библиографического «обзора русской музыкально-педагогической литературы» и заграничной: 2-е изд., перераб. СПб., 1882. 252, III с.; Мазурин К. М. К истории и библиографии пения. М., 1893. XVI, 132 с.; Критико-библиографические заметки по литературе церковного и вообще школьного пения / сост. священник Василий Лебедев. Тамбов, 1904. 173 с.; Лебедев В., Нелидов К. Обзор детской, школьной и хоровой музыкальной литературы: опыт алфавитного указателя для матерей, учителей пения и хоровых дирижеров. Тамбов, 1907. 14, 182 с.; Опыт библиографического указателя по литературе русских народных песен. СПб., 1909. 28 с.

¹³ Бессель В. В. Нотное дело... С. 59.

¹⁴ Показательны, например, следующие характеристики авторов, которые дает Бессель: «Хороший современный салонный композитор; имеет около 180 сочинений – большинство из них (равно и прекрасные транскрипции его) пользуются известностью... Автор салонных пьес, продолжительное время живший в Москве <...> В настоящее время его сочинения уже устарели – их почти не играют... Автор более 150 оперных и опереточных попури, пользовавшихся прежде значительной известностью. Выбор их зависит от местного репертуара оперных и опереточных представлений... Современный французский композитор изящных салонных пьес и оперных транскрипций средней трудности, а также весьма мелодичных и эффектных этюдов... Современный немецкий композитор, сочинения которого мало популярны, не смотря на их музыкальные достоинства... Устаревший немецкий композитор педагогических легких пьес. Некоторые его сонатины и по сие время пользуются известностью в среде фортепианных педагогов... Композитор, живший одно время в Петербурге, а потому в его сочинениях встречаются транскрипции русских романсов, песен и оперных отрывков...». Бессель В. В. Нотное дело... С. 61–80.

¹⁵ Бессель В. В. Нотное дело... С. 82.

¹⁶ Там же. С. 91.

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ Спутник нототорговца: каталог педагогических репертуаров, этюдов и танцев для фортепиано в две руки в алфавитном порядке по заглавию пьес и танцев. Kijow: Druk polska, [1912]. 229 с.

Е. С. Русинова

Библиотеки и читатели Болгарии в первой половине XX века

В первой половине XX в. были заложены основы болгарской библиотечной науки, изучение читателей, библиотечная система в стране. Поощрялось развитие библиотек в небольших поселениях и строительство библиотечных зданий. Дискуссии библиотекарей были сосредоточены на проблемах изучения читателей и чтения, поощрения студенческого чтения и создания школьных библиотек для преодоления значительной функциональной неграмотности большей части населения. Основная тема многочисленных публикаций по этому вопросу была связана с необходимостью превращения библиотек в центры чтения, формирования культуры чтения и в более широком смысле – активизации культурной жизни в стране. Были широко распространены взгляды Л. Хавкиной и Н. Рубакина о роли библиотек. Формирование системы каталогизации находилось под непосредственным влиянием Германии; также обсуждалась практика небольших публичных библиотек Соединенных Штатов. В течение рассматриваемого периода были предприняты первые попытки изучить читателя, его профилирование и чтение. Появляются первые анализы библиотечной статистики, а также значительное количество публикаций под лозунгом «кто и что читает в библиотеке». Это развитие было связано с исключительными финансовыми и организационными трудностями. В конце периода (40-е гг. XX в.) государство радикально вмешалось в библиотечную систему, ее финансирование, контролировало поступление книг и периодических изданий.

Ключевые слова: библиотеки в Болгарии, изучение читателей, аудитория читателей

Evgeniya S. Rusinova

Libraries and readers in Bulgaria in the first half of the 20th century

In the first half of the 20th century, the foundations of the Bulgarian library science were established, as well as the studying of the readers, and the library system in the country. The development of libraries in small settlements and the construction of library buildings is encouraged. In the center of the librarians' debates are the topics about reading and the readers, about encouraging the student's reading, the creation of school libraries, for overcoming the significant functional illiteracy of a large proportion of the population. The main reason in the numerous publications on the topic is the need for the library to become a center for inclusion to the reading, for formation of a culture of reading, and, more broadly, for the activation of cultural life in the country. Strong influence on the idea of the role of the libraries have the widely publicized views of L. Hakvina and N. Rubakin. The formation of the cataloging system is under the direct influence of Germany; some practices of the United States' small public libraries are also being discussed. During the period under review, were made the first attempts to study the reader, for his profiling and for the reading. The first analyzes of library statistics appear, as well as a significant number of publications under the slogan „who reads what in the library“. This development is associated with exceptional financial and organizational difficulties. At the end of the period (the 40s of the XX century), the state radically interfered with the library system by taking over its funding, providing books and periodicals, and putting it under full control.

Key words: libraries in Bulgaria, studying readers, reader audience

Период с начала XX в. до конца 40-х гг. характеризуется формированием библиотечной системы, читательских аудиторий, библиотечной науки и образования в Болгарии. В целом, библиотечное дело в стране в это время является общественной инициативой.

В первой половине XX в. Болгария проходила через этап ускоренной модернизации, временно прерываемый катастрофическими войнами в 1912–1913 и 1915–1918 гг., последующими послевоенными хозяйственными, политическими и социальными кризисами и гражданской войной 1923–1925 гг. В 1934 г. был установлен авторитарный беспартийный режим, который длился до сентября 1944 г. С осени 1944 до конца 1947 г. в стране был период квазиплюрализма, а с начала 1948 г. в ней установился долгий сорокалетний период монопольного правления Коммунистической партии.

В первой половине XX в. Болгария целиком находилась в процессе периодической модернизации. В экономическом плане к началу века она была слабо развитой аграрной страной с низкой степенью урбанизации. Около 80% населения в 1900 г. жило в деревнях. Эта картина менялась очень медленно – в 1934 г. сельское население все еще составляло около 78%. В то же время, в области образования и культуры развитие было в целом восходящее.

Библиотечное дело

Болгария вошла в XX в. с динамически развивающимся книгоизданием и успешно функционирующей образовательной системой. В стране существовали 4 основные библиотеки – Народные (национальные) библиотеки в Софии и Пловдиве, библиотеки Болгарской академии наук и Софийского университета. Параллельно с ними существовал ряд ведомственных библиотек, а также библиотек общественных организаций и профессиональных объединений.

Основная масса библиотек являлась составной частью так называемых читалищ, возникающих в городах и селах. Читалища по существу представляют комплексные культурные учреждения – общественные библиотеки и культурные клубы, создаваемые по общественной инициативе. Они организуют библиотеки, народные университеты, курсы иностранных языков, осуществляют самодельные театральные и музыкальные постановки. В 1900 г. их насчитывалось 300, из которых было 72 городских и 228 деревенских читалищ. Кроме того, существовало и значительное число школьных библиотек.

На протяжении всего рассматриваемого периода в Болгарии отсутствовала целостная государственная политика в отношении библиотек. Библиотечная сфера входила в сферу ответственности Министерства народного просвещения, которое, за некоторыми исключениями, не считало ее приоритетной. Одной из немногих позитивных инициатив властей того времени являлось принятие в 1897 г. Закона об обязательном экземпляре для двух народных библиотек в Софии и в Пловдиве. Войны второго десятилетия XX в. временно сместили библиотечную проблематику на второй план и помешали развитию некоторых общественных инициатив.

После установления в 1920 г. правления Болгарского земледельческого народного союза началась очень активная политика расширения грамотности и доступности образования для самых широких общественных слоев населения. Это определило и большое внимание к библиотечному делу. В ноябре 1920 г. был при-

нят Закон об учреждении доступных народных библиотек. Появляются две новые публичные библиотеки – в Великом Тырнове и в Шумене; предусматривается создание новых библиотек в наиболее важных в административном отношении селах и городах. После переворота, свергнувшего земледельческое управление, этот закон был отменен, но библиотечная проблематика уже встала на повестке дня.

В 1927 г. была предпринята новая серьезная попытка развития библиотечного дела, на этот раз посредством поощрения деятельности читалищ. Был принят специальный закон, гарантирующий статут читалищ как автономных общественных институтов и одновременно с этим их финансирование со стороны общин (управляющих органов населенных пунктов, которых обязывают предоставлять читальщам строительную площадку, как и соответствующий участок земледельческой земли, которыми они могли содержать себя). Закон этот имел большое значение для библиотечного дела. Только за период 1927–1932 гг. в Болгарии были созданы 1604 новые читальща и к 1933 г. в стране уже насчитывалось 2801 читальще, из которых 152 городские и 2649 – в деревнях. Для сравнения можно отметить, что с основания первого читальща в 1856 г. до 1927 г. было создано 1197 читальщ.

Хорошие условия для развития читальщ и особенно для их библиотечной функции создал основанный в 1911 г. Верховный читальщный союз. Он объединил все читальща и представлял их интересы в государственных органах и общественных организациях.

По данным 1937 г. читальщные библиотеки располагали общим фондом в 1 700 000 книг, из которых на городские читальща приходится 650 000, а на сельские – 1 050 000 томов. Это означает, что одно деревенское читальще имело в среднем 400 книг, в то время как одно городское – 4276. Реально, однако, имелись деревенские читальща, которые располагали всего сотней книг.

Необходимо отметить также, что статистика читальщных фондов велась нерегулярно и поэтому слишком неточна. Так, например, не было разделения между общим количеством зарегистрированных читателей и их посещениями. В статистике иногда указывались и завышенные данные.

Для улучшения деятельности читальщ в 1941 г. был принят новый закон. Он расширял возможности их финансирования, но ограничивал автономию. Читальща не могли свободно выбирать книги, а комплектовались только той литературой, которая была включена в специальные списки, создаваемые Верховным читальщным союзом под государственным контролем.

В конце 20-х гг. писателем и библиотечным деятелем Асеном Разцветниковым был поставлен вопрос об организации современных школьных библиотек.

В рассматриваемый период началось строительство первых специально предназначенных для библиотечных нужд зданий. В 1906 г. был подготовлен проект библиотеки Софийского университета, а в 1914 – национальной библиотеки-музея.

В 1922 г. открылась Столичная городская библиотека, которая была разрушена в годы Второй мировой войны при бомбежке Софии англо-американскими бомбардировщиками.

Первое специализированное библиотечное здание появилось только в 1930–1934 гг., когда была построена Университетская библиотека в Софии. После нее появилось здание специализированной библиотеки Болгарского земледельческого

банка и в 1938 г. началось строительство национальной библиотеки Болгарии – Народной библиотеки в Софии. В конце 30-х гг. началось строительство библиотечно-музейного здания в Великом Тырнове.

После Первой мировой войны развитие библиотечного дела требовало организации подготовки библиотекарей. Организатором этой деятельности стал Верховный читалищный союз, который с 1923 г. ежегодно организовывал специализированные курсы для библиотекарей. Эти курсы не только готовили необходимый для библиотек персонал, но и стали тем форумом, где практикующие библиотекари делились своим профессиональным опытом.

В те же 20-е гг. в Софийском университете открылась факультативная специальность «Библиотековедение». Для ее слушателей лекции читал один из создателей болгарской библиотечной науки, директор Университетской библиотеки Стоян Аргиров.

С расширением деятельности библиотек и увеличением библиотечного персонала все больше проявляется нужда в профессиональной организации библиотекарей. Инициатором ее создания становится библиотеквед Васил Класанов. В 1926–1927 гг., а затем в 1938 г. он учреждает Союз библиотекарей.

Библиотечная наука и практика

В рассматриваемый период в Болгарии появились первые библиотечные специалисты с хорошей профессиональной подготовкой, владевшие иностранным опытом организации библиотечной работы. Формирование взглядов на библиотечную деятельность было обязано исключительно личной инициативе отдельных энтузиастов, людей с гуманитарной подготовкой, которые в определенный момент своего профессионального развития оказались связанными с библиотечным делом. Тут необходимо отдать должное, прежде всего, таким деятелям как Стоян Аргиров, Васил Класанов, Иван Данов, Петр Ненков, Тодор Боров, Маргарита Димчевска, Мара Тодорова-Камерани.

В стране в это время сформировалось несколько ведущих центров библиотечной практики и библиотечной мысли. Отметим самые значимые:

- Библиотека Софийского университета, самая организованная в плане профессиональной деятельности библиотека в стране;

- Пловдивская народная библиотека, в которой было положено начало исследованиям чтения. В ней работали выдающиеся организаторы библиотечного дела Борис Дякович (1868–1937) и исследовательница чтения Елисавета Живкова-Пеева;

- Плевен (Плевна) – здесь работал один из самых активных библиотечных деятелей и пропагандист иностранных библиотечных достижений – Ячо Хлебаров. В городе находилась библиотека читалища «Согласие», в которой вводится УДК; эта библиотека стала образцом для других читалищных библиотек;

- Шумен, где трудился библиотеквед Васил Класанов (1890–1950) – инициатор создания профессиональных организаций библиотекарей и развития профессиональной библиотечной печати;

- Варна, где местной библиотекой с 1928 по 1953 г. руководил Добрин Василев (1893–1957), один из инновативно думавших библиотечных деятелей.

Наибольшие заслуги в развитии библиотечного дела в Болгарии принадлежат четырем людям. В первую очередь, это Стоян Аргиров (1870–1939), автор первого

руководства по библиотечной работе (Руководство по организации народных, общинских, школьных и частных библиотек, 1898). Он был создателем Университетской библиотеки в Софии и с 1901 по 1934 г. являлся ее директором. Он же заложил основы библиотечного образования.

Заслуги Ивана Данова (1880–1947) связаны с внедрением в практику библиотечной работы УДК. Он превратил плевенское читалище «Согласие», в котором проработал библиотекарем с 1904 по 1947 г., в самую современно оборудованную общедоступную библиотеку, в своеобразный методический центр введения УДК.

Ячо Хлебаров (1887–1951) содействовал организации библиотечного образования (библиотечные курсы), и превратил орган Верховного читалищного союза – журнал «Читалище» – в авторитетную трибуну пропаганды библиотечных знаний. Его заслуга состоит в популяризации инновационных иностранных идей в организации библиотечного дела, библиотечной психологии как средства познания личности читателя.

Тодор Боров (1901–1993) проявил себя как организатор библиотечного дела. Он организовал фактически первую кампанию по формированию общественной поддержки библиотечного дела в связи с необходимостью построить здание для Народной библиотеки в Софии (вторая половина 30-ых гг.). Т. Боров занимался также образованием Болгарского библиографического института (1941 г.). Вклад Маргариты Димчевской (1892–1983), сотрудницы Министерства народного просвещения и библиотекаря Народной библиотеки в Софии (1927–1943), заключался в популяризации передового опыта организации библиотечного дела Великобритании и США. Она интересовалась также и проблематикой, связанной с архитектурой библиотек.

Болгарская библиотечная мысль в тот период находилась под сильным влиянием опыта США, Германии, Франции, России. При организации и функционировании библиотечной и библиографической систем в целом ведущими являются разные формы и подходы, заимствованы из немецкой библиотечной практики (например, прусская каталожная система). Болгарские библиотечные специалисты широко пропагандируют иностранный опыт. Например Стоян Аригров ориентировался на практику стран Центральной Европы – Германии, Австрии, Чехословакии. Он популяризовал практику США по организации и финансированию библиотек. Ячо Хлебаров уделял внимание прежде всего русскому опыту и разработкам Л. Б. Хавкиной и Н. А. Рубакина, а также деятельности Поля Отле и Анри Лафонтена. Тодор Боров широко ссылается на немецкие библиотечные публикации и конкретный опыт.

Необходимо подчеркнуть, что Л. Б. Хавкина и Н. А. Рубакин – одни из самых популярных иностранных библиотечников в Болгарии в рассматриваемый период. Особенно силен интерес к Н. А. Рубакину и его библиопсихологии. Она широко популяризируется в разных специализированных периодических изданиях. Болгарские библиотечники и другие интеллигенты между 1912 г. и второй половиной 30-х гг. писали специальные статьи об этом ученом или представляли переводы его трудов. На болгарский язык в 1928 г. было переведено «Руководство для небольших и средних библиотек» Л. Б. Хавкиной. Впрочем, это и есть единственная

иностранный язык по организации библиотечного дела, доступная на болгарском языке в рассматриваемый период.

Пионеры болгарской библиотечной мысли – люди с различной основной профессиональной квалификацией: Стоян Аргиров – филолог; Ячо Хлебаров и Добрин Василев – юристы; изучал право, но не закончил курс Васил Класанов; Борис Дякович изучал право, историю и археологию. Единственно у Маргариты Димчевской есть специальное библиотечное образование (она получила диплом в Лондоне и специализировалась в США). Специальная библиотечная квалификация и у Тодора Борова, которую он получил в Берлине (1924–1927) после окончания славянского факультета Софийского университета. Один из активных библиотечных деятелей, Владимир Орозов, пропагандист американского типа публичной библиотеки, по профессии был инженером.

Важное условие развития библиотечных наук и практики – формирование библиотечной печати. Среди нескольких попыток ее создания самое большое значение завоевали журналы «Книжовник» («Книжный деятель») Ячо Хлебарова – 1910 г., «Българска книга» – 1930 г. Тодора Борова, «Библиотечна мисъл» – 1926 г. и «Библиотекар» – 1938 г. (оба В. Класанова) и, конечно, журнал «Читалище», 1911 г., орган Верховного читалищного союза. Благодаря своему журналу, региональными периодическими изданиями, ежегодными конгрессами, лекторской деятельности и библиотечными курсами Союз сыграл огромную роль в развитии болгарской библиотечной науки и практики.

Параллельно с этими процессами, в период от начала XX в. до середины 40-х гг. формировалась болгарская библиография. Пионер в этой деятельности – языковед Александр Теодоров-Балан (1859–1959), который составил первую национальную ретроспективную библиографию «Българска книгопис за 100 лет» (1907). В эти годы появились разные отраслевые библиографии, бюллетени текущей национальной библиографии и др. Библиографы и библиотечные деятели прилагали усилия по созданию национальной библиографической деятельности. Впервые профессор Балан в 1918 г. создал Библиографический институт, объединяя интеллигентов-гуманитариев, университетских профессоров и публицистов. Эта попытка не увенчалась успехом из-за тяжелых послевоенных условий в стране. Второй раз на основе частной инициативы, но уже с полным содействием государства, в 1941 г. был создан Болгарский библиографический институт. Его директором выбран Тодор Боров.

Весь этот период на страницах специализированных изданий, как в периодике, так и в самостоятельных изданиях, а также и в разных лекториях формировались основные положения болгарской библиотечной мысли и практики. Болгарская библиотечная общественность дискутировала и формировала представления о типах каталогов и практике каталогизации, об организации библиотечного обслуживания, о роли библиотечной статистики, специфике и задачах отдельных видов библиографии. Большое внимание уделялось вопросам организации общедоступных библиотек, финансированию библиотечной сферы. Убедительно была аргументирована необходимость изучения читателя, значение библиотечной психологии, а также введение стандартизации и унификации в библиотечное дело. Были рассмотрены и основные аспекты библиотечного строительства.

Чтение и читатели

В данный период наблюдается устойчивый процесс медленного, но четко выраженного расширения круга читателей. Одно из условий его осуществления – заметное повышение грамотности населения и роль школы как места, формирующего навыки чтения. Уровень грамотности (за исключением детей в возрасте до 7 лет) в этот период возрос с 45% (1900) до 79% (1934) у мужчин и с 14% до 57% у женщин.

Вопросы чтения, читателей и вида требуемых книг – были одними из основных на страницах библиотечной печати. Они являлись объектом постоянного внимания представителей интеллигенции – писателей, публицистов, журналистов и др. Некоторые ведущие библиотеки в стране – в Пловдиве, Плевене, Варне превратились в центры исследования чтения.

Однако фактически подтвержденные выводы стали появляться только в конце 20-х гг. Они явились результатом отдельных, некоординированных усилий библиотечников, педагогов, общественников. На основе исследований конца 20-х – середины 30-х гг., проведенных в Пловдиве, Плевене, Варне, Трояне и дополненных некоторыми сведениями из Велико Тырново и Софии, формируется сравнительно правильная и удовлетворительная представительная картина чтения. Исследователи интересовались прежде всего профилем читателя и видом поиска книг в библиотеках. Материалы исследования читателя и чтения содержались и в проводящихся некоторыми газетами и журналами анкетах о самой читаемой или любимой книге.

Наблюдения за читающей публикой показали, что она сравнительно ограничена. Независимо от значительного числа литературных изданий, начавших выходить с начала первого десятилетия века, в целом круг чтения, даже среди интеллигенции, ограничен. Самый распространенный вид чтения – образовательный, за ними следует чтение для удовольствия. Отчетливо формируется еще совсем небольшая прослойка, читающая по профессиональным причинам. Отдельные статистические данные показывали, хотя и весьма ограничено, основные тенденции при чтении. Так например, в 1937 г. болгарские читалища выдали всего 1 111 594 книг на дом 665 349 читателям, т. е. в среднем меньше двух книг на одного человека. Статистика показывает, что у читалищ было 2 897 799 читателей (под этим следует понимать число посещений).

Все исследователи чтения указывали на значительную функциональную неграмотность грамотного населения. Четко видна прямая связь между материальным положением и интересом к книге. Исследование домашних библиотек (Цвятко Петков, 1927) и хозяйственных бюджетов сельских домашних хозяйств (Христина Мочева, 1936/1937) в рамках одного десятилетия показывает такую корреляцию. Наблюдения Петкова, как и Димитрия Гаврийского и других авторов подтверждают, что читающую прослойку массовой назвать нельзя, что в сущности читают определенные круги населения.

Самое значительное исследование читательской публики провела в 1927 г. Елисавета Живкова-Пеева в Пловдивской народной библиотеке. Это исследование показало преобладание молодых читателей – школьников старших классов и студентов; читалась прежде всего болгарская и переводная иностранная художест-

венная литература. Прочитанные заглавия преимущественно относились к сфере обязательной учебной литературы. Этим объясняется постоянное присутствие некоторых классических произведений – Гомера, Сервантеса, Шекспира, Мольера, Гете, Гюго. Из иностранной переводной художественной литературы наиболее читаемыми оказались русские и французские авторы. За ними следуют немецкие и английские.

Другие исследования и наблюдения подтверждают выводы Пеевой. Опрос читателей, проведенный газетой «Литературен глас» («Литературный голос») в 1928 г., подтвердил значительную часть выводов Пеевой, не конкретизируя, идет ли речь о чтении в библиотеках или вне их.

Распространенным является наблюдение, что среди читающей аудитории выделяется так называемое «дамское чтение» – активное чтение современной переводной литературы (в основном романов) среди сравнительно образованных или более продвинутых в социальном отношении женщин.

Библиотечная статистика показывает, что главным образом читаются книги на болгарском языке, далее следуют русский и французский, затем немецкий и совсем слабо представлен английский язык.

Ряд литераторов и других авторов сильно критиковали состояние чтения. Указывалось на бессистемность и случайность. Социолог Иван Хаджийски и библиотек-овед Стефан Станчев остро критиковали библиотечную статистику за отсутствие полноты и частую недостоверность.

Библиотечные деятели, как и представители литературной среды, прилагали большие усилия для расширения круга читателей и воспитания интереса и позитивного отношения к чтению, а также для развития читательского вкуса. Особенную активность в этом отношении проявляли представители Верховного читалищного союза. Отдельные инициативы принесли и определенные результаты.

С конца 20-х гг. в деятельность по популяризации книг и чтения включается и Министерство народного просвещения. С 1927 г. оно утверждает день, а позже и неделю книги. В годы Второй мировой войны поощрение чтения и его массовости стало официальной государственной политикой. Большое внимание уделялось работе с сельским населением – поощрение чтения стало частью так называемых культурных недель села. Поощрялось чтение и среди фабричных рабочих – открывались библиотеки в разных промышленных предприятиях. Чтение превратилось в часть пропагандистской деятельности мероприятий «Труд и радость», осуществляемых под руководством государства.

Начало перемен

К началу 40-х гг. картину в библиотечной и читательской сфере можно характеризовать так: постепенное совершенствование библиотечного дела, поступательное расширение круга читателей и интереса к книге. Эти процессы происходили на фоне расширения издательской продукции и повышения роли государства в развитии библиотечной сферы и поощрения чтения.

Однако читательская публика все еще была относительно ограничена, имела место и значительная функциональная неграмотность.

Успехи, особенно в области библиотечной деятельности, преимущественно являются делом энтузиастов. Были достигнуты некоторые несомненно прочные ус-

пехи в формировании библиотечной мысли, подготовке библиотекарей и построении первых современных библиотечных зданий.

С политической переменой осенью 1944 г. ситуация резко изменилась. Новая государственная власть взяла на себя процессы культуры, в том числе книгоиздание и библиотечное дело. Было создано министерство, под юрисдикцию которого попала и культура, соответственно, книгоиздание и библиотеки – Министерство пропаганды (Министерство информации и искусств). Одновременно новый режим проводил политику интенсивного обучения грамоте. Произошло резкое повышение тиражей книг. Постепенно был осуществлен переход и к другим формам популяризации чтения: читательские вечера, обсуждение книг, встречи с писателями и др., причем эти мероприятия почти обязательно проводились на рабочем месте. В целях мобилизации масс для поддержки политики новой власти книга, чтение и библиотеки получили важную роль. Произошло расширение деятельности Болгарского библиографического института. Формировались идеи введения специального библиотечного образования. Все эти перемены происходили в период с осени 1944 до весны 1948 г., когда уже интенсивно изменилась картина в области библиотек и чтения. Наступил период коммунистического режима, создания культурных учреждений и проведения культурной политики по советскому образцу, посредством специализированного ведомства – Комитета по науке, искусству и культуре. Для него было характерно полное подчинение библиотечной политики руководству Коммунистической партии. В то же время интенсивно создавались новые региональные библиотеки, увеличивалось число книг в библиотеках, чтение поощрялось и превращалось в одну из основных культурных ценностей.

Реорганизация

В рассматриваемый период создавалась и оформлялась болгарская библиотечная и библиографическая мысль. Формировались ясные представления о способе финансирования библиотек, о системе организации каталогов, о библиотечной статистике, об условиях, которым должны отвечать библиотечные здания, о возможных, подходящих для страны образцах за границей; осознавалась необходимость в специализированном библиотечном образовании и др.

Проводились первые научно организованные исследования чтения. Велись интенсивные дебаты о нуждах библиотек, о состоянии чтения, о его роли и значении.

Постепенно развивалась библиотечная сеть. Увеличивалось участие и возрастал интерес государства к библиотечной сфере.

Осуществлялся в целом процесс приобщения к самым актуальным иностранным идеям и практическим достижениям.

Л. И. Горская

О влиянии реорганизации РАН на методiku библиографирования ее изданий

Дана характеристика современной структуры Российской академии наук. Определены проблемы библиографирования изданий Академии наук в условиях перестройки ее структуры и состава. Уточнены критерии отбора документов. Рассмотрены подходы к структурированию потока изданий РАН. Описан опыт создания базы данных авторитетных файлов «Учреждения РАН».

Ключевые слова: Российская академия наук, РАН, реорганизация Российской академии наук, Библиотека Российской академии наук, издания Академии наук, библиографирование изданий Академии наук, авторитетные файлы

Larisa I. Gorskaya

About the influence of the reorganization of RAS on the methodology of bibliographic reflection its editions

Characterized the contemporary structure of the Russian Academy of Sciences. Defined the problems of bibliographic reflection of publications of Academy of Sciences in conditions of reorganization of its structure and membership. Refined selection criteria documents. The approaches to structuring of these editions are considered. Described the attempt of creation of the database authority files «The Institutions of RAS».

Keywords: The Russian Academy of Sciences, RAS, reorganization of The Russian Academy of Sciences, The Library of the Russian Academy of Sciences, publications of Academy of Sciences, bibliographic reflection of publications of Academy of Sciences, authority files

«Библиография изданий Академии наук» – уникальный библиографический проект Библиотеки Академии наук, кумулирующий научный потенциал отечественного академического сообщества на протяжении 60 лет.

К выпуску ежегодных библиографических указателей изданий Академии наук СССР БАН приступила в 1931 г. На первом этапе в свет вышло всего четыре указателя – за 1931–1933 гг.¹ Несмотря на то, что в дальнейшем возможностей для публикации не было, работа по их созданию продолжалась. Указатели за последующие годы дошли до нас в машинописном виде и в виде картотек. Эти материалы хранятся на правах рукописей в Академическом собрании Отдела изданий Академии наук БАН. В течение 2006–2010 гг. в рамках серии «Мемориальный проект» после доработки и редактирования машинописных указателей за 1941–1945 гг. были изданы 5 томов ежегодника за военный период².

Наладить систематический выпуск библиографических указателей «академических» изданий удалось лишь во второй половине 1950-х гг. Задача нового Ежегодника, первый том которого был издан в 1957 г.³, состояла в организации системы

регулярной информации о новейшей научной литературе, опубликованной учреждениями Академии наук СССР.

Традиционно библиографирование изданий Академии наук базируется на применении формального критерия отбора объектов библиографического отражения в соответствии с их ведомственной принадлежностью к сети академических учреждений. Ведомственная принадлежность является одним из существенных типологических аспектов изданий Академии наук, который позволяет включать в библиографируемый поток разнообразные типы документов, подготовленные в учреждении, входящем в состав Академии наук и изданные под грифом данного учреждения или Академии наук⁴. Традиционно это – все издания, за исключением газет, учебников для средних школ и мелких изданий типа проспектов, календарей, планов и т. п.

Первоначально каждый том включал издания АН СССР, вышедшие в свет и поступившие в БАН за истекший год, впоследствии – издания, подготовленные и выпущенные учреждениями Российской академии наук, в том числе совместно с другими научными учреждениями и поступившие в БАН в истекшем году. Год, указанный в заглавии библиографического указателя, обозначает период поступления издания в БАН, поэтому в одном томе встречаются публикации разных лет. Такой подход является весьма распространенным при подготовке печатных версий текущих библиографических указателей, так как позволяет решить вопрос с учетом изданий, опубликованных за истекший год, но поступивших в организацию с задержкой в 1–3 года, обеспечивая таким образом полноту библиографического отражения документального потока.

Материал библиографического указателя распределялся по научным учреждениям Академии наук, ответственным за подготовку и выпуск изданий. Научные учреждения группировались в соответствии со структурой Академии. Под рубрикой научного учреждения материал располагался в порядке алфавита авторов и заглавий. Следует отметить, что аналитическая роспись сборников и трудов делает этот указатель поистине уникальным источником информации, нигде более не учитываемой с такой полнотой и систематичностью.

Изменения в политической и экономической жизни России 1990-х гг. стали причиной прекращения издания Ежегодника. В 1995 г. был опубликован последний перед длительным перерывом 38 том «Библиографии изданий Российской академии наук»⁵.

Однако работа по составлению библиографического указателя не прекращалась. Два тома (т. 39, т. 40) были подготовлены в машинописном варианте и изданы в дальнейшем в рамках «Мемориального проекта»⁶.

С 1994 г. библиографы Отдела изданий Академии наук приступили к описанию документов, входящих в Ежегодник, в электронном виде с помощью пакета прикладных программ CDS\ISISM (DOS). Электронный массив данных включал несколько библиографических баз данных, связанных с массивом авторитетных данных «Структура учреждений РАН».

С 1994 г. по 2008 г. было введено свыше 120 000 записей. Предполагалось, что результатом этой работы станет вывод на печать традиционного ежегодного библиографического указателя. В 1999 г. в качестве пилотного проекта в среде

DOS-ISIS подготовлен CD-ROM «Библиография изданий Российской академии наук. Том 41». Однако сформировать печатные версии из накопленных массивов так и не удалось. Поэтому перед коллективом Отдела изданий Академии наук встала важнейшая задача сохранения результатов многолетнего труда и доведения их до пользователей.

В начале XXI в. появилась надежда на решение этих задач с помощью пакета прикладных программ WinISIS (версия 1.5-3). Разрабатываемый с 2001 г. на его основе многобазовый массив ОИАН содержал библиографические, справочные, авторитетные и технологические БД. Но желаемый результат и в этот раз не был достигнут.

В 2010 г. сотрудники Отдела изданий Академии наук и Отдела автоматизации БАН предприняли еще одну попытку автоматизировать технологию создания «Библиографии изданий РАН» теперь уже с помощью системы ИРБИС⁷. Основой структурирования массива библиографических записей стал авторитетный файл наименований организаций РАН. Для его создания были тщательно проанализированы традиционные правила составления Ежегодника, структура Российской академии наук, уточнены наименования всех ее учреждений и в 2011 г. введен основной массив данных. Система, адаптированная сотрудниками Отдела автоматизации под задачи библиографического отражения изданий Академии наук, позволила довольно успешно продвигаться не только по пути реанимирования накопленных библиографических массивов, но и значительно упростила текущее библиографирование. Открывшиеся технологические возможности позволяли надеяться на восстановление в ближайшее время оперативного систематического библиографирования потока изданий. Но развернувшаяся с 2013 г. реорганизация академического сектора российской науки принесла библиографам новые проблемы, связанные с применением главного критерия отбора документов и способа структурирования массива библиографических записей по ведомственной принадлежности изданий к сети академических учреждений.

Российская академия наук, построенная по научно-отраслевому и территориальному принципу, представляет собой иерархическую систему, состоящую из Президиума, отраслевых, региональных отделений и научных центров. Также при Академии состоят научные советы, комитеты, комиссии, организуемые в порядке, устанавливаемом Президиумом РАН. Академия наук тесно связана со всей системой научных исследований и высшего образования России.

Но структура РАН – величина непостоянная. На протяжении почти трех столетий существования Академии неоднократно менялись ее задачи, статус и состав.

Инициированная в 2013 г. Правительством Российской Федерации реорганизация академического сектора российской науки повлекла за собой перестройку всей системы академических учреждений в стране.

Эта система до 2013 г. включала 6 академий: Российскую академию наук (РАН), Российскую академию медицинских наук (РАМН), Российскую академию сельскохозяйственных наук (РАСН), Российскую академию образования (РАО), Российскую академию архитектуры и строительных наук (РААСН) и Российскую академию художеств (РАХ).

На первом этапе в соответствии с федеральным законом № 253-ФЗ от 27 сентября 2013 года «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были объединены три академии – Российская академия медицинских наук, Российская академия сельскохозяйственных наук вошли в состав Российской академии наук⁸. Организации, находившиеся в ведении трех ранее независимых академий, были переданы в ведение специально созданного федерального органа исполнительной власти. Таким органом стало Федеральное агентство научных организаций (ФАНО) России, образованное в соответствии с указом Президента Российской Федерации в 2013 году⁹. ФАНО России осуществляло функции по нормативно-правовому регулированию и оказанию государственных услуг, предоставляемых подведомственными организациями, в области науки, образования, здравоохранения и агропромышленного комплекса, а также функции и полномочия учредителя и собственника федерального имущества, закрепленного за подведомственными ему организациями.

Следующим этапом реформы Российской академии наук стало объединение ее научных учреждений. В 2015 г. Правительством Российской Федерации согласован первый План реструктуризации научных организаций, подведомственных ФАНО, повлекший создание ряда новых научных конгломератов – федеральных (национальных) исследовательских центров (ФИЦ) и федеральных научных центров (ФНЦ) на базе реорганизации и слияния академических научных институтов. Согласно плану, было предусмотрено создание 23 федеральных исследовательских и научных центров с участием 115 научных организаций.

В 2015–2016 гг. последовали наиболее значительные изменения всей системы академических учреждений. В этот период создан ряд Федеральных исследовательских центров, например, ФГУ «ФИЦ „Информатика и управление“ Российской академии наук», ФГБУН «ФИЦ питания, биотехнологии и безопасности пищи», ФГУ «ФИЦ „Фундаментальные основы биотехнологии“ Российской академии наук» и др. К концу 2017 г. в Едином государственном реестре юридических лиц были зарегистрированы 21 Федеральный исследовательский (научный) центр.

В апреле 2018 г. на сайте ФАНО опубликованы Дополнения к Плану реструктуризации научных учреждений на 2018 г.¹⁰ Данный документ определял порядок реструктуризации академических учреждений преимущественно аграрного сектора (всего 81 проект, затрагивающий огромное количество научных учреждений центрального и регионального уровней).

Реорганизация академических учреждений привела к общей нестабильности академического сектора науки, в условиях которой выявление учреждений, некогда считавшихся академическими, стало проблематичным. Между тем, литература, подготовленная и выпущенная новыми научными объединениями, в том числе сельскохозяйственного и медицинского профиля, активно поступала в ОИАН БАН. С другой стороны, все чаще название Российской академии наук используется как бренд издания, без привязки его к какому-либо традиционному структурному подразделению.

Установить состав и количество учреждений, подведомственных ФАНО, помогли сведения, представленные на сайте Федерального агентства (раздел «Откры-

тые данные»). Впервые перечень подведомственных организаций был утвержден в 2013 г. В общей сложности он включал 1007 федеральных государственных учреждений и унитарных предприятий¹¹. В течение следующих 5 лет существования ФАНО состав и количество подведомственных ему предприятий неоднократно менялись. В начале 2018 г. Перечень насчитывал 602 учреждения, включая организации социальной сферы. Для уточнения сведений можно обратиться к приказу ФАНО № 157 от 30.03.2018, в котором перечислены в общей сложности 454 научные организации, распределенные по трем категориям¹².

Информация, представленная на различных ресурсах второго участника процесса реорганизации – РАН, также не отличается точностью и определенностью.

В настоящее время РАН осуществляет только научно-методическое руководство бывшими академическими институтами. Впрочем, даже эта функция во многом формальна. Порядок утверждения планов научно-исследовательских работ, закрепленный в «Регламенте взаимодействия Федерального агентства научных организаций и федерального государственного бюджетного учреждения „Российская академия наук“ по рассмотрению и согласованию планов проведения научных исследований, разрабатываемых научными организациями, созданными в форме бюджетных и автономных учреждений и подведомственными Федеральному агентству научных организаций, для формирования их государственных заданий на проведение фундаментальных научных исследований на 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов» (от 28.04.2018 г.), включал процедуру их представления в ФАНО.

Современная структура РАН условна. Академия формально включает 13 отделений по областям и направлениям науки, 3 региональных отделения и 14 региональных научных центров. Список отделений РАН и перечень научных организаций, относящихся к каждому отделению и научному центру, представлен на портале Российской академии наук¹³. Сведения данного ресурса, к сожалению, не всегда актуальны и точны.

Не слишком проясняет ситуацию и утвержденный в декабре 2016 г. официальный Перечень научных организаций и образовательных организаций высшего образования, в отношении которых РАН осуществляет научно-методическое руководство их научной и научно-технической деятельностью¹⁴. Установить по данному документу количество учреждений, подведомственных РАН, непросто, потому что научные организации приводятся в зависимости от их научно-методической подчиненности разным структурным подразделениям академии.

Следующим, весьма неожиданным и, скорее всего, не последним шагом по пути реорганизации академической науки стало упразднение Федерального агентства научных организаций и передача его функции по нормативно-правовому регулированию и оказанию государственных услуг в соответствующей сфере деятельности, а также функции по управлению имуществом Министерству высшего образования и науки Российской Федерации в соответствии с указом Президента Российской Федерации № 215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 15 мая 2018 года¹⁵.

Изменения состава Академии наук естественны и неизбежны, но с точки зрения процесса библиографирования ее документального потока, сопряжены с не-

малыми трудностями, в том числе, методического характера. Перед БАН стоит непростая задача библиографической кумуляции, сохранения и передачи научного потенциала Российской академии наук в условиях дестабилизации академического сектора науки.

Основным условием решения этой задачи, на наш взгляд, является сохранение традиции подготовки «Библиографии изданий РАН» (независимо от формы существования указателя). Ядром Ежегодника является база авторитетных данных «Учреждения РАН». Следовательно, ее актуализация в соответствии с новыми реалиями становится залогом успешного достижения поставленной цели.

Сотрудниками ОИАН было принято решение о включении в БД информации о зарегистрированных в Едином государственном реестре юридических лиц федеральных исследовательских центрах. Учреждения, входящие в состав ФИЦ, связаны системой ссылочно-отсылочных записей, что помогает установить прежнее название и ведомственную принадлежность каждой организации. Авторитетный файл снабжается по возможности развернутыми примечаниями, устанавливающими источник информации, полное официальное название, историю создания, переименования, реорганизации учреждения с указанием нормативно-правовых документов. Это позволит использовать БД «Учреждения РАН» не только как основу формирования библиографического указателя, но также в качестве источника справочной информации, что представляется особенно актуальным в современных условиях.

Примечания

¹ Издания Академии наук СССР за 1930 г. : библиогр. указ. / АН СССР, Б-ка. Л., 1931. 106 с.; Библиографический указатель изданий, опубликованных АН СССР в 1931 г. / АН СССР, Б-ка. Л., 1932. XVI, 131 с.; Библиографический указатель изданий, вышедших в Академии наук СССР в 1932 г. / АН СССР, Б-ка. Л., 1935. 172 с.; Библиографический указатель изданий, вышедших в Академии наук СССР в 1933 г. / АН СССР, Б-ка. Л., 1936. VIII, 170 с.

² Библиография изданий Академии наук СССР, 1941–1945: ежегодник / РАН, Б-ка РАН; [рук. проекта Н. В. Колпакова; ред. совет: Баженова Н. М., Дроздова О. В., Кудрявцева В. П., Кульматова Т. В. (отв. сост.), Леонов В. П., Пономарева Н. В. (библиогр. ред.), Шестаков Ю. В., Юдахина О. Г.]. СПб.: БАН: Альфарет, 2007. (Мемориальный проект). Вып. 1: 1941 год. 2006. 660 с. Издан единственным тиражом в качестве презентационного экземпляра; выпуск основного тиража состоялся в 2010 г.; То же. Вып. 1: 1941 год. 2010. 658 с.; Вып. 2: 1942 год. 2007. 250 с.; Вып. 3: 1943 год. 2008. 280 с.; Вып. 4: 1944 год. 2009. 303 с.; Вып. 5: 1945 год. 2010. 352 с.

³ Библиография изданий Академии наук СССР: ежегодник: т. I: Издания, вышедшие из печати в 1956 г. / Б-ка Акад. наук СССР; [сост.: Э. А. Кононова при участии Д. С. Березиной; под ред. С. П. Луппова, К. И. Шафрановского]. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 343 с.

⁴ Пономарева Н. В. Проблема типологии изданий Академии наук // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 201. С. 182–185.

⁵ Библиография изданий Российской академии наук: ежегодник: т. XXXVIII: Издания, поступившие в БАН в 1993 г. / РАН, Б-ка РАН ; сост.: В. А. Васильева, М. В. Воронова, Ж. Г. Шигаева ; под ред. В. П. Леонова. СПб. : БАН, 1995. 640 с.

⁶ Библиография изданий Российской академии наук: 1994–2004: ежегодник / РАН, Б-ка РАН; [рук. проекта В. П. Леонов; ред. совет: Н. М. Баженова, Н. В. Колпакова, В. П. Леонов,

Ю. В. Шестаков, О. Г. Юдахина; оформление проекта: В. Е. Попова, А. В. Ухвалова]. СПб. : БАН: Альфарет, 2006. (Мемориальный проект). Вып. 1: 1994 год. 2006. 697 с.; Вып. 2: 1995 год. 2011. 776 с.

⁷ Горская Л. И., Белинская М. А. Применение авторитетных файлов для создания библиографического указателя // Библиографические чтения памяти К. И. Шафрановского (1900–1973): сб. тр. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 17 окт. 2011 г. СПб., 2014. С. 178–194.

⁸ Российская Федерация. О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон [№ 253-ФЗ]; [принят Гос. Думой 18 сент. 2013 г.: одобр. Советом Федерации 25 сент. 2013 г.: в ред. от 29.07.2017 г. № 219-ФЗ] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102439957&backlink=1&nd=102167990> (дата обращения 12.11.2018).

⁹ Российская Федерация. Президент. О Федеральном агентстве научных организаций: указ Президента Рос. Федерации от 27 сент. 2013 г. № 735 // Рос. газ. [Электронный ресурс]. 2013. № 6194 (218). URL: <https://rg.ru/2013/09/27/fano-site-dok.html> (дата обращения 12.11.2018).

¹⁰ ФАНО России [Электронный ресурс]. URL: <http://fano.gov.ru/ru/about/fano/index.php> (дата обращения 12.11.2018).

¹¹ Перечень организаций, подведомственных ФАНО России: [утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 2591-р] // ФАНО России URL: http://fano.gov.ru/ru/documents/card/?id_4=65738 (дата обращения 12.11.2018).

¹² Об отнесении научных организаций, подведомственных Федеральному Агентству научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, к соответствующей категории научных организаций: [приказ ФАНО № 157 от 30.03.2018] // ФАНО России. URL: <http://fano.gov.ru/ru/documents/> (дата обращения 12.11.2018).

¹³ Структура Российской академии наук // Российская академия наук URL: <http://www.ras.ru/sciencestructure/departments.aspx> (дата обращения 12.11.2018).

¹⁴ Перечень научных организаций и образовательных организаций высшего образования, в отношении которых РАН осуществляет научно-методическое руководство их научной и научно-технической деятельностью: Приложение к постановлению президиума РАН от 13 декабря 2016 г. № 224 // Российская академия наук. URL: http://www.ras.ru/viewnumbereddok.aspx?id=df9fc8cd-f0d9-412e-ad88-a4e019211d60&_Language=ru (дата обращения 12.11.2018).

¹⁵ Российская Федерация. Президент. О структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента Рос. Федерации от 15 мая 2018 г. N 215 // Рос. газ. 2018. № 7567 (104). URL: <https://rg.ru/2018/05/15/struktura-site-dok.html> (дата обращения 12.11.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ • INFORMATION ABOUT AUTHORS

Александрова Оксана Александровна
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра документоведения и информационной аналитики
Aleksandrova Oksana Aleksandrovna
St. Petersburg State University of Culture
PhD in pedagogics
oksalal@yandex.ru

Андреева Александра Николаевна
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
главный библиограф группы литературы по филологии, педагогике и искусству
Информационно-библиографического отдела
Andreeva Aleksandra Nikolaevna
National Library of Russia
andreeva@nlr.ru

Базанов Петр Николаевич
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
доктор исторических наук, доцент
кафедра документоведения и информационной аналитики
Bazanov Petr Nikolaevich
St. Petersburg State University of Culture
doctor in history, associate professor,
bazanovpn@mail.ru

Бекжанова Наиля Вилевна
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург
кандидат педагогических наук
Bekzhanova Nailia Vilevna
Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg
PhD in pedagogics
bekzan17@rambler.ru

Гиляревский Руджеро Сергеевич
Всероссийский институт научной и технической информации РАН
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор
Gilyarevskiy Ruggero Sergeevich
All-Russia Institute for Scientific and Technical Information, Moscow State University
Honored worker of science of the RF, doctor in philology, professor,
giliarevski@viniti.ru

Горская Лариса Игоревна

**Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург
кандидат педагогических наук**

Gorskaya Larisa Igorevna

The Russian Academy of sciences Library

PhD in pedagogics,

lvaganova@yandex.ru

Гринченко Наталья Александровна

**Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
кандидат филологических наук**

Grinchenko Natalia Aleksandrovna

National Library of Russia

PhD in philology

books@nlr.ru

Димьяненко Анна Андреевна

**Санкт-Петербургский государственный институт культуры
кафедра литературы и детского чтения**

Dimenenko Anna Andreevna

St. Petersburg State University of Culture

Department of literature and children's reading

ann.dimyanenko@gmail.com

Донченко Наталья Григорьевна

**Санкт-Петербургский государственный институт культуры
доцент
кафедра библиотековедения и теории чтения**

Donchenko Natalia Grigorjevna

St. Petersburg State University of Culture

associate professor

zaobif@rambler.ru

Дракулич-Прийма Драгана

**Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург
кандидат филологических наук**

Drakulić-Priima Dragana

The Russian Academy of sciences Library

PhD in philology

dpdragana@rambler.ru

Ильина Ольга Николаевна

**Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
кандидат педагогических наук, доцент**

Ilina Olga Nikolaevna
National Library of Russia
PhD in pedagogics
o_ilina@mail.ru

Климовицкая Ирина Игоревна

Мемориальный Фонд Фаберже, Санкт-Петербург

Klimovitskaya Irina Igorevna
Faberge Memorial Foundation
irina.klimovitskaya@gmail.com

Куликова Ангелина Викторовна

**Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
аспирант**

Kulikova Angelina Victorovna
National Library of Russia
post graduate student
angelina-alvidas@yandex.ru

Куманова Александра Венкова

**доктор педагогических наук, профессор
Государственный университет библиотековедения
и информационных технологий, София, Болгария.**

Kumanova Alexandra Venkova
University of Library Studies and Information Technologies,
Sofia, Bulgaria
PhD in pedagogics, professor
alexkum@abv.bg

Леликова Наталия Константиновна

**Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
доктор исторических наук**

Lelikova Natalia Konstantinovna
National Library of Russia
doctor in history
lelikova@nlr.ru

Лизунова Ирина Владимировна
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения РАН, Новосибирск
доктор исторических наук

Lizunova Irina Vladimirovna
State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk
doctor in history
2004liv@ngs.ru

Маркова Виктория Анатольевна
Харьковская государственная академия культуры,
Харьков, Украина
профессор, доктор наук по социальным коммуникациям,
заведующий кафедрой
кафедра журналистики

Markova Victoria Anatoljevna
Kharkov State Academy of Culture, Kharkov, Ukraine
doctor of social communication, professor
vicmark777@gmail.com

Патрушева Наталья Генриховна
доктор исторических наук
заведующий сектором книговедения отдела редких книг
Российской национальной библиотеки

Patrusheva Natalia Genrikhovna
National Library of Russia
doctor in history
patrusheva@nlr.ru

Петров Кирилл Владимирович
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
кандидат филологических наук
кафедра документоведения и информационной аналитики
Petrov Kirill Vladimirovich
St. Petersburg State University of Culture
PhD in philology
kirill435@mail.ru

Поппетров Николай Пейчев

**Институт исторических исследований Болгарской Академии наук,
София, Болгария**

Poppetrov Nikolay Pejchev

Institute for Historical Studies of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria.

poppetrov@mail.bg

Прохоренко Анита Витальевна

**Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург
кандидат культурологии**

Prokhorenko Anita Vitaljevna

Library of the Russian Academy of Sciences

PhD in culturology

anita138807@gmail.com

Рац Марк Владимирович

Иерусалим, Израиль

доктор геолого-минералогических наук, профессор

Ratz Mark Vladimirovich

Jerusalem, Israel.

PhD of geologo-mineralogical sciences professor

ratz.mark@gmail.com

Русинова Евгения Стефанова

**Государственный университет библиотековедения
и информационных технологий, София, Болгария**

доктор, кандидат педагогических наук, доцент

Rusinova, Evgenia Stefanova

State University of Library Science and Information Technologies, Sofia, Bulgaria

PhD in history., associate professor

rusinova_evgenia@mail.bg

Свиченская Мария Константиновна

**Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
кандидат филологических наук**

Svichenskaya Maria Konstantinovna

National Library of Russia

PhD in philology

mswitch2016@gmail.com

Стаф Ирина Карловна
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва
кандидат филологических наук

Staf Irina Karlovna
A. M. Gorky Institute of World Literature
of Russian Academy of Sciences, Moscow
PhD in philology
irina.staf@gmail.com

Уткоф Анна Юрьевна
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
аспирант
кафедра документоведения и информационной аналитики

Utkof Anna Jurjevna
St. Petersburg State University of Culture
post graduate student
an.utkof2010@yandex.ru

Фирсова Наталья Федоровна
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
кандидат искусствоведения

Firsova Natalia Fedorovna
National Library of Russia
PhD in History of Arts
onizfirsova@yandex.ru

Эльяшевич Дмитрий Аркадьевич
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой
кафедра документоведения и информационной аналитики

Elyashevich Dmitry Arkadjevich
St. Petersburg State University of Culture
doctor in history, professor
dmitry@elyashevich.ru